

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

На правах рукописи

Проскурнова Ксения Юрьевна

**Институты пространственного развития
как инструмент преодоления региональных диспропорций**

Специальность 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
(региональная экономика)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора экономических наук

Научный консультант:
доктор экономических наук, профессор
Леонтьева Лидия Сергеевна

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОСТРАНСТВЕННОМУ РАЗВИТИЮ РЕГИОНОВ	25
1.1. Классические и современные концепции пространственной организации регионов.....	25
1.2. Факторы, определяющие пространственную организацию региона	53
1.3. Институты как элемент пространственного развития региона	61
ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПЕРЕХОДА РЕГИОНОВ ОТ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ К ПРОСТРАНСТВЕННОМУ РАЗВИТИЮ	79
2.1. Исследование соотношения территориального и пространственного планирования в региональном развитии.....	79
2.2. Институциональная составляющая пространственного развития регионов	97
2.3. Схемы территориального планирования как институт пространственного развития	106
ГЛАВА 3. ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ДИАГНОСТИКЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ	122
3.1. Методика анализа уровней пространственного планирования региона	122
3.2. Типологизация институтов пространственного развития.....	147
ГЛАВА 4. РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ ВОЛЖСКОГО МАКРОРЕГИОНА	169
4.1. Методика оценки влияния действующих институтов на пространственное развитие регионов	169
4.2. Выявление институциональных ловушек пространственного развития регионов	190
4.3. Методика оценки совокупного потенциала региона с учетом корректирующего коэффициента пространственного развития	204

ГЛАВА 5. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНСТИТУТОВ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДИСПРОПОРЦИЙ ВОЛЖСКОГО МАКРОРЕГИОНА	219
5.1. Типологизация регионов по критерию пространственного развития	219
5.2. Разработка базового набора институтов пространственного развития регионов.....	230
5.3. Инструменты взаимодействия институтов пространственного развития для преодоления региональных диспропорций.....	244
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	262
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	266
Приложение А. Результаты расчета средних темпов роста показателей по 5-летним периодам в 1990-2020 годы (1990 г. – базовый) для Волжских регионов	326
Приложение Б. Результаты расчета средних темпов роста показателей 5-летнего периода в 2018-2022 годы (2018 г. – базовый)	333
Приложение В. Результаты расчета средних темпов роста показателей и коэффициента пространственного развития Магаданской, Ярославской областей, Забайкальского, Краснодарского, Приморского и Хабаровского краев в 2018-2022 годы	336

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Государственная региональная политика ориентирована на обеспечение устойчивого развития и недопущение разрыва в уровне социально-экономического состояния территорий. Взаимосвязи экономических и социальных процессов проявляются в том, что повышение уровня и качества жизни населения может сопровождаться увеличением уровня благосостояния, определяемого экономическим ростом. В то же время экономическое развитие зависит как от уровня профессиональной подготовки, образования, степени удовлетворенности потребностей населения и распространенности предпринимательских способностей, так и от институциональных условий осуществления экономических процессов. Важным элементом обеспечения социально-экономического развития становятся пространственная организация территорий и происходящие в ней изменения.

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года отмечено влияние внутренних и внешних факторов на пространственную организацию страны, произошедшее в последние три десятилетия, что вызвало региональное социально-экономическое неравенство, требующее стимулирования развития отстающих территорий для сокращения межрегиональных различий¹. В новой версии указанной стратегии на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года отмечено влияние геополитических процессов, приведших к смене ориентации на азиатские рынки и необходимости обеспечения внутреннего спроса продукцией технологичных отраслей. Целевым ориентиром новой стратегии стало обеспечение условий реализации национальных целей развития².

---

¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р: документ утратил силу. Доступ из государственной системы правовой информации «Официальный интернет-портал правовой информации».

² Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. Доступ из государственной системы правовой информации «Официальный интернет-портал правовой информации».

Пространственное развитие регионов в первую очередь способствует реализации таких национальных целей, как «Комфортная и безопасная среда для жизни», «Устойчивая и динамичная экономика» и «Технологическое лидерство», за счет совершенствования размещения производительных сил и развития территорий проживания населения¹. В новой стратегии предусматривается повышение уровня самостоятельности территорий в обеспечении социально-экономического развития не только за счет собственных средств, но также благодаря принятию программ пространственного развития.

Огромные масштабы государства определили уникальные условия функционирования российских регионов, что проявляется в разнообразии природных, климатических, геологических, ландшафтных, исторических, культурных, инфраструктурных, индустриальных условий, что влияет на возможности территорий обеспечивать свое развитие. Региональным властям необходимо постоянно отслеживать изменения геоэкономических и geopolитических ситуаций, связанных с вероятностью перехода неблагоприятных факторов в возможности положительных трансформаций. Примером служит географическое положение Дальневосточных регионов, для которых удаленность от федерального центра в конце XX – начале XXI веков была неблагоприятным фактором, не только сдерживавшим развитие, но и вызывавшим негативные тенденции социально-экономических процессов. Но переключение на азиатские и тихоокеанские рынки сбыта привело к повышению интереса как к Дальневосточным, так и к Арктическим регионам в условиях реализации проекта Северного морского пути.

Объединение территорий в макрорегионы, сформированные по различным критериям – административно-территориальным, географическим, экономическим, культурным и др., – вызывает необходимость учитывать влияние процессов, происходящих во всех макрорегионах, и, наоборот, воздействие принимаемых в регионе решений на другие территории, входящие в совокупность макрорегионов.

---

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309. Доступ из государственной системы правовой информации «Официальный интернет-портал правовой информации».

Рассматриваемая в исследовании группа Волжских регионов отражает эту необходимость. Выбранные Волжские регионы входят в состав трех федеральных округов (административно-территориальный критерий) – Центральный, Приволжский, Южный; трех экономических районов (экономический и отраслевой критерий) – Центральный, Поволжский, Волго-Вятский; трех географических районов (географический критерий) – Верхнее Поволжье, Среднее Поволжье, Нижнее Поволжье и т.д. Несмотря на вхождение в группы разных макрорегионов, решения, принимаемые в одном субъекте Российской Федерации, расположенному на р. Волга, влияют на другие Волжские регионы. Так, например, несогласование периодов спуска воды на каскаде волжских гидроэлектростанций (ГЭС) приводит к подтоплению территорий, расположенных выше по течению реки, что стало причиной подтопления регионов Верхнего Поволжья зимой 2020 г. Необходимость в согласованности хозяйственных, экономических и экологических действий усиливает потребности в развитии институтов межрегионального пространственного взаимодействия. Анализируемый в исследовании Волжский макрорегион включает в себя 13 субъектов Российской Федерации. Согласование действий регионов, расположенных по течению р. Волги, определено необходимостью учета интересов всех территорий, входящих в Волжский макрорегион. В соответствии с положением ст. 3 Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», при разработке документов стратегического планирования макрорегиона требуется выделение отдельных направлений, приоритетов, целей и задач социально-экономического развития¹.

Проведенный анализ трудов отечественных и зарубежных авторов, статистических данных пространственного развития регионов позволил выявить важную народнохозяйственную проблему, отражающую несовершенство механизмов институционального межрегионального взаимодействия как основы сглаживания асимметрии пространственного развития субъектов Российской Федерации.

---

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

Степень разработанности темы. Теоретическое обоснование необходимости разграничения понятий «пространство» и «территория» осуществлены Г.Г. Арутюняном, М.В. Баглаем, А.В. Баяндиным, Е.В. Беляковичем, В.И. Вернадским, И.В. Волк, В.И. Далем, Д.М. Демичевым, У.А. Джабраиловым, Т.Ф. Ефремовой, Е.Г. Зинковым, Л.Л. Зобовой, И.Д. Марковой, С.И. Ожеговым, С.Ю. Павловым, Д. Сайпидиновым, О.К. Слинковой, А.В. Суворовой, В.П. Ухановым, Д.Н. Ушаковым, Р.М. Эмировым, Ж. Бодрийяром, Г. Гегелем, Р. Декартом, И. Кантом, Г. Кельзенем, Г. Лейбницем, Л. Эйлером и др. Однако представленные подходы значительно отличаются друг от друга по определению сущности понятий «пространство» и «территория». Необходимо теоретически обосновать подходы к применению понятий пространства и территории в региональной экономике.

Фундаментальные исследования в области пространственного размещения производительных сил и факторов, влияющих на их распределение, изложены в трудах российских и зарубежных ученых: Р.А. Абрамова, И.Г. Александрова, К.В. Бавиной, П.Я. Бакланова, Н.В. Боровиковой, Е.М. Бухвальда, В.Л. Гербова, А.С. Ермолова, А.Б. Ильина, Н.Н. Киселевой, В.В. Кистанова, Ф.А. Кожиевой, Н.Н. Колосовского, А.И. Конотопова, Г.М. Кржижановского, С.П. Лавщенко, Д.Н. Лапаева, О.Н. Лапаевой, Л.С. Леонтьевой, А.Г. Лиса, Д.И. Менделеева, Н.Н. Некрасова, А.А. Орлянской, К.В. Павлова, Я.С. Поташника, В.А. Савченко, А. Вебера, Г. Гирша, Ч. Джонса, В. Кристаллера, Х.Р. Ласуэна, В. Лаунхардта, А. Лёша, И.Г. фон Тюнена, Ф. Перру, П. Потье, Дж. Фридмена, Р. Холла, Й. Шумпетера и др. Однако современные тенденции размещения производительных сил формируют необходимость более глубокого исследования институциональных факторов пространственной организации регионов.

Институциональные основы пространственного развития представлены в работах таких авторов, как А.А. Аузан, Н.Д. Дроздов, С.Г. Кирдина, Г.Б. Клейнер, В.Е. Сактоев, С.Г. Сорокина, В.Л. Тамбовцев, Д.П. Фролов, А.Р. Цыренов, Е.Д. Цыренова, С. Боулз, Т. Веблен, Дж.Р. Коммонс, Р. Нельсон, Д. Норт, Т. Парсонс, Б. Селигмен, Дж. Сёрл, С. Уинтер, Дж. Ходжсон, Дж.Д. Шаффер и др.

Однако современная социально-экономическая ситуация усиления взаимозависимости и взаимосвязанности регионов нуждается в комплексном исследовании по конкретным институтам пространственного развития, что позволит решать проблемы территорий, входящих в макрорегионы, несмотря на административные границы.

Вопросам формулирования подходов к осуществлению пространственного и территориального планирования посвящены работы таких авторов, как Е.М. Бухвальд, В.В. Генне, И.С. Гуменюк, А.Г. Дружинин, И.А. Ефремова, Е.Ю. Колбовский, О.В. Красовская, О.В. Кузнецова, Г.А. Лебединская, Ю.В. Савельев, Л.М. Симонова, С.В. Скатерщикова, И.А. Соловьева, Ю.В. Спирина, О.В. Толстогузов, В.А. Тюменцев, С.И. Федулова, Д.П. Фролов, С.И. Холявко, А.И. Чистобаев, Н.Г. Юшкова, А. Адэр, Дж. Берри, Н. Блэр, М. Бодди, Ф. Вижье, О. Гнято, Р. Гнято, С. Гнято, Дж. Дрисколл, К. Кример, М. Лау, М. Леннон, Ин Х. Ли, С. МакГрил, Л. Петерссон-Форсберг, М. Скотт, С. Станоевич, Л. Сун, Н. Тейлор, Р. Харрисон, Х. Хикман, Е. Хон и др. В большинстве представленных работ категории пространственного и территориального планирования рассматриваются как синонимы, однако современная социально-экономическая ситуация диктует необходимость уточнения соотношения между содержанием инструментов пространственного и территориального планирования.

Исследования зарубежных авторов, таких как Ф.М. Гончалвес, М. Дабровски, В. Зонневельд, Я. Лю, Э. Маттеи, К.Д. Мокгото, Н.Дж. Мокоэле, С.А. Монама, В. Надин, К. Пишкорек, Л. Ройер, Р. Рокко, Д. Стед, А.М. Фернандес Мальдонадо, Я. Чжоу и др., направлены на анализ содержания пространственного планирования в разных странах, однако институциональные основы пространственного планирования определены ими лишь фрагментарно. Выявление разных уровней пространственного планирования представлено в трудах таких авторов, как Д. Адамс, П. Ан, А. Барбоса, С. Барр, С. Вальесильо, И. Вандекастил, М. Вурм, А.М. Герспергер, П. Гиббс, С.Р. Градинару, Н. Грейсон, М. Домби, Р. Доусон, К.И. Иоха, Д. Капаррос-Мидвуд, К. Картер, К.П. Кастило,

М. Кеннет, Д. Колльер, К. Крин, Х. Крун, Р. Курцон, П. Ларкхам, К. Лич, Х. Маэс, М. Миддлтон, Н. Мортон, Д. Мулинь, З. Недович-Будич, М.Р. Ница, Э. Оливейра, К. Польче, Ч. Ран, М.Р. Рид, Л.А. Руис, Г.М. Руш, М. Сапена, А.Дж. Скотт, Б. Судиту, Ш. Такеда, Г. Таубенбёк, Д. Туйя, Р. Уотерс, П. Фан, Р. Форстер, К. Фюрст, М. Хардман, А. Херл, П. Хоимейер, Чж. Хэ, Чж. Цзян, Ч. Чжао, Н. Щиссел, Д. Ярвис и др., однако не прослеживается научно-обоснованная связь между различными уровнями пространственного планирования.

Методические подходы к формированию оценки пространственного развития территорий осуществляются в работах отечественных и зарубежных авторов, среди которых Н.Т. Аврамчикова, Л.В. Воронина, А.Г. Гранберг, Ю.А. Данилов, Л.Н. Захарова, В.И. Меньщикова, А.А. Мирохина, С.П. Монгуш, И.П. Рожнов, Е.В. Смиреникова, А.В. Суворова, А.В. Уханова, М.М. Чернышов, М.Н. Чувашова, А.Г. Шеломенцев, Г. Бисвас, Дж.Э. Голдштейн, Х. Дадашпур, Н. Малекзадех, Ф. Махбуб, С. Тасним, Г.О. Факсон, М.Р. Фишер, Д.М.Э. Хаку, Г. Хант, Г.А. Хмелева. В большинстве представленных работ подходы ориентированы на фиксированную оценку пространственной организации территории в статике. Формирующееся отношение к пространству как важному народно-хозяйственному ресурсу нуждается в анализе динамических процессов в долгосрочные периоды.

Выявлению сложившихся институциональных ловушек в процессе взаимодействия различных акторов посвящены работы Е.В. Балацкого, Н.Е. Булетовой, А.В. Верникова, В.В. Вольчика, Е.Р. Орловой, Е.А. Остапенко, В.М. Полтеровича, Е.В. Романова, Р.В. Фомина, Г. Вагнера, П. Гардена, Л. Глау, А. Димера, Т. Каминер, Л. Лебела, Дж.Б. Мануту, А. Родригес-Посе, М. Сторпера, И.Т. Чинара, С. Яммарино и др. Однако в современном пространственном развитии регионов (территорий) появляются институциональные ловушки, механизм которых нуждается в исследовании.

Методологические подходы к определению совокупного потенциала региона (территории) и его составляющих элементов представлены в работах таких авторов, как Т.Е. Абдыкадыр, И.В. Баранова, С.В. Березнев, А.И. Бостанова, Н.А. Бураков, Е.М. Бухвалид, Н.В. Ворошилов, Л. Гаджиалиева, М.Н. Горинов,

А.Б. Грачев, И.П. Данилов, Н.Е. Данилова, В.С. Дмитриева, Е.С. Душкина, Е.В. Ерохина, Ж.Ж. Есжанова, А.Г. Зиновьев, М.А. Каликов, А.В. Кольчугина, Н.А. Коробкова, А.Г. Краснов, А.Е. Лисицин, Г.П. Литвинцева, Н.Б. Лубсанова, М.В. Любимова, А.С. Михеева, Х.Р. Муфтахутдинова, М.К. Начева, В.П. Нестеров, В.В. Никитин, А.В. Полянин, Г.А. Резник, А.Я. Рубинштейн, О.С. Русинова, О.А. Славинская, Л.Н. Слуцкин, Ю.П. Соболева, Н.Ю. Сорокина, О.С. Сухарев, О.Б. Шевелева и др., однако в большинстве публикаций отражены частные методики оценки разных видов потенциалов (социально-экономический, трудовой и т.д.), при этом в комплексе не учитывается степень влияния пространственного развития региона (территории).

Несмотря на разнообразие подходов к классификации и типологизации регионов, которые раскрыты в трудах отечественных и иностранных авторов, среди которых П.Е. Анимица, М.А. Грэзина, М.А. Гурьева, Е.А. Захарчук, О.А. Колчина, И.В. Максимова, А.А. Некрасов, Н.В. Новикова, А.Ф. Пасынков, А.Г. Русинов, О.С. Русинова, Д.Р. Садыков, И.С. Симарова, Т.В. Старикова, В.В. Ходус, И.К. Шевченко, М. Бурго, П. Никназар, К. Ниссен Педерсен, Б. Хьёрланд и др., отсутствуют комплексные критерии выявления асимметрии пространственного развития, благодаря которым возможно устранить региональные диспропорции пространственного развития за счет совершенствования системы формальных и неформальных институтов.

Таким образом, проведенный анализ степени изученности проблемы позволил выявить научные лакуны и аргументированно подтвердить актуальность и значимость сформулированной темы исследования.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является формирование методологии институциональной обеспеченности пространственного развития регионов и разработка практического инструментария по использованию институтов пространственного развития для преодоления региональных диспропорций в рамках Волжского макрорегиона.

Поставленная цель диссертационного исследования определяет решение следующих **задач**:

теоретико-методологические задачи:

1) определить теоретико-методологические подходы к пространственной организации регионов;

2) провести понятийно-методологический анализ категорий «пространство» и «территория» в контексте теорий регионального управления и определения их места при формировании институциональных инструментов пространственного развития;

3) определить специфику функционирования институтов как фактора пространственного развития субъектов Российской Федерации;

4) сформировать систему понятий и категорий, раскрывающих институциональные основы региональных механизмов пространственного развития;

методические задачи:

5) разработать методику анализа уровней пространственного планирования на макро-, мезо- и микроуровнях с учетом институциональной обеспеченности и управленческой характеристики территорий;

6) разработать методику оценки пространственного развития региона для сравнения процессов пространственного развития субъектов, входящих в Волжский макрорегион;

7) разработать методику оценки совокупного потенциала региона с учетом влияния процессов пространственного развития;

практические задачи:

8) осуществить стратегическое позиционирование субъектов Российской Федерации, входящих в Волжский макрорегион, по коэффициенту пространственного развития и по уровню совокупного потенциала региона;

9) разработать инструментарий взаимодействия институтов пространственного развития для преодоления региональных диспропорций социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, входящих в Волжский макрорегион.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования являются процессы пространственного развития территориальных субъектов Волжского макрорегиона, влияющие на формирование и преодоление региональных диспропорций.

Предметом исследования являются экономико-управленческие отношения, возникающие при функционировании институтов пространственного развития как инструмента преодоления региональных диспропорций 13 субъектов Волжского макрорегиона.

Методология исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составляет совокупность общенаучных и конкретно-научных подходов, обеспечивающих комплексное изучение институциональной обеспеченности пространственного развития регионов и механизмов преодоления региональных диспропорций. На общенаучном уровне исследование базируется на принципеialectического единства, эволюционном, историческом и компаративистском подходах, позволивших рассмотреть генезис неравномерности пространственного развития. Диалектический подход обеспечил возможность анализа влияния материальных, нематериальных и институциональных факторов на пространственную организацию регионов. Эволюционный подход позволил исследовать долгосрочные изменения в размещении производительных сил и пространственных структурах, включая анализ ретроспективных тенденций в динамике 15- и 30-летних периодов по группе Волжских регионов, а компаративистский подход обеспечил сопоставление содержания понятий «пространство» и «территория», анализ различий в применяемом понятийном аппарате и функционирующих институтах пространственного развития. Применение методов анализа и синтеза, индукции и дедукции, классификации и семантического контент-анализа позволило выявить состав факторов пространственной организации регионов, структурировать понятийный аппарат, применяемый в нормативных документах субъектов Российской Федерации, а также выделить группы критериев для разграничения уровней пространственного планирования. Индуктивный подход использовался

для обобщения эмпирических результатов анализа 13 субъектов Волжского макрорегиона. Контент-анализ позволил выявить многообразие категорий, характеризующих пространственное развитие, и зафиксировать несогласованность терминологического аппарата, влияющую на институциональные механизмы регионального планирования.

На конкретно-научном уровне применялись методы институционального и статистического анализа, динамического и ретроспективного анализа, индексный метод, методы рейтингования, типологизации, формализации и моделирования. Институциональный анализ был использован для изучения функций и несогласованности существующих формальных институтов пространственного развития, выявления институциональных ловушек, а также для обоснования необходимости формирования согласованной модели институционального взаимодействия субъектов федерации. Статистический и динамический анализ обеспечили оценку пространственного развития регионов через показатели интенсивности и связанности, представленные в ретроспективе значительных временных интервалов, что позволило выявить как положительные, так и отрицательные тенденции пространственных изменений. Индексный метод применялся для разработки и расчета авторского коэффициента пространственного развития, обеспечившего интегральную оценку динамики пространственных процессов и их влияния на потенциал региона. Моделирование использовалось для построения алгоритма и разработки модели межрегионального институционального взаимодействия, направленной на преодоление региональных диспропорций.

Методы рейтингования и типологизации применены для стратегического позиционирования регионов Волжского макрорегиона на основе двух критериев – коэффициента пространственного развития и уровня совокупного потенциала региона. Графические и табличные методы обеспечили визуализацию тенденций пространственных изменений, уточнение структурно-логических схем и представление сравнительных результатов анализа.

В совокупности использованная методология позволила сформировать теоретико-методологический каркас исследования, разработать инструментарий диагностики пространственного развития регионов и их потенциала, выявить региональные диспропорции и предложить модель взаимодействия институтов пространственного развития, ориентированную на решение существующих социально-экономических проблем.

Информационно-эмпирическая база исследования. Информационно-эмпирическую базу диссертационного исследования составили статистические, нормативные, программно-плановые и аналитические материалы, отражающие институциональные и социально-экономические процессы пространственного развития регионов Российской Федерации. В исследовании использованы официальные данные Росстата, Минэкономразвития России, Минстроя России, Минфина России, Роструда, а также сведения, содержащиеся в государственных программах, стратегиях социально-экономического развития и схемах территориального планирования субъектов Российской Федерации. Особое место занимает анализ стратегических документов 13 субъектов Волжского макрорегиона, позволивший сформировать эмпирическую основу для сравнительной оценки пространственного развития и институциональной обеспеченности регионов.

В качестве нормативной базы использованы федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, документы стратегического и территориального планирования, регулирующие принципы и процедуры пространственного развития на различных уровнях государственного управления. Дополнительную часть базы составили международные документы, определяющие подходы к устойчивому и пространственному развитию, включая материалы ООН, ЕС и других международных организаций, влияющих на формирование рамочных условий пространственного планирования.

Аналитическая база исследования включала научные публикации по проблемам пространственного анализа, региональной экономики, институциональной теории, государственной региональной политики, работы отечественных и зарубежных исследователей по экономическому, институциональному и межрегиональному развитию, а также экспертные материалы ведущих научных центров и консалтинговых организаций. Значимым компонентом эмпирической базы являются разработанные автором массивы данных, включающие ретроспективные показатели пространственного развития регионов, классификационные и оценочные параметры, рассчитанные на основе авторской методики.

Совокупность указанных источников обеспечила полноту, объективность и репрезентативность эмпирической базы исследования, дала возможность комплексно оценить институциональные механизмы пространственного развития, выявить региональные диспропорции и обосновать инструменты их преодоления.

Научная новизна исследования состоит в разработке совокупности теоретико-методологических подходов, методического инструментария, практических механизмов в сфере совершенствования региональных институтов пространственного развития как инструментов преодоления региональных диспропорций.

Автором **лично получены** следующие результаты, обладающие научной новизной:

1. Систематизированы и концептуально переосмыслены теоретико-методологические подходы к пространственной организации территорий и размещению производительных сил, что позволило: выделить и обосновать три группы факторов пространственной организации (материальные – естественные и искусственные, нематериальные и институциональные) с разграничением процессного и результатного подходов к пространственному развитию; интерпретировать институциональные факторы как особый вид пространственного ресурса, определяющий условия формирования и функционирования региональной экономики и требующий целенаправленного учета при разработке политики пространственного развития.

2. Осуществлено разграничение категорий «территория» и «пространство» в теориях регионального пространственного развития; обосновано понимание пространства как совокупности объектов, субъектов, институтов, определяющих систему отношений на данной территории; территория представляет собой определенный участок поверхности земли (как суши, так и воды) с находящимися на нем и под ним объектами, который на основе действующих норм можно отнести к определенному субъекту отношений. Такое разграничение позволяет описать социально-экономическое пространство как ресурс и организационную среду развития региона, уточнить понятийный аппарат пространственной экономики и снизить терминологические расхождения в нормативных правовых и стратегических документах субъекта федерации.

3. Обосновано, что институты пространственного развития регионов (стратегии социально-экономического развития и схемы территориального планирования) представляют собой совокупность формальных норм, регламентирующих поведение субъектов региональных процессов; разработана многоаспектная классификация институтов (по типу норм, сфере общественной жизни, уровню иерархии, характеру воздействия, степени зрелости и др.), определяющая их ключевые функции (организующую, ограничительную, координирующую, информационную, регулирующую, распределительную, стимулирующую) на мезоуровне. Данный подход позволяет институционально переосмыслить стратегии социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, выделить ограничения их функциональной полноты и обосновать необходимость развития институтов пространственного планирования, направленных на выявление и сглаживание территориальных диспропорций.

4. На основе комплексного анализа документов территориального планирования 85 регионов Российской Федерации выявлены фрагментарность и несистемность отражения пространственного аспекта в схемах территориального планирования, подмена показателей пространственного развития индикаторами социально-экономического роста; сформирована и классифицирована терминологическая база из 151 экономико-пространственной категории, связанная с пространственными изменениями, по различным аналитическим подходам (процессный, документальный, системный, структурный, целевой, ситуативный,

подход состояния и др.), что позволило выявить терминологические и концептуальные разрывы между региональными документами пространственного планирования и обосновать требования к их содержанию и структуре.

5. Сформирована методика анализа уровней пространственного планирования на макро-, мезо- и микроуровнях, позволяющая сопоставлять институциональную обеспеченность и управленческие механизмы пространственного развития. Обосновано включение территориального планирования в структуру пространственного планирования на государственном, региональном и муниципальном уровнях. Предложена система основных (субъекты управления и объекты планирования) и дополнительных критериев (масштаб планирования, число участников и заинтересованных сторон, количество зависимых уровней, объем взаимосвязей у объекта планирования, сложность пространственной структуры, количество задействованных объектов планирования, сложность системы планирования, сроки реализации планов, ориентация на длительность эффекта реализации планов, количество задействованных типов пространств, степень влияния и количество неформальных институтов), обеспечивающих сравнимость уровней пространственного планирования как по вертикали (макро-, мезо- и микроуровень), так и по горизонтали между субъектами и муниципальными образованиями.

6. Разработана методика оценки пространственного развития региона, определяющая переход от статической фиксации состояния пространства к анализу долгосрочных трендов (15- и 30-летние интервалы) на основе цепных и средних темпов роста показателей. В основу методики заложен расчет коэффициента пространственного развития, определяемого на основе системы показателей двух групп индикаторов – интенсивности использования пространства и связанности элементов пространства. Предложенный коэффициент пространственного развития позволяет сопоставлять территории разных уровней (муниципального, регионального, федерального), выявлять направления развития, стагнации и деградации, а также идентифицировать факторы, ограничивающие использование пространственного потенциала региона (рассчитано на основе данных 13 субъектов Волжского макрорегиона).

7. Разработана методика оценки совокупного потенциала региона, базирующаяся на определении его структурных элементов (демографический, трудовой, инфраструктурный, экологический и экономический потенциалы), оценочных показателей и корректировке на коэффициент пространственного развития. Методика направлена на определение степени влияния пространственных тенденций на потенциал региона и выявление диспропорций пространственного развития субъектов Волжского макрорегиона.

8. Осуществлено стратегическое позиционирование субъектов Волжского макрорегиона, основанное на двойной типологии территорий по коэффициенту пространственного развития и по уровню совокупного потенциала региона, скорректированного на коэффициент пространственного развития. Разработка такой типологии позволила идентифицировать факторы, сдерживающие пространственное развитие, выявить региональные диспропорции и в перспективе определить институциональные возможности их преодоления.

9. Разработаны инструменты взаимодействия институтов пространственного развития для преодоления региональных диспропорций социально-экономического развития субъектов Волжского макрорегиона. Предложен базовый набор институтов как инструмент адекватного реагирования на состояние и уровень пространственного развития региона через преодоление региональных диспропорций, предусматривающий согласование позиций анализируемых субъектов федерации с заинтересованными сторонами – соседними регионами, с территориями, входящими в макрорегионы, сформированные по различным признакам (административно-территориальному, экономическому, географическому или др.). В состав инструментария входят алгоритм развития институтов пространственного развития региона и механизм взаимодействия формальных институтов пространственного развития регионов, направленные на устранение диспропорций пространственного развития субъектов Российской Федерации в пределах Волжского макрорегиона посредством межрегиональной кооперации и получения синергического эффекта от реализации согласованных действий.

Положения, выносимые на защиту:

1. Теоретические положения о группе факторов пространственной организации (материальных, нематериальных и институциональных), характеризующие процессные и результатные подходы ее формирования, выступают научным основанием для трактовки институциональных факторов как специфического пространственного ресурса, определяющего условия функционирования региональной экономики и требования к политике пространственного развития.

2. Концептуальное разграничение категорий «территория» и «пространство» по принципу многомерности и системности социально-экономических отношений формирует методологическую базу для описания социально-экономического пространства как ресурса регионального развития и унификации понятийного аппарата пространственной экономики.

3. Трактовка стратегий социально-экономического развития и схем территориального планирования как институтов пространственного развития создает основу для их многоаспектной классификации (по типу норм, сфере общественной жизни, уровню иерархии, характеру воздействия, степени зрелости и др.), позволяет на основе характеристики ключевых функций (организующей, ограничительной, координирующей, информационной, регулирующей, распределительной, стимулирующей) региональных институциональных систем выявлять ограничения их функциональной полноты и определять направления совершенствования.

4. Выявленные терминологические и концептуальные разрывы в региональных документах пространственного планирования позволили обосновать требования к их содержанию и структуре как инструментам государственного управления пространственным развитием, предусматривающие разграничение пространственных и социально-экономических параметров, использование согласованной системы экономико-пространственных понятий и логически увязанное представление целей, пространственных приоритетов, механизмов реализации и индикаторов результативности.

5. Системное представление пространственного планирования как многоуровневой институциональной конструкции (макро-, мезо- и микроуровень), включающей вертикальные и горизонтальные связи, формирует методический подход для сопоставления уровней пространственного планирования по системе основных и дополнительных критериев и оценки степени их институциональной обеспеченности.

6. Коэффициент пространственного развития региона, определяемый на основе двух групп индикаторов – интенсивности использования пространства и связанности его элементов, – представляет собой научно обоснованный инструмент анализа долгосрочных трендов пространственной динамики; выявления факторов, сдерживающих пространственное развитие; направлений развития – стагнации и деградации пространственного ресурса территорий разного уровня (федерального, регионального, муниципального).

7. Методика оценки совокупного потенциала региона, включающая демографический, трудовой, инфраструктурный, экологический и экономический компоненты, в сочетании с корректировкой его значений на коэффициент пространственного развития позволяет выявить региональные диспропорции, оценить влияние пространственных процессов на устойчивость региональных систем.

8. Стратегическое позиционирование субъектов Волжского макрорегиона, основанное на сочетании коэффициента пространственного развития и уровня совокупного потенциала, скорректированного на величину коэффициента пространственного развития, представляет собой диагностический инструмент выявления региональных диспропорций и определения институциональных условий их преодоления.

9. Институциональный каркас межрегионального взаимодействия, включающий базовый набор институтов пространственного развития регионов, алгоритм их развития и механизм согласования действий формальных институтов пространственного развития, направлен на преодоление региональных диспропорций и достижение синергического эффекта в пространственном развитии субъектов Волжского макрорегиона.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии понятийно-методологических и институциональных основ пространственной экономики и регионального развития. В работе формируется целостная концепция пространственного развития регионов, уточняющая содержание ключевых категорий («пространство», «территория», «пространственное развитие», «институты пространственного развития») и устраниющая терминологические разрывы, присутствующие в существующих научных и нормативных трактовках. Предлагается новая интерпретация институциональных факторов как специфического вида пространственного ресурса, определяющего условия формирования региональной экономики и влияющего на динамику территориальных изменений. Разработанные классификации институтов и многоуровневая структура пространственного планирования обогащают теорию регионального управления, расширяя представления о механизмах институционального воздействия на пространственные процессы. Методики оценки пространственного развития и совокупного потенциала региона вносят вклад в развитие аналитического инструментария пространственной экономики, обеспечивая переход от статических характеристик к исследованию долгосрочных тенденций и институционально обусловленных факторов региональной дифференциации. Представленные теоретические положения формируют основу для дальнейшего развития научных исследований в области пространственного планирования, межрегионального взаимодействия и институционального регулирования территориального развития.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования разработанных подходов, методик и инструментов в деятельности федеральных и региональных органов государственной власти, ответственных за стратегическое, региональное и территориальное развитие. Предложенные методики оценки пространственного развития и совокупного потенциала региона обеспечивают диагностику территориальных диспропорций, позволяют выявлять факторы стагнации и ограничивающие условия развития субъектов Российской Федерации, а также формировать управленчески значимые выводы о направлениях

корректировки региональной политики. Разработанные типологии регионов по уровню пространственного развития и потенциалу составляют основу для сравнительного анализа территорий, определения зон опережающего роста и проблемных территорий, что повышает обоснованность стратегических решений и эффективность распределения ресурсов. Алгоритм развития институтов пространственного развития и механизм взаимодействия формальных институтов создают инструментальное обеспечение согласования стратегий социально-экономического развития и схем территориального планирования, а также формирования межрегиональных проектов, ориентированных на преодоление пространственных диспропорций и достижение синергического эффекта в рамках Волжского макрорегиона и иных территориальных объединений. Результаты исследования могут быть использованы при разработке и актуализации стратегических и нормативных документов субъектов Российской Федерации, совершенствовании системы пространственного планирования, подготовке государственных программ и проектов, а также при формировании решений по развитию транспортной, производственной, социальной и инновационной инфраструктуры регионов.

Степень достоверности и апробация результатов. Основные положения диссертационного исследования докладывались в период с 2019 года по 2025 год на научных конференциях, форумах, научно-методологических семинарах, в числе которых: Национальная научно-практическая конференция научно-педагогических и практических работников с международным участием «Коммуникация – Общество – Человек» (2022–2025, г. Ярославль), XIX Международная конференция «Государственное управление в новых геополитических и геоэкономических условиях» (2022, г. Москва), Ежегодная общеуниверситетская научная конференция «Ломоносовские чтения» (2021, 2022, 2024, г. Москва), XVIII Международная конференция «Государственное управление: современные вызовы» (2021, г. Москва), конференция «Новая парадигма развития менеджмента: гипотезы, концепции, практики» (2019, г. Иваново, г. Ярославль) и другие.

Отдельные положения прошли апробацию в региональных органах государственной власти, научных организациях, университетах. Имеются справки о внедрении Правительства Ярославской области, Нижегородского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Вольное экономическое общество России». Материалы диссертационного исследования апробированы в преподавании учебных курсов «Управление ресурсным потенциалом государства», «Управление социально-экономическим и пространственным развитием макрорегионов и субъектов Российской Федерации», «Управление устойчивым социально-экономическим развитием», «Теории и механизмы современного государственного и муниципального управления», «Проектное управление социально-экономическим развитием региона» в рамках подготовки студентов бакалавриата и магистратуры по направлению «Государственное и муниципальное управление» в Ярославском филиале ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», а также курсов «Региональная экономика и управление», «Межрегиональное и межмуниципальное сотрудничество» в рамках подготовки студентов бакалавриата и магистратуры по направлению «Государственное и муниципальное управление», курса «Региональная и отраслевая экономика» в рамках подготовки аспирантов по специальности 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика на факультете государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова.

Публикации автора по теме исследования. Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в 32 научных работах автора общим объемом 68,1 п.л. (в том числе авторских – 25,67 п.л.), из них 16 публикаций (объемом 17,85 п.л.) в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук, в том числе 1 авторская научная монография; 16 иных публикаций.

Соответствие паспорту научной специальности. Диссертационное исследование выполнено в соответствии с пунктами паспорта научной специальности 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (специализация 1. Региональная экономика): 1.1. Теории пространственной и региональной

экономики; 1.2. Пространственная организация национальной экономики. Пространственное распределение экономических ресурсов; 1.3. Региональное экономическое развитие и его факторы. Проблемы сбалансированности регионального развития. Сбалансированность региональных социально-экономических комплексов; 1.9. Проблемы региональной социально-экономической дифференциации. Инструменты сглаживания региональных диспропорций в национальной экономике.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы, включающего 429 наименований, и трех приложений. Общий объем текста диссертации составляет 336 машинописных страниц, в составе которого 32 таблицы, 25 рисунков.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОСТРАНСТВЕННОМУ РАЗВИТИЮ РЕГИОНОВ

1.1. Классические и современные концепции пространственной организации регионов¹

Развитие региональной политики любого государства связано как с использованием различных инструментов, технологий и подходов, так и с применяемой терминологией. При описании как единого государства, так и его отдельных частей используются такие категории, как «территория», «регион», «пространство». В нормативных документах и научной литературе можно встретить разные толкования данных понятий, причем в зависимости от сферы применения, области науки или исследования эти расхождения становятся все более значительными.

Единая трактовка каждого термина могла бы упростить процесс их применения и понимания представителями разных наук, хотя и в таком случае может возникнуть ряд сложностей. Если в нормативных документах единый подход к определению понятий, связанных с региональным развитием, снижает вероятность двоякого использования более «удобной» трактовки для извлечения экономическими субъектами дополнительной выгоды, то унификация терминов в правовой среде имеет положительный эффект из-за отсутствия множественности трактовок. В научной же сфере унификация терминов может «свернуть» дискуссионный характер, обеднить понятийный аппарат, негативно сказаться как на процессе проведения исследований, так и на получаемых результатах.

---

¹ При работе над данным разделом диссертации использованы следующие публикации автора, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Леонтьева Л.С., Проскурнова К.Ю. Пространство и территория: направления государственной политики развития // Проблемы теории и практики управления. 2021. № 10. С. 25-37; Проскурнова К.Ю. Эволюция взглядов на факторы пространственного размещения производительных сил: от материальных факторов к институтам // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. № 5. С. 64-71.

Рассмотрим, как менялись подходы к трактовке понятия «территория».

В иностранной литературе используются понятия «земля» и «территория». Земля интерпретируется через выполняемые функции – место для реализации производственной, жизненной или экологической функций¹. Территория, как и земля, обладает функциями жизнедеятельности и проживания, но еще характеризуется наличием границ, государственной власти и относится к административно-хозяйственным единицам².

Территорию воспринимают и посредством пространства, приписывая ей черты трехмерности последнего и соотнося не только с географическим пространством, но и с нефизическими сферами (например, сетевые территории)³.

В словаре С.И. Ожегова, известного своей простотой и краткостью изложения, под территорией понимается «ограниченное земельное пространство»⁴, Т.Ф. Ефремова в своем словаре дает более развернутую трактовку, в зависимости от контекста применения термина: «1) а) часть земного шара, включая сушу, воды и воздушное пространство над ними, подвластная какому-л. государству или входящая в состав какой-л. части света; б) часть какой-л. страны; 2) земельное пространство, занятое населенным пунктом, учреждением, предприятием и т.п. или предназначеннное для них»⁵, – а в словаре Д.Н. Ушакова мы можем найти

¹ Wei C. Meng J., Zhu L., Han Z. Assessing progress towards sustainable development goals for Chinese urban land use: A new cloud model approach // Journal of Environmental Management. 2023. Vol. 326. Pp. 1-12.

² International Encyclopedia of Human Geography. Vol. 13 / ed. by A. Kobayashi. 2nd ed. Elsevier, 2019. Pp. 219-231; Maignant G., Staccini P. Statistical, Mapping and Digital Approaches in Healthcare. ISTE Press - Elsevier, 2018. Pp. 1-33; Palma O.M., Díaz-Puente J.M. Integration of indigenous people into sustainable development through the territorial analysis of their potential: The case of the Lenca people in Honduras // Land Use Policy. 2024. Vol. 137. Pp. 1-13; Galeano-Barrera C.J., Mendoza-García E.M., Martínez-Amariz A.D., Romero-Riaño E. Theoretical model of territorial agro-industrial development through multi-focus research analytics // Journal of Rural Studies. 2022. Vol. 94. Pp. 295-304.

³ Li Zh., Liu Y., Wang H. Study of the territory of the Arctic and its changes // Russian, East European & Central Asian Studies. 2019. Vol. 06. Pp. 77–90, 149–150; Antunes Junior W.F., Borsatto R.S., Souza-Esquerdo V.F. de. Why is it so difficult to promote territorial development through public policies? The obstacles faced by a Brazilian experience // World Development Perspectives. 2021. Vol. 24. Pp. 1-11.

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 939 с.

⁵ Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц: В 2 т. / Т.Ф. Ефремова. М.: Рус. яз., 2000.

следующий вариант: «земельное пространство, ограниченное каким-н. пределами, границами»¹. Определение данного слова можно найти и в словаре В.И. Даля, который к территории отнес «весь объем и простор земли государства»². Стоит отметить, что только трактовка С.И. Ожегова не относит какую-либо территорию к государству. В остальных вариантах территория оказывается «привязана» к государству, что позволяет отнести данные определения в правовую сферу. Если определения С.И. Ожегова и Д.Н. Ушакова в большей степени к территории относят только поверхность земли, то в трактовках В.И. Даля и Т.Ф. Ефремовой можно отметить присутствие трехмерного признака – объем и пространство у Даля и воздушное пространство у Ефремовой, что дает возможность рассматривать территорию в более содержательном смысле. В словаре географических терминов, составленном В.П. Ухановым, под территорией понимается «ограниченная часть твердой поверхности Земли с присущими ей природными и антропогенными свойствами и ресурсами»³. Вариант географической трактовки понятия позволяет рассматривать территорию только как плоскость, пусть и обладающую искривлениями ввиду изменчивости ландшафта.

В правовой плоскости слово «территория» в большинстве теорий включено в понятие «территория государства» или «государственная территория». Территория становится признаком или элементом существования государства. Одновременно с этим государственная территория накладывает ограничения, определяя пространственные пределы той или страны.

Д. Сайпидинов рассматривает территорию как естественное условие не только функционирования государства и общества, но и существования непосредственно государства и организаций обществом данного государства⁴.

О.К. Слинкова и И.Д. Маркова свою трактовку термина «территория» связали с теми признаками, которые есть у любой территории: границы,

¹ Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.

² Толковый онлайн-словарь русского языка Даля В. И. // Онлайн-словари русского языка. URL: <https://lexicography.online/explanatory/dal/> (дата обращения: 15.03.2021).

³ География: словарь терминов и понятий. Вологда: ВоГТУ, 2008. С. 15.

⁴ Сайпидинов Д. О правовом понятии территории государства // Наука без границ. 2018. № 5 (22). С. 142-145.

определяющие размер, конфигурацию и состав; наличие каких-либо природных и других ресурсов и инфраструктуры; наличие населения; обладание определенным юридическим статусом, правовым режимом и органами управления данной территорией; наименование. Исходя из данных признаков, авторы определили территорию как «ограниченную часть пространства, имеющую наименование, характеризующуюся географическим положением, наличием ресурсов, природными и антропогенными свойствами, принадлежащую какому-либо государству или наделенную особым юридическим статусом, являющуюся средой обитания живых существ»¹.

С.Ю. Павлов, давая определение «территория государства», исходил из исследования трактовок, предложенных различными авторами, – в широком смысле: «включает в себя, наряду с территорией в узком смысле, также пространство, где на равных основаниях могут действовать одновременно несколько государств»². Г.Г. Арутюнян и М.В. Баглай под территорией понимают «некоторое пространство, ограниченное от иных пространств и имеющее определенный юридический статус и соответствующий ему правовой режим»³. Г. Кельзен рассматривал данный термин в узком смысле: «пространство, в пределах которого лишь одно государство, а именно то, которому принадлежит территория, управомочивается издавать общеобязательные акты»⁴. Если трактовка Г.Г. Арутюняна и М.В. Баглай пересекается с тем определением, что дали О.К. Слинкова и И.Д. Маркова, то у Г. Кельзена присутствует такой признак, как наличие права у государства издавать законодательные акты, действующие на конкретной территории, при этом другие государства на данной территории лишены подобного права⁵. Хотелось бы обратить внимание, что Г. Кельзен в основе рассмотрения территории размещает пространство.

¹ Слинкова О.К., Маркова И.Д. Понятие «территория» в контексте маркетинга территорий // Экономика и предпринимательство. 2017. № 1 (78). С. 1012-1016.

² Павлов С.Ю. Государственная территория: понятие и сущность // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13, № 3. С. 604-607.

³ Арутюнян Г.Г., Баглай М.В. Конституционное право : А-Я : энцикл. словарь. М.: Норма, 2006. С. 483-484.

⁴ Цит. по: Павлов С.Ю. Государственная территория: понятие и сущность // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13, № 3. С. 604-607.

⁵ Там же.

Стоит отметить, что в определении понятия «территория» у многих авторов присутствует термин «пространство», т.е. они раскрывают содержание территории через пространственные характеристики. Например, Е.В. Белякович рассматривает территорию государства через наличие пространственного предела власти конкретного государства, которую на месте реализуют государственные органы на основе имеющихся у них полномочий как в части исполнительных функций, так и законодательных. Помимо признаков правоприменения, Е.В. Белякович в свое определение включает и физические характеристики, понимая под территорией государства «пространство, включающее в себя сушу, внутренние и территориальные воды, воздушное пространство над ними, недра в пределах границ государства и так называемую условную территорию, на которое полностью и безраздельно распространяется государственная власть»¹.

Привлекает внимание подход к анализу данного термина, использованный У.А. Джабраиловым, который рассматривает с двух позиций – пространственной и системной. Используя пространственный подход, он раскрывает наличие физических свойств, характеризующих любую территорию и формирующих «жизненное пространство» – площадь территории, ее географическое положение и ландшафт, а также виды хозяйственной деятельности, специфичные именно для данной территории. Анализируя территорию на основе системного подхода, У.А. Джабраилов выделяет наличие элементов, находящихся в определенной связи друг с другом – это сухопутное и водное пространство, недра, находящиеся не только под сушей, но и водной территорией, а также воздушное пространство, находящееся на сухопутной и водной территориях. Одновременно с этим автор выделяет такие признаки территории, которые можно отнести к государственному статусу – неделимость и неизменность территории, нерушимость границ, что подразумевает целостность территории² (таблица 1.1).

---

¹ Белякович Е.В. О понятии территории государства // Сибирский юридический вестник. 2006. № 2 (29). С. 3-10.

² Джабраилов У.А. Пространства и территории в geopolитической реальности // Власть. 2009. № 10. С. 141-144.

Таблица 1.1 – Междисциплинарное распределение ключевых характеристик понятия «территория»

Ключевые признаки	Дисциплинарное направление			
	филологическое	экономическое	правовое	географическое
Территория как пространство или его виды	С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Т.Ф. Ефремова; Д.Н. Ушаков; В.И. Даль	Zh. Li, Y. Liu, H. Wang; W.F. Antunes Junior, R.S. Borsatto, V. F. de Souza-Esquerdo	С.Ю. Павлов; Е.В. Белякович; У.А. Джабраилов	
Ресурсные составляющие		О.К. Слинкова, И.Д. Маркова; O.M. Palma, J.M. Díaz-Puente; C.J. Galeano-Barrera, E.M. Mendoza-García, A.D. Martínez-Amariz, E. Romero-Riaño		В.П. Уханов
Наличие границ, пределов	Д.Н. Ушаков	О.К. Слинкова, И.Д. Маркова	Г.Г. Арутюнян, М.В. Баглай; Г. Кельзен; Е.В. Белякович; У.А. Джабраилов	D. Delaney
Наличие правового режима, власти	Т.Ф. Ефремова	О.К. Слинкова, И.Д. Маркова	Д. Сайпидинов; Г.Г. Арутюнян, М.В. Баглай; Г. Кельзен; Е.В. Белякович	D. Delaney
Наличие хозяйственной деятельности	Т.Ф. Ефремова	W.F. Antunes Junior, R.S. Borsatto, V.F. de Souza-Esquerdo; O.M. Palma, J.M. Díaz-Puente; C.J. Galeano-Barrera, E.M. Mendoza-García, A.D. Martínez-Amariz, E. Romero-Riaño	У.А. Джабраилов	

Примечание – Составлено автором.

В отличие от территории, понятие «пространство» рассматривается в различных научных направлениях, многие из которых вообще не имеют общих точек соприкосновения.

Проблема трактовки пространства рассматривалась еще философами Древнего мира. Само пространство представлялось элементом, из которого состоит всё – как в микромире, так и в макро-. Монада у пифагорийцев относилась

к первичному элементу пространства так же, как атомы у Левкиппа и Демокрита, которые (атомы) в совокупности вместе с пустотой формировали наибольшее значение пространства. В работах Аристотеля пространство определяется теми предметами, которые в нем находятся, но одновременно с этим оно остается независимым от наполняющих его объектов. Пространство (у Аристотеля – «место») представляет собой сущность, которая характеризуется тем, «что место есть нечто – это ясно из взаимной перестановки [вещей]»¹.

У немецких философов можно наблюдать разный подход к восприятию понятия «пространства». В работе Г. Гегеля «Философия природы» просматривается подход древних философов в понимании пространства как объективно-идеалистической категории. Пространство лежит в основе определения природы. При этом Г. Гегель рассматривал пространство в связи со временем. Если объекты располагаются в пространстве рядом друг с другом, то они же во времени идут друг за другом².

В отличие от Г. Гегеля, Иммануил Кант относил пространство к субъективной категории. Как считает И. Кант, через пространство (и время) люди созерцают, воспринимают окружающий их мир: «пространство, время и все части их суть созерцания, следовательно, единичные представления, содержащие в себе многообразное... стало быть, они суть не простые понятия, когда одно и то же сознание содержится во многих представлениях; напротив, они состоят из многих представлений, соединенных в одном и том же сознании, стало быть, они сложны и, следовательно, единство сознания существует в них как синтетическое, но все же первоначальное»³. По определению И. Канта пространство состоит из физических связей, его структура определена теми физическими связями, которые его формируют и наполняют.

---

¹ Аристотель. Метафизика // Аристотель. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 123.

² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Часть 2. Философия природы. Т.1. / пер. В.П. Чижова. М.: Типография Грачева и Ко, 1868. С. 76-127.

³ Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 3. М.: Чоро, 1994. С. 130.

Значительно расширяет понятие «пространство» В.И. Вернадский. По его мнению, «Бессспорно, что и время и пространство отдельно в природе не встречаются, они неразделимы. Мы не знаем ни одного явления, которое не занимало бы части пространства и части времени»¹. Но у самого пространства автор выделял такие свойства, как структура и неоднородность. Если структура определяется геометрическими характеристиками, то неоднородность обусловлена тем, что геометрия пространства различна в разных его частях, что образует отличительные черты каждого участка пространства: «физик и астроном должны иметь дело в пространстве-времени не с абсолютным пространством Ньютона, а с пространством, качественно различным в разных местах»². Последнее заключение В.И. Вернадского позволяет предположить, что пространство, качественно различное в разных своих частях, может быть исследовано с использованием совершенно различных методов и подходов. Методология исследования той или иной части всего пространства определяется именно теми характеристиками, которые присущи данной части пространства, и может быть не применима для исследования других частей.

Среди современных философов интерес вызывают работы Ж. Бодрияра, который использовал категорию пространства в качестве среды размещения предметов и осуществления процессов. Подобный подход используется им для исследования медиасферы и виртуальной реальности. В этом контексте автором выделяются такие специфические черты пространства, как «заключенность» в прямом эфире, иллюзорность, слияние объекта и субъекта в медиасфере, бесконечная информативность, системность сетей и наличие обратной связи³.

Переходя к анализу определений понятия «пространства», предложенных составителями толковых словарей, хотелось бы отметить особенность в классификации данного термина, которую можно найти в Словаре Академии

¹ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. С. 419.

² Там же. С. 371.

³ Бодрияр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства / пер. с франц. А. Качалова. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. 348 с.; Бодрияр Ж. Фатальные стратегии / пер. с франц. А. Качалова; под науч. ред. текста к.ф.н. Д. Дамте. М.: РИПОЛ классик, 2017. 288 с.

Российской, изданном в 1794 г. «Пространство» в данном словаре представлено как производная от слова «Страна – 1) Место по правую или левую руку лежащее. 2) Область, государство. 3) Один из четырех краев света, на каковые в рассуждении солнечного течения его разделяют. 4) Отчизна; место, где кто родился». Пространство определено как «Обширность, место во все стороны протяженное»¹. Отсутствие уточнения у «во все стороны протяженное» позволяет предположить, что данная формулировка пространства содержит в себе контекст объема, и направление протяженности пространства может быть не только по горизонтали, но и по вертикали. Хотелось бы отметить, что в данном словаре отсутствует термин «территория». Мы можем сделать предположение, что взамен данного слова использовалось понятие «земля» – «4) Часть поверхности земной обитаемой каким-нибудь народом; Государство»². Не во всех рассмотренных ранее словарях присутствует определение термина «пространство». В словаре В.И. Даля и словаре географических терминов В.П. Уханова данное понятие отсутствует. Но, как было отмечено ранее, В.И. Даль добавил пространственную составляющую – объем – в определение территории. С.И. Ожегов представил пространство как «промежуток между чем-нибудь, место, где что-нибудь вмещается», у Т.Ф. Ефремовой – как «одна из форм – наряду со временем – существования бесконечно развивающейся материи, характеризующаяся протяженностью и объемом; неограниченная видимыми пределами протяженность; промежуток между чем-л.», а у Д.Н. Ушакова пространство рассматривается в качестве «состояние материи, характеризующееся наличием протяженности и объема; промежуток между чем-н.; место, способное вместить что-н.; поверхность, земельная площадь (книжн.)»³. Стоит отметить, что все трое в качестве

---

¹ Словарь Академии Российской. Часть V. От Р. до Т. СПб. : Императорская Академия Наук, 1794. Стб. 848-856. (Текст адаптирован).

² Словарь Академии Российской. Часть III. От З. до М. СПб. : Императорская Академия Наук, 1792. Стб. 53-54. (Текст адаптирован).

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 939 с.; Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц: В 2 т. / Т.Ф. Ефремова. М.: Рус. яз., 2000; Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.

пространства рассматривали промежуток между какими-либо объектами. Промежуточное расстояние между объектами позволяет определять пространство как трехмерный объект, в отличие от территории, которую в упрощенном варианте сводят к двумерному объекту.

Определенная специфика описания пространства как значимого элемента окружающего мира представляется в работах физиков и математиков, начиная с эпохи Возрождения, в связи с философским осмыслением физических явлений¹. Р. Декарт сравнивал пространство с фигурой (толом) с точки зрения наличия трехмерного измерения – длины, ширины и глубины. Но если показатели данных измерений у тела имеют пределы (ограничения или точные значения), то у пространства длина, ширина и глубина неопределённые и неизменны². Подобный подход к определению пространства оказывается актуальным даже в современных условиях развития ограниченных пространственных ресурсов, когда используются все объемы по горизонтали и по вертикали.

Междисциплинарный подход к определению пространства невозможен без учета современных естественно-научных концепций, которые, проходя через методологическое осмысление и преломление в социальных науках, дают новое понимание пространства. Значительное количество работ по проблематике пространства, появившихся в начале XXI века, означает, что анализ подхода оценки пространства как глобального ресурса применительно к развитию экономических процессов основан на целом комплексе общих и специфических характеристик³. Они формируют необходимость создания норм, правил и институтов детерминации и использования пространства и его частей.

¹ Эйлер Л. Основы динамики точки. Москва-Ленинград: Объединенное научно-техническое издательство НКТП СССР, 1938. 499 с.

² Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. Т. I / сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1989. 654 с.

³ Розин В.М. Понятие «пространство» и его эволюция (от естествознания к гуманитарным социальным наукам) // Мир психологии. 2012. № 4 (72). С. 18-29; Кочетков А.В., Федотов П.В. Анализ понятия «пространство» в общей теории относительности // Пространство и Время. 2012. № 4 (10). С. 42-49; Баяндина А.В. Понятия пространства и времени в теории квантовой гравитации // European Science. 2016. № 3 (13). С. 6-15; Атаманская Е.И. Определение понятия «пространство» в современной лингвистике // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2019. № 45. С. 109-111; Маслова В.А. Коммуникативное пространство

Таким образом, начинает формироваться юридическое понимание, связанное с определением отрасли пространственного права. По мнению Е.Г. Зинкова, И.В. Волк и др., в пространстве определяются пределы применения или протекания правовых действий, событий, процессов и норм¹.

Естественно, что вовлечение пространства в нормативные правовые отношения влечет за собой формирование договорных отношений в международном праве. При этом происходит реальная связь между территориальными пределами и пространством. Подобный подход предлагается в работах И.И. Лукашука, М.Л. Прохоровой, А.К. Князькиной и Е.В. Сильченко, В.М. Степашина и О.Н. Бибика². Несмотря на то, что в указанных исследованиях не предложена трактовка термина «пространство», а лишь раскрывается место действия правовых норм, общим для правовой сферы становится выделение такой характеристики пространства, как наличие границ или пределов.

Если в правовой сфере пространство ограничено действием законодательных норм и поэтому «привязано» к пределам государства и отрасли права, то в экономической области данное понятие имеет больше вариаций применения и трактовок.

Пространственная экономика как отдельное научное направление еще находится в стадии формирования, поскольку она направлена на исследование не только размещения производительных сил, но и определение экономических процессов, реализуемых экономическими агентами разных уровней – государством, компаниями, домохозяйствами. Таким образом, пространство

как важнейшая категория современной лингвистики и лингвокультурологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8, № 1. С. 17-23; Колоткин М.Н. Территория и пространство в условиях глобализирующегося мира // Интерэспро Гео-Сибирь. 2015. Т. 6, № 2. С. 8-12.

¹ Зинков Е.Г. Термин «пространство» в теории права // Общество и право. 2011. № 4 (36). С. 13-19; Волк И.В. Право, время и пространство: теоретический аспект : дис. .... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Волк Ирина Владимировна. М., 2004. С. 86-87.

² Лукашук И.И. Действие международного договора во времени и пространстве // Журнал российского права. 2005. № 4 (100). С. 108-117; Прохорова М.Л., Князькина А.К., Сильченко Е.В. Действие международного уголовного права в пространстве // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 8. С. 43-52; Степашин В.М., Бибик О.Н. Действие уголовного закона в пространстве // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2009. № 1 (18). С. 72-79.

становится глобальным ресурсом развития, с одной стороны, а с другой – организационной средой, «которая возникает в результате взаимодействия (конкуренции) материальных субъектов на определенной территории»¹. По мнению Л.Л. Зобовой, территория как плоскостная проекция образует базис размещения хозяйствующих субъектов, а пространство включает систему отношений и условий осуществления этих отношений между различными экономическими субъектами и представляет собой определенную «надстройку».

Наряду с общим понятием «пространство» начинают возникать понятия экономического пространства, социального пространства, культурного пространства и т.д.² Однако различные виды пространства нельзя обособлять. Как правило, они представляют собой взаимосвязанное единство, отражающее функционирование системы общественных отношений на определенной территории.

С точки зрения «привязки» пространственных процессов к конкретным институтам формируется комплексное многофакторное определение экономического пространства. Во-первых, совокупность действующих хозяйствующих субъектов на определенной территории. Во-вторых, совокупность экономико-управленческих и хозяйственных процессов, формирующих связи между этими субъектами. В-третьих, как было отмечено выше, это среда, на качество состояния которой влияют составляющие элементы институциональной системы³.

¹ Зобова Л.Л. Территория и пространство: близнецы или двойняшки? // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 33. С. 6-12.

² Эмиров Р.М. Содержание и смысл понятий «территория» и «геополитическое пространство» // Геополитический журнал. 2015. № 4 (11). С. 24-29; Демичев Д.М. Экономическое пространство и правовое пространство: этимология понятий // Актуальные вопросы развития правовой информатизации в условиях формирования информационного общества: Сборник научных статей / под общ. ред. Е.И. Коваленко. Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2017. С. 350-354; Родригес Х.М.М., Гринфельд Ю.С. Понятия «пространство» и «территория» в географии Латинской Америки // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 84-92; Жеребин В.М. Социальное пространство и социальная идентификация респондента // Народонаселение. 2015. № 3 (69). С. 105-116; Некрасов С.И. ТERRITORIАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО, ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО, КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРЕДЕЛЫ НЕСОВПАДЕНИЯ И ВЗАЙМОДЕЙСТВИЯ // Государство и право. 2012. № 1. С. 23-32.

³ Суворова А.В. Экономическое пространство: содержание и концептуальные свойства // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 11-3 (69). С. 115-119.

Пространственные системы могут влиять на дифференциацию уровней развития территорий. Так, Л.С. Леонтьева, А.И. Конотопов и А.Б. Ильин рассматривают возможность включения пространства в инновационные процессы. По мнению этой группы авторов, в пространстве на макро- и мезоуровнях формирующаяся и существующая системы отношений способствуют развитию территорий (пространство выступает базисом развития территорий), а на микроуровне действуют отношения между хозяйствующими субъектами¹. Данное разделение можно дополнить тем, что в отношении хозяйствующих субъектов на микроуровне применим термин «территория», например территория промышленного предприятия. Использование же пространства к хозяйствующему субъекту будет «уводить» нас на макро-, мезоуровень (региональный уровень) или уровень отрасли в абстрактное восприятие понятия, например, «пространство промышленного предприятия», помимо местоположения, дополняется системой отношений не только на уровне данного предприятия, но и с окружающей средой как в регионе (стране), так и на рынке или отрасли (таблица 1.2).

Таблица 1.2 – Междисциплинарное распределение ключевых характеристик понятия «пространство»

Ключевые признаки	Дисциплинарное направление						
	философское	филологическое	экономическое	правовое	физико-математическое	географическое	политическое
Трехмерность		Т.Ф. Ефремова; Д.Н. Ушаков; Е.И. Атаманская			Р. Декарт; А.В. Баяндин		
Бесконечность	Ж. Бодрийяр	Т.Ф. Ефремова			А.В. Баяндин; Л. Эйлер		
Пространство–Время	Г. Гегель; И. Кант; Ж. Бодрийяр; М.Н. Колоткин	Т.Ф. Ефремова; В.А. Маслова			В.И. Вернадский; Р. Фейман		

¹ Леонтьева Л.С., Конотопов А.И., Ильин А.Б. Управление пространственным инновациями: монография. М.: Изд-во МИИГАиК, 2016. С. 14.

Ключевые признаки	Дисциплинарное направление						
	философское	филологическое	экономическое	правовое	физико-математическое	географическое	политическое
Хозяйственные процессы			Д.М. Демичев; А.В. Суроверова; Л.Л. Зобова				
Система отношений между субъектами			Л.Л. Зобова; Л.С. Леонтьева, А.И. Кононтов, А.Б. Ильин			Х.М.М. Родригес, Ю.С. Гринфельдт	Р.М. Эмиров
Наличие структуры	И. Кант				В.И. Вернадский		Х.М.М. Родригес, Ю.С. Гринфельдт
Категории пространства			Д.М. Демичев		В.И. Вернадский; А.В. Баяндина; И. Ньютона		
Наполненность физическими объектами	Левкипп; Демокрит; Аристотель						
Как часть чего-то		С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Д.Н. Ушаков					
Как предел права				Е.Г. Зинков; И.В. Волк			
Примечание – Составлено автором.							

Таким образом, проведенный анализ существующих подходов к трактовке понятий «территория» и «пространство» позволяет сделать вывод, что пространство является более широким и общим понятием, находит отражение в работах исследователей – представителей разных направлений естественных, социальных и гуманитарных наук. Территория как термин получила более конкретное трактование, преимущественно в связи с привязкой понятия к конкретному государственному образованию или его части.

Учет трехмерности пространства в современных условиях проявляется в формировании принципиально новых концепций размещения производительных сил, организации качественной среды обитания, связанных с 3D-проектированием, в то время как понятие «территория» связано с определением положения на плоскости и конкретными размерами.

По мнению автора, пространство является более широким и многозначным понятием, чем территория:

- под пространством понимается совокупность объектов, субъектов, системы институтов, определяющих систему отношений на данной территории;
- территория представляет собой определенный участок поверхности земли (как суши, так и воды) с находящимися на нем и под ним объектами, который на основе действующих норм можно отнести к определенному субъекту отношений. Под субъектом отношений в данном случае понимаются как государства, так и отдельные экономические агенты (домохозяйства и фирмы).

Условия функционирования и развития национальной экономики включают бесконечное множество факторов, которые могут быть сгруппированы по различным направлениям. В рамках пространственной экономики как отдельного направления рассматривается влияние таких факторов, как распределение экономических ресурсов (материальных и нематериальных, естественных и искусственных и т.д.) в пространстве государства, воздействие распределения факторов на возможности размещения производительных сил и расселения населения, создание и развитие инфраструктуры, обеспечивающей функционирование как производства, так и потребления, различные потоки, объединяющие отдельные хозяйствующие субъекты и институты, создающие основу для функционирования всех экономических субъектов различного уровня (макро-, мезо-, микро-) и т.д.

Пространственное развитие территорий как отдельных регионов, так и государств в целом достаточно широко и всесторонне рассматривалось

в работах советских, российских и зарубежных авторов¹. Несмотря на масштабность вопроса и длительность его исследования, можно отметить, что теоретические положения большинства ориентированы на микроуровень, заключая в себе идеи размещения производительных сил на определенных территориях в зависимости от первоначальных условий, или перспективы развития тех или иных хозяйствующих субъектов в зависимости от их места в национальной или мировой экономике.

---

¹ Александров И.Г. Экономическое районирование России / Госплан. М.: Тип. III Интернационала, 1921. 15 с.; Колсовский Н.Н. Основы экономического районирования. М.: Госполитиздат, 1958. 200 с.; Кржижановский Г.М. К 35-летию плана ГОЭЛРО / План электрификации РСФСР. Доклад VIII Съезду Советов Государственной Комиссии по Электрификации России. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. 660 с.; Лис А.Г. Проблемы развития и размещения производительных сил Белоруссии. М.: Мысль, 1972. 276 с.; Методика определения эффективности специализации и комплексного развития хозяйства союзных республик и экономических районов СССР. Проект. Авторы исходного варианта В.В. Кистанов, В.Л. Гербов, Ф.Д. Курников, А.С. Эпштейн. Руководитель А.Б. Марголин. М.: СОПС при Госплане СССР, 1967; Ермолов А. Организация полевого хозяйства. I. Системы полеводства. СПб: Издание А.Ф. Девриена, 1879. 192 с.; Фабрично-заводская промышленность и торговля России / под ред. Д.И. Менделеева. СПб.: Типографии В.С. Балашева и Ко и В.Ф. Демакова, 1893. 750 с.; Бакланов П.Я. Пространственное развитие региона: основные принципы и подходы к анализу и оценкам // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2017. № 6. С. 4-12; Бухвальд Е.М. Управление пространственным развитием российской экономики: цели и инструменты // Управленец. 2020. Т. 11, № 6. С. 2-14; Киселева Н.Н., Орлянская А.А., Бавина К.В., Боровикова Н.В. Территориально-производственные комплексы как форма пространственной организации производства: эволюция и перспективы развития // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2016. № 4 (48). С. 150-160; Лапаев Д.Н., Лапаева О.Н., Поташник Я.С. Многопроекционная оценка устойчивости регионов Сибирского федерального округа // Развитие и безопасность. 2024. № 2 (22). С. 90-99; Лёш А. Пространственная организация хозяйства : пер. с нем. / под ред. ак. А.Г. Гранберга. М.: Наука, 2007. 663 с.; Тюнен И.Г. Изолированное государство / пер. Е.А. Торнеус; под ред. проф. А.А. Рыбникова. М.: Издательство «Экономическая жизнь», 1926. 326 с.; Christaller W. Central places in Southern Germany / transl. by C.W. Baskin. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1966. 230 p.; Friedmann J. Regional Planning in Post-Industrial Society: Some Policy Considerations // Journal of Farm Economics. 1963. Vol. 45, No. 5. Pp. 1073-1079; Giersch H. Aspects of growth, structural change, and employment: A Schumpeterian perspective // Kiel Working Paper. 1979. No. 89. Pp. 1-39; Kohl J.G. Der Verkehr und die Ansiedelung der Menschen in ihrer Abhängigkeit von der Gestaltung der Erdoberfläche. 2nd ed. Leipzig: Arnoldische Buchhandlung, 1950. 600 p.; Lasuén J.R. On growth poles // Urban Studies. 1969. Vol. 6, No. 2. Pp. 137-161; Launhardt W. Mathematical Principles of Economics / transl. by H. Schmidt; ed. by J. Creedy. Aldershot: Edward Elgar, 1993. 192 p.; Perroux F.L. L'Economie du XX siècle. P.U.F., 1961. 814 p.; Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction. N.Y.: The Free Press, 1990, Palgrave Tenth Edition, 1998. 855 p.; Pottier P. Axes de communication et développement économique // Revue économique. 1963. Vol. 14, No. 1. Pp. 58-132; Weber A., Pick G. Ueber den Standort der Industrien. Teil I. Reine Theorie des Standorts, mit einem mathematischen Anhang. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1922. 246 p.

Среди классических теорий размещения как производительных сил, так и экономических агентов (и производителей, и потребителей) можно отметить получившие широкое распространение в региональной экономике теории И.Г. фон Тюнена, В. Лаунхардта, А. Вебера, В. Кристаллера, А. Лёша.

К одним из первых теорий, содержащих подход к размещению именно производительных сил в географическом пространстве, относят теорию фон Тюнена. Несмотря на то, что в рамках данной теории Тюнен рассматривал оптимальный вариант размещения сельскохозяйственного предприятия, тем не менее интерес к данной теории проявляется в попытке сформировать принципы структурирования экономического пространства¹. Тюнен обращает внимание на необходимость учитывать свойства и характеристики самого пространства и особенности распределения объектов в данном пространстве. Тюнен разделил экономическое пространство территории на «центр» и места локализации производства, которые в зависимости от соотношения затрат и прибыли имеют определенную специализацию. Данное разделение позволяет говорить о начале теоретического разделения пространства на центр и периферию, только в данном случае с точки зрения распределения потребления-производства, а не распространения инноваций, которые начали рассматривать во второй половине XX в.

В. Лаунхардт попытался найти решение проблемы оптимальности размещения предприятия относительно не только потребителей, но и местонахождения рынка ресурсов². В его теории основным стал принцип расстояния между различными объектами, т.е. продолжительности дорог. Транспортная инфраструктура в качестве связующей сети экономического пространства представлена И. Колем как иерархия магистралей, соединяющих центры разного порядка³. В модели Коля и города, и соединяющие их магистрали

¹ Тюнен И.Г. Изолированное государство / пер. Е.А. Торнеус; под ред. проф. А.А. Рыбникова. М.: Издательство «Экономическая жизнь», 1926. 326 с.

² Launhardt W. Mathematical Principles of Economics / transl. by H. Schmidt; ed. by J. Creedy. Aldershot: Edward Elgar, 1993. 192 p.

³ Kohl J.G. Der Verkehr und die Ansiedelung der Menschen in ihrer Abhangigkeit von der Gestaltung der Erdoberflache. 2nd ed. Leipzig: Arnoldische Buchhandlung, 1950. 600 p.

относились к разным уровням, которые можно было определить пропускной способностью – потоком товаров, перемещавшихся между различными городами. Практическое подтверждение самой по себе модели в ее исходном виде сложно найти в реальности, т.к. она предполагала соединение городов разного уровня магистралями разного порядка, образуя на карте «дерево», но тем не менее в настоящем мы наблюдаем различные узлы, которые в зависимости от количества транспортных линий (не только наземного транспорта, но и воздушного и водного) также можем разделить на разные уровни в зависимости от грузо- и пассажиропотоков и представить иерархию магистралей, лежащих между этими узловыми точками также по величине их пропускной способности.

Если у Тюнена производство размещается вокруг города (центра), который является местом нахождения рынка сбыта продукции, то в теориях других немецких ученых можно наблюдать обратный подход – в центре расположено производство, а потребители рассредоточены вокруг него. Подобные идеи можно найти в работах А. Вебера, А. Лёша и В. Кристаллера. Веберу принадлежит теория штандартов, в которой предлагается размещение производства в такой точке пространства, в которой возможно минимизировать издержки на рабочую силу и транспортировку, а также присутствует фактор агломерирования, который предполагает экономию на создании и обслуживании инфраструктуры за счет компактного расположения предприятий и совместного использования инфраструктурных объектов¹. Помимо данных трех факторов важным являлась близость рынков сбыта (минимизация транспортных издержек по доставке готовой продукции и эффект масштаба).

У В. Кристаллера города, или центральные места, включают в себя производство и рынки сбыта, при этом: в отличие от Тюнена, в городе сосредоточено производство, которое удовлетворяет спрос не только данного центра, но и других, меньших по размеру, рынков сбыта, расположенных вблизи

---

¹ Weber A., Pick G. Ueber den Standort der Industrien. Teil I. Reine Theorie des Standorts, mit einem mathematischen Anhang. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1922. 246 p.

центрального места¹. По мнению Кристаллера, развитие данной системы отношений между центром и окружением в будущем приведет к формированию участков правильной шестиугольной формы, которые на карте региона или государства принимают известный всем вид пчелиных сот. В XXI веке идеи Кристаллера находят свое отражение в создании опорных населенных пунктов как инструментов пространственного развития государства².

В работе А. Лёша происходит смещение акцента с минимизации издержек к максимизации прибыли, при этом сам Лёш отмечал, что «оптимальное место для производителя не обязательно будет самым выгодным для потребителя»³. Лёш развивал идеи и А. Вебера, и В. Кристаллера. Главное отличие идей А. Лёша заключается в том, что они применимы к уже существующему экономическому пространству, с функционирующими инфраструктурными сетями и рынками сбыта, в то время как в идеи А. Вебера и В. Кристаллера предполагают организацию нового экономического пространства в соответствии с определенными принципами. В работах Лёша можно найти применение не только шестиугольника для описания оптимальности размещения производства, но и возможности применения других геометрических фигур, в том числе использование конуса для описания спроса на определенном рынке. При этом размеры и схемы экономического ландшафта зависят от видов производства, системы расселения, транспортной сети и других факторов.

Особенность работы Лёша заключается не только в широком использовании математического инструментария для описания принципов построения экономического ландшафта или организации экономического пространства региона, но и допущения большего количества факторов, влияющих на данный процесс организации, по сравнению с предшественниками Лёша, представителями

¹ Christaller W. Central places in Southern Germany / transl. by C.W. Baskin. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1966. 230 p.

² Маркварт Э., Киселева Н.Н., Соснин Д.П. Система опорных населенных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты // Власть. 2022. Т. 30, № 2. С. 95-111.

³ Лёш А. Пространственная организация хозяйства : пер. с нем. / под ред. ак. А.Г. Гранберга. М.: Наука, 2007. 663 с.

немецкой школы. По сложности организации системы экономического ландшафта Лёш сравнивал его с живым организмом.

Помимо классических теорий размещения производительных сил, разработанных представителями немецкой школы, значительное влияние на данное направление оказали представители российской и советской школы. Первые идеи в основном были связаны с развитием сельскохозяйственной отрасли и освоением месторождений полезных ископаемых, расположенных в различных районах Российской империи. Так, А.С. Ермоловым было введено понятие «районов» при разделении страны на отдельные сельскохозяйственные территории¹. До А.С. Ермолова исследователями использовались различные термины в отношении сельскохозяйственных территорий государства – полосы, пояса, отделы и т.п., но отсутствовал единый подход к использованию понятий.

В работах Д.И. Менделеева представлен взгляд на систему размещения производственных предприятий, которая определяется такими факторами, как расселение и плотность (густота) населения на территории, наличие транспортной инфраструктуры, обеспечивающей доставку сырья и вывоз готовой продукции, доступность энергетических ресурсов и т.п.²

Основы, заложенные в XIX веке, получили свое развитие уже в советский период, для которого была характерна двойственная ситуация: с одной стороны, плановое хозяйство «упрощало» процесс размещения предприятий по территории страны в зависимости от распределения источников сырья, материалов и энергоресурсов, с другой – система планирования в значительной степени усложнялась необходимостью не только проводить расчеты объемов производства, движения потоков ресурсов и готовой продукции, но и учитывать необходимость планирования системы расселения для обеспечения бесперебойности производственного процесса в масштабах всей страны и распределения спроса на конечную продукцию в зависимости от того, каким образом распределялись производительные силы и новые места жизни населения.

---

¹ Ермолов А. Организация полевого хозяйства. I. Системы полеводства. СПб: Издание А.Ф. Девриена, 1879. 192 с.

² Фабрично-заводская промышленность и торговля России / под ред. Д.И. Менделеева. СПб.: Типографии В.С. Балашева и Ко и В.Ф. Демакова, 1893. 750 с.

Исследования изначально возникшей в 1915 г. Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС), а в дальнейшем и Совета по изучению производительных сил (СОПС) в основном были направлены на систематизацию данных о размещении месторождений полезных ископаемых и природных ресурсов (естественных производительных сил) и вытекающей из этого возможности распределения предприятий со специализацией в зависимости от имеющихся на определенной территории природных ресурсов и организации транспортной инфраструктуры, соединяющей предприятия страны как производственный сектор и рынки сбыта как потребительский сектор. Во многих разработках советских ученых делался упор на развитие малых и крупных городов, которые предполагали разделение – основной функцией малых городов становилась функция обеспечения функционирования градообразующих предприятий, а крупные города представляли собой основные места потребления и комплекс малых и средних предприятий, по своей специализации не привязанных к месторождениям полезных ископаемых. К практической реализации разработок в рамках деятельности КЕПС и в дальнейшем СОПС относят и план Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО), который, в первую очередь, был направлен на обеспечение функционирования уже существовавших предприятий и создание условий для строительства новых, в основном относившихся к тяжелой промышленности и требовавших значительного запаса энергетических ресурсов.

Отличительной особенностью деятельности советской школы пространственного развития экономики в части размещения производительных сил являлась возможность практической реализации теоретических разработок. С 1930-х гг. развивалась и практически внедрялась идея территориально-производственных комплексов (ТПК), которые должны были учитывать специфику регионов и способствовать развитию различных видов производств. Основы для формирования теории ТПК заложили Г.М. Кржижановский¹

---

¹ Кржижановский Г.М. К 35-летию плана ГОЭЛРО / План электрификации РСФСР. Доклад VIII Съезду Советов Государственной Комиссии по Электрификации России. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. 660 с.

и И.Г. Александров¹, а ее развитием занимался Н.Н. Колосовский², который и предложил само понятие «территориально-производственный комплекс». В последнее десятилетие можно найти публикации, в которых представлены результаты сравнительного анализа территориально-производственных комплексов и кластеров, которые были описаны и проанализированы в работе М. Porter в 1990-е гг.³ В своей статье Н.Н. Киселева, А.А. Орлянская, К.В. Бавина и Н.В. Боровикова приходят к заключению, что отличия ТПК и кластеров заключаются в том, что первые являются частью государственной политики по освоению новых территорий, созданы для обеспечения единой технологической цепочки по созданию конечного продукта (от этапа добычи и переработки сырья до производства конечной продукции), включают в себя преимущественно крупные предприятия тяжелой промышленности, а вторые возникают в результате действия рыночных сил (конкуренции) в староосвоенных регионах, ориентированы на минимизацию трансакционных издержек в деятельности компании за счет выстраивания тесного взаимодействия и сотрудничества между фирмами, действующими в рамках одной технологической цепочки и расположенных в пределах одной территории, и представляют собой совокупность мелких и средних предприятий, добровольно объединившихся для достижения общей цели⁴. В трудах Д.Н. Лапаева, О.Н. Лапаевой и Я.С. Поташника проводится сравнительный анализ влияния кластеров на устойчивое развитие регионов⁵. На наш взгляд, различия между территориально-производственными комплексами и кластерами не настолько велики и обусловлены только институциональными условиями, в рамках которых оба подхода к организации производительных сил возникли, – рыночным и плановым хозяйствами.

¹ Александров И.Г. Экономическое районирование России / Госплан. М.: Тип. III Интернационала, 1921. 15 с.

² Колосовский Н.Н. Основы экономического районирования. М.: Госполитиздат, 1958. 200 с.

³ Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction. N.Y.: The Free Press, 1990, Palgrave Tenth Edition, 1998. 855 р.

⁴ Киселева Н.Н., Орлянская А.А., Бавина К.В., Боровикова Н.В. Территориально-производственные комплексы как форма пространственной организации производства: эволюция и перспективы развития // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2016. № 4 (48). С. 150-160.

⁵ Лапаев Д.Н., Лапаева О.Н., Поташник Я.С. Многопроекционная оценка устойчивости регионов Сибирского федерального округа // Развитие и безопасность. 2024. № 2 (22). С. 90-99.

В советской школе, помимо направления размещения производительных сил в зависимости от различных факторов и условий, активно развивалось аналитическое направление, в рамках которого разрабатывались подходы к оценке эффективности использования природных условий регионов и распределения производительных сил по территории страны. Разрабатываемые методики были направлены на оценку не только конкретных территорий, но и на проведение сравнительного анализа развития производительных сил и эффективности размещения, при этом исследовались не только экономические районы в их производственной совокупности, но и отдельные отрасли, распределенные по различным регионам – районно-отраслевые ряды В.В. Кистанова и В.Л. Гербова¹. Помимо анализа показателей функционирования размещенных по экономическим районам производительных сил и оценки их запасов, А.Г. Лисом разрабатывались методики расчета структурно-динамических коэффициентов, ставших частью системы прогнозирования развития производительных сил².

Теория экономического развития Й. Шумпетера, основная роль в которой была отведена инновациям, получила свое развитие во второй половине XX века в работах, посвященных изменениям размещения производительных сил как внутри одного государства, так и в международном пространстве. H. Giersch в своей модели представил принцип распространения инноваций, предполагавших в том числе изменения в производственном процессе, от крупных агломерационных центров, в которых данные инновации и возникали в силу сосредоточения предпринимательской и научной активности, к периферии. Данная модель получила название «модель вулкана», в которой агломерация – жерло вулкана, инновации – лава, периферия – склоны вулкана, по которым стекает лава³.

Достаточно интересной является группа теорий полюсов роста, раскрывающих варианты распространения импульсов развития между субъектами экономического пространства. Первенство в формулировании теории полюсов

¹ Методика определения эффективности специализации и комплексного развития хозяйства союзных республик и экономических районов СССР. Проект. Авторы исходного варианта В.В. Кистанов, В.Л. Гербов, Ф.Д. Курников, А.С. Эпштейн. Руководитель А.Б. Марголин. М.: СОПС при Госплане СССР, 1967.

² Лис А.Г. Проблемы развития и размещения производительных сил Белоруссии. М.: Мысль, 1972. 276 с.

³ Giersch H. Aspects of growth, structural change, and employment: A Schumpeterian perspective // Kiel Working Paper. 1979. No. 89. Pp.1-39

роста отдают F. Perroux, который выдвинул идею о поляризации, в рамках которой отрасли или предприятия создают импульс экономического развития, стимулирующий развитие смежных отраслей и предприятий, функционирующих в рамках того же экономического пространства¹. У P. Pottier данное направление исследований было сосредоточено не на источнике развития, а на каналах распространения импульса – осиях развития. Развитие пространства, расположенного между полюсами роста, зависит от потоков, движущихся между полюсами – транспортные магистрали, миграция инноваций, перемещение экономических ресурсов создают дополнительные импульсы для развития осей².

В теории J.R. Lasuén полюса роста определены как отрасли или предприятия, ориентированные на экспорт³. Рост совокупного спроса на отечественную продукцию за счет увеличения экспорта будет создавать импульс для развития второстепенных отраслей и предприятий, продукция которых реализуется только на внутреннем рынке. В рамках указанной теории мы можем наблюдать связь экономического пространства страны или отдельного региона с внешними рынками. И если в ранее рассмотренных теориях пространственное размещение производительных сил в основном рассматривалось в условиях закрытой экономики, то в данной модели условия обеспечения экономического развития характеризуются показателями открытой экономики.

Помимо теории полюсов роста F. Perroux и других авторов, широкое распространение, с точки зрения анализа подходов к распределению экономических ресурсов и взаимодействию между экономическими агентами внутри одного экономического пространства, получила теория J. Friedmann, в которой он рассматривал процессы формирования центров, в основе которых лежит полиядерная структура, и их влияния на периферию. При этом, анализируя политику регионального развития, J. Friedmann обращает внимание на то, что невозможно разделить национальную пространственную экономику на составляющие элементы по каждому отдельному региону. Несмотря на то, что в региональном планировании мы действуем в отношении конкретной

---

¹ Perroux F.L. L'Economie du XX siècle. P.U.F., 1961. 814 p.

² Pottier P. Axes de communication et développement économique // Revue économique. 1963. Vol. 14, No. 1. Pp. 58-132.

³ Lasuén J.R. On growth poles // Urban Studies. 1969. Vol. 6, No. 2. Pp. 137-161.

территории со всеми расположенными на ней субъектами, необходимо принимать во внимание все субъекты и все процессы, происходящие за пределами данного региона, т.к. в экономическом пространстве невозможно проводить границы, соответствующие границам регионов¹. В рамках своих исследований J. Friedmann допускал разделение национального пространства на экономическое, социальное и политическое, но не по региональному признаку². Поэтому, оценивая взаимодействие центра и периферии в рамках теории J. Friedmann, необходимо учитывать влияние и соседних центров, и периферий, связанных общими экономическим пространством.

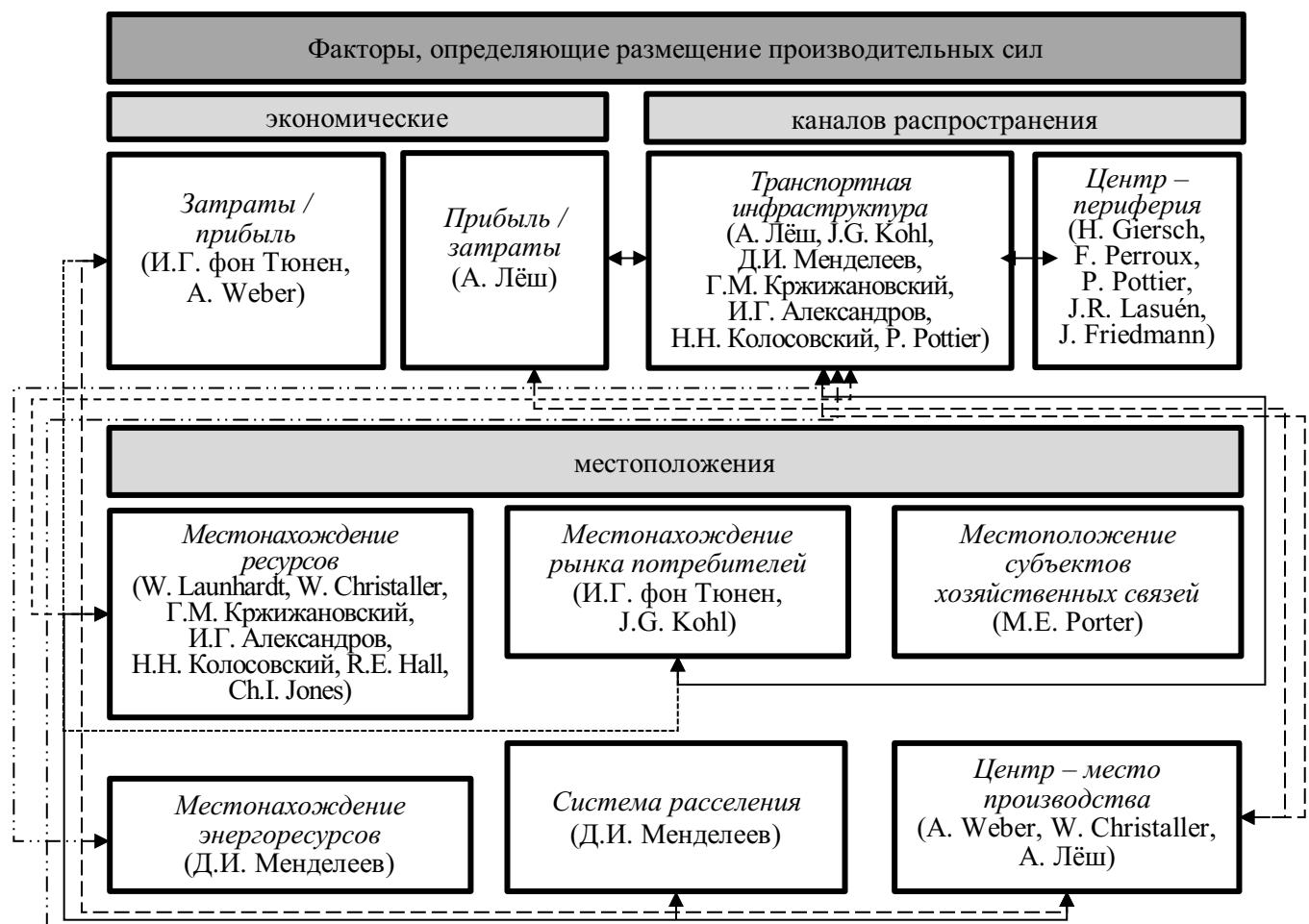
Анализируя теории пространственного размещения производительных сил, Н.Н. Киселева, А.А. Орлянская, К.В. Бавина и В.А. Савченко обращают внимание на модель R.E. Hall и Ch.I. Jones, в которой, помимо факторов, оказывающих непосредственное влияние на размещение производительных сил, инфраструктурные и другие объекты, вводятся и такие характеристики, как государственное устройство, политическая среда, социальная сфера и местоположение самого государства³. Учитывая данные факторы модели Hall-Jones и различные виды пространства в исследованиях J. Friedmann, мы полагаем, что допустимо говорить о том, что на размещение производительных сил, их эффективное функционирование и развитие влияют не только географические факторы первоначального распределения экономических ресурсов, но и институциональные характеристики, представленные совокупностью пространств (экономическим, политическим, социальным и др.), формальными (политическая среда и государственное устройство) и неформальными институтами (социальная сфера в части взаимодействия людей, национальная культура и др.) (рисунок 1.1).

---

¹ Friedmann J. Regional Planning in Post-Industrial Society: Some Policy Considerations // Journal of Farm Economics. 1963. Vol. 45, No. 5. Pp. 1073-1079.

² Friedmann J. Regional Planning and Nation-Building: An Agenda for International Research // Economic Development and Cultural Change. 1967. Vol. 16, No. 1. Pp. 119-129.

³ Методология исследования пространственной организации промышленности / Н.Н. Киселева, А.А. Орлянская, К.В. Бавина, В.А. Савченко. Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на Кавказских минеральных водах, 2016. 91 с.; Hall R.E., Jones Ch.I. Why do some countries produce so much output per worker than others? // Quarterly journal of economics. 1999. Vol. 114. P. 83-116.

Примечание – Составлено автором на основе: Тюнен И.Г. Изолированное государство / пер. Е.А. Торнеус; под ред. проф. А.А. Рыбникова. М.: Издательство «Экономическая жизнь», 1926. 326 с.; Kohl J.G. Der Verkehr und die Ansiedelung der Menschen in ihrer Abhängigkeit von der Gestaltung der Erdoberfläche. 2nd ed. Leipzig: Arnoldische Buchhandlung, 1950. 600 p.; Weber A., Pick G. Ueber den Standort der Industrien. Teil I. Reine Theorie des Standorts, mit einem mathematischen Anhang. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1922. 246 p.; Launhardt W. Mathematical Principles of Economics / transl. by H. Schmidt; ed. by J. Creedy. Aldershot: Edward Elgar, 1993. 192 p.; Christaller W. Central places in Southern Germany / transl. by C.W. Baskin. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1966. 230 p.; Кржижановский Г.М. К 35-летию плана ГОЭЛРО / План электрификации РСФСР. Доклад VIII Съезду Советов Государственной Комиссии по Электрификации России. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. 660 с.; Александров И.Г. Экономическое районирование России / Госплан. М.: Тип. III Интернационала, 1921. 15 с.; Колосовский Н.Н. Основы экономического районирования. М.: Госполитиздат, 1958. 200 с.; Hall R.E., Jones Ch.I. Why do some countries produce so much output per worker than others? // Quarterly journal of economics. 1999. Vol. 114. P. 83-116; Лёш А. Пространственная организация хозяйства : пер. с нем. / под ред. ак. А.Г. Гранберга. М.: Наука, 2007. 663 с.; Фабрично-заводская промышленность и торговля России / под ред. Д.И. Менделеева. СПб.: Типографии В.С. Балашева и Ко и В.Ф. Демакова, 1893. 750 с.; Pottier P. Axes de communication et développement économique // Revue économique. 1963. Vol. 14, No. 1. Pp. 58-132.; Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction. N.Y.: The Free Press, 1990, Palgrave Tenth Edition, 1998. 855 p.; Perroux F.L. L'Economie du XX siècle. P.U.F., 1961. 814 p.; Lasuén J.R. On growth poles // Urban Studies. 1969. Vol. 6, No. 2. Pp. 137-161.

Рисунок 1.1 – Факторы, определяющие размещение производительных сил
(теории размещения производительных сил XIX-XX вв.)

Проведя сравнительный анализ теорий полюсов роста, Ф.А. Кожиева обратила внимание на своеобразную трансформацию теории полюсов роста в российских исследованиях, представленную К.В. Павловым¹. В теории Павлова полюса роста представлены экономическими ядрами, которые даже при низком уровне рентабельности и оборачиваемости способны обеспечивать стабильное развитие предприятий отрасли или региона, стимулируя экономическое развитие. В такой интерпретации экономические ядра могут представлять собой базис экономического развития территории, при этом необязательно присутствие инновационных процессов, что характерно для российской практики ввиду того, что в рамках советского прошлого размещение производительных сил в стране осуществлялось в условиях директивного планирования и предусматривало существование институтов плановой экономики, но реформы в постсоветский период трансформировали как институциональные основы функционирования всех отраслей и предприятий, так и подходы к размещению производительных сил и к принципам их взаимодействия между собой.

Е.М. Бухвальд, ссылаясь на работы таких авторов, как А.И. Татаркин, К. Коломб, Дж. Томаней, Р. Бенени, А. Чижевский, А.О. Полынев, И.В. Гришина, делает важное заключение, что при управлении пространственным развитием государства необходимо учитывать имеющиеся институты пространственного регулирования. В отношении отдельных регионов, по его мнению, должны применяться инструменты пространственного регулирования, учитывающие специфику данных территорий. Вся политика пространственного развития должна обладать согласованными между собой стратегиями пространственного развития разных уровней реализации (от муниципального до федерального)². На существование различных уровней реализации стратегии пространственного развития государства акцентирует внимание и П.Я. Бакланов. Однако в его трактовке отсутствует муниципальный уровень, и иерархия представлена только

---

¹ Кожиева Ф.А. Региональное развитие в контексте теории полюсов роста // Фундаментальные исследования. 2015. № 11-3. С. 574-578.

² Бухвальд Е.М. Управление пространственным развитием российской экономики: цели и инструменты // Управленец. 2020. Т. 11, № 6. С. 2-14.

макрорегиональным уровнем, включающим в себя три укрупненных макрорегиона России, уровнем крупных экономических районов, которые, в основном, соответствуют административному делению – федеральным округам, мезоструктурный районный уровень, состоящий из отдельных субъектов Российской Федерации¹. В отличие от идеи Е.М. Бухвальда, данная иерархия построена на географическом принципе и территориально-административном делении без учета распространения экономических институтов и экономического пространства государства.

Развитие теорий размещения производительных сил на определенных территориях и в определенном пространстве с учетом заданного распределения экономических ресурсов или возможности их перемещения привели к выделению нового вида ресурсов – пространственных. Трактовка пространственных ресурсов как комбинации вариантов размещения объектов управления в пространстве на различных уровнях (макро-, мезо-, микро-) предложена Л.С. Леонтьевой, А.И. Конотоповым и А.Б. Ильиным². При этом в случае возникновения нового эффекта (экономического, социального, социально-экономического) в результате применения технологий использования пространственных ресурсов авторы предлагают говорить о пространственных инновациях. Таким образом, мы можем заключить, что произошла эволюция взглядов: от того, что производительные силы размещаются в пространстве, к тому, что пространство может быть участником процесса создания нового, в том числе достижения синергического эффекта «пространство – производительные силы».

Анализ теорий размещения производительных сил позволяет проследить эволюцию взглядов на основные факторы, определяющие варианты оптимального и эффективного использования экономического пространства региона, и выявить те, на которые необходимо обращать внимание при формировании

¹ Бакланов П.Я. Пространственное развитие региона: основные принципы и подходы к анализу и оценкам // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2017. № 6. С. 4-12.

² Леонтьева Л.С., Конотопов А.И., Ильин А.Б. Управление пространственным инновациями: монография. М.: Изд-во МИИГАиК, 2016. 141 с.

государственной политики пространственного развития с учетом существующей системы распределения экономических субъектов и объектов и потенциального их перемещения.

Таким образом, проведенный автором анализ взглядов исследователей на подходы к размещению производительных сил и пространственному развитию показал, что до середины XX века в основе теорий лежали материальные факторы, которые определяли оптимальные варианты распределения экономических субъектов в пространстве. Но в дальнейшем в работах исследователей возникло смещение акцента на нематериальные факторы – сначала инновации, в дальнейшем – институты. Пространственное развитие любого государства предполагает деятельность как на макроуровне в виде подготовки и реализации государственной политики, так и на микроуровне – при принятии хозяйствующими субъектами решений о создании или направлениях развития своего бизнеса. Практическая реализация теорий размещения производительных сил и пространственного развития должна учитывать те институты, которые определяют функционирование национальной экономики данного государства, т.к. они являются и составляющими элементами пространства государства, и условиями его функционирования.

1.2. Факторы, определяющие пространственную организацию региона

Пространственную организацию территории можно рассматривать с двух позиций – как процесс и как результат. В первом случае к факторам пространственной организации относятся объекты, явления, цели, которые определяют то, каким образом будут распределены искусственные пространственные элементы с учетом расположения естественных пространственных элементов. К искусственным элементам отнесены те, что созданы человеком – инфраструктурные объекты, различные сооружения, здания, производственные площадки, жилые кварталы, населенные пункты и др.

Естественные же элементы представляют собой природные объекты, такие как ландшафт, водоемы, месторождения полезных ископаемых и т.п.

Во втором случае подразумеваются распределение по территории искусственных и естественных пространственных элементов и существующие между ними связи, что влияет на возможности функционирования и развития всех субъектов данной территории (людей, хозяйствующих субъектов, органов управления, институтов и т.д.).

В классических теориях пространственной организации производительных сил общим определяющим фактором считаются издержки (И. Тюнен, В. Лаунхардт, А. Вебер, В. Кристаллер), при этом у Тюнена транспортные издержки связаны с земельной рентой¹, у Лаунхардта выбор местоположения зависит от затрат на транспортировку трудовых и производственных ресурсов до предприятия и готовой продукции до потребителей². Штандарт Вебера предполагает минимизацию издержек на рабочую силу и транспортировку за счет оптимального размещения производительных сил³. Идеи Кристаллера заключаются в том, что город – центральное место – обладает максимально разнообразным в отраслевом аспекте набором производительных сил, изготовленная которыми продукция реализуется как в данном центральном месте, так и в меньших населенных пунктах, равномерно распределенных по округе⁴. При этом эти населенные пункты также могут быть центральными местами, но уже с ограниченным набором производительных сил.

Данные теории относятся к процессному подходу пространственной организации. Но опирающаяся на идеи Вебера и Кристаллера теория А. Лёша допускает существование уже сформированного экономического пространства,

¹ Тюнен И.Г. Изолированное государство / пер. Е.А. Торнеус; под ред. проф. А.А. Рыбникова. М.: Издательство «Экономическая жизнь», 1926. 326 с.

² Launhardt W. Mathematical Principles of Economics / transl. by H. Schmidt; ed. by J. Creedy. Aldershot: Edward Elgar, 1993. 192 p.

³ Weber A., Pick G. Ueber den Standort der Industrien. Teil I. Reine Theorie des Standorts, mit einem mathematischen Anhang. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1922. 246 p.

⁴ Christaller W. Central places in Southern Germany / transl. by C.W. Baskin. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1966. 230 p.

поэтому относится ко второму подходу – результатному¹. В работах Тюнена, Вебера, Кристаллера раскрываются идеи организации пространства, а в работах Лёша – интеграции в существующее пространство. Основным фактором, определяющим размещение производительных сил, у Лёша стала максимизация прибыли и выгода производителя.

Во введении к обзору развития промышленности и торговли в Российской империи Д.И. Менделеев к основным факторам распределения производительных сил (обрабатывающая промышленность) отнес расселение и густоту (плотность) населения на территории, развитие железной дороги (транспортной инфраструктуры), доступность энергетических ресурсов (в первую очередь угля), накопление капитала, рост потребления². Возникшая в дореволюционный период Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС), которая в дальнейшем стала Советом по изучению производительных сил (СОПС), относится к группе теорий и моделей процессного подхода. Исследования, начатые КЕПС, легли в основу реализации плана Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО), определявшим размещение энергетических ресурсов по территории страны с целью обеспечения функционирования предприятий обрабатывающей промышленности с учетом распределения месторождений полезных ископаемых и энергоемкости производства.

Теории территориально-производственного комплекса (ТПК) Г.М. Кржижановского, И.Г. Александрова, Н.Н. Колсовского и рационального размещения производительных сил Н.Н. Некрасова предполагали, что распределение предприятий и инфраструктурных объектов (в первую очередь транспортных магистралей) обусловлено местоположением основных источников природных ресурсов, что должно позволить обеспечить технологическую цепочку производства конечной продукции³. Данные теории мы можем отнести

¹ Лёш А. Пространственная организация хозяйства : пер. с нем. / под ред. ак. А.Г. Гранберга. М.: Наука, 2007. 663 с.

² Фабрично-заводская промышленность и торговля России / под ред. Д.И. Менделеева. СПб.: Типографии В.С. Балашева и Ко и В.Ф. Демакова, 1893. 750 с.

³ Кржижановский Г.М. К 35-летию плана ГОЭЛРО / План электрификации РСФСР. Доклад VIII Съезду Советов Государственной Комиссии по Электрификации России. 2-е изд. М.:

к процессному подходу по причине условий их разработки и реализации – командно-плановой экономики, в которой издержки производства имели значение, но не были определяющими при размещении производительных сил. Это отличает теории территориально-производственного комплекса от теорий кластеров, в которых сотрудничество фирм по обеспечению непрерывности технологической производственной цепочки подвержено действию конкурентных сил и ориентировано на выстраивание длительных взаимодействий по изготовлению конечной продукции. Общими факторами теории ТПК и теории кластеров являются относительно близкое географическое положение основных хозяйствующих субъектов и реализация ими определенного этапа технологической цепочки производства конечной продукции. Учитывая процессы «сломов» системы централизованного народно-хозяйственного планирования в СССР, при формировании новой экономической системы России вопросы пространственного планирования были сведены на нет. Только в конце первого десятилетия XXI в. в российской практике стали возвращаться к вопросам пространственной организации региональной экономики, включая внедрение кластерного подхода¹.

К результатному подходу можно отнести исследования академика А.Г. Гранберга, который отразил влияние размещения производительных сил на экономические связи между регионами (макро- и мезорегионами)². К этой группе относится «модель вулкана» H. Giersch, описывающая распространение инноваций по территории – возникновение в агломерации и дальнейшее продвижение инноваций из агломерационного центра к периферийным районам³.

Госполитиздат, 1955. 660 с.; Александров И.Г. Экономическое районирование России / Госплан. М.: Тип. III Интернационала, 1921. 15 с.; Колсовский Н.Н. Основы экономического районирования. М.: Госполитиздат, 1958. 200 с.; Некрасов Н.Н. Проблемы размещения производительных сил СССР // Вопросы экономики. 1978. №11. С. 3-12.

¹ Носонов А.М. Формирование инновационных территориальных кластеров в регионах России // Регионология. 2023. Т. 31, № 3 (124). С. 498-513; Череповская Н.А. Кластерный подход как инструмент стратегического пространственного развития России // Проблемы теории и практики управления. 2024. № 9. С. 18-28.

² Гранберг А.Г. Моделирование пространственного развития национальной и мировой экономики: эволюция подходов // Регион: Экономика и Социология. 2007. № 1. С. 87-107.

³ Giersch H. Aspects of growth, structural change, and employment: A Schumpeterian perspective // Kiel Working Paper. 1979. No. 89. Pp.1-39&

Определяющими факторами в таком случае становятся источники инноваций – научно-исследовательские лаборатории и предпринимательская активность. Схожий механизм наблюдается и в теориях полюсов роста (например, F. Perroux)¹, осей развития (P. Pottier)², центр-периферия (J. Friedmann) в которых первоначальное распределение производительных сил и инфраструктуры будет определять источники роста и направления распространения³. При этом модель Hall-Jones дополняет «классический» набор факторов (запас капитала, трудовые, земельные ресурсы, их пространственное распределение, географическое положение и т.п.) институциональными – государственное устройство, социальная и политическая инфраструктура⁴. На важное место институционального фактора в развитии регионов в своих работах обращает внимание Р.А. Абрамов⁵.

Исследуя факторы размещения производительных сил в экономике региона, профессор Е.Г. Анимица в дополнение к классическим факторам (ресурсный, энергетический, сырьевой, транспортный и др.) выделил группу новых – «интеллектуальных», к которым отнес факторы, способствующие концентрации информации, инноваций, интеллектуального капитала, новых знаний и т.п. на определенной территории⁶.

Помимо упомянутых автором ранее, в работе Т.С. Вергинской отмечено влияние на размещение производительных сил дополнительных факторов, к которым отнесены культурные традиции производства и управления, характерные для данной территории, бизнес-среда, сетевое взаимодействие экономических субъектов, восприимчивость трудовых ресурсов

¹ Perroux F.L. L'Economie du XX siècle. P.U.F., 1961. 814 p.

² Pottier P. Axes de communication et développement économique // Revue économique. 1963. Vol. 14, No. 1. Pp. 58-132

³ Friedmann J. Regional Planning and Nation-Building: An Agenda for International Research // Economic Development and Cultural Change. 1967. Vol. 16, No. 1. Pp. 119-129; Friedmann J. Regional Planning in Post-Industrial Society: Some Policy Considerations // Journal of Farm Economics. 1963. Vol. 45, No. 5. Pp. 1073-1079.

⁴ Hall R.E., Jones Ch.I. Why do some countries produce so much output per worker than others? // Quarterly journal of economics. 1999. Vol. 114. P. 83-116.

⁵ Абрамов Р.А. Роль институционального фактора в формировании региональных инновационных систем в России // Экономическое развитие России. 2024. Т. 31, № 1. С. 17-23.

⁶ Анимица Е.Г., Анимица П.Е., Денисова О.Ю. Эволюция научных взглядов на теорию размещения производительных сил // Экономика региона. 2014. № 2 (38). С. 21-32.

и предпринимателей к инновациям, тип территории, на которой располагаются производительные силы (агломерация, городское или сельское поселение), и отраслевая структура ее экономики, наличие конкурентных преимуществ на международных рынках и условия выхода на новые рынки¹. Последние два варианта группировки факторов, влияющих на размещение производительных сил и организацию пространства региона, можно отнести к результатному подходу.

Специфика размещения производительных сил и пространственного развития территории проявляется в совместном действии тех факторов, которые ее определяют – географические, ресурсные, институциональные и др.²

В современных теориях пространственная организация территорий предполагает не только наличие политических решений со стороны федеральных или региональных властей в форме реализуемых государственных программ и проектов, но и привлекательность регионов для инвесторов как отечественных, так и иностранных. Ограничения существующей финансовой инфраструктуры региона оказывают сдерживающее влияние на пространственное развитие экономической деятельности, в том числе на отраслевую и территориальную диверсификацию экономики³.

Анализ теорий и моделей пространственной организации позволил автору выделить три группы факторов (таблица 1.3). По своей сущности нематериальные факторы не обладают физическим проявлением, поэтому данная группа включает в себя разнообразные факторы, для которых единым признаком является отсутствие физического (материального, вещественного) проявления. На наш

¹ Вергинская Т.С. Размещение производительных сил как инструмент экономической интеграции регионов // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2016. № 4. С. 110-118.

² Коломак Е.А., Шерубнева А.И. Пространственная структура и факторы экономического развития азиатской России // Регион: Экономика и Социология. 2023. № 1 (117). С. 82-110.

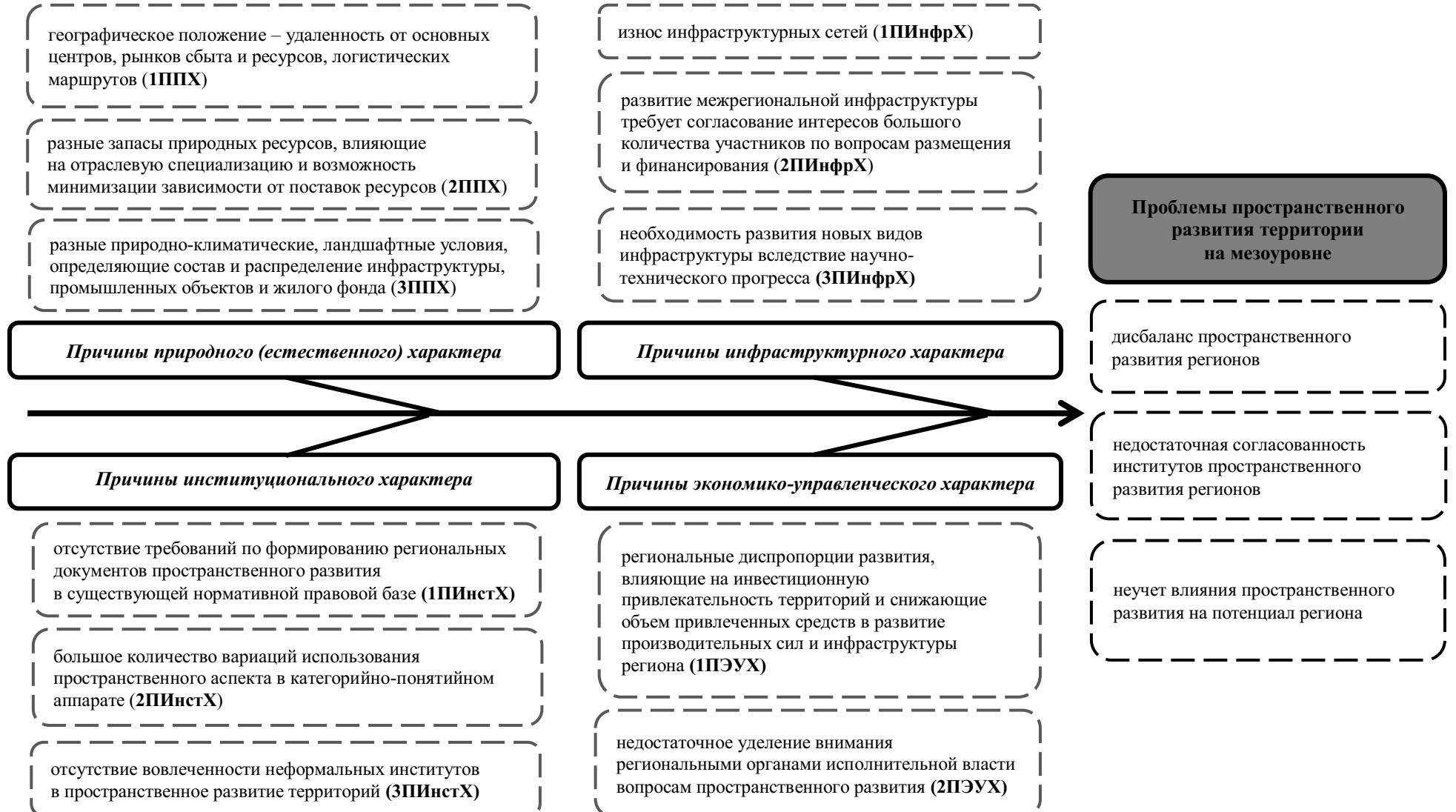
³ Филатова Н.Г. Как институты финансовой поддержки предпринимательства влияют на инвестиционный потенциал регионов // ЭКО. 2021. № 5 (563). С. 96-117; Колесов Р.В., Проскурнова К.Ю., Тарасова А.Ю. Совершенствование системы управления региональными финансами в целях обеспечения устойчивого роста экономики регионов России // Финансовая экономика. 2019. № 11. С. 457-460; Проскурнова К.Ю. Сравнительный анализ подходов к оценке доли теневого сектора экономики нескольких стран // Сборник научных статей научно-педагогических и практических работников / под ред. В.А. Неклюдова, О.В. Карташевой. Ярославль: Канцлер, 2016. С. 196-199.

взгляд, целесообразным является выделение из группы нематериальных факторов институциональных как отдельной совокупности, т.к. в основе каждого фактора данной группы лежат нормы и правила как основные признаки институтов.

Таблица 1.3 – Группы факторов пространственной организации территории

Группа	Факторы
Материальные	<p>Естественные:</p> <ul style="list-style-type: none"> – природные объекты (реки, озера, горы и т.п.); – месторождения полезных ископаемых; – природные ресурсы; – ландшафт; – климат <p>Искусственные:</p> <ul style="list-style-type: none"> – транспортные магистрали; – транспортные узлы; – предприятия; – научно-исследовательские организации; – логистическая инфраструктура; – населенные пункты; – финансовая инфраструктура
Нематериальные	<ul style="list-style-type: none"> – инвестиционная активность; – потребительский спрос; – распространение инноваций
Институциональные	<ul style="list-style-type: none"> – нормативные правовые документы, регулирующие размещение производительных сил; – программы развития территорий и отраслей; – демографическая политика; – инновационная политика; – инвестиционная политика; – неформальные институты (организационная культура территории, предпринимательская культура и т.п.); – внешнеторговая политика; – международные и иностранные правовые документы, влияющие на развитие отраслей и сфер деятельности
Примечание – Составлено автором.	

В данном исследовании автор, обосновывая необходимость формирования институтов пространственного развития, счел необходимым осуществить выявление и группировку проблем и причин недостаточности пространственного развития регионов. Подобный подход направлен на организацию последующих действий по определению институциональных инструментов пространственного развития на мезоуровне (рисунок 1.2).

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 1.2 – Проблемы и причины недостаточности пространственного развития территорий на мезоуровне

Таким образом, пространственная организация региона определяется влиянием трех групп факторов – материальных, нематериальных и институциональных. В зависимости от действующих условий данные факторы влияют на подход к размещению производительных сил – процессный или результатный. В первом случае распределение искусственных элементов производительных сил зависит от фактического позиционирования естественных элементов, во втором случае на размещение влияют прогнозируемые результаты деятельности от выбранного местоположения имеющихся производительных сил и возникающих в результате этого экономических связей. Выделенная автором институциональная группа факторов может выступать дополнительным ресурсом выстраивания взаимовыгодного сотрудничества территорий по обеспечению своего социально-экономического и пространственного развития, сглаживанию негативных тенденций и усилению положительных.

1.3. Институты как элемент пространственного развития региона¹

Несмотря на то, что институты присутствуют в деятельности людей на протяжении всей истории человечества, научные теории и исследования, посвященные данному аспекту, возникли только на рубеже XIX-XX веков. В экономической науке в рамках институционального направления рассматриваются вопросы влияния институтов на результаты деятельности. Отсутствие единой школы и общих подходов к исследованию проявилось в трактовке понятия «институт». В отечественной и зарубежной литературе можно найти большое количество определений данного термина. Т. Веблен, которого считают одним из первых представителей институционализма (несмотря на то, что

---

¹ При работе над данным разделом диссертации использована следующая публикация автора, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Проскурнова К.Ю. Институциональные основы регионального развития: монография. 2-е издание. Ярославль: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2024. 86 с.

исследования отдельных элементов институтов можно найти у представителей немецкой исторической школы), под институтом подразумевал «распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций; и система жизни общества, которая слагается из совокупности действующих в определенное время или в любой момент развития какого угодно общества, может с психологической стороны быть охарактеризована в общих чертах как превалирующая духовная позиция или распространенное представление об образе жизни в обществе»¹. Так, во вступительной статье к книге Т. Веблена «Теория праздного класса» С.Г. Сорокина определяет институт как «закрепление обычая и порядков в виде закона или учреждения»². Б. Селигмен приводит следующую трактовку института, которую дал Дж.Р. Коммонс: «коллективные действия, направленные на контроль над действиями индивидуальными»³.

В своей работе, посвященной критике мейнстрима в экономике, Дж. Ходжсон трактует институты так: «социальная организация, которая посредством традиции, обычая или правовых ограничений формирует долговременные рутинизированные схемы поведения»⁴. Приверженец междисциплинарного подхода в исследовании человеческой деятельности Т. Parsons под институтами понимал «нормативные модели, определяющие, что в данном обществе считается должным, заданным или ожидаемым образом действия или социального взаимоотношения»⁵.

Одним из самых распространенных вариантов трактовки термина «институт» является определение, которое отразил в своих трудах лауреат премии Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля Дуглас

¹ Веблен Т. Теория праздного класса / пер. с англ.; под общ. ред. В.В. Мотылева. М.: Издательство Прогресс, 1984. С. 201.

² Там же. С. 6.

³ Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли / пер. с англ.; под общ. ред. А.М. Румянцева. М.: Издательство «Прогресс», 1968. С. 79.

⁴ Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории / пер. с англ. М.: Дело, 2003. С. 37.

⁵ Parsons T. The Motivation of Economic Activities // Canadian Journal of Economics and Political Science. 1940. No. 6. P. 190.

Норт, который под институтами понимал «“правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми»¹. Институт Рональда Коуза в глоссарии на своем сайте также использует трактовку Д. Норта: «Институт – правила игры: разработанные человеком ограничения, которые структурируют взаимодействие между людьми. Они состоят из формальных ограничений (таких как правила, законы, конституции), неформальных ограничений (таких как нормы поведения, конвенции, добровольные кодексы поведения) и их принудительных характеристик»².

В своих статьях J.D. Shaffer дает несколько трактовок термина «институт», одна из которых: «формальные и неформальные правила, которые регулируют или, по крайней мере, влияют на поведение участников общества в процессе их взаимодействия в политической и экономической деятельности»³.

Рассматривая институты в рамках микроэкономической теории, С. Боулз определяет данный термин как «законы, неформальные правила и соглашения, обеспечивающие долгосрочную основу для социальных взаимодействий членов популяции»⁴.

В.Л. Тамбовцев рассматривает институты как «правило или совокупность правил, имеющих внешний механизм принуждения индивидов к исполнению»⁵. В свою очередь, Д.П. Фролов институты представляет как «способы институции и организации хозяйственной деятельности, связанные с ними нормы, правила

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 17.

² North D.C. Economic Performance Through Time, Nobel prize lecture, December 19, 1993 // The Nobel Prize. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1993/north/lecture/> (дата обращения: 15.03.2021); Institution – Glossary for New Institutional Economics / The Ronald Coase Institute. URL: <https://www.coase.org/nieglossary.htm#Institutions> (дата обращения: 15.03.2021).

³ Shaffer J.D. Institutions, Behavior and Economic Performance; Comments on Institutional Analysis // Staff Paper 95-52, Department of Agricultural Economics. Michigan State University, 1995.

⁴ Боулз С. Микроэкономика. Поведение, институты и эволюция / пер. с англ. М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2010. С. 46.

⁵ Тамбовцев В.Л. О разнообразии форм описания институтов // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 107-118.

и процедуры, формирующие регулятивные механизмы трансакций их агентов»¹. Н.Д. Дроздов подразумевает под институтами «совокупность формальных (зарегистрированных в праве), неформальных (зарегистрированных в обычном праве – договора, добровольно принятые законы поведения) и спонтанных рамок, структурирующих взаимодействие индивидов в экономической, политической и социальной сферах»².

В основе понимания института А.А. Аузан использует механизм принуждения – формальные институты характеризуются наличием специально обученных агентов, обеспечивающих соблюдение присущих данному институту норм и правил, а в неформальных институтах правила и нормы поддерживаются людьми исходя из своего мнения³. С точки зрения автора, для исследования проблематики институтов пространственного развития подход А.А. Аузана может быть использован частично.

Г.Б. Клейнер определяет институты как «относительно устойчивые по отношению к изменению поведения или интересов отдельных субъектов и их групп, а также продолжающие действовать в течение значимого периода формальные и неформальные нормы либо системы норм, регулирующие принятие решений, деятельность и взаимодействие социально-экономических субъектов (физических и юридических лиц, организаций) и их групп»⁴.

Анализ приведенных определений позволяет выявить многообразие подходов авторов к определению института: институты как модели поведения, которые регламентированы правилами и нормами или которые проявляются в привычных действиях и обычаях. Стоит отметить, что под правилами и нормами обычно понимают формальную часть жизни людей, а под привычками и обычаями – неформальную. В данном исследовании мы не проводим подобного деления

¹ Фролов Д.П. Институты и трансакционные издержки: преодоление квазикоузианской традиции // Journal of Economic Regulation. 2011. Т. 2, № 4. С. 5.

² Дроздов Н.Д. Институциональная экономика. Тверь: Тверь. гос. ун-т, 2006. С. 7.

³ Аузан А.А. Провалы механизмов координации: институциональный подход // Журнал Новой экономической ассоциации. 2025. № 1 (66). С. 261–272.

⁴ Клейнер Г.Б. Институты: определение, признаки и направления исследования // Управление. 2016. Т. 4, № 3. С. 8.

и представляем институты как совокупность формальных и неформальных норм и правил, привычных и рутинных способов действия, обычаяв и традиций, которые описывают и регламентируют поведение индивидов и группы людей в определенной сфере жизнедеятельности. В таблице 1.4 представлены признаки классификации и виды институтов.

Таблица 1.4 – Признаки классификации институтов

№	Признак	Вид института
1	По типу норм и правил, лежащих в основе института	<ul style="list-style-type: none"> – формальный, который образуют писанные (формальные) нормы и правила, обычно представленные нормативно-правовой документацией как государственной и муниципальной, так и на уровне отдельного хозяйствующего субъекта; – неформальные, образуемые неписанными (неформальными) нормами и правилами, а также традициями и обычаями, не закрепленными в писанном виде. Данные институты могут иметь отношение к группе людей как с ограниченной численностью участников, так и с неограниченной
2	Институты, формирующие институциональную структуру	<ul style="list-style-type: none"> – инфраструктурные, представленные различными организациями, обеспечивающими функционирование системы, например, экономической, и действующими на основе регламента; – нормативно-правовые, представленные экономическими и административными методами осуществления деятельности; – морально-этические, определяемые традициями, обычаями и культурными особенностями той или иной группы людей
3	По принципу формирования	<ul style="list-style-type: none"> – естественные, образующиеся как реакция на происходящие изменения; – искусственные, возникновению которых предшествовала идеальная нормативная модель
4	По типу возникновения	<ul style="list-style-type: none"> – первичные, т.е. институты высшего порядка, обеспечивающие возникновение и функционирование институтов более низкого уровня; – вторичные, т.е. институты, для функционирования которых требуется институциональная среда
5	По признаку матричной структуры	<ul style="list-style-type: none"> – институты X-матрицы, к которым относятся институты редистрибутивной экономики (экономический институт), институты унитарного политического устройства (политический институт), институт коммунитарной идеологии, предполагающий доминирование общих, коллективных ценностей над индивидуальными (идеологический институт); – институты Y-матрицы: институты рыночной экономики (экономический институт), институты федеративного политического устройства (политический институт), институт субсидиарной идеологии – доминирование индивидуальных ценностей над коллективными (идеологический институт)
6	По сфере общественной жизни	<ul style="list-style-type: none"> – экономические институты, регулирующие экономическую и хозяйственную деятельность людей; – политические институты, обеспечивающие функционирование государства;

№	Признак	Вид института
		<ul style="list-style-type: none"> – социальные институты, регулирующие взаимодействия внутри определенной общности; – институты стратификации, определяющие распределение ресурсов и позиций в обществе; – институты семьи, связанные с регулированием отношений между супружами, вопросов деторождения и т.д.; – институты культуры (духовные институты)
7	По отношению к субъекту действия	<ul style="list-style-type: none"> – внешние, устанавливающие в макросистеме правила, влияющие на поведение субъектов (например, национальная культура); – внутренние, предполагающие наличие правил, определяющих и регулирующих поведение субъектов (организационная культура компаний)
8	По иерархии	<ul style="list-style-type: none"> – мегаэкономические; – макроэкономические; – мезоэкономические; – микроэкономические; – наноэкономические
9	По правилам	<ul style="list-style-type: none"> – регулятивные, т.е. предопределяющие действия; – конструктивные, т.е. создающие условия для совершения действия; – регулятивно-конструктивные
10	По характеру воздействия на поведение субъектов	<ul style="list-style-type: none"> – регулирующие, т.е. определяющие, каким образом должны осуществляться действия или взаимодействия; – стимулирующие, т.е. побуждающие к совершению определенных действий; – сигнализирующие, предоставляющие информацию о возможности осуществления действий
11	По степени зрелости	<ul style="list-style-type: none"> – развивающиеся, т.е. находящиеся в стадии формирования и развития и подразумевающие совершение регулирующих воздействий; – развитые, обеспечивающие эффективное функционирование или группы людей, или сферы деятельности
12	По внутренней структуре	<ul style="list-style-type: none"> – простые, т.е. не содержащие в себе подинституты; – сложные, представляющие собой систему институтов, находящихся в определенной взаимосвязи и взаимодействии
13	По уровню институционального анализа	<ul style="list-style-type: none"> – макроинституты; – мезоинституты; – микроинституты
<p>Примечание – Составлено автором на основе: Клейнер Г.Б. Институты: определение, признаки и направления исследования // Управление. 2016. Т. 4, № 3. С. 5-11; Цыренов А.Р., Сактоев В.Е., Цыренова Е.Д. Механизм государственного воздействия на формирование институциональной среды экономики региона. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2004. 229 с.; Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц (пример российского институционализма) // Постсоветский институционализм / под ред. проф. Р. М. Нуреева и В. В. Дементьева. Донецк: Каштан, 2005. С. 91-92; Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. Эволюционная теория экономических изменений / пер. с англ. М.: Дело, 2002. 536 с.; Searle J.R. The Construction of Social Reality. New York: Free Press, 1995. 241 р.; Шаститко А.Е., Курдин А.А., Филиппова И.Н. Мезоинституты для цифровых экосистем // Вопросы экономики. 2023. № 2. С. 61-82.</p>		

Таким образом, по мнению автора, институты, действующие в обществе, относительно региональных процессов выполняют следующие функции¹:

- организующую, заключающуюся в создании условий для эффективного взаимодействия, оценке модели поведения контрагентов, предупреждении оппортунизма;
- ограничительную, подразумевающую наличие формальных и неформальных рамок, нарушение которых предусматривает применение санкций (как со стороны государства, так и партнеров или общества);
- координирующую, предполагающую наличие норм и правил как составляющих институтов, что позволяет снижать трансакционные издержки в процессе взаимодействия между субъектами;
- информационную, демонстрирующую, что эффективное функционирование институтов формирует поток данных о наиболее рациональных моделях проведения с минимальными информационными и трансакционными издержками в процессе принятия решений и осуществления деятельности;
- регулирующую, отражающую наличие правил и норм в структуре института, которые регламентируют систему взаимодействия, защиту интересов, прав и свобод всех участников;
- распределительную, предусматривающую, что эффективно действующие институты создают условия для оптимального распределения экономических ресурсов за счет минимизации трансакционных издержек осуществления сделок;
- стимулирующую, определяющую, что соблюдение норм и правил в рамках конкретного института позволяет минимизировать издержки функционирования, а значит и повысить эффективность.

В зависимости от используемого определения в составе института можно выделить различные элементы, специфически проявляющиеся на разных уровнях экономических отношений, в частности, на уровне региона (рисунок 1.3).

---

¹ Проскурнова К.Ю. Институциональные основы регионального развития: монография. Ярославль: ООО «ПКФ «СОЮЗ-ПРЕСС», 2019. С. 58.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 1.3 – Проявление элементов институтов на уровне региона

Г.Б. Клейнер рассматривает норму как «правило, предписание или образец, адресованные конкретному или неопределенному множеству агентов и определяющие характеристики восприятия, интерпретации или использования социально-экономической информации для принятия решений, поведения и формирования отношений в обществе»¹. На наш взгляд, из данного определения следует исключить «правило», т.к. в соответствии с элементами норма состоит из цели, атрибутов (определяющих, на кого распространяется действие нормы), условий (когда действует норма), фактора долженствования (может, должен или не должен), а для правила помимо данных четырех элементов характерно наличие пятого – санкций. Поэтому изменив трактовку Г.Б. Клейнера, норму мы можем рассматривать как предписание множеству агентов, определяющее характеристики

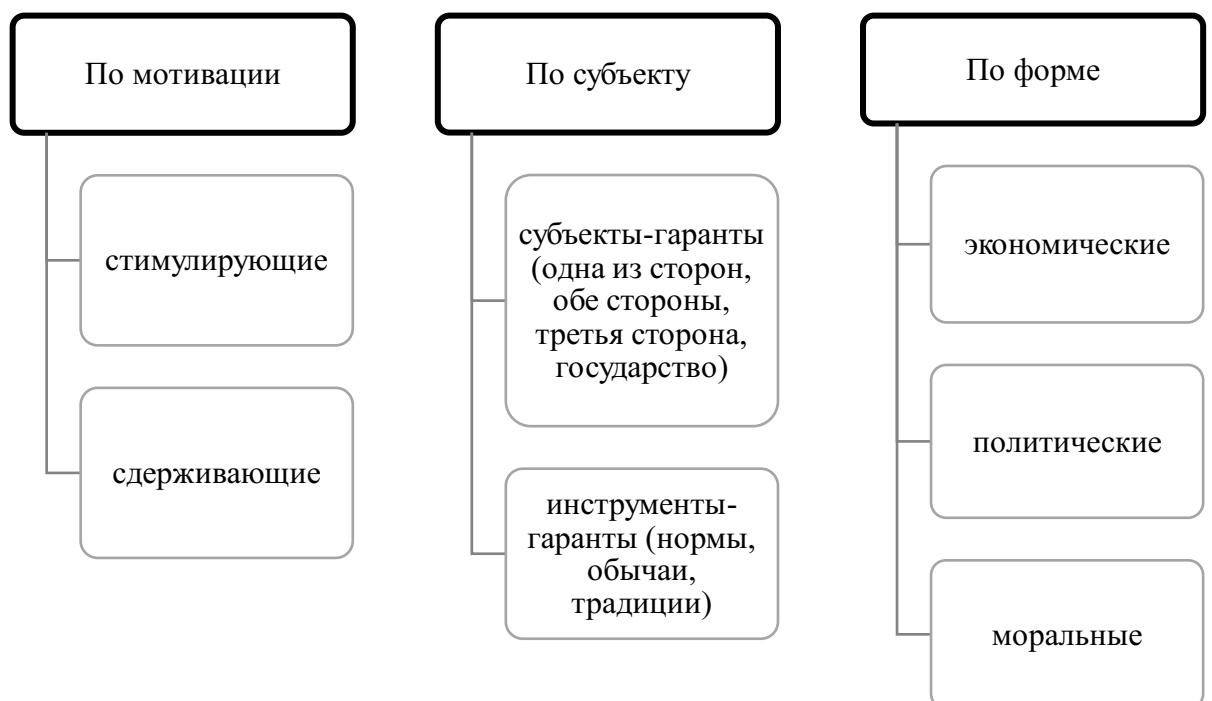
¹ Клейнер Г.Б. Институты: определение, признаки и направления исследования // Управление. 2016. Т. 4, № 3. С. 5.

восприятия, интерпретации или использования социально-экономической информации для принятия решений, поведения и формирования отношений в обществе.

Традиции подразумевают знания об определенном поведении в обществе (отдельной группе людей или сфере), передаваемые от одного носителя другому и предполагающие соблюдение данных предписаний. Обычаи рассматриваются как проявление стереотипов о нормах поведения в той или иной общности людей.

Привычки – это повторяющиеся действия, предполагающие соблюдение определенных норм и правил без затрат на когнитивные процессы по оценке ситуации и принятия решения о совершении какого-либо действия. Рутина в деятельности агентов рассматривается как повторяющееся и предсказуемое действие в определенной ситуации.

Санкции представляют собой меру воздействия, которая стимулирует к осуществлению определенного действия. В рамках институциональной экономики санкции классифицируются различным образом (рисунок 1.4).

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 1.4 – Классификация санкций в институциональной экономике

Механизм поведения предполагает поведение агента с целью взаимодействия с другими субъектами или внешней средой посредством использования или всех элементов института, или их комбинации.

Институты, действующие в стране, могут как быть распространены и функционировать на территории всего государства, так и относиться только к определенной территории¹. В общем виде институты делят на два вида: формальные, основанные на писанных нормах и правилах, и неформальные.

На федеральном уровне формальные институты представлены действующим федеральным законодательством, регламентирующим и регулирующим деятельность хозяйствующих субъектов и физических лиц, а также определяющим мероприятия и проекты, направленные на обеспечение развития как всего государства в целом, так и отдельных субъектов федерации или группы субъектов федерации в частности. С точки зрения сбалансированного развития страны, наибольших интерес представляют институты, обеспечивающие развитие регионов². В отношении субъектов федерации президентом подписан Указ «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»³.

В данном указе определены следующие направления развития регионов:

- обеспечение пространственного развития экономики и социальной сферы (анализ экономической специализации и конкурентных преимуществ регионов, развитие пространственной инфраструктуры регионов, разработка государственных программ развития отдельных отраслей экономики и социальной сферы регионов);

¹ Ворова Е.А., Прокурнова К.Ю. Специфика региональных институтов предпринимательства // Новая парадигма развития менеджмента: гипотезы, концепции, практики / под ред. В.В. Великороссова, С.А. Филина, А.М. Карякина и др. Т. 3. М.: Русайнс, 2019. С. 58-63.

² Leontieva L.S., Proskurnova K.Yu. The Influence of Netocratic Processes on the Development of Economic Institutions // Reimagining Socioeconomic Development of Russia: New Directions, Theory, and Practice / ed. by M.L. Alpidovskaya, L.A. Karaseva, E.G. Popkova. Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2023. Pp. 469-481.

³ Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13. Доступ из государственной системы правовой информации «Официальный интернет-портал правовой информации».

- привлечение частных инвестиций в негосударственный сектор на региональном и муниципальном уровне (разработка приоритетных инвестиционных проектов, создание особых экономических зон, индустриальных и технологических парков, принятие различных льготных режимов для частных инвесторов);
- совершенствование механизмов внешней и внутренней миграции (стимулирование внутренней миграции в трудодефицитные регионы, сдерживание миграционных потоков в трудоизбыточные регионы, развитие крупных городских агломераций);
- стимулирование субъектов Федерации и муниципальных образований к наращиванию собственного экономического потенциала (совершенствование системы межбюджетных трансфертов, применение мер финансовой ответственности должностных лиц на региональном и муниципальном уровне, предоставление грантов, частичное зачисление федеральных налогов в местные или региональные бюджеты);
- уточнение полномочий органов исполнительной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях в части мониторинга расходных обязательств субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, упразднение установленных на федеральном уровне льгот по местным и региональным налогам и сборам, привлечение граждан к участию в государственном и муниципальном управлении по решению вопросов социально-экономического развития территорий.

Институциональная база государственного и муниципального управления включает два вида институтов: институты как организации, отвечающие за реализацию различных функций общества и государства, и институты как совокупность норм и правил (нормативная правовая основа функционирования всех сфер жизнедеятельности). Ко второй категории относятся государственные (муниципальные) программы, проекты и стратегии, которые создают определенные условия для работы как органов государственного

и муниципального управления, хозяйствующих субъектов, так и для жизни людей, несмотря на ограниченный во времени срок действия.

В рамках данного исследования под институтами мы понимаем совокупность норм и правил, поэтому к основным формальным институтам пространственного развития регионов страны относим разработанные схемы территориального планирования, а также стратегии социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, концепции и модели пространственного развития, отраженные в схемах территориального планирования. Хотелось бы обратить внимание, что организации, отнесенные Министерством экономического развития Российской Федерации к институтам развития: Инвестиционный фонд Российской Федерации, Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», ОАО «Российская венчурная компания», АО «Агентство ипотечного жилищного кредитования», Государственная корпорация «Российская корпорация нанотехнологий», Государственная корпорация «Фонд содействия реформированию ЖКХ», ОАО «Российский сельскохозяйственный банк», ОАО «Росагролизинг», ОАО «Российский фонд информационно-коммуникационных технологий», Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, – рассматриваются нами именно как организации, т.е. субъекты действий, а не институты как совокупность норм и правил.

Многие стратегии социально-экономического развития регионов, реализуемые в настоящий момент времени, не были разработаны с учетом Указа Президента России № 13 от 16.01.2017 г.¹ и базируются на нормативно-правовых документах, принятых ранее. Так, Стратегия социально-экономического развития Ярославской области до 2030 года² сформирована на основе следующих

---

¹ Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13. Доступ из государственной системы правовой информации «Официальный интернет-портал правовой информации».

² Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ярославской области до 2030 года : постановление Правительства Ярославской области от 6 марта 2014 г. № 188-п. Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

документов: Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹, Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года², Стратегии социально-экономического развития ЦФО на период до 2020 года³, Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года⁴, Законе Ярославской области от 4 мая 2018 г. № 17-з «О стратегическом планировании в Ярославской области»⁵, Положении о стратегическом планировании в органах исполнительной власти Ярославской области⁶, прогнозе социально-экономического развития Ярославской области на долгосрочный период 2022–2033 годов^{7,8}.

Стратегии развития регионов можно представить как элемент формальных институтов, которые должны обеспечивать повышение уровня и качества жизни населения конкретной территории, формировать благоприятные условия

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

² Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2006 г. № 1662-р. Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

³ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Центрального федерального округа на период до 2020 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2011 г. № 1540-р. Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

⁴ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р: документ утратил силу. Доступ из государственной системы правовой информации «Официальный интернет-портал правовой информации».

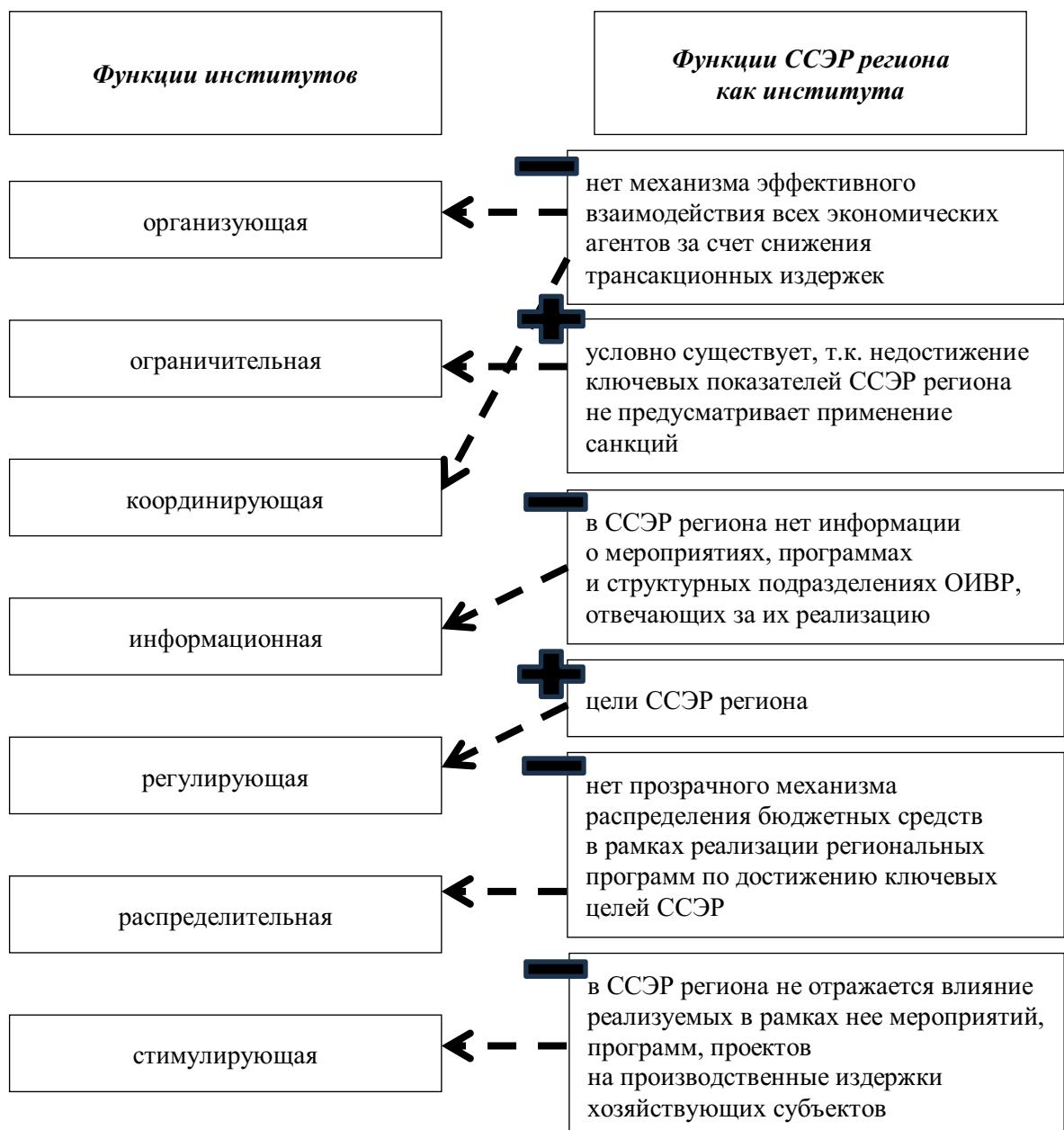
⁵ О стратегическом планировании в Ярославской области : закон Ярославской области от 4 мая 2018 г. № 17-з. Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

⁶ Об утверждении Положения о стратегическом планировании в исполнительных органах Ярославской области : постановление Правительства Ярославской области от 9 февраля 2012 г. № 87-п. Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

⁷ О прогнозе социально-экономического развития Ярославской области на долгосрочный период 2022 - 2033 годов : постановление Правительства Ярославской области от 9 ноября 2021 г. № 776-п. Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

⁸ Проскурнова К.Ю. Институты пространственного развития // Финансовая экономика. 2019. № 12. С. 605-608.

для ведения бизнеса, в первую очередь малого и среднего, улучшать инвестиционный климат, тем не менее положения данных стратегий не позволяют формальному институту реализовывать часть своих функций, например, организационной, координирующей, информационной, распределительной и стимулирующей (рисунок 1.5).

Примечания: ССЭР – стратегия социально-экономического развития, ОИВР – органы исполнительной власти региона; «+» – наличие функции института, «-» – отсутствие функции института. Составлено автором.

Рисунок 1.5 – Наличие/отсутствие функций у стратегии социально-экономического развития региона как института

В рамках данного исследования был проведен контент-анализ стратегий социально-экономического развития ряда субъектов Российской Федерации, который позволил выявить, что в части организующей и координирующей функций не определен механизм эффективного взаимодействия всех экономических агентов, осуществляющих свою деятельность на территории региона, за счет снижения уровня трансакционных издержек. В Стратегии социально-экономического развития Ярославской области¹ определены ключевые показатели по направлениям «Экономика», «Социальная сфера», «Инфраструктура», «Государственное управление», но отсутствуют данные о мероприятиях, программах и структурных подразделениях органов исполнительной власти, отвечающих за реализацию конкретных программ и мероприятий, что отражает ограничения в выполнении информационной функции.

Отсутствие прозрачного механизма распределения бюджетных средств в рамках реализации региональных программ, предполагающих достижение ключевых показателей по всем направлениям Стратегии, не позволяет провести оценку распределительной функции данного формального института, предполагающей оптимальность распределения экономических ресурсов и снижение трансакционных издержек.

Стимулирующая функция института предусматривает создание условий для минимизации издержек функционирования, что в рамках социально-экономического развития должно позволять минимизировать издержки осуществления деятельности не только хозяйствующими субъектами региона, но и домохозяйствами.

Стратегия социально-экономического развития предполагает определение приоритетных направлений, по которым в дальнейшем должны быть сформированы программы развития, содержащие определенные мероприятия

---

¹ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ярославской области до 2030 года : постановление Правительства Ярославской области от 6 марта 2014 г. № 188-п. Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

и сроки их реализации¹. Но, на наш взгляд, институциональное обеспечение развития территории должно формировать условия для развития всех субъектов региона (населения, фирм, территорий и т.д.) и стимулировать участников экономических отношений включаться в данные процессы с целью снижения доли участия государственных структур в экономике, при этом необходимо сохранять поддержку тех проектов и сфер, которые имеют важное значение для социально-экономического развития региона, но в конкретный период времени не способны самостоятельно поддерживать свое функционирование².

Анализ стратегий развития регионов России показал, что ни один субъект Российской Федерации не принял как отдельный документ свою собственную стратегию пространственного развития, которая могла бы по своему содержанию предполагать формирование института развития региональной инфраструктуры. Попытки разработки и принятия подобной стратегии были сделаны в Ярославской области и г. Екатеринбурге, но в Ярославской области проект так и не прошел все этапы рассмотрения, а в г. Екатеринбурге был включен в качестве раздела в Стратегический план развития Екатеринбурга³.

В основе проекта стратегии пространственного развития Ярославской области была заложена идея создания полигенцентричности для снижения внутрирегиональной дифференциации по уровню и качеству жизни. Данная идея предусматривала создание «точек роста» в муниципальных образованиях, не являющихся крупными в масштабах региона, но и не относящихся к малым территориям. За счет развития транспортной, городской, социальной

¹ Колесов Р.В., Проскурнова К.Ю., Комарова К.А. Методические подходы к оценке достижения национальных целей и выполнения стратегических задач применительно к деятельности субъекта Российской Федерации // Экономика и управление: теория и практика: Сборник трудов национальной научно-практической конференции научно-педагогических и практических работников Ярославского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации / кол. авторов; под ред. В.А. Кваси, Р.В. Колесова, А.В. Юрченко. Ярославль: Канцлер, 2018. С. 317-324.

² Proskurnova K.Yu. The continuity problems of regional administration institutions // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 2. Пр. 60-66; Факторы ускорения роста региональной экономики в условиях современных вызовов : монография / А.Е. Веденеев, М.О. Ермоленко, А.П. Карасев и др.; отв. ред. Е.Г. Патрушева, А.В. Райхлина. Ярославль: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2024. 192 с.

³ О Стратегическом плане развития Екатеринбурга : решение Екатеринбургской Городской Думы от 10 июня 2003 г. № 40/6. Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

и производственной инфраструктуры с сохранением природных территорий как в целом всей области, так и данных точек роста предлагалось рассредоточение жителей по всей территории субъекта Российской Федерации с целью более эффективного использования имеющихся площадей, ресурсов. В проекте рассматривались несколько моделей развития территорий внутри региона с определением различных источников финансирования – только бюджетных, совместно бюджетных средств и привлеченных инвестиций, только частных инвестиций.

Несмотря на высокий уровень урбанизации в Ярославской области и сосредоточение половины населения в г. Ярославле (567 тыс. чел. из 1187 тыс. чел. по состоянию на 01.01.2024 г.), в последние годы наблюдается стремление молодых семей приобретать недвижимость для постоянного проживания в сельской местности, а не в городских округах. Но отсутствие развитой инфраструктуры сдерживает данный поток из-за отсутствия или недостаточной оснащенности дошкольных, школьных образовательных и медицинских учреждений, низкого качества дорожной сети, недостаточной развитости транспортной системы и жилищной инфраструктуры в удаленных от центра районах. Данные факторы негативно сказываются на развитии малого и среднего предпринимательства в муниципальных образованиях области, расположенных на больших расстояниях от основных городов – Ярославля и Рыбинска.

Формирование стратегий развития территорий на основе программ поддержки отдельных отраслей и секторов экономики не способствует стабильному росту уровня и качества жизни, а усиливает проникновение государства во все сферы жизнедеятельности и снижает стимулы к повышению рациональности использования ресурсов при осуществлении хозяйственной деятельности за счет формирования «привычки» постоянного поступления бюджетных средств. Стратегии, ориентированные на проектирование размещения инфраструктурных объектов на территории региона, обеспечивают формирование условий для развития предпринимательства, повышения качества жизни и усиления заинтересованности населения (как в качестве потребителей, так и в качестве производителей) в стабильном развитии территории.

Таким образом, институты представляют собой не только нематериальную основу развития экономики, проявляющуюся в совокупности норм и правил, влияющих на поведение субъектов и результативность их деятельности, но и инструмент, позволяющий формировать и совершенствовать пространственную организацию территории и ее инфраструктурной составляющей, что является необходимым условием для повышения уровня социально-экономического развития территории благодаря сглаживанию диспропорций на региональном и муниципальном уровнях.

Выводы по первой главе:

1. Аналитическая систематизация существующих подходов к пониманию пространства и территории позволила автору разграничить термины «территория» и «пространство», что проявилось в определении территории как субъекта отношений, представленного совокупностью объектов, размещенных на ней, а пространство характеризуется трехмерностью, которая наполнена совокупностью объектов, субъектов отношений и системы институтов.
2. Развитие теоретических подходов по размещению производительных сил позволило выделить три группы факторов, определяющих пространственную организацию территории: материальные, нематериальные и институциональные, – что основано на эволюции классических теорий, базировавшихся на величине ренты и транспортных издержек, до современных концепций институтов пространственного регулирования, направленных на формирование и распространение инноваций.
3. Выявлено, что группа материальных факторов формирования и развития пространственной организации регионов дополнена и усиlena таким нематериальным фактором, как институт нормативного регулирования пространственного развития, который в свою очередь отражает состояние и направления концепций или моделей пространственного развития в схемах территориального планирования и стратегиях социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПЕРЕХОДА РЕГИОНОВ ОТ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ К ПРОСТРАНСТВЕННОМУ РАЗВИТИЮ

2.1. Исследование соотношения территориального и пространственного планирования в региональном развитии¹

В вопросе институциональных основ функционирования экономики любого государства в первую очередь рассматривается сфера, регулирующая и обеспечивающая взаимодействие всех экономических агентов. Меньшее внимание уделяется системе планирования ввиду неоднозначного отношения к данной отрасли государственного управления в разных странах и в разный период времени. Государственное планирование, как определенный тип организации экономики на макроуровне, направлено на обеспечение деятельности в различных сферах жизни страны, на создание условий устойчивого функционирования не только и не столько государственных учреждений и организаций, сколько национальной экономической системы в целом.

К другому типу мы можем отнести пространственное планирование, которому в последние десятилетия снова стали уделять достаточно внимания в сфере государственного управления. Стоит отметить, что в документах государственного управления могут использоваться понятия как «пространственное планирование», так и «территориальное планирование». Исходя из различий в определении понятий «пространство» и «территория», мы разделяем пространственное и территориальное планирование и не рассматриваем их как синонимы.

---

¹ При работе над данным разделом диссертации использована следующая публикация автора, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Проскурнова К.Ю. Пространственное планирование vs территориальное планирование – проблематика содержания видов регионального планирования // Региональная экономика: теория и практика. 2021. Т. 19, № 10 (493). С. 1897-1913.

Аналогичное указанному выше мнение по разделению территориального и пространственного планирования в своей работе высказали M. Lennon и M. Scott. Ими представлены несовпадения данных видов планирования по различным параметрам. Например, целью территориального планирования они считают формирование основ землепользования для обеспечения экономического развития, а целью пространственного – обеспечение конкурентоспособности регионов в условиях глобализации экономики. При этом к функции территориального планирования (land planning) они отнесли регулирующую, а к функциям пространственного планирования (spatial planning) – координирующую, интегрирующую и посредническую при проведении пространственных изменений. Также они выделили такое свойство, как гибкость политики при реализации пространственного планирования. M. Lennon и M. Scott рассматривают пространственное планирование в совокупности с концепцией устойчивого развития и решением проблем экологии. Например, они отмечают, что пространственное планирование может сыграть важную роль в снижении уязвимости мест жизни и работы людей от воздействия экстремальных климатических изменений, таких как наводнения или жара. M. Lennon и M. Scott разделили планирование на три возможных варианта взаимодействия: пространственное, уровневое и институциональное. Пространственное предполагает наличие физических связей между объектами на определенной территории, институциональное – партнерство и сотрудничество между различными участниками не только на конкретной административной территории, но и за ее пределами, а уровневое взаимодействие предусматривает интеграцию планирования на местном уровне с региональным, национальным и наднациональным¹. Важность пространственного планирования в обеспечении защиты окружающей среды, сохранения экосистем, адаптации к климатическим изменениям и достижении Целей устойчивого развития ООН, в том числе за счет включения экологического планирования в пространственное, отмечено и другими авторами².

---

¹ Lennon M., Scott M. Delivering ecosystems services via spatial planning: reviewing the possibilities and implications of a green infrastructure approach // The Town Planning Review. 2014. Vol. 85, No. 5. Pp. 563-587.

² Kashef M., Esmaeilzadeh H., Dinan N.M., Sadeghi S.M.M., Marcu M.V. Balancing ecosystem services for environmental sustainability: An integrated assessment method in region 4 of Iran's spatial

N. Taylor критически подошел к терминологическому анализу территориального и пространственного планирования. С одной стороны, он отметил достаточно разнообразный подход к формулированию понятий, связанных с планированием территорий, используемых в странах Европы. Например, планирование сельских и городских территорий или разделение территориального планирования на уровни – городское поселение (town), городские территории (urban) и города (city). N. Taylor отметил, что расхождения в подходах к планированию отсутствуют вне зависимости от того, о какой территории или о каком уровне идет речь. Высказывая опасение, что пространственное планирование может стать новым вариантом по формулировке термина территориального планирования, N. Taylor обращает внимание на изменение подхода к реализации планирования в рамках нового направления. Им выделены черты, характеризующие и отличающие пространственное планирование: дальновидность (visionary), обширность (wide-ranging), участие (participative), интегрированность (integrating), обратная связь (responsive) и результат (deliverable). Сравнивая традиционный вариант территориального планирования с пространственным, он отмечает более широкий охват сфер – не только использование территории (землепользование), но и социальные, экономические и экологические вопросы. N. Taylor выделяет такую особенность пространственного планирования, как объединение государственной политики как по вертикали – национального, регионального и местного уровней, – так и по горизонтали – взаимодействие политик на одном уровне¹. С учетом охвата нескольких сфер жизни территорий (муниципальных образований, регионов или государства) пространственное планирование выступает основой стратегического государственного управления.

---

plan // Environmental and Sustainability Indicators. 2025. Vol. 26. Pp. 1-11; Juschten M., Reinwald F., Jiricka-Pürrer A. Challenge accepted – identifying barriers and facilitating climate change adaptation in spatial development across planning boundaries, sectors and planning levels // Environmental Science & Policy. 2025. Vol. 171. Pp. 1-14; Mazaherylaghab H. Green infrastructure planning and balanced territorial development: Insights from Milan Rural Metropolis // Journal of Environmental Management. 2025. Vol. 390. Pp. 1-13.

¹ Taylor N. What is this thing called spatial planning? An analysis of the British government's view // The Town Planning Review. 2010. Vol. 81, No. 2. Pp. 193-208.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

ЦЕЛЬ

основы землепользования
для обеспечения экономического
развития; регулирующая функция
(M. Lennon, M. Scott)

учет особенностей отдельных
территорий, внутренние ресурсы,
развитие инфраструктуры
(Д.П. Фролов, И.А. Соловьева)

СУЩНОСТЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ
(СООТНОШЕНИЕ С ПП И СП)

ТП = ПП при исследовании
систем расселения, объектов
транспортной, энергетической,
коммуникационной
инфраструктуры, социальной
сферы региона
(Л.М. Симонова, И.А. Ефремова)

ТП = ПП =
региональное
планирование
(А.И. Чистобаев)

ТП дополняет СП
(И.С. Гуменюк)

УРОВНИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

уровни ТП: городское поселение,
городские территории, города;
вопросы землепользования
(N. Taylor)

структурные планы: на национальном
уровне совокупный план как сумма
местных планов ТП,
движение «снизу-вверх» в ТП
(M. Boddy, H. Hickman)

Примечания: ТП – территориальное планирование, ПП – пространственное планирование, СП – стратегическое планирование. Составлено автором на основе: Lennon M., Scott M. Delivering ecosystems services via spatial planning: reviewing the possibilities and implications of a green infrastructure approach // The Town Planning Review. 2014. Vol. 85, No. 5. Pp. 563–587; Taylor N. What is this thing called spatial planning? An analysis of the British government's view // The Town Planning Review. 2010. Vol. 81, No. 2. Pp. 193–208; Boddy M., Hickman H. The demise of strategic planning? The impact of the abolition of Regional Spatial Strategy in a growth region // The Town Planning Review. 2013. Vol. 84, No. 6. Pp. 743–768; Фролов Д.П., Соловьева И.А. Будущее стратегий территориального развития: анализ современных методологий // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 10 (433). С. 28–45; Гуменюк И.С. О соотношении понятий пространственное, стратегическое и территориальное планирование в Российской Федерации в контексте развития региона Калининградского / Вислинского залива // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2016. № 1. С. 37–44; Чистобаев А.И. Пространственное планирование в России: состояние, проблемы, задачи географов // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. № 2. С. 15–24; Симонова Л.М., Ефремова И.А. Пространственное стратегирование России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2, № 4. С. 161–174.

Рисунок 2.1 – Специфические черты территориального планирования

Рассматривая развитие системы планирования в Великобритании, M. Boddy и H. Hickman анализируют процесс перехода от структурных планов к пространственным стратегиям. Структурные планы содержали в себе стратегическую составляющую, но принцип их формирования заключался в «соединении» местных планов в совокупный, что в иерархическом контексте предполагает движение «снизу вверх». Переход же в начале XXI века к региональным пространственным стратегиям изменил подход к формированию планов, который предполагал отказ от планирования только на местном уровне и включал в данный процесс центральную власть. M. Boddy и H. Hickman выделили такие характеристики данного подхода, как многоуровневое управление, функциональное мышление и двустороннее движение по уровням власти – с национального уровня до местного и от местного до национального¹.

Изменения в подходах к государственному планированию происходят не только по причине естественного, эволюционного процесса, основанного на результатах проводимых исследований и разработок, но и в результате политической борьбы. M. Lau, анализируя деятельность лейбористского правительства Великобритании, обращает внимание не только и не столько на переход к пространственному планированию, сколько на использование финансовых стимулов и политических указаний для большего вовлечения в пространственное планирование, в котором основная роль отводилась центральному правительству и которое использовалось в том числе как инструмент политического влияния. M. Lau разделил пространственное планирование на политическую и профессиональную деятельность. В рамках политической сферы лейбористское правительство использовало пространственное планирование для объединения на субрегиональном уровне и обеспечения роста жилищного строительства, включенного в региональные пространственные стратегии. Профессиональный аспект пространственного планирования, по мнению M. Lau, заключается в отраслевой интеграции с целью формирования

---

¹ Boddy M., Hickman H. The demise of strategic planning? The impact of the abolition of Regional Spatial Strategy in a growth region // The Town Planning Review. 2013. Vol. 84, No. 6. Pp. 743–768.

устойчивых сообществ. При этом данная часть пространственного планирования становится институциональной основой, т.к. включает в себя различные нормативные документы по обеспечению определенного уровня или стандарта жизни, которые будут действовать при любой смене правительства¹.

Роль пространственной организации в развитии предпринимательства и обеспечении конкурентоспособности регионов изложена в работе E. Hong, I.H. Lee, L. Sun и R. Harrison. Они выделили три фактора, влияющие на развитие предпринимательства в регионе: пространственная неоднородность, временная и пространственная зависимости. В рамках нашего исследования наибольший интерес представляет действие пространственной неоднородности и пространственной зависимости. Пространственная неоднородность предполагает первоначальные различия, свойственные регионам, которые оказывают значительное влияние на условия организации бизнеса. Пространственную неоднородность определяют различные показатели функционирования бизнеса на территории, такие как уровень доходов, средний уровень оплаты труда, стоимость земли, размеры рынка, насыщенность рынка конкурентами, развитость инфраструктуры и т.п. Пространственная зависимость характеризуется тем, что создание новых фирм (в первую очередь стартапов) повлечет открытие аналогичных предприятий в соседних регионах, чему могут способствовать миграция, торговля между регионами, распространение бизнес-норм, включение в бизнес-кластеры соседних территорий, возникновение ответвлений от технологий и знаний, используемых создаваемыми стартапами. Пространственная зависимость проявляется во взаимном влиянии предпринимательской активности разных территорий. E. Hong, I.H. Lee, L. Sun и R. Harrison обращают внимание на необходимость учета пространственной неоднородности, временной и пространственной зависимости при проведении государственной политики развития предпринимательства, в первую очередь для

---

¹ Lau M. Sectoral integration and meta-governance: lessons beyond the 'spatial planning' agenda in England // The Town Planning Review. 2014. Vol. 85, No. 5. Pp. 617-637.

улучшения условий организации бизнеса в наименее развитых регионах¹. Данное предложение можно расценивать как рекомендацию добавления пространственного аспекта в экономическую политику государства.

Реализация политики пространственного планирования, в том числе в отношении землепользования, может способствовать решению вопросов регулирования использования и восстановления сельскохозяйственных земель, повышения эффективности расширения городских территорий, экологических процессов, условий и качества жизни в сельской местности, что отражается на деятельности городских и сельских предпринимателей в сфере строительства, сельского хозяйства и др.²

Увеличение потенциала стратегического планирования развития территорий (регионов и муниципальных образований) при учете неоднородности экономического пространства отмечено и российскими учеными Д.П. Фроловым и И.А. Соловьевой, предложившими использовать «континуум» территорий при планировании развития агломераций, ориентироваться на особенности отдельных участков территории и пространства при разработке планов развития, базировать систему планирования развития региона на внутренних ресурсах, совершенствовать инфраструктуру для обеспечения более эффективного функционирования территории³.

По мнению К. Trygg и I. Grundel, стратегическое пространственное планирование реализует приоритетную роль в планировании развития регионов и городов, повышении качества социальной жизни на данных территориях и преодолении трансформационных изменений, т.к. именно данный вид

¹ Hong E., Lee I.H., Sun L., Harrison R. Entrepreneurship across time and space: empirical evidence from Korea // Small Business Economics. 2015. Vol. 44, No. 3. Pp. 705-719.

² Xiong J., Yue W., Xia H., Wang T., Liu Y., Pijanowski B.C. Will China's territorial spatial planning policies enhance land use sustainability? An integrated assessment under global environmental change // Resources, Environment and Sustainability. 2025. Vol. 21. Pp. 1-12; Bavnbæk K.F., Thuesen A.A. Navigating spatial justice: Exploring municipal planners' logics in differentiated village planning // Journal of Rural Studies. 2025. Vol. 114. Pp. 1-10.

³ Фролов Д.П., Соловьева И.А. Будущее стратегий территориального развития: анализ современных методологий // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 10 (433). С. 28-45.

планирования, в отличие от традиционного территориального, использует проактивный и трансформационный подход¹. Другие авторы отмечают, что стратегическое пространственное планирование объединяет усилия различных акторов: государственных структур, местных сообществ, частных заинтересованных сторон, – участвующих в формировании общего видения развития территории².

Для европейского опыта пространственного развития характерна не только внутренняя политика государств по планированию пространства, но и трансграничный подход ввиду потребности, обусловленной историческими, политическими и экономическими процессами. Исследуя экономику Северной Ирландии и Республики Ирландия, N. Blair, A. Adair, B. Bartley, J. Berry, C. Creamer, J. Driscoll, S. McGreal и F. Vigier обращают внимание на то, что социально-экономическое развитие приграничных и трансграничных районов может быть обеспечено за счет совместной реализации программ правительствами стран, в том числе в части пространственного развития – за счет взаимопроникновения элементов пространства по каждую сторону от границы. Как результат своего исследования, авторы обращают внимание на необходимость вовлечения всех заинтересованных сторон в формирование и согласование стратегий пространственного развития. Т.к. «получателями» результатов реализации пространственных стратегий являются бизнес и население, то обратная связь от них и участие представителей в разработке или корректировке стратегий будут способствовать более сбалансированному развитию экономик не только приграничных территорий, но и государств, а также повышению конкурентоспособности на мировой арене³.

---

¹ Trygg K., Grundel I. Strategic spatial planning in the implementation of mobility hubs // Journal of Urban Mobility. 2025. Vol. 7. Pp. 1-10.

² Slave A.R., Popa A.M., Onose D.A. et al. Evaluating trends in the consideration of urban green spaces in strategic spatial planning: Insights from Romania // Landscape and Urban Planning. 2025. Vol. 263. Pp. 1-14.

³ Blair N., Adair A., Bartley B. et al. Delivering Cross-Border Spatial Planning: Proposals for the Island of Ireland // The Town Planning Review. 2007. Vol. 78, No. 4. Pp. 485-509.

Связь пространственного планирования и обеспечения устойчивости социально-экономического развития государства определена как основа повышения качества жизни в работе Р. Гнято, О. Гнято, С. Станоевича и С. Гнято. Авторы обращают внимание на пространственный план как на документ, который играет важную роль в определении ключевых направлений развития территории в заданный период времени. У Р. Гнято, О. Гнято, С. Станоевича и С. Гнято планы «определяют предназначность географического пространства»¹. Для обеспечения устойчивого развития пространственное планирование, реализуемое органами власти на государственном и местном уровне, должно быть основано на характеристиках и логике географического пространства, должно включать в себя его ресурсы. Авторами отмечена важность географического пространства в формировании пространственной стратегии для обеспечения устойчивого развития государства, т.е. не только элементы пространства, созданные человеком (города, инфраструктурные объекты, распределенные по территориям производительные силы и т.п.), но и природа и география государства.

Подтверждение идеи необходимости сочетания инструментов разных научных направлений, предложенной Р. Гнято, О. Гнято, С. Станоевичем и С. Гнято, мы можем найти и в работе О.В. Красовской и С.В. Скатерщикова, которые также обращают внимание на междисциплинарный подход и охват различных отраслей научного знания при осуществлении пространственного планирования и необходимость формирования информационной базы, содержащей данные по всем аспектам пространства государства (региона)².

Взаимодействие акторов различных по целевому назначению территорий (например, сельских и городских) сформировало новое понимание основ планирования их развития, введя понятия «мягких» и «жестких» пространств.

---

¹ Гнято Р., Гнято О., Станоевич С., Гнято С. Географическое разнообразие в рамках концепции устойчивого развития и практики пространственного планирования // Вестник АРГО. 2017. № 6. С. 74-82.

² Красовская О.В., Скатерщикова С.В. Использование географических информационных систем в пространственном планировании и управлении территориями // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. Геология. География. 2005. № 3. С. 127-131.

«Мягкие пространства» характеризуются как кросс-юрисдикционные пространства, в планировочных документах которых пространственное развитие предполагает взаимодействие и взаимоучастие в развитии географически связанных территорий, например, городов и рядом расположенной сельской местности (поселков, сел, деревень и т.д.), в то время как «жесткие пространства» жестко ограничены действующей системой пространственного планирования страны и предполагают мероприятия по развитию в границах своих территорий¹.

Связь между естественным пространством и пространством, созданным человеком, рассматривается Ю.В. Савельевым и О.В. Толстогузовым, которые считают, что экономическое пространство вторично по отношению к физическому пространству. Именно изменения, вносимые в последнее в результате деятельности людей, лежат в основе пространственного планирования. Авторами выделено три направления внедрения в практику элементов пространственного планирования: локационное, территориальное и комплексное. В рамках первого направления определяется оптимальное местоположение для экономических объектов, второго – масштаб и структура объекта, а третье направление объединяет в себе подходы первых двух². На наш взгляд, третье направление в наибольшей степени соответствует целям пространственного планирования не только на государственном уровне, но и на региональном. При этом в него необходимо включать все объекты, размещенные на территории региона (государства), вне зависимости от их отраслевой принадлежности, формы собственности, видов деятельности и т.п., с целью определения оптимального варианта развития пространства, экономики и общества.

Аналогичный взгляд на роль пространственного планирования можно обнаружить у Г.А. Лебединской, которая акцентирует внимание на необходимости учитывать все свойства территорий при планировании пространственного

¹ Morandell T., Wicki M., Kaufmann D. The planning of urban–rural linkages: An automated content analysis of spatial plans adopted by European intermediate cities // Landscape and Urban Planning. 2025. Vol. 255. Pp.1-12.

² Савельев Ю.В., Толстогузов О.В. Научные основы пространственного планирования и кластерной политики в туризме (опыт республики Карелия) // Вестник Национальной академии туризма. 2009. № 4 (12). С. 19-23.

развития: климатические условия, орографию, наличие и доступность природных ресурсов, транспортные сети, схему расселения и т.п.¹ Однако этот автор рассматривает стратегию пространственного развития как часть территориального планирования по причине того, что стратегия представляет собой только план развития, но не содержит в себе программных элементов, которые есть в документах территориального планирования. Данный вопрос для нас выглядит спорным, т.к. программу можно рассматривать как более детализированный документ, содержащий мероприятия, сроки и ресурсы их реализации, в то время как план создает концепцию или основу для развития пространства. Поэтому, на наш взгляд, первичным документом можно рассматривать стратегию пространственного развития, которая задает направления развития, а программы территориального планирования уже детализируют цели и задачи «на местах» – регионах или муниципальных образованиях, с сохранением общей концепции, которая отражена в стратегии.

Схожий взгляд на соотношение пространственного и территориального планирования можно найти у И.С. Гуменюка, который, проанализировав российское законодательство в области планирования, пришел к заключению, что «новый закон достаточно четко интерпретирует отношения стратегического и территориального планирования, делая последний важным, но все-таки вспомогательным элементом по отношению к стратегическому планированию»² (Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»³). Сразу отметим, что несмотря на отсутствие трактовки понятия «пространственное планирование» в российских нормативно-правовых

¹ Лебединская Г.А. О месте стратегии пространственного развития в системе территориального планирования Российской Федерации // Academia. Архитектура и строительство. 2018. № 1. С. 59-66.

² Гуменюк И.С. О соотношении понятий пространственное, стратегическое и территориальное планирование в Российской Федерации в контексте развития региона Калининградского / Вислинского залива // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2016. № 1. С. 37-44.

³ О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

документах на момент проведения И.С. Гуменюком исследования, автор обращает внимание на то, что стратегическое планирование по своему содержанию приближено к пространственному планированию. Поэтому мы приходим к выводу, что пространственное планирование (схожее по своим свойствам со стратегическим) первично по отношению к территориальному.

К основе развития земель разного целевого назначения авторами относится и действующая система стратегического, пространственного и территориального планирования, на федеральном уровне проявляющаяся в Стратегии пространственного развития, на региональном и местном – в стратегиях социально-экономического развития и схемах территориального планирования регионов и муниципальных образований. Такой подход включает социально-экономическое и территориальное планирование в систему пространственного планирования¹.

Более обширный подход к интерпретации пространственного планирования можно найти у А.И. Чистобаева и С.И. Федуловой, которые, помимо территориального планирования, к составляющим элементам пространственного планирования отнесли морское, подземное и воздушное пространство, соответственно, планирование акватории, подземных территориальных ресурсов и аэротории. Данные авторы в пространство включают не только градостроительное, но и географическое, ресурсное, социально-экономическое, этноконфессиональное, geopolитическое, правовое, обращая внимание на отсутствие границ у пространства². А.Г. Дружинин и О.В. Кузнецова говорят о необходимости учитывать «фактор моря» при государственном регулировании пространственного развития как всей страны, так и отдельных территорий³.

«Генетическую» связь стратегического и пространственного планирования отмечает В.В. Генне, который включает пространственное планирование

¹ Круглякова В.М. Взаимосвязь пространственного развития Российской Федерации, территориального планирования и процесса оценки стоимости недвижимости // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 11 (278). С. 8-13.

² Чистобаев А.И., Федулова С.И. Опыт пространственного планирования в Европейском союзе и возможности его использования в России // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 2. С. 86-99.

³ Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. Учет «фактора моря» в федеральном регулировании пространственного развития России: постсоветский опыт и современные приоритеты // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 4. С. 4-19.

в структуру стратегического и выделяет пространственный фактор как обязательную составляющую стратегического планирования¹. Подобный подход используется и другими исследователями (например, Раевым Ю.В.), включая в стратегическое планирование пространственное, а в пространственное – территориальное, предлагая внедрить принцип «сквозной» системы пространственного планирования (страна – регион – муниципальное образование) в условиях действующей российской нормативной правовой основы². Другие исследователи обращают внимание на важность стратегического планирования пространственного развития как меры преодоления пространственных диспропорций и межрегиональной дифференциации социально-экономического развития³.

Экономический и управленческий подход к разделению пространственного и территориального планирования отличается от подходов в других отраслях науки. Так, А.И. Чистобаев в рамках географических исследований не только не разделяет данные виды планирования, но определяет термин «территориальное планирование» как аналог англоязычных понятий «spatial planning» (пространственное планирование) и «regional planning» (региональное планирование)⁴. Несмотря на то, что само пространственное планирование А.И. Чистобаевым рассматривается в развернутом варианте с включением водного, воздушного и подземного пространства, нам сложно согласиться с данным объединением понятий и отсутствием какой-либо их градации, так как пространство представляет собой объемную сферу, обладающую трехмерностью и охватывающую не только поверхность земли и водных объектов, но и подземную и воздушную части, в то время как территория – более «плоская», в большей степени связанная с поверхностью земли (п. 1.1).

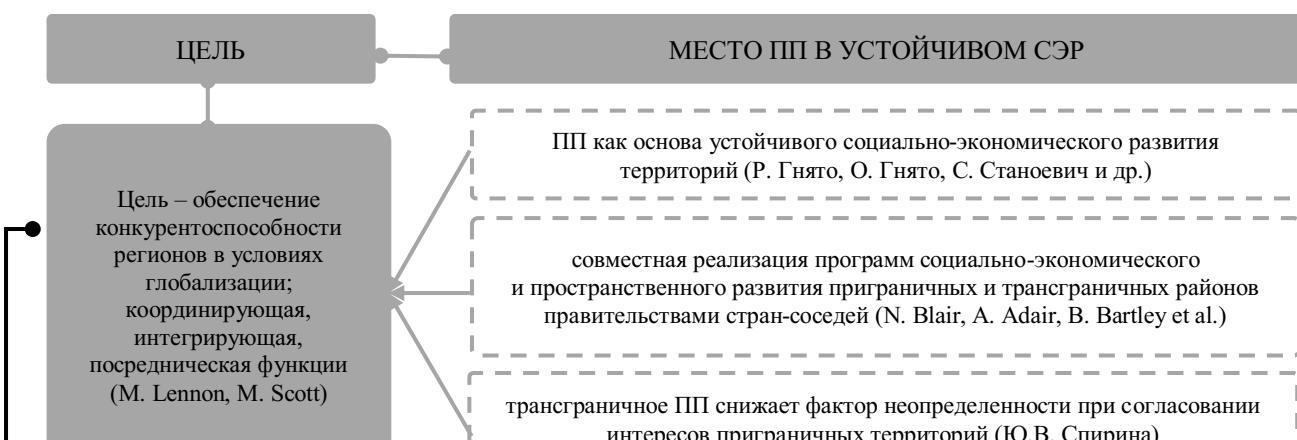
¹ Генне В.В. Проблемы совершенствования методологии пространственного развития // Балтийский экономический журнал. 2011. № 1 (5). С. 121-128.

² Раев Ю.В. Методологический подход к формированию модели «сквозного» пространственного планирования // Academia. Архитектура и строительство. 2025. № 2. С. 111-118.

³ Рожковская Е.А. Региональные диспропорции и риски пространственного развития в Республике Беларусь // Белорусский экономический журнал. 2021. № 4 (97). С. 55-71.

⁴ Чистобаев А.И. Пространственное планирование в России: состояние, проблемы, задачи географов // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. № 2. С. 15-24.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

СУЩНОСТЬ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ (СООТНОШЕНИЕ С ТП И СП)

СП = ПП (И.С. Гуменюк)	ПП включает ТП, планирование акватории, подземных территориальных ресурсов, аэротории; учет всех видов пространства (А.И. Чистобаев, С.И. Федулова)	учет всех свойств территории; ПП является частью ТП (Г.А. Лебединская)	ПП ≠ ТП при исследовании системы и процессов взаимодействия объектов, определение взаимного влияния (Л.М. Симонова, И.А. Ефремова)	недостатки региона как его преимущество при реализации ПП (Е.Ю. Колбовский)
---------------------------	---	--	--	--

ЧЕРТЫ И СВОЙСТВА ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

черты ПП – дальновидность, обширность, участие, интегрированность, обратная связь, результат; вопросы землепользования, социальные, экономические, экологические (N. Taylor)	многоуровневое управление, функциональное мышление, двустороннее движение по уровням власти (M. Boddy, H. Hickman)	условия эффективной интеграции в глобальный рынок, правильное распределение производительных сил для обеспечения ускоренного социально-экономического развития, единое пространство государства (B.A. Тюменцев)	оптимальность размещения экономических объектов, масштаб и структура объекта, экономическое пространство вторично по отношению к естественному; ПП экономического пространства (Ю.В. Савельев, О.В. Толстогузов)
междисциплинарный подход в осуществлении ПП, учет всех аспектов пространства государства (О.В. Красовская, С.В. Скатерциков)	ориентир на жилищное строительство, отраслевая интеграция; обеспечение стандарта или уровня жизни (M. Lau)		

Примечания: ПП – пространственное планирование, ТП – территориальное планирование, СП – стратегическое планирование, СЭР – социально-экономическое развитие. Составлено автором на основе: Lennon M., Scott M. Delivering ecosystems services via spatial planning: reviewing the possibilities and implications of a green infrastructure approach // The Town Planning Review. 2014. Vol. 85, No. 5. Pp. 563-587; Taylor N. What is this thing called spatial planning? An analysis of the British government's view // The Town Planning Review. 2010. Vol. 81, No. 2. Pp. 193-208; Boddy M., Hickman H. The demise of strategic planning? The impact of the abolition of Regional Spatial Strategy in a growth region // The Town Planning Review. 2013. Vol. 84, No. 6. Pp. 743-768; Lau M. Sectoral integration and meta-governance: lessons beyond the 'spatial planning' agenda in England // The Town Planning Review. 2014. Vol. 85, No. 5. Pp. 617-637; Blair N., Adair A., Bartley B. et al. Delivering Cross-Border Spatial Planning: Proposals for the Island of Ireland // The Town Planning Review. 2007. Vol. 78, No. 4. Pp. 485-509; Гнято Р., Гнято О., Станоевич С., Гнято С.

Географическое разнообразие в рамках концепции устойчивого развития и практики пространственного планирования // Вестник АРГО. 2017. № 6. С. 74-82; Красовская О.В., Скательщикова С.В. Использование географических информационных систем в пространственном планировании и управлении территориями // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. Геология. География. 2005. № 3. С. 127-131; Савельев Ю.В., Толстогузов О.В. Научные основы пространственного планирования и кластерной политики в туризме (опыт республики Карелия) // Вестник Национальной академии туризма. 2009. № 4 (12). С. 19-23; Лебединская Г.А. О месте стратегии пространственного развития в системе территориального планирования Российской Федерации // Academia. Архитектура и строительство. 2018. № 1. С. 59-66; Гуменик И.С. О соотношении понятий пространственное, стратегическое и территориальное планирование в Российской Федерации в контексте развития региона Калининградского / Вислинского залива // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2016. № 1. С. 37-44; Чистобаев А.И., Федулова С.И. Опыт пространственного планирования в Европейском союзе и возможности его использования в России // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 2. С. 86-99; Генне В.В. Проблемы совершенствования методологии пространственного развития // Балтийский экономический журнал. 2011. № 1 (5). С. 121-128; Раев Ю.В. Методологический подход к формированию модели «сквозного» пространственного планирования // Academia. Архитектура и строительство. 2025. № 2. С. 111-118; Спирина Ю.В. Трансграничное пространственное планирование в Балтийском регионе // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. № 1. С. 92-96; Симонова Л.М., Ефремова И.А. Пространственное стратегирование России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2, № 4. С. 161-174; Тюменцев В.А. Проблемы планирования пространственной организации развития территорий // Сборник научных трудов Ангарского государственного технического университета. 2008. Т. 1, № 1. С. 218-222; Колбовский Е.Ю. Стратегическое пространственное планирование как инструмент регионального развития // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 3, № 3. С. 110-115.

Рисунок 2.2 – Специфические черты пространственного планирования

Региональное планирование также связано с обеспечением развития регионов за счет улучшения инфраструктуры, создания более благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности, повышения эффективности функционирования региональных экономик, но региональное планирование, как и территориальное, отличается от пространственного наличием границ у регионов и территорий, которые одновременно образуют границы в получении эффекта от реализуемых планов. Пространственное планирование ввиду размытости или отсутствия границ у пространства может приводить к возникновению положительного эффекта не только в пределах объекта планирования (региона или государства), но и на приграничных территориях соседних регионов или государств, что может вызывать синергический эффект в случае реализации пространственных планов на соседних территориях.

Схожий взгляд на наличие синергического эффекта мы можем найти у Ю.В. Спириной, раскрывающей идею трансграничного пространственного планирования для снижения фактора неопределенности при согласовании интересов всех участников на приграничных территориях¹.

---

¹ Спирина Ю.В. Трансграничное пространственное планирование в Балтийском регионе // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. № 1. С. 92-96.

На необходимость разделения понятий «пространственное планирование» и «территориальное планирование» обращают внимание Л.М. Симонова и И.А. Ефремова. Ими предложены варианты, когда пространство и территория могут использоваться как синонимы – при исследовании систем расселения, объектов транспортной, энергетической, коммуникационной и других инфраструктур и социальной сферы региона, а во втором случае пространство и территория не могут быть смешаны – при исследовании системы и процессов взаимодействия объектов и выявления степени взаимного влияния¹.

Тем не менее хотелось бы отметить смешение понятий в работах некоторых авторов. Так, описывая шведскую систему планирования, С.И. Холявко² и L. Petersson-Forsberg³ используют понятие «пространственное планирование», хотя приводимое в анализируемых статьях описание позволяет применять по отношению к шведской системе понятие «территориальное планирование», т.к., по словам L. Petersson-Forsberg, шведским муниципальным образованиям принадлежит монопольное право на планирование. В стране составляется пять типов планов: генеральный, региональный, детальный план развития, правила землепользования и застройки, имущественный план. На муниципальном уровне составляются детальные территориальные планы, а вот на региональном и государственном отсутствует территориальный план, составленный с применением принципов и подходов муниципальных планов, он всего лишь объединяет в себе муниципальные планы в общем виде в совокупный документ.

В своей статье Н.Г. Юшкова выделяет такие свойства региональных стратегий, как гибкость, вариабельность и подвижность⁴. С учетом того,

---

¹ Симонова Л.М., Ефремова И.А. Пространственное стратегирование России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2, № 4. С. 161-174.

² Холявко С.И. Шведская модель пространственного планирования: функции, проблемы и решения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 7. С. 159-168.

³ Petersson-Forsberg L. Swedish spatial planning: A blunt instrument for the protection of outdoor recreation // Journal of Outdoor Recreation and Tourism. 2014. Vol. 5-6. Pp. 37-47.

⁴ Юшкова Н.Г. Планирование пространственного развития региона: идеология и технология // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура. 2010. № 20 (39). С.164-171.

что региональные стратегии формируют основу пространственного развития не только самих регионов, но и всего государства, мы считаем, что данные свойства можно наблюдать и у пространственного планирования, которое должно корректироваться ввиду происходящих изменений как внутри региона (государства), так и во внешней среде (на международном уровне).

Связь с внешней по отношению к государству средой мы можем увидеть в целях пространственного развития, предложенных В.А. Тюменцевым. По его мнению, пространственное развитие страны должно быть направлено на создание условий эффективной интеграции в глобальный рынок, правильное распределение производительных сил по территории страны для обеспечения ускоренного социально-экономического развития, повышать доступность для территорий и населения к «источникам социально-экономического роста», гарантирование сохранения государства как единого пространства¹.

Интересный подход к использованию пространственных характеристик с точки зрения социально-экономического состояния региона предлагает Е.Ю. Колбовский. Он обращает внимание на то, что неоднородность пространства формирует потенциал региона, в основе которого лежат его своеобразные черты. Данный подход заключается в использовании недостатков регионов как их преимуществ при разработке и реализации стратегического пространственного планирования. Одновременно с этим он отмечает множественную природу стратегического пространственного планирования и пространства региона, которые, с одной стороны, выступают инструментом развития региона, с другой – создают условия для развития, с третьей – образуют результат развития региона².

К проблеме разграничения сфер использования понятий «пространственное планирование» и «территориальное планирование» обращается Е.М. Бухвальд. Проведя анализ российских нормативных документов в сфере пространственного

¹ Тюменцев В.А. Проблемы планирования пространственной организации развития территорий // Сборник научных трудов Ангарского государственного технического университета. 2008. Т. 1, № 1. С. 218-222.

² Колбовский Е.Ю. Стратегическое пространственное планирование как инструмент регионального развития // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 3, № 3. С. 110-115.

развития, он пришел к заключению, что ни Градостроительным кодексом не определена роль территориального планирования в пространственном развитии государства, ни в Стратегии пространственного развития России не установлена система взаимосвязи и логика применения таких понятий, как территориальное планирование, территориальная организация, пространственное развитие, территориальное развитие¹. Отсутствие четкости разграничения сфер применения различных понятий способно негативно сказываться на реализации всей совокупности документов, призванных обеспечить пространственное развитие как всей страны, так и отдельных регионов. Пространственное планирование предполагает наличие совокупности документов, регулирующих различные сферы пространственного развития. Данная совокупность различных документов предполагает четкое разграничение применения терминологии для исключения двойственных трактовок при разработке программ реализации стратегий и их фактического выполнения.

Таким образом, если рассматривать пространственное планирование, то следует отметить, что оно охватывает большее количество сфер, чем территориальное, т.е. содержит в себе несколько направлений развития регионов или государства, включает в себя не только вопросы размещения производительных сил или инфраструктурного обеспечения, но и выстраивания системы, повышающей эффективность взаимодействия всех субъектов. В основе пространственного планирования лежит несколько направлений научных исследований, позволяющих более полноценно развивать пространство (в его совокупности – не только земное, воздушное и водное, но и экономическое, культурное, правовое и т.д.), а значит и сами регионы. Выявленная неоднородность пространства позволяет ориентировать систему планирования, с одной стороны, на стимулирование менее развитых частей или элементов, с другой – искать варианты по использованию этих частей или элементов в качестве конкурентных преимуществ. Пространственное планирование, помимо развития внутренней

---

¹ Бухвальд Е.М. Правовое регулирование стратегического пространственного и территориального планирования // Журнал российского права. 2019. №11. С. 131-143.

структуры, ориентировано на выстраивание системы взаимоотношений с соседними регионами для повышения эффективности взаимодействия в приграничных частях пространства и достижения синергического эффекта от реализации совместных или взаимоувязанных проектов развития пространства каждого региона на базе институтов межрегионального взаимодействия.

2.2. Институциональная составляющая пространственного развития регионов¹

Пространственное развитие территорий (государств, регионов, муниципальных образований) как отдельное направление в системе государственного планирования возникло в середине XX века. Первыми странами, сформировавшими нормативно-правовое обеспечение планирования пространственного развития, стали Нидерланды и Великобритания. В последней четверти XX века данное направление планирования получило большее распространение и в других государствах и их объединениях. Так, в Европейском союзе (ЕС) действует Европейская сеть наблюдения за пространственным планированием (European Spatial Planning Observation Network – ESPON)², в деятельность которой в том числе входит реализация программ взаимодействия между странами по пространственному развитию ЕС, проведению исследований и составлению аналитических отчетов о пространственном развитии государств, межгосударственных регионов и отдельных территорий ЕС, а также некоторых европейских государств, не входящих в ЕС.

---

¹ При работе над данным разделом диссертации использована следующая публикация автора, в которой отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Проскурнова К.Ю. Сравнительный анализ формальных институтов пространственного развития территорий // Коммуникация - Общество - Человек: Сборник научных трудов I Национальной научно-практической конференции научно-педагогических и практических работников с международным участием / под ред. Т.Б. Колышкиной, И.В. Шустиной. Ярославль: ПКФ «СОЮЗ-ПРЕСС», 2022. С. 215-221.

² European Spatial Planning Observation Network – ESPON / European Grouping on Territorial Cooperation. URL: <https://www.espon.eu/> (дата обращения: 29.09.2022).

Стоит отметить, что жесткой системы планирования пространственного развития не выявлено во многих государствах. Могут быть разработаны рамочные основы для муниципальных образований и реже – для регионов стран, без указания списка требований по наполнению данных документов. Подобные документы действуют в ЮАР и Малави¹. В других странах приняты концепции или стратегии пространственного развития, которые дают общее представление о направлениях развития и желаемых результатах пространственного развития, а также содержат общую социально-экономическую, природно-климатическую, инфраструктурную характеристику государства, например, Стратегия пространственного развития Республики Хорватия или Национальная концепция пространственного развития Польши до 2030 года, при этом в Польше на уровне муниципальных образований осуществляется планирование землепользования, а не пространственного развития².

В рамках проведенного исследования формальные институты пространственного развития рассматривались как совокупность нормативно-правовых документов, относящихся к данной сфере, и уровня органов исполнительной власти, в сферу деятельности которых входят разработка и реализация подобных документов.

В Бразилии формальные институты пространственного планирования «размыты». На федеральном уровне осуществляется управление особыми территориями – резервациями коренных народов, национальными парками

¹ National spatial development framework, Republic of South Africa / South African Government. Official Information and Services. URL: <https://www.gov.za/documents/national-spatial-development-framework-draft-30-apr-2019-0000> (дата обращения: 29.09.2022); Simplified Spatial Development Guidelines / National Treasury Republic of South Africa. URL: <http://ndp.treasury.gov.za/About%20NDP/Spatial%20Planning%20Practice/Spatial%20Development%20Frameworks/Simplified%20Spatial%20Development%20Guidelines.pdf> (дата обращения: 29.09.2022); The Malawi Secondary Cities Plan (MSCP) / The National Planning Commission of Malawi. URL: <https://npc.mw/2022/07/malawi-secondary-cities-plan/> (дата обращения: 29.09.2022).

² Spatial Development Strategy of the Republic of Croatia ESPON / Ministry of Physical Planning, Construction and State Assets Republic of Croatia. URL: <https://mpgi.gov.hr/about-the-ministry-139/scope-of-the-ministry/physical-planning-143/spatial-development-strategy-of-the-republic-of-croatia/11686> (дата обращения: 29.09.2022); National Spatial Development Concept of Poland until 2030 / United Nations Environment Programme. URL: <https://leap.unep.org/en/countries/pl/national-legislation/national-spatial-development-concept-2030-nsdc-2030> (дата обращения: 29.09.2022).

и природоохранными территориями; строительство и управление крупной стратегической инфраструктурой; присвоение особого статуса территориям (свободные экономические зоны, полюса промышленного роста и т.п.) и строительство инфраструктуры на данных территориях. На региональном уровне планируется региональная инфраструктура и присваивается статус «агломерация» городам или группам городов. На муниципальном уровне принимаются принципы и предписания осуществления и реализации городского планирования как отдельных населенных пунктов, так и в рамках агломераций; осуществляется правовое и фискальное регулирование в отношении земельной собственности и недвижимого имущества, а также регулирование владения неформальной собственностью. Для крупных городов и агломераций Бразилии характерны городские неформальные территории, которые исследователи классифицируют по трем типам: фавелы (трущобы), кортикос (переполненные многоквартирные дома) и нерегулярные лотеаментос (неформальные наделы)¹. Решение проблемы заселения данных территорий лежит в сфере компетенции муниципальных властей и находит отражение в документах развития муниципального образования, при этом в агломерациях могут наблюдаться разные подходы, используемые муниципальными образованиями, входящими в состав агломерации.

В ЮАР второе десятилетие разрабатываются и принимаются документы в сфере пространственного планирования, но они носят рамочный характер. На национальном уровне к таким документам относится Руководство по пространственному развитию ЮАР, в котором содержатся рекомендации для провинций, округов и муниципалитетов по формированию своих планов пространственного развития, а Национальная концепция пространственного развития существует в виде проекта с 2019 г.² На региональном уровне в 8 из 9

¹ Rocco R., Royer L., Gonçalves F.M. Characterization of Spatial Planning in Brazil: The Right to the City in Theory and Practice // Planning Practice & Research. 2019. Vol. 34, No. 4. Pp. 419-437.

² National Development Plan / The Presidency Republic of South Africa. URL: https://www.nationalplanningcommission.org.za/National_Development_Plan (дата обращения: 29.09.2022); National spatial development framework, Republic of South Africa / South African Government. Official Information and Services. URL: <https://www.gov.za/documents/national-spatial-development-frame-work-draft-30-apr-2019-0000> (дата обращения: 29.09.2022); Simplified Spatial Development Guidelines / National Treasury Republic of South Africa. URL: <http://ndp.treasury.gov.za/About%20N>

провинций пространственное планирование включено в общие планы развития или в принципе отсутствует упоминание пространственного развития в планах развития провинций. Только в Восточно-Капской провинции была представлена концепция пространственного развития, но данный документ, как и национальная концепция, с 2019 г. находится на рассмотрении¹. На муниципальном уровне действуют Акт пространственного планирования и землеустройства, Комплексный план развития и Комплексная система городского развития, принятые на национальном уровне². Муниципальные образования с численностью населения от 20 тыс. жителей разрабатывают генеральные планы, при этом отдельные города принимают документы по пространственному развитию, например Основы пространственного развития Йоханнесбурга, но они также носят рамочный характер³.

Система пространственного планирования в Индии характеризуется необязательностью разработки и реализации генеральных и специальных планов на национальном и региональном уровнях⁴. На национальном уровне действует управление городского и сельского планирования, которое отвечает за разработку принципов планирования, генеральных и специальных (транзитные маршруты, крупные промышленные регионы и т.п.) планов. На уровне штатов в сферу ответственности департаментов городского и сельского планирования входят региональные и генеральные планы (штата), содержащие аспекты землепользования, транспорта, территориального планирования.

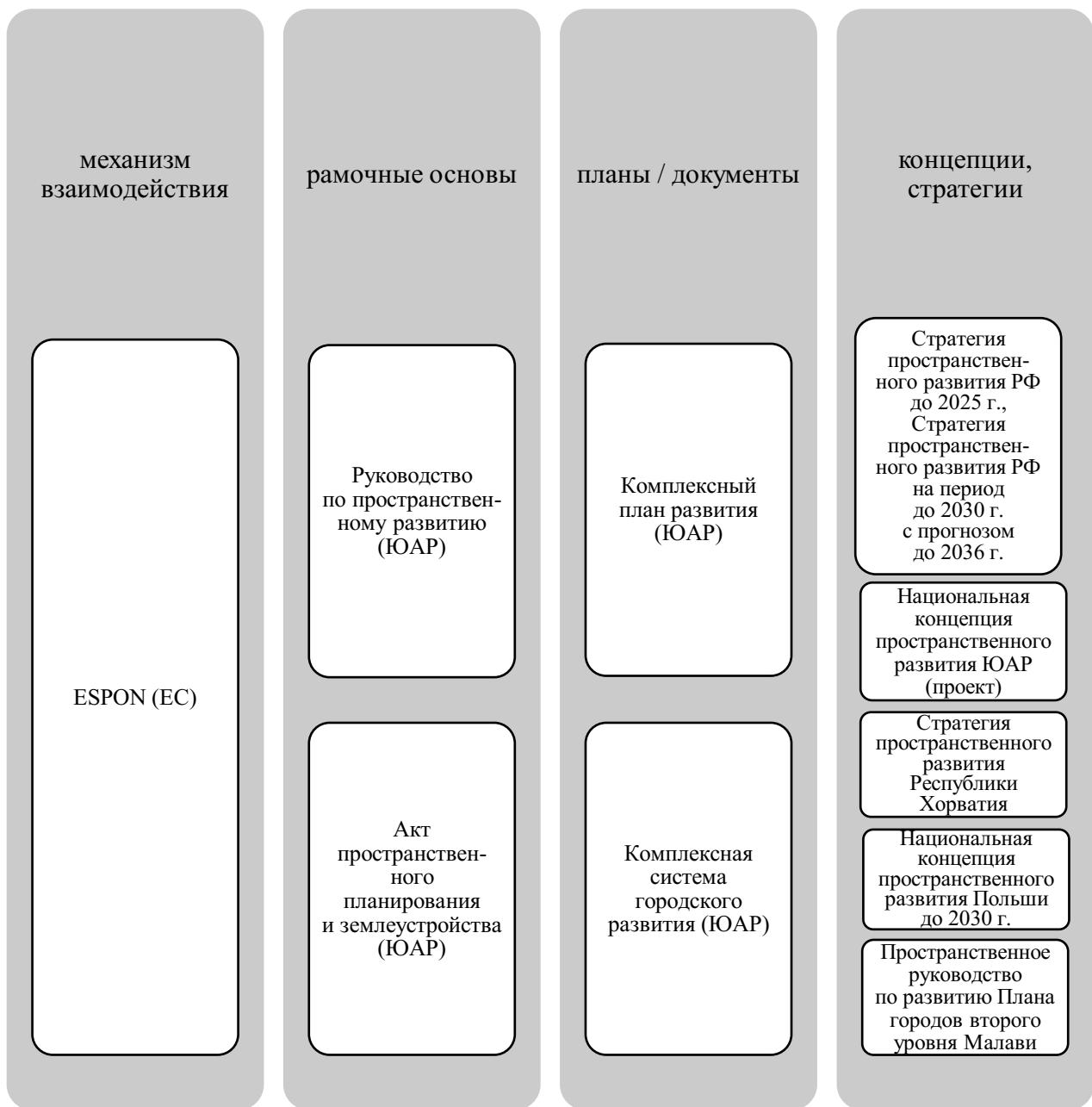
¹ DP/Spatial%20Planning%20Practice/Spatial%20Development%20Frameworks/Simplified%20Spatial%20Development%20Guidelines.pdf (дата обращения: 29.09.2022).

² Vision for the Eastern Cape 2030: provincial development plan / Province of the Eastern Cape Republic of South Africa. URL: www.ecprov.gov.za (дата обращения: 29.09.2022).

² Monama S.A., Mokoele N.J., Mokgotho K.D. South African spatial planning fragmentation: repealing the apartheid planning imprint // International Journal of Entrepreneurship. 2022. Vol. 26, Spec. Iss. 1. Pp. 1-11; Spatial Planning and Land Use Management Act / South African Government. Official Information and Services. URL: <https://www.gov.za/documents/spatial-planning-and-land-use-management-act> (дата обращения: 29.09.2022); The Integrated Urban Development Framework / Cooperative Governance Traditional Affairs Republic of South Africa. URL: <https://www.cogta.gov.za/index.php/docs/integrated-urban-development-documents/> (дата обращения: 29.09.2022).

³ Spatial Development Framework 2040: City of Johannesburg Metropolitan Municipality / The United Nations Human Settlements Programme. URL: <https://unhabitat.org/spatial-development-framework-2040-city-of-johannesburg-metropolitan-municipality> (дата обращения: 29.09.2022).

⁴ Matthaei E. The Rurban Concept Spatial Planning Beyond Boundaries. The Case of the GIZ Land Use Planning and Management Project in India. Bonn: Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) GmbH, 2018. 17 p.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 2.3 – Элементы институтов пространственного развития на национальном уровне

Особенностью муниципального уровня Индии является выделение двух категорий: сельские районы, в сфере планирования в функции которых входят только экономическое развитие и обеспечение социальной справедливости, и муниципалитеты (городские территории), которые осуществляют городское планирование, регулирование землепользования, отвечают за функционирование и создание гражданской инфраструктуры и планирование экономического и социального развития. Органы власти в городах отвечают за разработку

и реализацию градостроительных планов. Исследователи отмечают проблемы как всей системы планирования, так и формирующегося пространственного планирования – отсутствие единого подхода к землепользованию во всех штатах, использование разных подходов к планированию во всех отраслях и секторах экономики, в том числе в отношении сельских и городских территорий, и отсутствие общей государственной концепции пространственного развития и планирования¹.

Для Китайской Народной Республики характерны два уровня планирования пространственного развития: государственный и региональный. На государственном уровне осуществляются регулирование и реализация пространственной модели распределения производства, размещения населения и сохранения окружающей среды – модели гармоничного сосуществования человека и природы. На региональном уровне разрабатывается общая, детальная и специальная планировка провинции, которая учитывает все особенности данного региона, при этом муниципальный уровень в системе планирования находится в подчинении региональному уровню (провинции). На планирование пространственного развития провинций Китая влияет система национального зонирования по основным функциям – определение специализации региона².

В отчете ESPON об исследовании системы управления и системы пространственного планирования европейских стран выделены четыре группы инструментов пространственного планирования: дальновидные (принципы и цели), стратегические (координация действий и принятие решений с учетом разных юрисдикций стран ЕС и других европейских государств), рамочные (варианты взаимодействия между различными планами и программами для развития территорий) и регулирующие (решения по изменениям правил землепользования и развития)³. В отчете представлены данные по 32 государствам

¹ Там же.

² Liu Y., Zhou Y. Territory spatial planning and national governance system in China // Land Use Policy. 2021. Vol. 102. Pp. 1-9.

³ COMPASS – Comparative Analysis of Territorial Governance and Spatial Planning Systems in Europe. Applied Research 2016-2018: Final Report / V. Nadin, A.M. Fernandez Maldonado, W. Zonneveld et al. Luxembourg: ESPON & TU Delft, 2018. 94 p.

– членам ЕС и другим европейским странам. Если не рассматривать первую группу инструментов, ориентированную на установление общих принципов и целей пространственного планирования, то на национальном уровне в большей степени используются стратегические инструменты и рамочные условия пространственного планирования, на региональном уровне для данной группы стран характерна аналогичная ситуация, а вот на муниципальном уровне активнее используется группа регулирующих инструментов и в меньшей степени – стратегических. Именно муниципальный уровень определяет условия землепользования и возможности развития территорий, что влияет на пространственное планирование развития территорий.

В Нидерландах правовой основой формирования институтов пространственного развития стал Закон о пространственном планировании (1965 г.). С развитием системы пространственного планирования активная роль перешла к региональным властям и отраслям экономики, сместив акцент с системы рационального планирования к пространственному развитию за счет либерализации применяемых инструментов¹.

Особенностями планирования пространственного развития в Австрии является то, что на национальном уровне разрабатываются секторальные и отраслевые стратегии и планы, а законодательное регулирование пространственного развития закреплено за уровнем федеральных земель. Каждая федеральная земля обладает своими правовыми основами, инструментами планирования и отвечающими за их реализацию административными структурами. Округа как административно-территориальные единицы федеральных земель разрабатывают региональные, секторальные и планы, программы и концепции развития, а муниципальные образования – секторальные и пространственные концепции и планы землепользования и развития². Данная система допускает

---

¹ Kooij H.-J., Gerritsen M., Van Assche K. Integrating spatial planning and energy policy in The Netherlands: challenges and lessons for societal energy transitions // Environmental Innovation and Societal Transitions. 2025. Vol. 57. Pp. 1-12.

² Juschten M., Reinwald F., Jiricka-Pürer A. Challenge accepted – identifying barriers and facilitating climate change adaptation in spatial development across planning boundaries, sectors and planning levels // Environmental Science & Policy. 2025. Vol. 171. Pp. 1-14; Junger L., Seher W. Mitigating the

применение неформального подхода к принятию решений при стратегическом пространственном планировании¹.

Интенсивное развитие во второй половине XX в. сформировало потребность формирования институциональных основ пространственного развития Швейцарии, что выразилось в принятии в 1979 г. Федерального закона о пространственном планировании, закрепившего необходимость координации действий органов управления на уровне федерации, кантонов и муниципалитетов при принятии решений, касающихся пространственного развития. Расширение площади застройки в городах привело к пересмотру положений и принятию нового закона, вступившего в действие в 2014 г. Помимо законодательства, в институциональные основы пространственного планирования входит Федеральный офис пространственного развития (ARE), созданный в 2000 г.²

В Российской Федерации существует отдельный документ – Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года³ (первая версия) и Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года⁴, но на региональном и муниципальном уровне нормативно не регламентированы документы по пространственному развитию субъектов Российской Федерации или муниципальных образований, не установлены требования к содержанию подобных документов в том случае, если регионы или муниципальные образования самостоятельно примут решение об их разработке и реализации. Градостроительным кодексом Российской

levee effect – Spatial planning approaches to address residual risk // Progress in Disaster Science. 2024. Vol. 23. Pp. 1-10.

¹ Slave A.R., Popa A.M., Onose D.A. et al. Evaluating trends in the consideration of urban green spaces in strategic spatial planning: Insights from Romania // Landscape and Urban Planning. 2025. Vol. 263. Pp. 1-14.

² Berisha E., Cotella G., Solly A. The invisible hand of the EU: Europeanisation of spatial planning in two non-EU countries // Regional Science Policy & Practice. 2025. Vol. 17, No. 3. Pp. 1-11.

³ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р: документ утратил силу. Доступ из государственной системы правовой информации «Официальный интернет-портал правовой информации».

⁴ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. Доступ из государственной системы правовой информации «Официальный интернет-портал правовой информации».

Федерации предъявляются требования к структуре и содержанию схем территориального планирования, но включение пространственной составляющей в данный документ остается на усмотрение субъектов Российской Федерации. Некоторые регионы России в своих схемах территориального планирования отразили модели и концепции пространственного развития, пространственной организации, пространственного планирования или пространственно-территориальной организации. Практики принятия отдельных документов по пространственному развитию ни субъекты Российской Федерации, ни муниципальные образования не применяли. В Екатеринбурге разрабатывалась стратегия пространственного развития города, но в итоге она стала частью Стратегического плана развития Екатеринбурга¹. Другим примером является попытка принятия Стратегии пространственного развития Ярославской области – данный документ был опубликован для общественного обсуждения, но так и не был принят.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ подходов государств к формированию институтов пространственного развития территорий показал разнообразие, при этом в одних странах наблюдаются сформированные формальные институты пространственного развития (европейские государства), в других – формирующиеся (например, Россия и ЮАР) или только начинающие формироваться (Индия). Несмотря на длительный период применения пространственного планирования территорий, государства продолжают совершенствовать данный инструмент государственной политики, распространяя его на другие сферы, в том числе на электроэнергетику, экологию, здравоохранение, образование, культуру и др.

---

¹ О Стратегическом плане развития Екатеринбурга : решение Екатеринбургской Городской Думы от 10 июня 2003 г. № 40/6. Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

2.3. Схемы территориального планирования как институт пространственного развития¹

Нормативно-правовые основы пространственного развития регионов в России содержат общие положения, но не описывают конкретных действий, способствующих пространственному развитию конкретных территорий. Общий для всей федерации документ – Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года (утратила силу) и Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (действующая) – ориентирован на необходимость пространственного развития всего государства, но не отражает разнообразие регионов, обладающих совершенно различными территориальными, природными, климатическими, инфраструктурными и другими характеристиками, что влияет на условия обеспечения их пространственного развития.

К документам, связанным с пространственным и территориальным развитием регионов, относятся Градостроительный кодекс Российской Федерации², Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»³, Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года⁴ (ранее), Стратегия

¹ При работе над данным разделом диссертации использованы следующие публикации автора, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Проскурнова К.Ю. Вопросы пространственного развития российских регионов // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 92. С. 116-128; Государственное и муниципальное управление. Вопросы теории и практики: монография / А.С. Воронов, М.В. Кудина, Г.Л. Купришин и др.; под ред. А.С. Воронова, М.В. Кудиной. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2024. 192 с.

² Градостроительный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

³ О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

⁴ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р: документ утратил силу. Доступ из государственной системы правовой информации «Официальный интернет-портал правовой информации».

пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года¹ (начиная с 2025 года), стратегии социально-экономического развития субъектов и макрорегионов Российской Федерации, отраслевые документы стратегического планирования, государственные программы и национальные проекты Российской Федерации, государственные программы субъектов Российской Федерации и схемы территориального планирования субъектов Российской Федерации. Именно в схемах территориального планирования (СТП) отражается распределение по территории субъекта Российской Федерации различных объектов (природных, промышленных, социальных, инфраструктурных и др.), способствующих развитию региона.

Нормативную основу разработки СТП региона составляет Градостроительный кодекс Российской Федерации, в котором отражено, что СТП должна включать информацию о планируемом размещении объектов по территории региона и их предназначении. Сама схема состоит из нескольких документов – положения и материалов по обоснованию. В положении должны быть представлены данные о размещаемых объектах транспорта (железнодорожного, водного, воздушного), автомобильных дорогах регионального или межмуниципального значения, мероприятиях и объектах, направленных на предупреждение чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера, стихийных бедствий, эпидемий и ликвидацию их последствий, объектах сфер образования, здравоохранения, физической культуры и спорта, объектах отрасли энергетики, а также иных объектах, относящихся к области полномочий субъектов Российской Федерации.

Материалы по обоснованию схемы территориального планирования содержат сведения об утвержденных документах стратегического планирования Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, межгосударственных

---

¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. Доступ из государственной системы правовой информации «Официальный интернет-портал правовой информации».

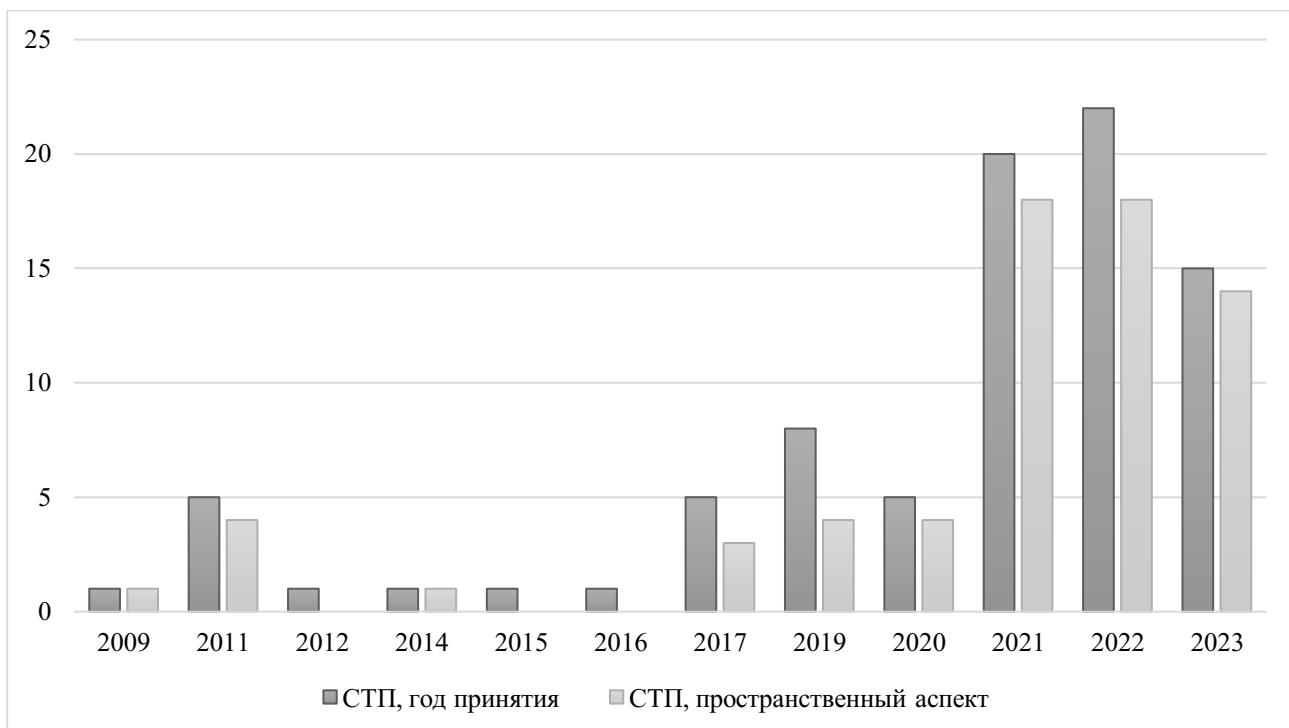
программах, об инвестиционных программах субъектов естественных монополий, о решениях органов государственной власти и иных главных распорядителей средств соответствующих бюджетов, предусматривающих создание объектов регионального значения; обоснование выбранного варианта размещения объектов регионального значения на основе анализа использования соответствующей территории, возможных направлений ее развития и прогнозируемых ограничений ее использования; оценка возможного влияния планируемых для размещения объектов регионального значения на комплексное развитие соответствующей территории; сведения об образовании, утилизации, обезвреживании, о размещении твердых коммунальных отходов, содержащиеся в территориальных схемах в области обращения с отходами, в том числе с твердыми коммунальными отходами¹.

Документальную базу исследования составили 82 схемы территориального планирования субъектов Российской Федерации (республик, автономных округов, автономной области, краев, областей) и 3 генеральных плана (городов федерального значения). В выборку не были включены новые регионы, вошедшие в состав России в 2022 году, т.к. органами управления на момент проведения анализа не были представлены схемы территориального планирования, соответствующие требованиям российского законодательства.

В рамках данного исследования далее в тексте к схемам территориального планирования отнесены и генеральные планы. В анализ не были включены проекты новых СТП регионов или проекты внесения изменений в действующие СТП. Самый старый документ был принят в 2009 г. (Схема территориального планирования Магаданской области). 15 регионов приняли последние версии схем или внесли изменения в действующие документы в 2023 г. Документы остальных 69 субъектов Российской Федерации по времени принятия или внесения изменений распределены в периоде 2011–2022 гг. (рисунок 2.4).

---

¹ Градостроительный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

Примечание – Составлено автором на основе: Схемы территориального планирования субъектов Российской Федерации / Федеральная государственная информационная система территориального планирования. URL: <https://fgistp.economy.gov.ru/> (дата обращения: 18.02.2024).

Рисунок 2.4 – Годы принятия схем территориального планирования субъектов Российской Федерации и присутствие в них пространственного аспекта

Различные вариации понятий, связанных с пространственными изменениями, произошедшими или запланированными (или пространственный аспект), встречаются в документах схем территориального планирования 67 регионов. В данной выборке не учтены понятия пространства в его понимании как места нахождения различных объектов.

Пространственный аспект в региональных документах стал появляться во второй половине 2000-х гг., задолго до разработки и принятия Стратегии пространственного развития Российской Федерации. Но даже после принятия Стратегии пространственный аспект появился не во всех схемах территориального планирования (2019–2023 гг., рисунок 2.4).

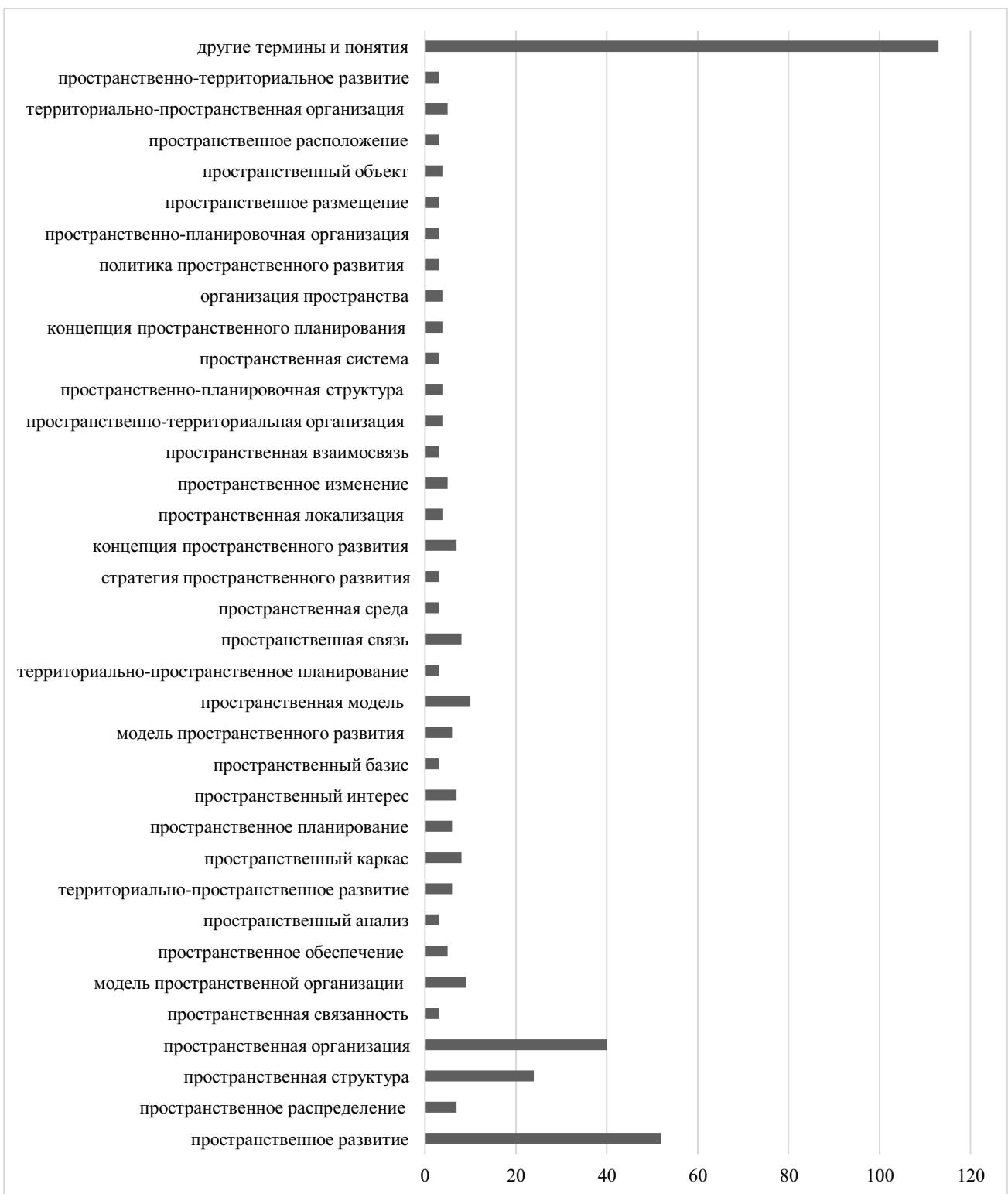
В рамках проведенного анализа пространственного аспекта оценивались частота использования и распространенность в СТП терминов, связанных с пространственными изменениями.

Обратим внимание, что в исследовании анализировались понятия, связанные с пространственными изменениями и пространственными характеристиками регионов, при этом не учитывалась частота использования понятия «пространство» при описании распределения объектов, например, нахождение природных ресурсов, характер расположения водных объектов или специфика ландшафта. При этом акцент при исследовании использованных терминов делался на связанные с деятельностью людей, в том числе государственных и муниципальных органов управления.

В рамках проведенного исследования был выделен 151 термин, при этом некоторые схожи по формулировке, но имеют разную последовательность слов (рисунок 2.5).

Наиболее распространенным термином стало «пространственное развитие», упоминаемое в целях и задачах СТП и используемое при оценке последствий размещения заявленных в схеме объектов. Второй стала «пространственная организация», используемая при описании существующей системы распределения производительных и естественных сил, природных объектов и ресурсов, расселения населения, инфраструктурных объектов и т.п., а также для отражения будущей системы распределения и расселения. В ряде СТП упоминаются модели (модель пространственного развития, пространственная модель, модель пространственной организации, модель пространственного планирования), не содержащие существующего или планируемого пространственного устройства региона или мероприятий и программ по пространственному развитию территории. Суть данных моделей сведена только к описанию региона.

По своему содержанию «пространственная структура» и «пространственный каркас» раскрывают связь между существующими и создаваемыми объектами или совокупность объектов, образующих базу для дальнейшего развития пространства региона.

Примечание – Составлено автором на основе: Схемы территориального планирования субъектов Российской Федерации / Федеральная государственная информационная система территориального планирования. URL: <https://fgistp.economy.gov.ru/> (дата обращения: 18.02.2024).

Рисунок 2.5 – Частота применения «пространственных» терминов и понятий в схемах территориального планирования

В части СТП представлены показатели пространственного развития, но совокупность данных показателей характеризует социально-экономическое, а не пространственное развитие субъектов Российской Федерации. В материалах по обоснованию схемы территориального планирования Свердловской области к данным показателям отнесены численность населения, площадь жилищного фонда, жилищная обеспеченность населения, объем жилищного строительства, уровень младенческой смертности, общие коэффициенты рождаемости и смертности, суммарный коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, протяженность железных и автомобильных дорог общего пользования (регионального, межмуниципального и федерального значения), количество транспортно-пересадочных узлов регионального значения, уровень автомобилизации населения и количество аэропортов гражданской авиации. Схожие показатели выделены и в материалах по обоснованию схемы территориального планирования Республики Крым: численность населения, жилищная обеспеченность населения, прогнозные значения туристического потока, численность туристско-рекреационных кластеров, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, показатели связи, энерго-, газо-, водоснабжения и водоотведения, энергопотребления, протяженность автомобильных дорог общего пользования (регионального значения), а также количество искусственных дорожных сооружений, объектов пассажирского автомобильного транспорта, объектов воздушного и водного транспорта регионального значения, комплексных объектов транспортной инфраструктуры. С учетом указания периода достижения (2040 г.) данные показатели относятся к целевым показателям социально-экономического развития и только показатели развития инфраструктурных объектов могут отражать пространственное развитие региона, но лишь частично (вопросы определения наполнения пространства региона).

К разделу «Другие термины и понятия» было отнесено 116 терминов, которые условно распределены по 8 группам (таблица 2.1). Контекст при отнесении понятия к той или иной группе был исключен.

Таблица 2.1 – Группировка пространственных понятий и терминов

Подход	Термин	
Процессный	пространственное обеспечение; пространственно-планировочное построение; пространственно-планировочное развитие; формирование пространства; пространственно-территориальное размещение; концепция пространственной организации; пространственно-функциональная трансформация; пространственное освоение; пространственное сжатие; пространственное зонирование; территориально-пространственное зонирование; пространственное деление; пространственное рассредоточение; пространственный процесс; модель пространственного планирования; функционально-пространственная организация;	пространственное закрепление; модель пространственно-планировочной организации; модель пространственно-территориальной организации; пространственное преобразование; пространственное согласование отраслевых интересов; модель перспективного пространственно-планировочного развития; пространственная трансформация; пространственное формирование; пространственное поляризованное развитие; пространственная интеграция; пространственное отношение; пространственная кооперация; функционально-пространственное зонирование; пространственное отображение
Документальный	схема пространственного развития;	пространственный проект
Системный	территориально-пространственная система; материально-пространственная система;	пространственно-планировочная система
Структурный	экономико-пространственная структура; пространственно-экономическая структура; функционально-пространственная структура; пространственно-функциональная структура; территориально-пространственная структура; пространственно-территориальная структура; пространственно-организованная структура; пространственно-сетевая структура; пространственно-экономический каркас; пространственно-планировочный каркас; пространственная форма организации;	функционально-пространственная среда; пространственное устройство; территориально-пространственная решетка; территориально-пространственная зона; функционально-пространственные оси и центры; пространственно-поселенческая матрица; конфигурация пространственного развития; пространственно-территориальная сеть; пространственный параметр; пространственная составляющая; пространственный элемент; функционально-пространственный элемент

Подход	Термин	
Целевой	политика пространственных преобразований; пространственная стратегия; проект пространственного развития;	пространственная политика; пространственный результат; пространственная перспектива
Ситуативный	пространственная дифференциация; пространственная закономерность; пространственная связность; пространственный фактор размещения; пространственный охват территории; пространственная особенность; пространственно-планировочная ситуация;	пространственно-функциональная среда; пространственная специализация; пространственно-планировочное условие; пространственно-временная особенность; материально-пространственное условие; пространственное условие
Состояния	пространственный рисунок; пространственная поляризация; пространственная несбалансированность; пространственное единство; пространственная замкнутость;	пространственная диспропорция; пространственная неоднородность; пространственная основа; пространственное закрепление
Другие	пространственное планировочное решение; территориально-пространственный ориентир; пространственная проекция; пространственная локация; пространственный риск; пространственный ресурс; пространственная группа; территориально-пространственное решение; пространственная форма взаимодействия; пространственно-коммуникационная функция; пространственно-территориальная модель; пространственный комплекс; пространственная граница; территориально-пространственная привязка;	пространственная информация; пространственная группировка; пространственно-территориальный аспект; пространственный противовес; пространственная характеристика; пространственное сочетание; пространственная подвижность; эффект «сжатия» пространства; пространственная неравномерность; пространственный приоритет; пространственный аспект; пространственный ареал; пространственная возможность; пространственный уровень; пространственная концепция; пространственное решение

Примечание – Составлено автором на основе: Схемы территориального планирования субъектов Российской Федерации / Федеральная государственная информационная система территориального планирования. URL: <https://fgistp.economy.gov.ru/> (дата обращения: 18.02.2024).

Для первой группы характерны термины, связанные или с действиями, или с последовательностью происходящих событий. При этом отнесенные к данной группе понятия со словом «организация» предусматривают

формирование определенного пространства региона в виде процесса. Тем не менее данные термины можно отнести и к другой группе, выделенной исходя из структурного подхода.

В некоторых группах представлены термины с разной последовательностью слов, что дает расхождения в их трактовке. Например, в структурной группе представлены «экономико-пространственная структура» и «пространственно-экономическая структура» – возникает вопрос, рассматривается структура экономического пространства или пространственной экономики регионов? Подобные расхождения в терминах могут приводить к разному восприятию целей и задач мероприятий, направленных на пространственное или социально-экономическое развитие регионов.

К понятиям, использованным для отражения текущей ситуации состояния региона или перспектив его развития, можно отнести «пространственно-планировочное условие», «пространственно-функциональная среда», «пространственная несбалансированность» и «пространственная специализация», при этом последние два характеризуют специфику определенных элементов региона – систему расселения, совокупность взаимосвязей между объектами и т.п.

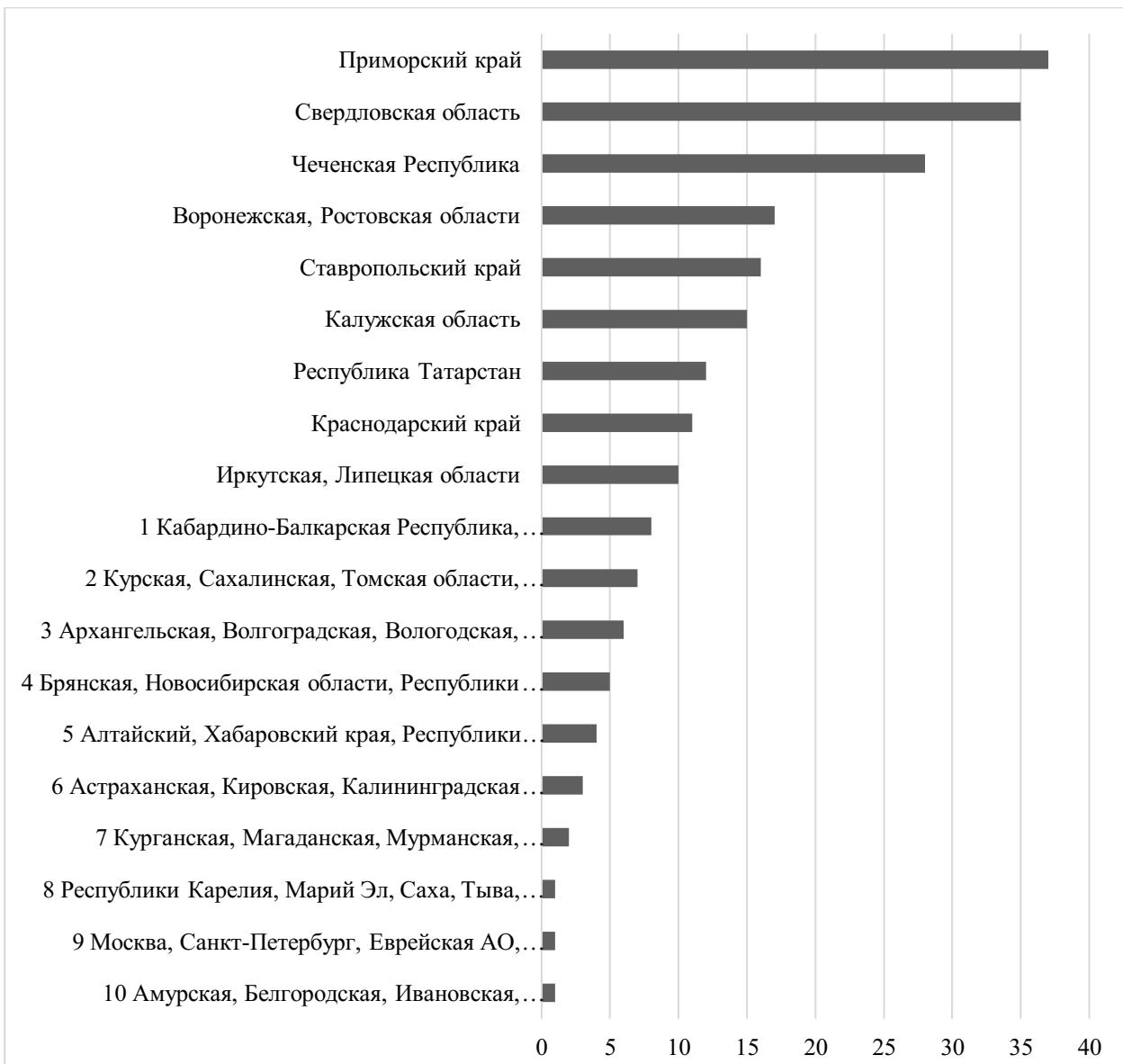
Если в группе понятий, объединенных на основе системного подхода, использованы термины, рассматривающие распределенные в пространстве объекты и существующие между ними связи как пространственную систему, то в группу структурного подхода отнесены понятия, определяющие пространство региона как объекты (промышленного, социального, инфраструктурного и другого назначения и происхождения), локализованные в пространстве хаотично, на основе какого-либо принципа или смешанно различные. Например, территориально-пространственная решетка предполагает определенную логику и повторяющиеся принципы нахождения того или иного объекта естественного или искусственного происхождения в пространстве региона.

Часть терминов не распределена по представленным группами и отнесена к неклассифицируемому разделу «другие», в котором встречаются «пространственные противовесы» или «пространственный ресурс».

В документах схем территориального планирования регионами использовано разное количество понятий, содержащих пространственных аспект. На рисунке 2.6 представлены группы регионов в зависимости от количества «универсальных» терминов, встречающихся в исследованных документах (не общая частота использования, а именно факт использования). В группах 8-10 регионы разделены по типам субъектов Российской Федерации только для удобства представления информации графически.

В шести схемах территориального планирования представлены концепции, связанные с предполагаемым пространственным изменением регионов, – у Магаданской и Ярославской областей, Забайкальского, Краснодарского, Приморского и Хабаровского краев: концепции пространственного развития (Забайкальский и Хабаровский края, Ярославская область), концепция пространственной организации (Магаданская область), концепции пространственного планирования (Краснодарский и Приморский края). Ярославской областью и Приморским краем представлены наиболее проработанные концепции. При этом концепция Ярославской области базируется на стратегии пространственного развития области, которая в 2014 г. была представлена на общественное обсуждение, но так и не была принята.

В концепции Ярославской области в регионе выделены 8 типов зон, объединенных в 3 группы. Критериями зонирования стали степень развитости и темпы развития территории, ее отраслевая специализация, концентрация населения, наличие инфраструктурных объектов и т.п. Для узловых точек, аккумулирующих основные виды активности и обслуживающих ближайшие районы, предложена стратегия «управляемого сжатия», для периферийных районов – стратегия «сдерживания разрыва в уровне развития»: узкоспециализированные виды деятельности в соответствии с теми производительными и естественными силами, которые обеспечат развитие отраслей специализации территории.

Примечания:

- 1 – Кабардино-Балкарская Республика, Смоленская область;
- 2 – Курская, Сахалинская, Томская области, Республика Крым;
- 3 – Архангельская, Волгоградская, Вологодская, Московская, Омская, Тульская, Ярославская области;
- 4 – Брянская, Новосибирская области, Республики Алтай, Бурятия, Ямало-Ненецкий АО;
- 5 – Алтайский, Хабаровский края, Республики Карачаево-Черкессия, Коми, Тверская, Тюменская, Ульяновская области, Ханты-Мансийский АО – Югра;
- 6 – Астраханская, Кировская, Калининградская области, Забайкальский край, Республики Дагестан, Ингушетия;
- 7 – Курганская, Магаданская, Мурманская, Пензенская, Псковская, Саратовская области, Республики Адыгея и Калмыкия;
- 8 – Республики Карелия, Марий Эл, Саха, Тыва, Хакасия, Удмуртская республика;
- 9 – Москва, Санкт-Петербург, Еврейская АО, Камчатский и Красноярский края;
- 10 – Амурская, Белгородская, Ивановская, Самарская, Челябинская области.

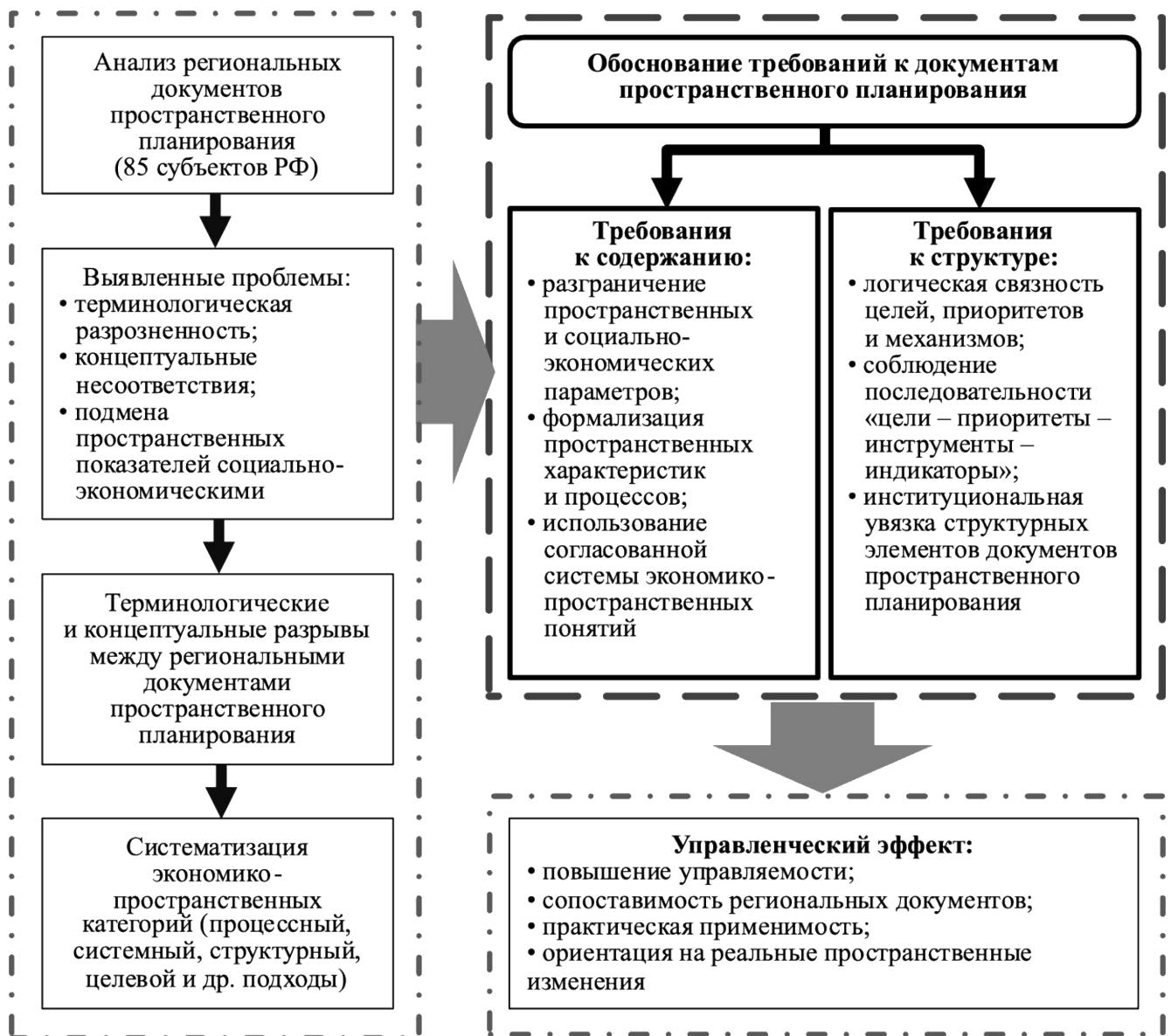
Составлено автором на основе: Схемы территориального планирования субъектов Российской Федерации / Федеральная государственная информационная система территориального планирования. URL: <https://fgistp.economy.gov.ru/> (дата обращения: 18.02.2024).

Рисунок 2.6 – Количество пространственных терминов, использованных в схемах территориального планирования

В СТП Приморского края концепция пространственного планирования предполагает выделение каркасов региона – социокультурного, экономического, градоэкологического, которые составляют инфраструктурный комплекс региона. Исходя из дифференцированного подхода к политике управления и развития территорий, регион разделен на территориально-экономические зоны. Связность территорий и создание устойчивой системы расселения обеспечиваются социально-экономическими коридорами, направление которых определяется распределенными градостроительными зонами – узловыми точками пространственного развития. Концепция пространственного планирования Приморского края ориентирована на применение дифференцированной политики развития в отношении территориально-экономических зон в зависимости от их характеристик и существующего пространственного каркаса, на развитие социально-экономических коридоров, которые призваны усилить действие политики развития в отношении каждой зоны, и на развитие каждого элемента пространства края, что должно дать синергический эффект в общем развитии региона.

Проведенный анализ региональных документов пространственного и территориального планирования показал, что выявленные терминологические и концептуальные разрывы носят не частный, а системный характер и непосредственно влияют на качество планирования пространственного развития. В этой связи обоснование требований к содержанию и структуре документов пространственного планирования осуществлялось исходя из необходимости устранения выявленных искажений и повышения управляемости пространственными преобразованиями на региональном уровне (рисунок 2.7).

К содержательным требованиям отнесены, во-первых, разграничение пространственных и социально-экономических целей и показателей, что позволяет избежать подмены пространственного развития динамикой социально-экономического роста. Во-вторых, использование согласованной системы экономико-пространственных понятий и категорий, отражающих реальные

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 2.7 – Схема обоснования требований к содержанию и структуре региональных документов пространственного планирования

пространственные изменения (размещение и специализация территорий, связность и иерархию пространственных элементов, функциональные зоны и центры роста). В-третьих, обязательная увязка пространственных приоритетов с механизмами их реализации и измеримыми показателями результативности, ориентированными именно на пространственные эффекты.

Структурные требования предполагают логически последовательное построение документов пространственного планирования, включающее взаимосвязанное представление целеполагания, пространственных приоритетов, инструментов реализации и ожидаемых эффектов. Такая структура обеспечивает

внутреннюю целостность документов, сопоставимость подходов между субъектами Российской Федерации и возможность их использования в качестве полноценного инструмента государственного управления пространственным развитием, а не декларативного стратегического документа.

Таким образом, современная теория и методология пространственного развития является основанием для разработки комплекса документов, в которых обосновывается значимость учета и использования пространственных ресурсов как фактора развития региона. Однако планирование пространственного развития российских регионов как направление деятельности органов управления не является обязательным и демонстрирует уровень профессиональных компетенций органов власти по внедрению методов пространственного планирования в долгосрочные стратегические концепции социально-экономического развития регионов.

Выводы по второй главе:

1. Рассмотрение различных подходов к пониманию и использованию пространственного и территориального планирования позволило определить, что пространственное планирование ориентировано на развитие региона (государства, муниципального образования) по нескольким направлениям и не ограничивается территорией данного региона, т.к. предполагает выстраивание системы взаимоотношений с соседними регионами (государствами) или хозяйствующими субъектами, локализованными на других территориях.

2. Анализ опыта различных государств показал разный уровень сформированности формальных институтов пространственного развития и позволил выявить отсутствие системности между уровнями планирования при формулировании государственной политики пространственного развития как государства в целом, так и составляющих его территорий.

3. Для формирования методологии оценки пространственного развития регионов проведен анализ документов территориального планирования как составляющих формальных институтов пространственного развития 85 субъектов Российской Федерации. В результате комплексного анализа была выявлена

несистемность использования пространственного аспекта в действующих схемах территориального планирования регионов. Предложена классификация терминологической базы, связанной с применением пространственных категорий. Выявленные концептуальные расхождения использования пространственных категорий в документах территориального планирования позволили обосновать требование к систематизации и структурированию документов регионального планирования, лежащих в основе формальных институтов пространственного развития данных регионов (рисунки 2.5-2.6, таблица 2.1).

ГЛАВА 3. ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ДИАГНОСТИКЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

3.1. Методика анализа уровней пространственного планирования региона¹

Проблематика определения пространственного развития территорий разных уровней требует методологического осмысления, связанного с определением конкретных историко-экономических периодов развития. Стоит отметить, что уровни пространственного развития регионов как определенной части государства переплетены и взаимоувязаны. Мы можем выделить группу критериев, которые лежат в основе разграничения уровней пространственного планирования и развития, но нельзя сказать, что для каждого уровня существует своя жесткая совокупность критериев. Включение в анализ тех или иных критериев определяется контекстом проводимого исследования (отраслевой спецификой) и складывающимися в конкретный период условиями внешней среды, изменение и возникновение которых не зависят от объекта или субъекта пространственного планирования.

Пространственное развитие регионов предусматривает разработку и реализацию мероприятий не только органами управления соответствующего региона, но и субъектами управления как вышестоящих уровней, так и нижестоящих. На пространственное развитие влияет реализация проектов глобального уровня, принимаемых в рамках деятельности ООН и других международных организаций и объединений государств, и микроуровня, предполагающего осуществление инвестиционных и других проектов хозяйствующими субъектами или домохозяйствами.

---

¹ При работе над данным разделом диссертации использована следующая публикация автора, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Leontieva L.S., Proskurnova K.Yu. Spatial Planning Levels for Territory Development // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 94. Рр. 108-120.

Пространственное планирование как направление деятельности органов государственного и муниципального управления и как направление научных исследований не имеет единой интерпретации. И в документах разных уровней, и в научных публикациях используются различные подходы к пониманию данного понятия и к его фактическому применению. Отсутствие единого направления применения данного термина вызывает излишние сложности в фактической реализации пространственного развития как отдельных территорий и регионов, так и целых государств и их объединений.

На данную проблему отсутствия единого (или приближенного к единому) подхода обращают внимание A.J. Scott, C. Carter и др., при этом они замечают, что эта проблема привела к высказываниям отдельных авторов о провале «проекта пространственного планирования»¹. Но A.J. Scott, C. Carter и др. относят пространственное планирование к этапу эволюционного развития системы планирования развития территорий (регионов, государств), которое заключается не в контроле и ограничениях, как традиционные подходы к планированию, а в интеграционных процессах по различным направлениям: секторальном (кросс-секторальное объединение государственной политики развития территорий, взаимодействие государственного, частного и некоммерческого секторов), территориальном (интеграция между уровнями пространственного развития и между отдельными частями/территориями одного уровня пространственного развития), организационном (объединение и взаимодействие различных стратегий и программ развития территории, интеграция механизма реализации пространственного развития различными участниками, объединение заинтересованных сторон, действующих на одной территории).

Пространственное планирование связано не только с распределением в пространстве региона или государства различных объектов, субъектов и процессов, протекающих между ними, но и отражает уровень и устойчивость развития сообщества, проживающего и ведущего деятельность на определенной

---

¹ Scott A.J., Carter C., Reed M.R. et al. Disintegrated development at the rural–urban fringe: Re-connecting spatial planning theory and practice // Progress in Planning. 2013. Vol. 83. P. 4.

территории. M. Sapena, M. Wurm и др. обращают внимание на существующую связь между пространственной моделью территории и показателями качества жизни¹. В зависимости от пространственной структуры для населенных пунктов характерны различные значения и тенденции по группам показателей качества жизни. Так, для удаленных агломераций с редкой застройкой, большими массивами растительности и незначительной насыщенностью промышленных объектов свойственен меньший уровень смертности. Среди других показателей качества жизни и характеристик пространственной структуры авторами рассмотрены уровень доходов, доля занятого населения, уровень образования и др. Но стоит заметить, что данные показатели качества жизни, определяемые пространственным распределением, необходимо корректировать и адаптировать к тем особенностям пространственной организации государства или территории, для которых проводится анализ. Крупные государства имеют больше возможностей по реализации политики пространственного развития как элемента повышения качества жизни населения, чем малые страны, находящиеся в определенной зависимости от политики, реализуемой соседними государствами.

Сложность системы пространственного планирования отмечают E. Oliveira и A.M. Hersperger, включая в его совокупность разработку проектов развития, генеральное планирование, планирование землепользования и стратегическое планирование². Также E. Oliveira и A.M. Hersperger указывают на существование как общественных, так и частных сторон, заинтересованных в реализации программ пространственного планирования. При этом они отмечают необходимость как координации действий в части планирования и реализации планов на разных уровнях государственного и муниципального управления, так и координации между государственными органами управления и частными субъектами хозяйственной деятельности, вовлечения населения и различных

---

¹ Sapena M., Wurm M., Taubenböck H. et al. Estimating quality of life dimensions from urban spatial pattern metrics // Computers, Environment and Urban Systems. 2021. Vol. 85 (101549). P. 9.

² Oliveira E., Hersperger A.M. Governance arrangements, funding mechanisms and power configurations in current practices of strategic spatial plan implementation // Land Use Policy. 2018. Vol. 76. Pp. 623-633.

акторов. В то же время E. Oliveira и A.M. Hersperger относят пространственное планирование к элементам стратегического планирования, т.е. программы пространственного развития являются частью стратегических планов развития государства (регионов, территорий). По мнению E. Oliveira и A.M. Hersperger, стратегическое пространственное планирование как процесс и деятельность является компромиссом между конкурирующими интересами групп, непосредственно связанных с реализацией данных планов. Но можно обратить внимание, что пространственное планирование должно учитывать и влияние интересов тех сторон, которые не имеют отношения (косвенное или прямое) к реализации планов пространственного развития конкретной территории, и те изменения во внешней среде, которые могут оказывать негативное влияние на развитие или потенциал развития территории.

S.R. Grădinaru, P. Fan и др. в своем исследовании обосновывают важность правового регулирования и формирования правовых основ пространственного развития территорий и населенных пунктов, приводя в пример Румынию, в которой при переходе от централизованного планирования в коммунистический период, когда предполагались жесткое регулирование и контроль при планировании и осуществлении мероприятий, связанных с пространственным развитием, к рыночной экономике произошел «правовой провал» в нормативно-правовом регулировании плановой деятельности, в том числе в сфере пространственного развития территорий¹. Преодоление данного провала было осуществлено в процессе вступления Румынии в ЕС и приведении румынского законодательства в соответствие требованиям ЕС.

D. Caparros-Midwood, S. Barr и R. Dawson в своей работе указывают, что в первое десятилетие XXI века в Европе пространственное планирование было ориентировано на обеспечение снижения выбросов парниковых газов, т.е. пространственное планирование должно было рационализировать организацию населенных пунктов, в первую очередь городов и мегаполисов,

---

¹ Grădinaru S.R., Fan P., Ioja C.I. et al. Impact of national policies on patterns of built-up development: an assessment over three decades // Land Use Policy. 2020. Vol. 94 (104510). Pp. 1-11.

с целью минимизации воздействия на окружающую среду¹. В рамках подобного подхода пространственное планирование становится элементом экологической политики государства или регионов. Аналогичный подход к взаимосвязи экологической политики и пространственного планирования рассматривается в работе S. Vallecillo, C. Polce и др., которые включают в структуру пространственного планирования экосистемные услуги, предполагающие минимизацию последствий от стихийных бедствий, возникающих из-за погоды и изменения климата, что должно способствовать повышению уровня благосостояния населения².

К контексту экологической политики можно отнести исследование J. Ran и Z. Nedovic-Budic, которые рассматривают пространственное планирование как инструмент минимизации рисков наводнения на заселенных территориях³. Но у J. Ran и Z. Nedovic-Budic пространственное планирование определено как планирование землепользования или городское/региональное планирование, что, на наш взгляд, относится к территориальному планированию, а не к пространственному.

M. Dombi обращает внимание на сложность и многоцелевую ориентацию пространственного планирования, которое направлено на сбалансированное распределение ресурсов для развития всей территории (государства), ее экономики или отдельных секторов и отраслей (сельских территорий, охраны окружающей среды и т.д.)⁴. При этом M. Dombi отмечает, что в пространственное планирование вовлечены участники с различными мотивами: экономическими, экологическими, социальными, политическими и промышленными, – т.е. данное направление планирования предполагает взаимоувязку интересов большого количества заинтересованных сторон.

¹ Caparros-Midwood D., Barr S., Dawson R. Optimised spatial planning to meet long term urban sustainability objectives // Computers, Environment and Urban Systems. 2015. Vol. 54. Pp. 154-164.

² Vallecillo S., Polce C., Barbosa A. et al. Spatial alternatives for Green Infrastructure planning across the EU: An ecosystem service perspective // Landscape and Urban Planning. 2018. Vol. 174. Pp. 41-54.

³ Ran J., Nedovic-Budic Z. Integrating spatial planning and flood risk management: A new conceptual framework for the spatially integrated policy infrastructure // Computers, Environment and Urban Systems. 2016. Vol. 57. Pp. 68-79.

⁴ Dombi M. Types of planning systems and effects on construction material volumes: An explanatory analysis in Europe // Land Use Policy. 2021. Vol. 109 (105682). Pp. 1-9.

Исследование застроенных густонаселенных территорий, в частности китайских, проведенное Z. He, C. Zhao, C. Fürst и A.M. Hersperger, показывает необходимость оценки последствий реализации планов пространственного развития на использование различных земель (как застроенных, так и сельскохозяйственных) и выделения различных категорий земель по функционально-ориентированному признаку и направлениям развития¹. Можем предположить, что данное исследование имеет большую актуальность для густонаселенных государств и территорий и меньшую – для стран с невысокой плотностью заселения.

Определенный интерес при реализации планов пространственного развития представляет понятие «пространственное качество», подходы к пониманию которого и возможности практического применения которого представлены Sh. Takeda². Данный термин упоминался в документах, регламентирующих пространственное развитие Нидерландов, еще в 1980-е годы. Само пространственное качество в отношении отдельных территорий и планов по их развитию предполагало оценку по трем составляющим: функциональная ценность, практическая (эмпирическая) ценность и будущая ценность. При этом P. Hooimeijer, H.J.J. Kroon и J. Luttik предложили критерии оценки данных составляющих по некоторым направлениям: экономическому, социальному, экологическому и культурному (матрица Habiforum)³.

На сложность системы пространственного планирования, предлагающую в том числе унификацию целей, регламентов, структуру плановой документации, обращают внимание J. Zhu, M. Deng и A. Pan⁴. В процессе исследования всей

¹ He Z., Zhao C., Fürst C., Hersperger A.M. Closer to causality: How effective is spatial planning in governing built-up land expansion in Fujian Province, China? // Land Use Policy. 2021. Vol. 108 (105562). Pp. 1-11.

² Takeda Sh. The Process of Change in the Definition of “Spatial Quality” in Spatial Planning in the Netherlands // The 15th International Landscape Architectural Symposium of Japan, China, and Korea. Section 3. Conference Paper. Tokyo, 2016. Pp. 330-335.

³ Kwaliteit in meervoud; conceptualisering en operationalisering van ruimtelijke kwaliteit voor meervoudig ruimtegebruik / P. Hooimeijer, H.J.J. Kroon, J. Luttik. Habiforum, 2001. 104 p.

⁴ Zhu J., Deng M., Pan A. “Three-Plan Integration”: Exploring the Order and Regulation Capacity of Spatial Planning // China City Planning Review. 2015. Vol. 24, No. 4. Pp. 31-40.

совокупности планов пространственного планирования и субъектов, отвечающих за их разработку, координацию и реализацию, авторы пришли к выводу о ненадежности существующего института пространственного управления и необходимости проведения работы по его совершенствованию с целью обеспечения устойчивого социально-экономического развития Китая при реализации пространственного планирования на всех уровнях.

Если говорить об уровнях пространственного планирования, то большая часть исследований ориентирована на региональный (мезо-) уровень, часть работ касается планирования на уровне отдельных населенных пунктов (городов и мегаполисов), другие – на взаимодействие уровней планирования, например, между государственным и региональным (муниципальным).

Разграничение содержания территориального и пространственного планирования, представленное в п. 2.1, привело к заключению, что территориальное планирование является составляющим элементом пространственного планирования. Именно система пространственного планирования составляет основу институциональной обеспеченности пространственного развития территории, которая представляет собой совокупность инструментов, обеспечивающих процесс пространственного развития. Данный инструментарий обеспечен нормативными документами (стратегиями, плановыми, программными и др. документами), унифицированной терминологической базой (п. 2.3), регламентированием разграничения сфер ответственности как по уровням планирования, так и по участникам.

Контентный анализ показал, что уровни пространственного планирования выделены только в докладе Европейской экономической комиссии ООН «Территориально-пространственное планирование» (2008), где представлены три уровня¹:

---

¹ Территориально-пространственное планирование. Ключевой инструмент развития и эффективного управления с уделением особого внимания странам с переходной экономикой // Доклад Европейской экономической комиссии ООН. Женева: Организация Объединенных Наций, 2008. 57 с. URL: https://unece.org/DAM/hlm/documents/Publications/spatial_planning.r.pdf (дата обращения: 14.07.2022).

- национальный, включающий базовую политику государства, законодательные нормы, меры координации деятельности регионов, мониторинг и контроль реализации мероприятий в рамках пространственного планирования;
- региональный, на котором реализуется региональная стратегия развития и осуществляется поддержка и помощь местным органам власти;
- местный, предполагающий подготовку местных планов территориально-пространственного развития, принятие нормативных документов, осуществление координации планирования с органами власти соседних муниципальных образований или районов, мониторинга реализации планов.

Участниками пространственного планирования, в первую очередь, являются органы государственного (федерального (центрального) и регионального значения) и муниципального управления, международные организации и объединения стран или отдельных регионов, а также отдельные хозяйствующие субъекты.

С точки зрения пространственного развития как в целом государства, так и его отдельных территорий можно выделить несколько уровней планирования. Но необходимо сразу заметить, что в отношении территорий не обязательно должны применяться все уровни, т.к. данная классификация предполагает выделение возможных вариантов принятия отдельных программ, проектов, положений и других документов, ориентированных на пространственное развитие объектов управления. Но несмотря на невовлеченность в пространственное планирование конкретного объекта, другие уровни планирования могут оказывать влияние как на сам процесс планирования, так и на реализацию мероприятия пространственного развития.

Первый уровень, который в силу своей особенности не предполагает наличие постоянно действующих документов пространственного планирования, но способен оказывать влияние на разработку документов на других уровнях, – это глобальный. Для данного уровня характерно участие различных международных организаций, в первую очередь ООН и органов, входящих в ее структуру, наличие документов, регламентирующих систему взаимодействия субъектов в различных сферах жизнедеятельности. Некоторые цели в области устойчивого развития,

принятые ООН, связаны с пространственным развитием территорий. К данной группе можно отнести следующие цели в области устойчивого развития: 6 – чистая вода и санитария, 7 – недорогостоящая и чистая энергия, 8 – достойная работа и экономический рост, 9 – индустриализация, инновации и инфраструктура, 11 – устойчивые города и населенные пункты, 12 – ответственное потребление и производство, 13 – борьба с изменениями климата, 15 – сохранение экосистем суши¹. Отдельные задачи в рамках данных целей непосредственно связаны с пространственными изменениями территорий, которые могут быть частью плановой деятельности различных субъектов, и реализуемы на территории одного государства или региона.

Ко второму мы можем отнести международный уровень, представленный объединениями стран или международными организациями, действующими в пределах одного региона мира, например ЕС, Арктический совет, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) и т.п. Так, в Европейском Союзе действует программа ESPON, которая предполагает проведение совместной политики странами-членами ЕС в области территориальной кооперации и пространственного развития. Несмотря на то, что государства-члены проводят самостоятельную политику в сфере пространственного и территориального развития и землепользования, в рамках данной интеграционной группировки принимаются совместные программы, направленные на достижение общих целей и стандартов, в том числе в сфере пространственного развития, как в отношении развития отдельных территорий, так и всего ЕС. Другим примером является деятельность Арктического совета, включающего 8 государств и 6 организаций, но принимаемые ими решения в части сохранения Арктики влияют на политику не только данных стран по освоению и использованию арктических территорий, но и других государств, деятельность которых может быть, или связана, или может влиять на Арктику, например, посредством использования Северного Морского Пути как логистического маршрута.

---

¹ Цели в области устойчивого развития ООН / Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 14.07.2022).

Глобальный и международный уровни по отношению к остальным уровням являются обеспечивающими в области пространственного планирования. Принимаемые на глобальном и международном уровнях решения, программы и документы оказывают непосредственное влияние на процессы пространственного планирования на уровне государств, их территорий или хозяйствующих субъектов. Несмотря на то, что на глобальном и международном уровнях непосредственно не осуществляется планирование пространственного развития регионов, но из-за оказываемого влияния мы не можем исключить их из иерархии уровней пространственного планирования.

На государственном уровне непосредственно осуществляется пространственное планирование. В зависимости от формы государственного устройства и системы подчиненности органов власти пространственное планирование может проводиться только на государственном (центральном) уровне или на уровне ниже по иерархии. На государственном уровне могут приниматься как непосредственно планы, концепции или стратегии пространственного развития (тип документа определяется национальным законодательством), так и разрабатываться шаблоны или рамочные документы для нижестоящих уровней (региональных или муниципальных). Примером первого типа документов государственного уровня являются Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года¹, Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года², Стратегия пространственного развития Республики Хорватия³, Национальная

---

¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р: документ утратил силу. Доступ из государственной системы правовой информации «Официальный интернет-портал правовой информации».

² Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. Доступ из государственной системы правовой информации «Официальный интернет-портал правовой информации».

³ Spatial Development Strategy of the Republic of Croatia ESPON / Ministry of Physical Planning, Construction and State Assets Republic of Croatia. URL: <https://mpgi.gov.hr/about-the-ministry-139/scope-of-the-ministry/physical-planning-143/spatial-development-strategy-of-the-republic-of-croatia/11686> (дата обращения: 14.07.2022).

концепция пространственного развития Польши до 2030 года¹. Ко второму типу можно отнести Руководство по пространственному развитию ЮАР² (2011) для провинций, округов и муниципалитетов, в котором содержатся рекомендации для местных и региональных органов управления по формированию своих планов пространственного развития. Несмотря на наличие в ЕС общих проектов по обеспечению пространственного развития, история национальной политики пространственного развития Нидерландов началась с 1950-х годов, когда были разработаны первые документы.

На региональном уровне планы пространственного развития в основном не разрабатываются. Анализ опыта отдельных стран показал отсутствие подобных планов как отдельных документов. В основном регионы принимают стратегии или планы социально-экономического развития, которые в том числе содержат мероприятия, направленные на пространственное развитие, но выделяют специальный раздел, или же документы (стратегии, планы и т.п.), включающие специальный раздел, посвященный пространственному развитию региона (мероприятия, концепции, модели, программы). В Российской Федерации встречается второй тип документов пространственного развития регионов – схемы территориального планирования субъектов Российской Федерации. Во многих схемах территориального планирования представлены концепции или модели пространственного развития субъектов Российской Федерации. Попытка разработки и принятия отдельного документа – стратегии пространственного развития – была принята в Ярославской области, но данный документ не был принят и остался в стадии общественного обсуждения, хотя подход к пространственному развитию Ярославской области в данной стратегии позднее был использован при разработке концепции пространственного развития, включенной в схему территориального планирования Ярославской области. Стоит

---

¹ National Spatial Development Concept of Poland until 2030 / United Nations Environment Programme. URL: <https://leap.unep.org/en/countries/pl/national-legislation/national-spatial-development-concept-2030-nsdc-2030> (дата обращения: 14.07.2022).

² Simplified Spatial Development Guidelines / National Treasury Republic of South Africa. URL: <http://ndp.treasury.gov.za/About%20NDP/Spatial%20Planning%20Practice/Spatial%20Development%20Frameworks/Simplified%20Spatial%20Development%20Guidelines.pdf> (дата обращения: 14.07.2022).

отметить, что аналогичная ситуация наблюдается в ЮАР, где 2019 году были представлены проекты Национальной концепции пространственного развития и Концепции пространственного развития Восточно-Капской провинции, но данные документы до сих пор в состоянии рассмотрения, при этом отдельный документ пространственного планирования региона был разработан только в Восточно-Капской провинции, а в остальных 8 провинциях пространственное планирование включено в общие планы развития или вообще отсутствует упоминание пространственного развития в планах развития провинций. Для европейских стран в основном распространен вариант пространственного планирования на государственном или на муниципальном уровне, но на региональном уровне можно выделить Стратегию пространственного развития Большого Лондона (2012), т.к. Большой Лондон является специфической территориально-административной единицей, которую можно рассматривать и как городскую агломерацию, и как регион, после реформы включивший в себя несколько графств и муниципальных образований¹.

На муниципальном уровне (как городов, так и сельских территорий) пространственное планирование может быть представлено как отдельными документами и проектами, так и быть составляющей частью стратегий или планов социально-экономического развития или градостроительных планов. К первой группе документов относятся План пространственного развития Канберры (Австралия)² или Основы пространственного развития Йоханнесбурга (ЮАР)³. Стоит заметить, что в ЮАР документы пространственного развития получили большее распространение в отношении городов, чем провинций. Вторая группа документов представлена Планом развития города Глазго (Шотландия), в котором

¹ The London Plan 2021 / The Mayor, the London Assembly and the Greater London Authority. URL: <https://www.london.gov.uk/programmes-strategies/planning/london-plan/the-london-plan-2021-table-contents> (дата обращения: 14.07.2022).

² The Canberra Spatial Plan / Act Planning and Land Authority. URL: <https://www.aer.gov.au/documents/act-planning-and-land-authority-canberra-spatial-plan-march-2004-appendix-604> (дата обращения: 14.07.2022).

³ Spatial Development Framework 2040: City of Johannesburg Metropolitan Municipality / The United Nations Human Settlements Programme. URL: <https://unhabitat.org/spatial-development-framework-2040-city-of-johannesburg-metropolitan-municipality> (дата обращения: 14.07.2022).

пространственное планирование – стратегия устойчивого пространственного развития – представлено частью политики развития Глазго¹, Комплексным планом землепользования Навотаса (Филиппины), в шестом разделе которого представлен план пространственного развития данного города², Стратегическим планом развития Екатеринбурга, четвертый раздел которого посвящен стратегии пространственного развития³. Попыткой унификации планов пространственного развития муниципальных образований можно назвать разработку Руководства по пространственному развитию ЮАР (2011) для провинций, округов и муниципалитетов и Пространственное руководство по развитию Плана городов второго уровня Малави (2022)⁴. План городов второго уровня Малави ориентирован на долгосрочную перспективу (до 2063 г.) и призван обеспечить основы пространственного развития и реализацию национальной концепции.

Заключительный уровень осуществления и реализации пространственного планирования представлен микроуровнем, к которому отнесены как отдельные хозяйствующие субъекты, так и их объединения. Планы пространственного развития отдельных районов внутри муниципальных образований отнесены нами к муниципальному уровню, т.к. они разрабатываются, принимаются и реализуются муниципальными органами управления, несмотря на то что реализация данных планов охватывает только часть муниципального образования и может быть отнесена к микроуровню. К пространственному планированию хозяйствующих субъектов мы относим инвестиционные проекты, предполагающие не только создание мощностей, обеспечивающих основные и вспомогательные производственные процессы, но и реализацию сопутствующих основной деятельности компаний объектов, которые доступны в том числе

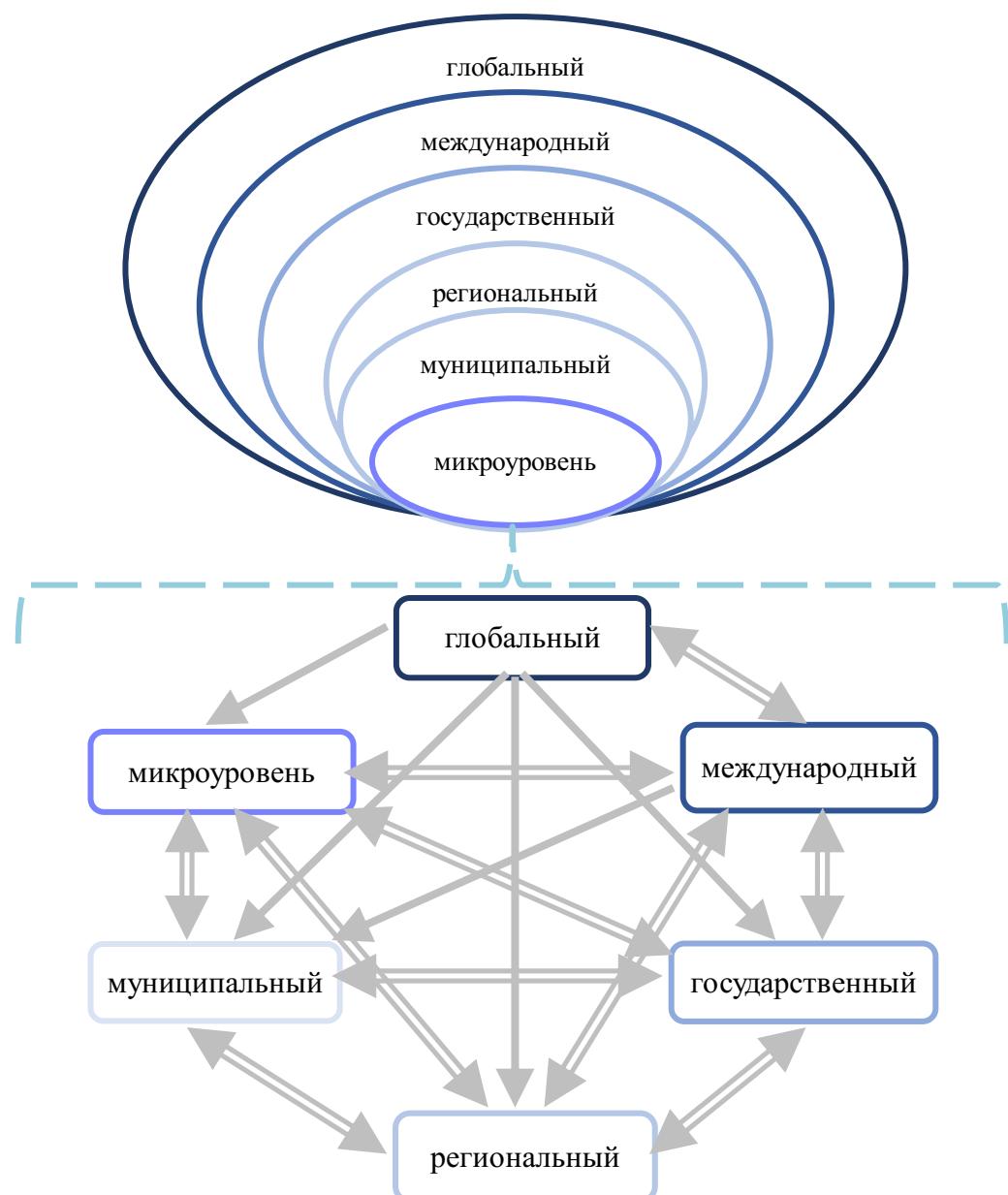
¹ Glasgow City Development Plan / Glasgow City Council. URL: <https://www.glasgow.gov.uk/index.aspx?articleid=16186> (дата обращения: 14.07.2022).

² Navotas Comprehensive Land Use Plan / Navotas City Hall. URL: <https://www.navotas.gov.ph/OurGovernment/Clup> (дата обращения: 14.07.2022).

³ О Стратегическом плане развития Екатеринбурга : решение Екатеринбургской Городской Думы от 10 июня 2003 г. № 40/6. Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

⁴ The Malawi Secondary Cities Plan (MSCP) / The National Planning Commission of Malawi. URL: <https://npc.mw/2022/07/malawi-secondary-cities-plan/> (дата обращения: 14.07.2022).

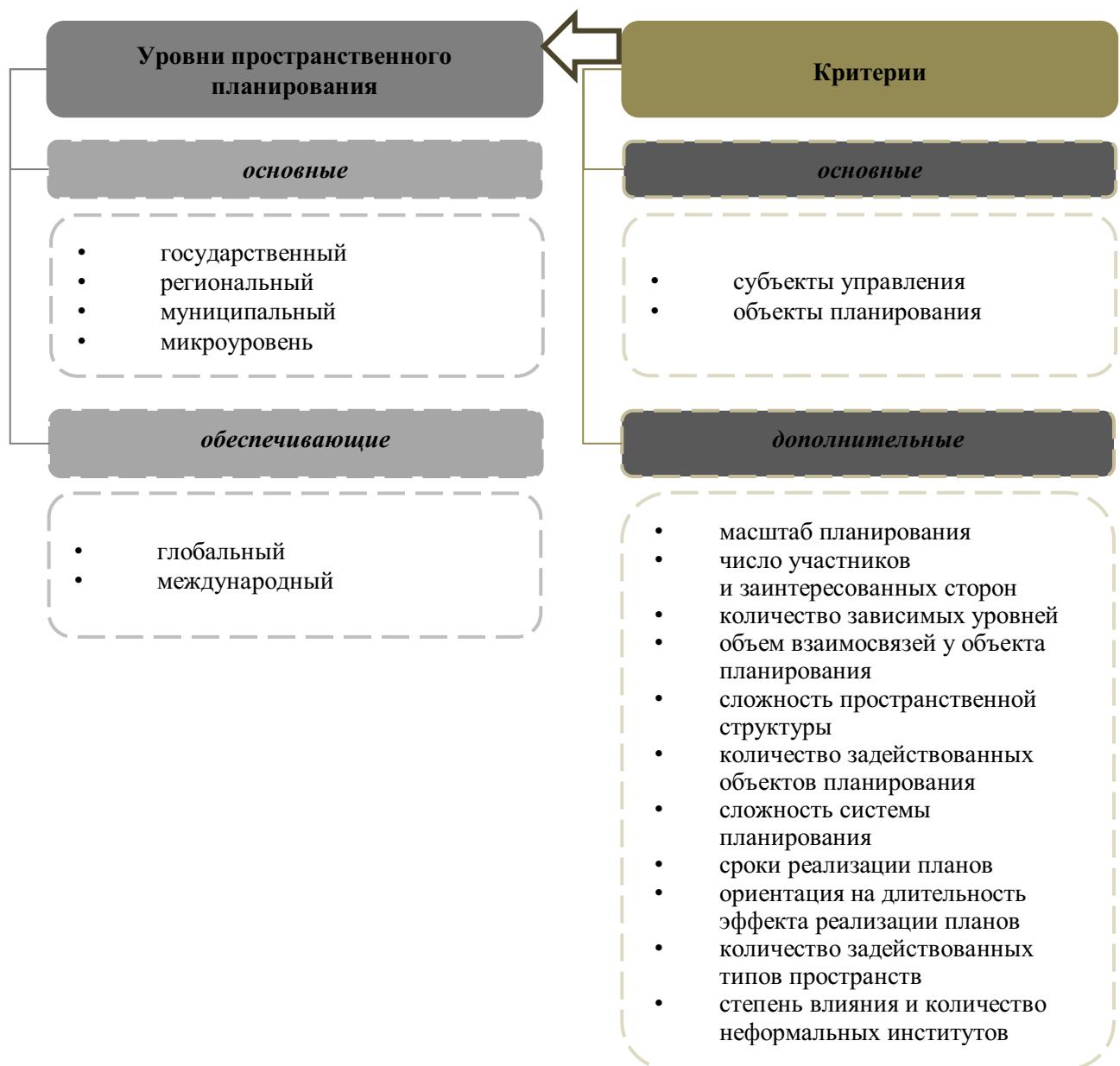
заинтересованным лицам, например инфраструктурные объекты – транспортные пути или информационные сети, благоустройство территорий и т.п. Ряд проектов, относящихся к пространственному планированию, реализуются совместно органами управления (различных уровней) и хозяйствующими субъектами, например, индустриальные парки, кластеры и т.п. Распределение ролей в данных проектах определяется в каждом случае отдельно, но их реализация предполагает вовлечение в пространственное планирование нескольких участников, относимых к разным уровням планирования. Все уровни пространственного планирования влияют друг на друга (рисунок 3.1).

Примечания: Стрелки – направление воздействия. Составлено автором.

Рисунок 3.1 – Взаимосвязи уровней пространственного планирования

Определение уровня пространственного планирования осуществляется на основании соответствия критериям, которые можно разделить на две группы – основные и дополнительные (рисунок 3.2). К основным критериям мы относим субъекты управления, планирующие пространственное развитие территории или принимающие документы, связанные с пространственным планированием, и объекты планирования – глобальные регионы, межгосударственные объединения, государства, регионы внутри стран, муниципальные образования и хозяйствующие субъекты. Последний объект планирования одновременно может быть и субъектом управления.

Примечание – Составлено автором

Рисунок 3.2 – Уровни пространственного планирования и критерии отнесения к уровням пространственного планирования

К дополнительным критериям мы отнесли: масштаб планирования, число участников и заинтересованных сторон, количество зависимых уровней, объем взаимосвязей у объекта планирования, сложность пространственной структуры (естественной и искусственной), количество задействованных объектов планирования, сложность системы планирования, в т.ч. социально-экономической, сроки реализации планов, ориентация на длительность эффекта реализации планов, количество задействованных типов пространств, степень влияния и количество неформальных институтов.

Масштаб планирования как критерий, с одной стороны, схож с основным критерием – объектом планирования, но при сравнении объектов планирования одной категории необходимо учитывать масштаб планирования – например, муниципальные образования относятся к одной категории как объекты планирования, но различны по масштабам – площадь, численность населения, число хозяйствующих субъектов, инфраструктурные объекты и т.п. Масштаб планирования как критерий применим в условиях одной иерархии, национального, субнационального и муниципального уровня и системы подчинения органов управления.

Если говорить о числе участников планирования и заинтересованных лиц, то можно отметить, что непосредственно участники планирования соответствуют субъектам планирования и в большинстве случаев они относятся к уровню управления и представлены соответствующими органами управления, при этом при реализации совместных проектов (международных, межрегиональных, межмуниципальных, инвестиционных и т.п.) количество участников планирования будет увеличиваться пропорционально числу вовлекаемых сторон. Круг заинтересованных сторон имеет тенденцию к увеличению с переходом от микроуровня к глобальному.

С точки зрения процессов планирования или создания условий для осуществления пространственного планирования, большинство уровней влияют друг на друга. Соглашения, программы, проекты и различные решения, принимаемые на глобальном уровне, оказывают влияние на планы, стратегии

и концепции пространственного развития на нижестоящих уровнях, вплоть до микроуровня. Документы на международном уровне способны влиять как на нижестоящие уровни, так и на глобальный. Государственные планы и стратегии пространственного развития влияют на все уровни ниже – региональный, муниципальный и микроуровень – и также на международный, если реализация планов пространственного развития страны способна вызвать мультиплекативный эффект в развитии соседних государств (например, развитие транспортной инфраструктуры как элемента пространства способно оказывать влияние на всех участников, получающих доступ к данной транспортной системе). Региональный уровень определяет направления пространственного развития входящих в него муниципальных образований (муниципальный уровень) и осуществляющих или планирующих осуществлять на его территории деятельность хозяйствующих субъектов (микроуровень), а также возможность влиять на направления пространственного развития (и планирования) государства и международные соглашения (особенно в случае приграничных территорий). Муниципальный уровень непосредственно способен воздействовать на принимаемые хозяйствующими субъектами планы своего развития (микроуровень), в том числе связанные с пространственным развитием, а также на принимаемые на региональном и государственном уровне планы и стратегии. Разрабатываемые и реализуемые на микроуровне планы способны оказывать влияние на планирование пространственного развития на муниципальном, региональном, государственном и международном уровнях. Если в случае муниципального и регионального уровней пространственное планирование на микроуровне оказывает влияние ввиду территориального местоположения и экономической деятельности, то в случае государственного и международного уровней речь идет о крупных предприятиях и транснациональных корпорациях, вовлекающих в свою деятельность участников, расположенных в разных регионах страны и мира.

Если говорить о сложности пространственной структуры, то она определяется количеством объектов, входящих в данную структуру, их связями

между собой и объектами соседних территорий (стран, регионов, муниципальных образований и т.д.), развитостью инфраструктуры (транспортной, коммуникационной и др.), распределением населения и объектов по территории, ландшафтом, природно-климатическими условиями. И если в случае глобального и международного уровней можно говорить о наивысшей сложности пространственной структуры, в отношении которой может осуществляться пространственное планирование, то в случае государственного, регионального и муниципального уровней всё зависит от тех составляющих, что были перечислены. В последнем случае сложность определяется набором факторов, формирующих пространственную структуру.

Непосредственно со сложностью пространственной структуры связан критерий числа задействованных объектов планирования, но в данном критерии также сложно установить четкую иерархию по причине разных подходов, используемых при пространственном планировании. Так, планы, концепции или стратегии пространственного развития могут содержать только целевые ориентиры, в то время как в сопроводительных документах раскрывается содержание мероприятий, способствующих пространственному развитию. Поэтому критерий применим при отражении в данных документах объектов, которые будут способствовать пространственному развитию той или иной территории.

Сложность системы планирования определяется количеством субъектов планирования, объемом анализируемых данных и числом связанных с планами пространственного развития документов. В данном критерии прослеживается усложнение системы планирования при движении от микроуровня к глобальному.

Сроки реализации планов пространственного развития или разделов стратегий социально-экономического развития, связанных с пространственным планированием, не имеют единой градации. Среднесрочные планы могут быть как на государственном (Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. (2019), Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (2024)), региональном (Видение Восточно-Капской провинции 2030: план развития провинции (2019,

ЮАР)) или муниципальном (План развития города Глазго с плановым периодом 2017-2022 гг. и постплановым периодом 2023-2028 гг. (Шотландия)) уровне, так и на микроуровне (инвестиционные планы предприятий). Но следует отметить, что для всех уровней в основном характерны более длительные сроки реализации, в т.ч. долго- и дальнесрочные планы, например Пространственное руководство по развитию Плана городов второго уровня Малави до 2063 г. (2022), Основы пространственного развития города Йоханнесбурга до 2040 г. (2016) или Национальная концепция пространственного развития Польши до 2030 года (2011).

Недостаточная ориентация на длительность эффекта от реализации планов может наблюдаться на микроуровне в связи с тем, что инвестиционные проекты хозяйствующих субъектов предполагают обновление производства и производственной инфраструктуры спустя определенный временной промежуток. Чем выше по иерархии план пространственного планирования, тем длительнее действие эффекта от реализации планов пространственного развития мы можем ожидать ввиду того, что в их реализацию вовлекается большее количество участников и увеличивается число заинтересованных сторон. Важным становится согласованность действий всех заинтересованных сторон, вовлеченных в пространственное планирование¹.

При использовании критерия «количество задействованных при планировании пространств» можно говорить об увеличении вовлеченных пространств при движении по иерархии уровней от микроуровня, но стоит заметить, что территории как государств и регионов, так и муниципальных образований и хозяйствующих субъектов, имеющих выход к морю, будут всегда иметь большее количество пространств по сравнению с другими объектами данного уровня. Отметим, что в данном случае к пространствам относится совокупность объектов и субъектов, распределенных по определенной территории, и системы институтов, действующих на данной территории², а также воздушное и водное пространства. При этом при переходе к более высоким уровням иерархии

---

¹ Романова О.А., Галиуллина Г.Ф. Преференциальные территории в технологическом и пространственном развитии России // AlterEconomics. 2024. Т. 21, № 4. С. 658-676.

² Леонтьева Л.С., Проскурнова К.Ю. Пространство и территория: направления государственной политики развития // Проблемы теории и практики управления. 2021. № 10. С. 25-37.

необходимо учитывать околоземную орбиту, т.е. космическое пространство, в котором может осуществляться деятельность как государств и их объединений, так и хозяйствующих субъектов.

Если говорить об институтах, влияющих на пространственное планирование, то стоит их разделить на две группы – формальные и неформальные. На микроуровне формальные институты представлены действующим в государстве законодательством в области градостроительства, землепользования, строительства, инвестирования и т.п., а также локальными документами хозяйствующего субъекта в сфере проектирования, планирования и их реализации. Неформальный институт представлен организационной культурой хозяйствующего субъекта, культурными нормами территории расположения, распространенностью норм вовлечения заинтересованных лиц в деятельность компаний и активностью местного населения при осуществлении гражданского контроля реализации различных проектов. Переход на более высокие уровни пространственного планирования сопровождается увеличением и усложнением состава неформальных институтов. Это обусловлено тем, что происходит формирование организационной (бизнес-) культуры регионального и национального уровня, усложнение состава национальной культуры, которая на государственном уровне представляет собой совокупность культур всех народов и территорий страны, а на межгосударственном и глобальном уровне помимо усложнения содержания организационной и национальной культурных составляющих возникают нормы взаимодействия между всеми субъектами на мировом уровне. В случае формальных институтов с продвижением вверх по уровням пространственного планирования также наблюдается усложнение институциональной составляющей ввиду того, что расширяется нормативно-правовая база. Но в случае движения от микроуровня к государственному число формальных институтов сокращается – на государственном уровне происходит укрупнение всех институтов, и они образуют агрегированные формальные институты, а в случае международного и глобального уровней агрегирования формальных, как и неформальных институтов не происходит ввиду их уникальности для каждой территории, государства.

Проведенный сравнительный контент-анализ 14 исследований показал, что пространственное развитие территорий, или пространственная составляющая, в основном рассматривается на государственном и муниципальном уровнях, реже – на региональном (таблица 3.1).

Таблица 3.1 – Матрица распределения критериев по уровням пространственного планирования

Уровни	Критерии											
	основные			дополнительные								
	субъекты управления	объекты планирования	масштаб планирования	участники и заинтересованные стороны	зависимые уровни	взаимосвязи объекта планирования	сложность пространственной структуры	количество объектов планирования	сложность системы планирования	сроки реализации планов	ориентация на длительность эффекта	количество типов пространств
глобальный	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
международный	8	8	-	6 8 13	8 13	13	-	6 8	-	-	-	8
государственный	1 3 4 5 6 8 11 13	1 3 4 5 6 8 11	-	1 3 6 8 11	1 3 8 11	11	11	1 4 5 6 8	-	1 4 5	-	3 8
региональный	6 7 8 12 13	6 7 8 9 12	-	6 7 8 12	7 8 12	7	12	6 7 8 9 12	12	-	-	-
муниципальный	1 3 5 6 7 8 10 12 13	1 2 3 5 6 7 8 10 12	-	1 3 6 7 8 10 12 13	1 3 7 8 12	1 7 12	2	1 5 6 7 8 12	12	-	1 5	-

Уровни	Критерии											
	основные		дополнительные									
	субъекты управления	объекты планирования	масштаб планирования	участники и заинтересованные стороны	зависимые уровни	взаимосвязи объекта планирования	сложность пространственной структуры	количество объектов планирования	сложность системы планирования	сроки реализации планов	ориентация на длительность эффекта	количество типов пространств неформальные институты
микроуровень	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Примечания:

- 1 – Scott A.J., Carter C., Reed M.R. et al. Disintegrated development at the rural–urban fringe: Re-connecting spatial planning theory and practice // Progress in Planning. 2013. Vol. 83. Pp. 1-52.
- 2 – Sapena M., Wurm M., Taubenböck H. et al. Estimating quality of life dimensions from urban spatial pattern metrics // Computers, Environment and Urban Systems. 2021. Vol. 85 (101549). Pp. 1-11.
- 3 – Oliveira E., Hersperger A.M. Governance arrangements, funding mechanisms and power configurations in current practices of strategic spatial plan implementation // Land Use Policy. 2018. Vol. 76. Pp. 623-633.
- 4 – Grădinaru S.R., Fan P., Ioja C.I. et al. Impact of national policies on patterns of built-up development: an assessment over three decades // Land Use Policy. 2020. Vol. 94 (104510). Pp. 1-11.
- 5 – Caparros-Midwood D., Barr S., Dawson R. Optimised spatial planning to meet long term urban sustainability objectives // Computers, Environment and Urban Systems. 2015. Vol. 54. Pp. 154-164.
- 6 – Vallecillo S., Polce C., Barbosa A. et al. Spatial alternatives for Green Infrastructure planning across the EU: An ecosystem service perspective // Landscape and Urban Planning. 2018. Vol. 174. Pp. 41-54.
- 7 – Ran J., Nedovic-Budic Z. Integrating spatial planning and flood risk management: A new conceptual framework for the spatially integrated policy infrastructure // Computers, Environment and Urban Systems. 2016. Vol. 57. Pp. 68-79.
- 8 – Dombi M. Types of planning systems and effects on construction material volumes: An explanatory analysis in Europe // Land Use Policy. 2021. Vol. 109 (105682). Pp. 1-9.
- 9 – He Ž., Zhao C., Fürst C., Hersperger A.M. Closer to causality: How effective is spatial planning in governing built-up land expansion in Fujian Province, China? // Land Use Policy. 2021. Vol. 108 (105562). Pp. 1-11.
- 10 – Takeda Sh. The Process of Change in the Definition of “Spatial Quality” in Spatial Planning in the Netherlands // The 15th International Landscape Architectural Symposium of Japan, China, and Korea. Section 3. Conference Paper. Tokyo, 2016. Pp. 330-335 ; Kwaliteit in meervoud; conceptualisering en operationalisering van ruimtelijke kwaliteit voor meervoudig ruimtegebruik / P. Hooimeijer, H.J.J. Kroon, J. Luttk. Habiforum, 2001. 104 p.
- 11 – Zhu J., Deng M., Pan A. “Three-Plan Integration”: Exploring the Order and Regulation Capacity of Spatial Planning // China City Planning Review. 2015. Vol. 24, No. 4. Pp. 31-40.
- 12 – Juschten M., Reinwald F., Jiricka-Pürrer A. Challenge accepted – identifying barriers and facilitating climate change adaptation in spatial development across planning boundaries, sectors and planning levels // Environmental Science & Policy. 2025. Vol. 171. Pp. 1-14.
- 13 – Berisha E., Cotella G., Solly A. The invisible hand of the EU: Europeanisation of spatial planning in two non-EU countries // Regional Science Policy & Practice. 2025. Vol. 17, No. 3. Pp. 1-11.

Составлено автором.

В рамках двух проанализированных исследований учтен международный уровень, а глобальный и микроуровни не были представлены в упомянутых работах. В отношении критериев стоит отметить, что практически во всех

исследованиях выделены критерии основной группы: субъекты и объекты пространственного планирования, – при этом они чаще используются по сравнению с группой дополнительных критериев. Среди дополнительных критериев наиболее популярными являются число участников и заинтересованных сторон, количество зависимых уровней, количество задействованных объектов планирования. При этом такие критерии, как масштаб планирования, сложность системы планирования, сроки реализации планов, количество задействованных типов пространств, не были выявлены ни в одной из представленных работ.

В странах с федеративным устройством связующим звеном между государственным уровнем и муниципальным вместе с микроуровнем являются регионы. Принимаемые разными участниками решения оказывают влияние на пространственное развитие региона. Методика анализа уровней пространственного планирования, стимулирующих или сдерживающих развитие мезотерриторий, включает:

1. Разграничение уровней пространственного планирования, исходя из соотношения объектов и субъектов планирования.

В пределах одной страны основными уровнями являются государственный (территория государства как объект и федеральные органы власти как субъект), региональный (территория субъекта федерации как объект и региональные органы власти как субъект) и муниципальный (часть территории региона в пределах муниципального образования как объект и местные органы самоуправления как субъект). В связи с тем, что принимаемые на глобальном уровне документы являются рекомендательными и не предполагают обязательного практического внедрения, глобальный и международный уровни можно рассматривать совместно, при этом соглашения на международном уровне носят рамочный характер и отражают намерения стран. Фактическая реализация данных намерений осуществляется на микроуровне – компаниями (например, строительство трубопроводной инфраструктуры для поставки топлива – «Сила Сибири»). Несмотря на то, что проекты компаний могут влиять на пространственное развитие территорий, данные планы по строительству объектов разного назначения

невозможны без согласования с органами государственного управления, поэтому основными уровнями пространственного планирования развития регионов можно назвать государственный, региональный и муниципальный.

2. Распределение совокупности документов (стратегий, планов, программ, проектов и т.д.), содержащих меры для реализации на территории региона, по уровням планирования.

3. Построение временной шкалы реализации мер, представленных в документах (п. 2), для каждого уровня пространственного планирования.

4. Выявление временных расхождений реализации мер на разных уровнях планирования для определения факторов, сдерживающих пространственное развитие региона. Например, строительство объектов (промышленного, социального или жилого назначения) и инфраструктуры (транспортной, социальной и др.) со значительной разницей в периодах.

5. Определение мер, противоречащих друг другу и принятых на разных уровнях. Например, проекты расширения или строительства инфраструктурных объектов федерального или регионального значения не учитывают муниципальные документы городского планирования населенных пунктов, расположенных вблизи к данной инфраструктуре.

6. Внесение корректировок в соответствующие документы (планы, программы, проекты и т.д.) на региональном уровне, учитывающие выявленные противоречия и расхождения (п. 4, 5), и предложений по изменению положений документов пространственного планирования других уровней (государственного, муниципального).

Таким образом, отсутствуют единый подход к классификации уровней пространственного планирования и единая система критериев разграничения уровней пространственного планирования и их анализа. В рамках проведенного исследования в иерархии уровней пространственного планирования нами выделено две группы: обеспечивающие уровни, к которым отнесены глобальный и международный, и основные, включающие государственный, региональный, муниципальный и микроуровень. В группе основных уровней различными

субъектами разрабатываются и принимаются планы, программы, проекты, ориентированные на пространственное развитие территорий. И если три уровня – государственный, региональный, муниципальный – непосредственно отвечают за пространственное планирование территорий, к которым относятся, то реализуемые на микроуровне проекты способны содействовать или осуществлять пространственное развитие территорий, на которых расположены хозяйствующие субъекты. Иерархия уровней пространственного планирования в основной группе не является жесткой и может меняться в зависимости от государственного устройства или традиций планирования, действующих в той или иной стране.

Часть критериев уровней пространственного планирования носит условный характер и может быть использована для составления характеристики каждого из уровней. Другие же при проведении сравнительного анализа позволяют провести разграничение уровней планирования пространственного развития. Описательный характер критериев представляет собой базу для анализа институциональных основ пространственного планирования развития государств, регионов, муниципальных образований.

Проведенный сравнительный контент-анализ позволил сделать вывод об отсутствии единого подхода к классификации уровней пространственного планирования и использовании критериев при разграничении уровней и их анализе. Данный вывод позволяет говорить о необходимости разработки системы уровней пространственного планирования, которая может быть использована исследователями для анализа различных аспектов пространственного развития территорий. Последовательность действий для анализа пространственного планирования на разных уровнях направлена на выявление противоречий мер, заложенных в соответствующих документах пространственного планирования всех уровней и влияющих на развитие региона, и разработку корректирующих действий в документы разного уровня для преодоления потенциальных сдерживающих факторов пространственного развития территорий.

3.2. Типологизация институтов пространственного развития¹

Особенностью проявления институтов на региональном уровне является формальная и неформальная составляющая, поэтому можно выделить несколько типов институтов, которые также влияют на пространственное развитие территории. При этом некоторые типы институтов могут относиться как к формальным, так и к неформальным, другие входят только в одну группу.

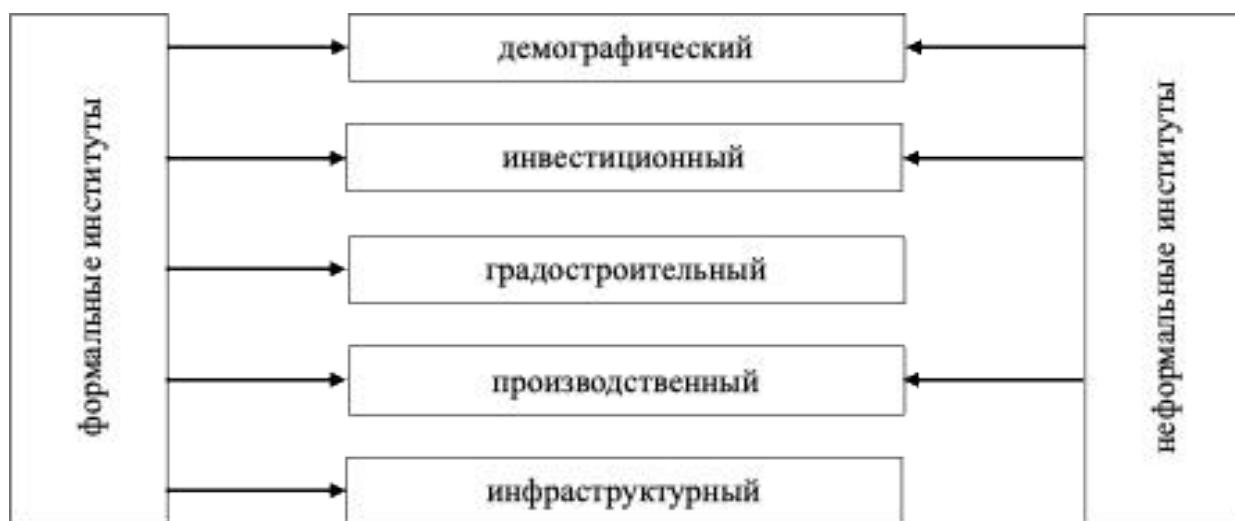
Согласно представлению автора в п. 1.3, институциональный подход предполагает наличие двух групп институтов – формальных и неформальных. Обеспечение пространственного развития территории должно осуществляться посредством совершенствования формальных институтов с учетом влияния неформальных. Для того чтобы определить минимальный набор формальных, необходимых для развития группы Волжских регионов институтов, необходимо выделить те формальные институты, которые представлены нормативными документами, регламентирующими развитие регионов, и институциональными акторами – органами исполнительной власти, обеспечивающими формирование и реализацию нормативной части. По поводу неформальных институтов пространственного развития возможно сделать следующее концептуальное заключение, на основании которого может производиться оценка их состояния: качество организационной культуры региона, включающей в себя вовлеченность населения и бизнеса в решение вопросов развития территории, предпринимательской культуры, лояльности бизнеса и населения территории в части сохранения и распространения местных традиций, обычаяев и исторического наследия оказывает влияние на пространственное развитие территорий. Тем не менее неформальные институты являются объектом междисциплинарных исследований.

---

¹ При работе над данным разделом диссертации использована следующая публикация автора, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Проскурнова К.Ю. Типологизация институтов пространственного развития регионов // Проблемы теории и практики управления. 2025. № 3. С. 204-219.

Типологизация институтов пространственного развития будет производиться по группе формальных институтов, так как именно данная группа институтов оказывает основное влияние на пространственное развитие территорий, зависит от решений, принимаемых как органами власти, так и другими участниками отношений. Неформальные институты, в свою очередь, формируются стихийно и медленнее реагируют на целенаправленное воздействие на них.

Рассматриваемые типы формальных институтов пространственного развития (рисунок 3.3) базируются на проектных документах, принимаемых на всех уровнях государственного управления. Это связано с тем, что на современном этапе государственного управления используется проектный подход, который нашел отражение в содержании формальных институтов при сохранении программных документов и методов управления.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 3.3 – Формальные и неформальные составляющие институтов пространственного развития

Демографические институты пространственного развития относятся к группе как формальных, так и неформальных институтов. В первом случае демографический институт характеризуется наличием тех программ и государственной политики, которые направлены на увеличение численности населения исследуемой территории как в целом, так и по отдельным группам населения (трудоспособное население, молодежь и т.д.), на повышение уровня

здравья населения (развитие системы здравоохранения, повышение доступности медицинских услуг и др.), на увеличение как ожидаемой, так и средней продолжительности жизни, на обеспечение всеми видами образования (основного и дополнительного, дошкольного, школьного и профессионального и т.д.), на привлечение высококвалифицированных специалистов на данную территорию (таблица 3.2). На значительной взаимозависимости всех демографических процессов государства и регионов и необходимости постоянного управления данными процессами в своем исследовании делают акцент О.Л. Рыбаковский, О.А. Таюнова и Н.И. Кожевникова¹. Авторы обращают внимание на необходимость тщательной проработки стратегии и концепции демографической политики государства. Социум определяет те нормы и правила взаимодействия людей, которые формируют формальные и неформальные демографические институты, действующие в данном обществе².

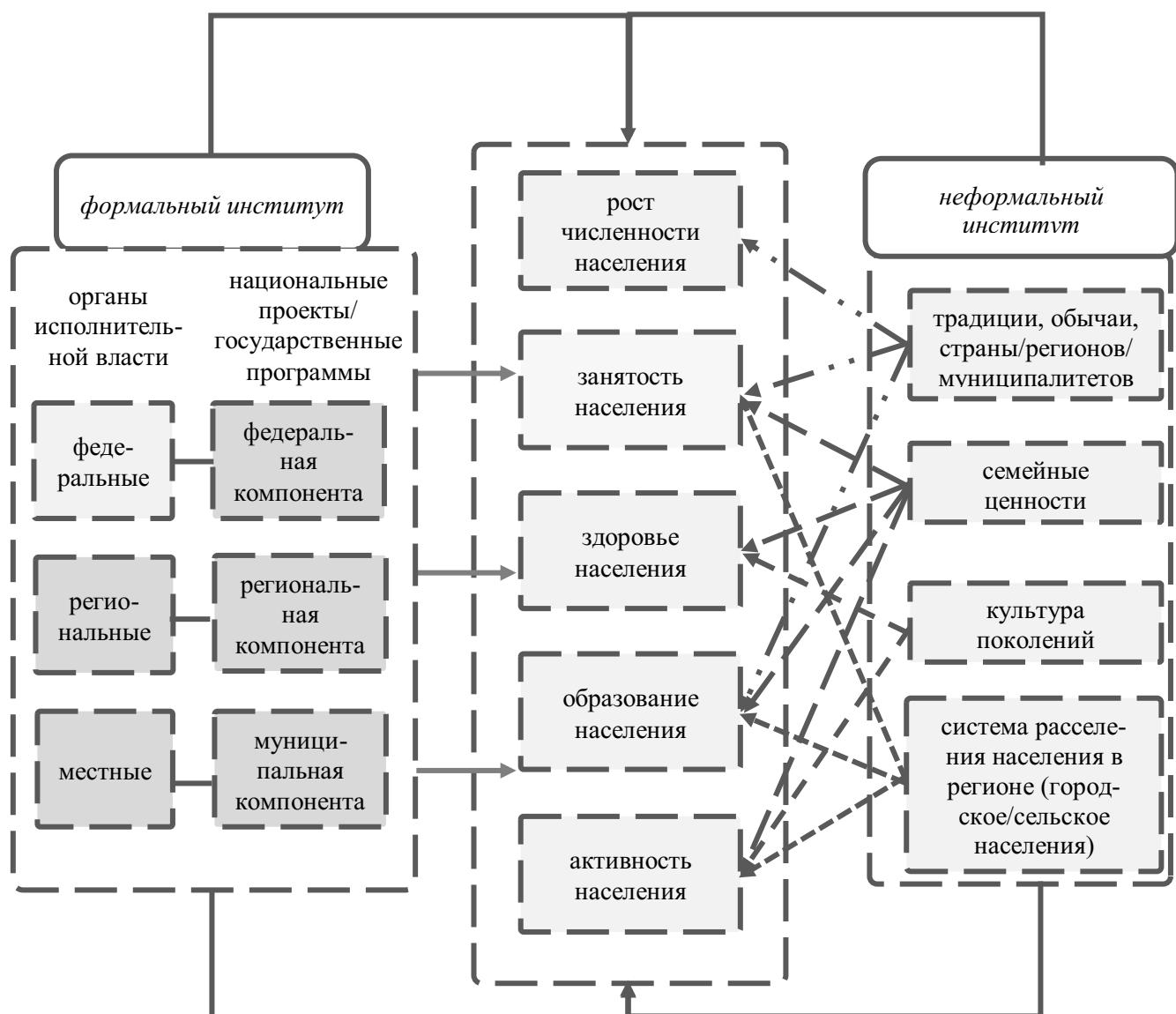
Демографический институт в группе неформальных характеризуется теми культурными обычаями и традициями, которые распространены в регионе. Влияние обычаев и традиций местного населения на экономическое развитие регионов анализировали многие исследователи, среди которых можно выделить И.В. Никулкину, Е.В. Романову, Е.А. Рожину и Р.И. Васильеву³. Данные культурные элементы связаны с семейными ценностями (как системы взаимодействия между членами одной семьи, так и традиции среднего возраста вступления в брак и количества детей у одной супружеской пары), национальными традициями расселения (сельские или городские территории), распределения обязанностей внутри семьи (работа и ведение домашнего хозяйства), отношения

¹ Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А., Кожевникова Н.И. К вопросу о стратегии демографического развития и концепции демографической политики России // Наука. Культура. Общество. 2018. № 2-3. С. 57-65.

² Кузнецов С.В., Якишин Ю.В. Влияние внутренней среды социально-экономических систем на реструктуризацию и пространственное развитие экономики // Экономика и управление. 2021. Т. 27, № 1 (183). С. 4-11.

³ Никулкина И.В., Романова Е.В. Демографическое развитие арктических регионов России в контексте концепции резильентности // Народонаселение. 2024. Т. 27, № 1. С. 123-135; Рожина Е.А., Васильева Р.И. Этническое разнообразие и экономическая диверсификация: анализ регионов России // Народонаселение. 2024. Т. 27, № 1. С. 82-94.

к количеству детей в одной семье, проживания всех супружеских пар одной семьи совместно (близко друг к другу) или отдельно (в том числе на расстоянии). О влиянии специфических черт семейных ценностей, характерных для конкретных территорий, на демографические процессы в своих исследованиях пишут Ф.Б. Бурханова и Н.С. Зимина¹.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 3.4 – Взаимодействие элементов демографического института

¹ Бурханова Ф.Б. Семейные ценности населения Башкортостана на фоне других регионов // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 2 (34). С. 115-130; Зимина Н.С. Социокультурные особенности и проблемы развития регионального пространства Забайкальского края // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. № 2-2. С. 249-257.

К основным органам государственного управления, формирующим и поддерживающим функционирование демографического института на федеральном уровне, можно отнести Министерство здравоохранения Российской Федерации, Министерство культуры Российской Федерации, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Министерство просвещения Российской Федерации, Министерство спорта Российской Федерации, Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, Федеральное агентство по делам молодежи. Субъекты с аналогичными функциями действуют на региональном и муниципальном уровне, реализуя демографическую политику и опираясь как на федеральные нормативные правовые документы, так и на территориальные.

Инвестиционный институт связан как с деятельностью органов исполнительной власти территории, ориентированной на привлечение инвестиций, так и с деятельностью организаций, отвечающих за инвестиционный климат. Влияние региональных институтов на инвестиционный климат территорий в своих работах исследуют А.М. Пахалов, М.Ю. Елсуков и др.¹ Территориальные инвестиционные программы могут быть направлены как на привлечение инвестиций с целью создания новых объектов, так и на вложения в обновление уже существующих. В первом случае институт ориентирован на внешних инвесторов и поддерживает реализацию программ по отраслям и сферам деятельности (например: Государственная программа «Развитие обрабатывающих отраслей промышленности Республики Татарстан», Государственная программа «Развитие агропромышленного комплекса Нижегородской области»). При этом программы могут быть связаны как с укреплением уже существующих на территории отраслей, так и на развитие новых, ранее не представленных в регионе. В исследовании Е.Н. Сидоровой и А.В. Трынова делается акцент на деятельности таких институтов развития, ответственных за привлечение инвестиций, как Росагролизинг,

---

¹ Пахалов А.М. Региональный инвестиционный стандарт как институциональный инструмент улучшения инвестиционного климата в регионах России // Регион: Экономика и Социология. 2019. № 2 (102). С. 246-269; Елсуков М.Ю., Маевский А.В., Чеберко Е.Ф. Инвестиционный климат и инвестиционная привлекательность макрорегионов России // Управленческое консультирование. 2019. № 12 (132). С. 70-89.

Внешэкономбанк, Фонд развития инновационного центра «Сколково», региональные корпорации развития и др., а также программах государственно-частного партнерства¹. Во втором случае действие института направлено на сохранение финансового капитала в регионе и вложение его в развитие существующих объектов и создание новых.

Инвестиционные институты включают государственные программы привлечения капитала в регион, экономические и административные инструменты инвестиционной политики территории (таблица 3.2). В таком случае образуется система взаимодействия органа государственного управления и инвестора, которая имеет своей целью формирование, развитие и использование различных капитальных объектов, поддерживаемых на территории региона, что влияет как на развитие, так и на трансформацию регионального пространства². Так, реализация проекта по строительству нового промышленного объекта обязательно связана с развитием инфраструктуры (транспортной, энергетической и т.д.) и социальных объектов территории. В своем исследовании Ю.А. Петрова раскрывает влияние инвестиционных проектов на развитие экономики региона за счет межотраслевых связей в целом и на развитие социальной инфраструктуры в частности³. Помимо территориальных органов управления, инвестиционные институты включают нормативно-правовые документы, разрабатываемые на национальном (федеральном) уровне, в сфере развития инвестиционной деятельности и привлечения капитала, в том числе присвоение территории особого статуса. В России к данному институту можно отнести деятельность Министерства экономического развития в части регламентации функционирования особых территорий – особых экономических зон, территорий опережающего развития, специальных административных районов.

---

¹ Сидорова Е.Н., Трынов А.В. Роль институтов развития в наращивании инвестиционных ресурсов старопромышленных территорий // Известия Уральского государственного горного университета. 2019. № 1 (53). С. 162-170.

² Колесов Р.В., Прокурнова К.Ю. Бюджетно-инвестиционная модель экономического роста регионов России // Финансовый бизнес. 2017. № 3 (188). С. 3-7.

³ Петрова Ю.А. Оценка общественной эффективности инвестиционных проектов с учетом мультипликативных эффектов // Интернет-журнал Науковедение. 2016. Т. 8, № 2 (33). С. 66.

Неформальные инвестиционные институты зависят от уровня доверия, характеризующего экономических агентов определенной территории и их систему отношений. Институты доверия оказывают сильное влияние на возможности привлечения в регион новых инвесторов и расширение спектра инвестиционных проектов¹. Предпринимательская культура, как другой неформальный институт, влияет на бизнес-потенциал территории и возможности реализации новых проектов.

Градостроительные институты определяются в первую очередь нормативными правовыми документами, регламентирующими градостроительную деятельность на территории региона (муниципального образования) и определяющими требования к объектам строительства (их характеристики и местоположение)². В данную группу документов входят Градостроительный кодекс, Земельный кодекс, схемы территориального планирования, генеральные планы городов и т.п., а также документы, определяющие комплексное развитие различных территорий (таблица 3.2).

Градостроительный институт связан не только с территориальным планированием размещения различных объектов (жилых и нежилых территорий, инфраструктуры и т.д.), но и с архитектурными, культурно-историческими и природно-рекреационными требованиями к территории, экологическими стандартами. В контексте исследования пространственного развития градостроительный институт рассматривается не только в отношении урбанизированных территорий, но и других категорий местности. Так, ограничения этажности застройки городских территорий по различным причинам (архитектурные требования, пропускная способность инфраструктуры – дорожной, ресурсной и др.) будут вносить изменения в границы городских территорий или увеличивать освоение ближайших сельских пунктов, приводя

---

¹ Солодилова Н.З., Маликов Р.И., Зинатуллин Е.М. Повышение доверия к институтам частного инвестирования при использовании цифровых технологий // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2022. № 1 (39). С. 7-16.

² Ворова Е.А., Проскурнова К.Ю. Институциональная роль саморегулируемых организаций в развитии региональной экономики // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 4. С. 21-28.

к инфраструктурным изменениям в них – строительство новых объектов, повышение емкости существующих и т.д. Зависимость пространственного развития городских территорий от особенностей зонирования и ограничения этажности застройки раскрывается в работах таких авторов, как А.Ю. Рябцева, Н.М. Затолокина, Т.Г. Калачук, В.В. Ухабин, Н.В. Соколова¹ Данные изменения коснутся не только объектов жилой застройки, но и производственных.

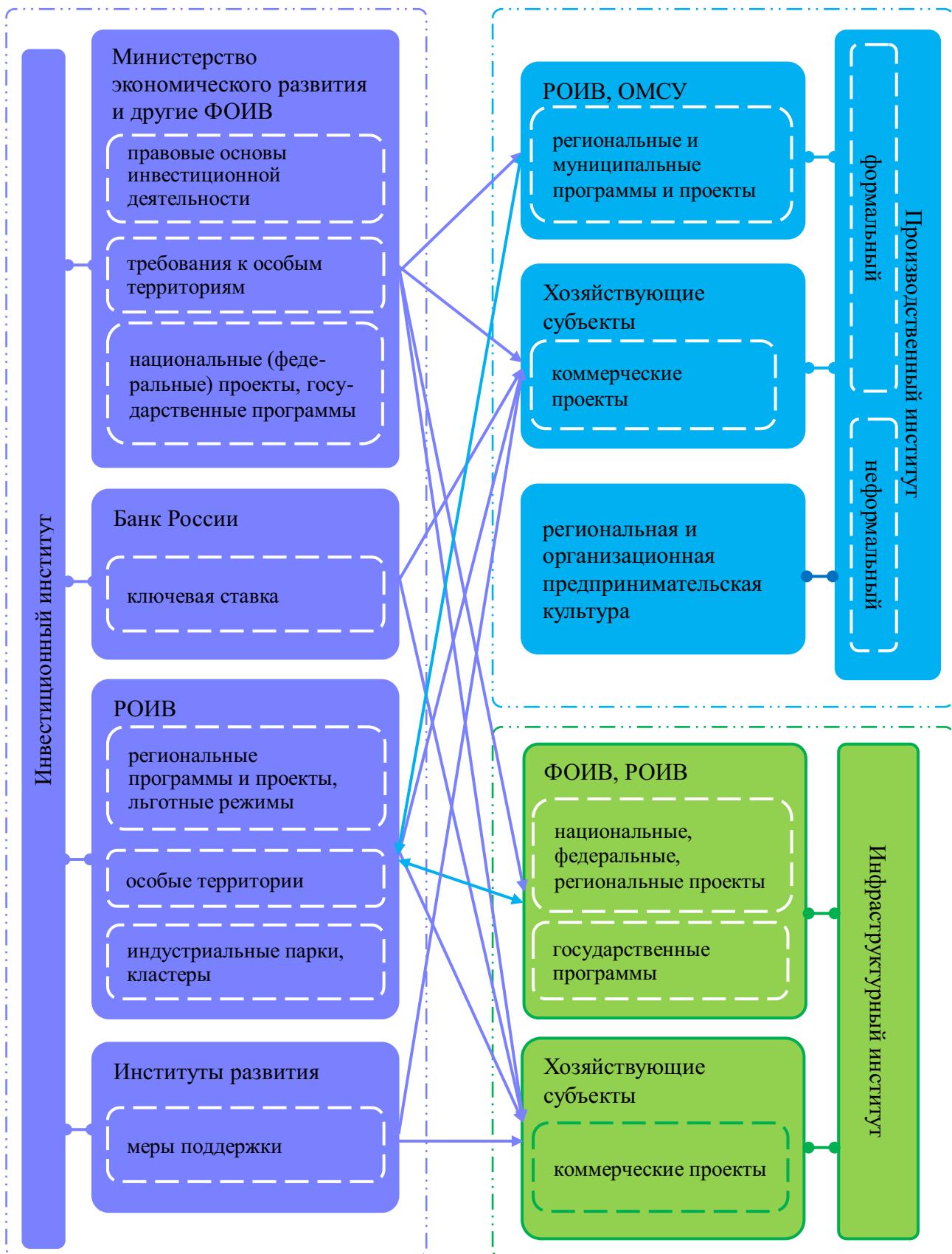
Под производственными институтами в данном исследовании подразумевается совокупность норм и правил, действующих в производственной сфере региона (территории), при этом касающихся выпуска не только материальных благ, но и нематериальных – услуг, знаний и т.п. Данный институт, как и демографический, можно рассматривать в двух аспектах – формального и неформального института. В категории формального производственный институт непосредственно взаимодействует и пересекается с инвестиционным, что обусловлено отраслевой специализацией региона и программами развития, принятыми в отношении территории.

В своем исследовании А.С. Воронов предлагает формировать межотраслевые технологические кластеры, которые будут способствовать пространственному развитию регионов, а Л.В. Лапидус, Л.С. Леонтьева и А.О. Гостилович прослеживают тесную связь между трансформацией промышленности и процессов цифровизации регионов².

Помимо нормативных правовых документов и программ органов государственного и муниципального управления, составляющих основу института, действуют программы и проекты компаний, ориентированные на развитие как

¹ Рябцева А.Ю., Затолокина Н.М., Калачук Т.Г. Рациональное использование городских земель на основе градостроительных признаков в границах зон с особыми условиями использования территорий // Вектор ГеоНаук. 2021. Т. 4, № 4. С. 20-33; Ухабин В.В., Соколова Н.В. Выявление границ высотности новой застройки в историческом центре крупного города // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2023. Т. 25, № 1. С. 50-65.

² Воронов А.С. Направления трансформации региональной инновационной системы территорий // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 92. С. 101-115; Лапидус Л.В., Леонтьева Л.С., Гостилович А.О. Минимальная цифровая корзина российских регионов для трансформации промышленности // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 77. С. 212-228.

Примечания: ФОИВ – федеральные органы исполнительной власти, РОИВ – региональные органы исполнительной власти, ОМСУ – органы местного самоуправления. Составлено автором.

Рисунок 3.5 – Взаимодействие элементов инвестиционного, производственного и инфраструктурного институтов региона

существующей производственной базы, так и на создание новой. При этом во втором случае влияние оказывает и инвестиционный институт, в том числе его ориентация на привлечение новых хозяйствующих субъектов на территорию. Анализируя деятельность региональных институциональных единиц по привлечению инвесторов в Приморский край, Р.И. Грибанов, Е.В. Красова и В.В. Врублевский отмечают рост числа инвесторов и резидентов особых территорий (территории опережающего развития и Свободный порт Владивосток) в крае, что привело к увеличению промышленного производства и занятости населения¹.

Приход в регион новых компаний возможен и без участия инвестиционного института: это обусловлено имеющимися у региона ресурсами (природными, трудовыми, научными и т.д.) и его географическим положением. Рост интернет-торговли повлек за собой развитие логистической системы и строительство логистических хабов, которые зачастую размещают не в мегаполисах, а на соседних территориях, что обусловлено более низкими затратами на приобретение земельных участков, строительство, привлечение трудовых ресурсов и меньшими транспортными расходами ввиду меньшей загруженности транспортной инфраструктуры², что отмечено в обзоре развития логистических маршрутов Дальнего Востока, вызванного увеличением потока грузов из Китая³, и обзоре смещения центров интернет-торговли из мегаполисов в регионы⁴. Так, Т. Романова отметила планы компании Wildberries построить

¹ Грибанов Р.И., Красова Е.В., Врублевский В.В. Региональная политика по развитию международных инвестиционных проектов в Приморском крае: условия, перспективы, инструменты // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. №1 (60). С. 120-133.

² Хмелева Г.А., Скреблов Н.И. Пространственные особенности обеспеченности транспортной инфраструктурой в контексте глобальной конкурентоспособности российских регионов // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025. № 3 (245). С. 121–137.

³ Как логистические хабы расширят грузооборот между РФ и Китаем? // Транслом. URL: <https://translom.ru/news/kak-logisticheskie-khabы-rasshiryat-gruzooborot-mezhdu-rf-i-kitaem#> (дата обращения: 17.12.2024).

⁴ Романова Т. Пошли по регионам: за счет чего росли гиганты интернет-коммерции в 2023 году // Сетевое издание «forbes.ru». URL: <https://www.forbes.ru/biznes/503332-posli-po-regionam-zaschet-cego-rosli-giganty-internet-kommercii-v-2023-godu> (дата обращения: 17.12.2024).

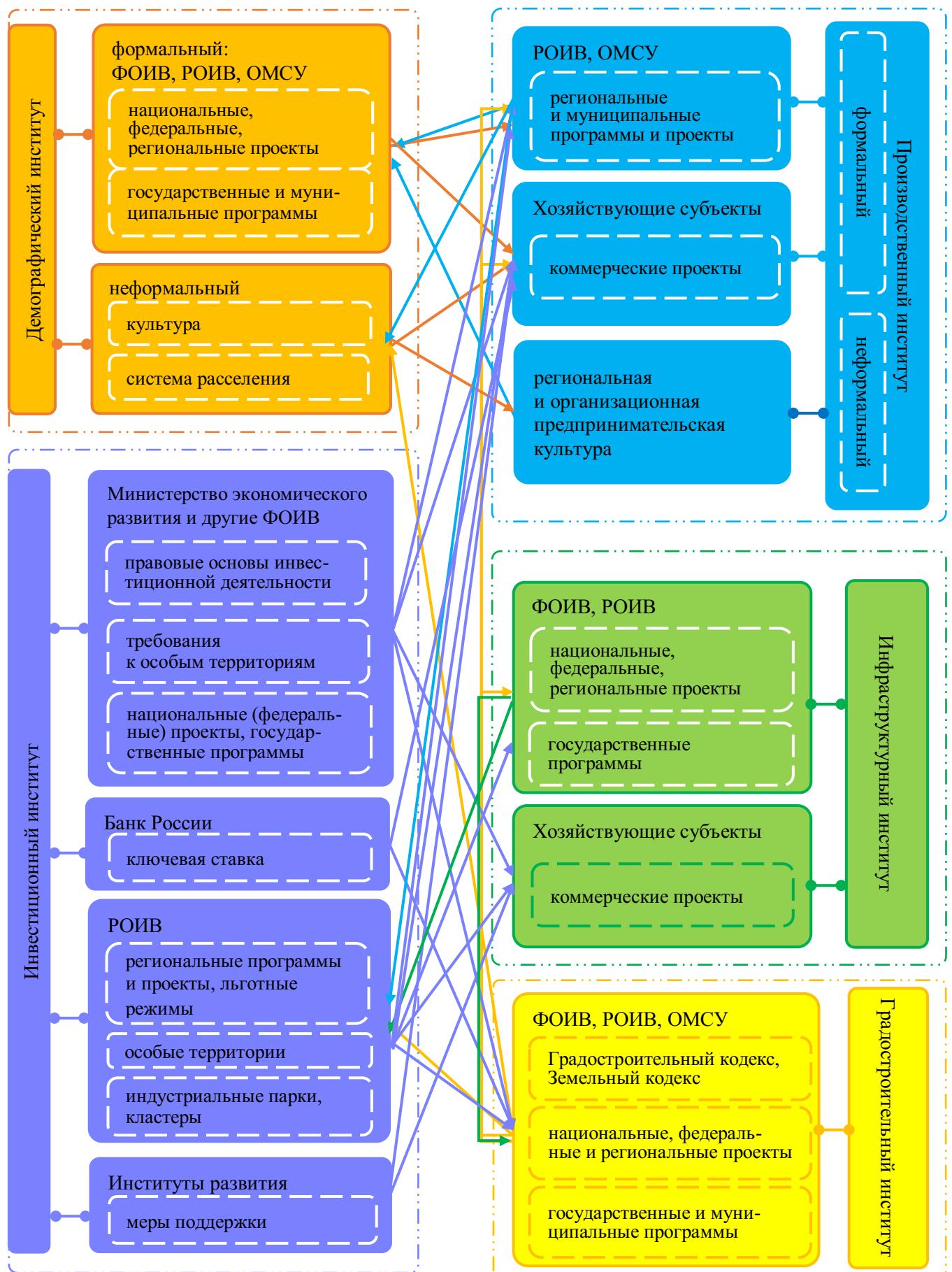
распределительные и логистические центры в Ярославской, Оренбургской областях и Пермском крае. Стоит отметить мультипликативный эффект подобного прихода компаний в регион, который влечет за собой повышение внимания к состоянию транспортной инфраструктуры со стороны органов управления и реализации программ по развитию транспортной инфраструктуры – автомобильной, железнодорожной, авиационной и водной. Помимо развития сопутствующей инфраструктуры и разгрузки основных транспортных магистралей, по мнению И.Ф. Гареева и А.Ф. Лапытова, логистические хабы способствуют снижению экологической нагрузки за счет организации оптимальных маршрутов и экологического контроля как элемента инфраструктуры хаба¹.

Неформальный производственный институт характеризуется состоянием организационной культуры региона, которая проявляется и в деловой культуре, и в системе взаимодействия бизнеса и органов управления, бизнеса и потребителей, бизнеса и жителей территории, т.е. со всеми заинтересованными сторонами в данном регионе, что отметила в своем исследовании Л.С. Леонтьева².

При этом региональная организационная культура формируется из организационных культур хозяйствующих субъектов данной территории, обладает наиболее распространенными среди них элементами и, с одной стороны, оказывает влияние и на организационную культуру конкретного хозяйствующего субъекта, и на его принципы осуществления деятельности, а с другой – сама находится под влиянием тех изменений, которые происходят в организационных культурах компаний региона, принципах ведения дел или возникновения на территории новых игроков, приносящих с собой новые элементы

¹ Гареев И.Ф., Латыпов А.Ф. Развитие логистических хабов как фактор создания инновационной транспортной инфраструктуры // Экономика строительства и жилищно-коммунального хозяйства. 2024. № 3 (8). С. 53-61.

² Леонтьева Л.С. Организационная культура: региональный аспект : монография / Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС» (Институт); Институт государственного и муниципального управления МУБиНТ. М., 2004. 240 с.

Примечания: ФОИВ – федеральные органы исполнительной власти, РОИВ – региональные органы исполнительной власти, ОМСУ – органы местного самоуправления. Составлено автором.

Рисунок 3.6 – Взаимное влияние институтов пространственного развития региона

организационной культуры. Особенности формирования организационной культуры промышленных предприятий и ее влияние на развитие самих предприятий были рассмотрены автором в предыдущих исследованиях¹. При этом региональная организационная культура характеризуется элементами национальной культуры данной территории, которая может быть моно- или полинациональной, отличающихся между собой традициями и обычаями, связанными с особенностями освоения пространства.

Инфраструктурные институты базируются на существующих формальных нормах, регулирующих все виды объектов инфраструктуры (таблица 3.2). При этом инфраструктурный институт имеет отношение ко всем сферам жизнедеятельности – социальной, производственной, транспортной, рекреационной и др. Помимо материальной инфраструктуры разной функциональности направленности, Л.Н. Орлова и Е.А. Ворова выделили институциональную инфраструктуру, обеспечивающую деятельность саморегулируемых организаций².

В рамках пространственного развития территорий инфраструктурный институт рассматривается нами не только в разрезе транспортной и производственной инфраструктуры, но различные виды объектов инфраструктуры, обеспечивающие все аспекты жизни человека и функционирования природных объектов, непосредственно не обеспечивающих жизнедеятельность человека³. В своем исследовании Л.З. Зевин отмечает важность

¹ Проскурнова К.Ю., Леонтьева Л.С. Институциональный аспект изменения организационной культуры // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 70. С. 264-273; Проскурнова К.Ю. Региональная организационная культура предпринимательских структур // Модель менеджмента для экономики, основанной на знаниях : сборник статей V Международной научно-практической конференции / гл. ред. Л.А. Данченок. М.: МЭСИ, 2013. С. 150-153; Проскурнова К.Ю. Институциональные проблемы развития региона // Социально-экономические процессы развития региональной экономики России в условиях перехода к информационному обществу: коллективная монография / Ю.Н. Акимова и др.; под общ. ред. Г.А. Родиной и др. Ярославль: Канцлер, 2014. С. 15-20.

² Орлова Л.Н., Ворова Е.А. Инфраструктура саморегулируемых организаций в строительстве как предпринимательский кластер // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2012. № 6-2. С. 49-52.

³ Proskurnova K.Yu., Osipov V.S. Spatial Development Institutions of the Russian Arctic Zone // The Handbook of the Arctic. A Broad and Comprehensive Overview / ed. by E.V. Pak, A.I. Krivtsov, N.S. Zagrebelnaya. Singapore: Palgrave Macmillan, 2022. Pp. 1081-1092.

сочетания «жесткой» и «мягкой», представленной институтами, инфраструктур для обеспечения развития территорий, особенно сопряженных в одном регионе¹.

Требования к объектам инфраструктуры формируются на федеральном уровне, а программы создания и развития объектов инфраструктуры могут быть как федерального, так и регионального и местного значения. Стоит отметить, что программы развития транспортной инфраструктуры имеют национальное значение, особенно в части развития транспортных узлов или путей, связывающих различные части государства².

В своем исследовании Е.В. Белякова, О.Е. Подвербных и Е.В. Щербенко, анализируя транспортную инфраструктуру Красноярского края, обращают внимание на важность транспортной инфраструктуры для обеспечения экономического развития регионов и повышения эффективности их пространственной организации³. К региональному и местному уровню относятся те объекты транспортной инфраструктуры, которые не обладают национальным значением. Аналогичная ситуация существует и в отношении объектов энергетической инфраструктуры.

Для многих государств развитие электроэнергетической инфраструктуры не только имеет значение для обеспечения национальной и экономической безопасности, но и позволяет экспортствовать электроэнергию другим странам-реципиентам, например, Н.М. Петров указывает на увеличение экспорта электроэнергии в Китай с приграничных районов Российской Федерации, обладающих достаточными мощностями электростанций и электросетей⁴.

На развитие инфраструктуры регионов оказывают влияние не только потребности населения и хозяйствующих субъектов данных территорий, но также

¹ Зевин Л.З. Роль инфраструктуры в модернизации регионального пространства // Россия и новые государства Евразии. 2013. № 2 (19). С. 5-16.

² Кувалин Д.Б. Пространственное развитие России в новых геополитических условиях // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2023. № 1 (72). С. 87-94.

³ Белякова Е.В., Подвербных О.Е., Щербенко Е.В. Транспортная инфраструктура как основа пространственного развития региона // Экономика и предпринимательство. 2021. № 12 (137). С. 609-614.

⁴ Петров Н.М. Экспорт электроэнергии из России в Китай // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 3. С. 102-112.

перспективы освоения экономического потенциала. Так, В.Л. Белозеров, Е.А. Королева и М.А. Шагалова на основе корреляционно-регрессионного анализа провели расчеты влияния транспортно-логистической инфраструктуры на развитие Ленинградской области и выявили сильную зависимость между возможностями развития региона и использованием имеющейся транспортно-логистической инфраструктуры¹. Несомненно, фактором влияния на развитие инфраструктуры могут стать долгосрочные природно-климатические изменения, к которым относятся потепление климата, опустынивание, изменения русла рек и т.п.

Таблица 3.2 – Составляющие элементы типов институтов пространственного развития

Тип института	Организация, определяющая функционирование института на территории	Нормативные правовые документы, определяющие институт
Демографический	Министерство здравоохранения РФ, Министерство культуры РФ, Министерство науки и высшего образования РФ, Министерство просвещения РФ, Министерство спорта РФ, Министерство труда и социальной защиты РФ, Федеральное агентство по делам молодежи	Национальный проект «Демография», Национальный проект «Здоровье», Национальный проект «Образование», Национальный проект «Культура»; Государственная программа «Развитие здравоохранения», Федеральная целевая программа «Жилище» на 2015 - 2020 годы, Федеральная целевая программа «Национальная система химической и биологической безопасности Российской Федерации (2015 - 2020 годы)», Федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2013 - 2020 годах»; Государственная программа «Развитие культуры»; Государственная программа «Социальная поддержка граждан», Государственная программа «Доступная среда»; Государственная программа «Развитие образования»; Государственная программа «Развитие физической культуры и спорта», Федеральный проект «Спорт - норма жизни», Федеральный проект «Развитие физической культуры и массового спорта»;

¹ Белозеров В.Л., Королева Е.А., Шагалова М.А. Оценка влияния состояния транспортно-логистической инфраструктуры региона на экономическое развитие Ленинградской области // Транспортное дело России. 2018. № 6. С. 98-102.

Тип института	Организация, определяющая функционирование института на территории	Нормативные правовые документы, определяющие институт
		<p>Федеральный проект «Развитие спорта высших достижений»; Государственная программа «Содействие занятости населения», Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023-2030 годы, Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации, Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года, Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации до 2025 года</p>
Инвестиционный	Министерство промышленности и торговли РФ, Министерство сельского хозяйства РФ, Министерство финансов РФ, Министерство экономического развития РФ	<p>Государственная программа Российской Федерации «Развитие авиационной промышленности»; Государственная программа Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»; Государственная программа Российской Федерации «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности»; Государственная программа Российской Федерации «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности»; Государственная программа Российской Федерации «Развитие судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений»; Государственная программа Российской Федерации «Развитие оборонно-промышленного комплекса»; Национальный проект «Международная кооперация и экспорт»; Постановление Правительства РФ от 16.07.2015 г. № 708 «О специальных инвестиционных контрактах для отдельных отраслей промышленности»; Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий»; Государственная программа эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации; Госпрограмма развития сельского хозяйства; Развитие рыбохозяйственного комплекса; Федеральный закон от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»;</p>

Тип института	Организация, определяющая функционирование института на территории	Нормативные правовые документы, определяющие институт
		<p>Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»;</p> <p>Постановление Правительства РФ от 22.06.2015 г. № 614 «Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (многородов)»;</p> <p>Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края»;</p> <p>Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»;</p> <p>Национальный проект «Производительность труда»;</p> <p>Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»</p>
Градостроительный	<p>Министерство природных ресурсов и экологии РФ,</p> <p>Министерство сельского хозяйства РФ,</p> <p>Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ</p>	<p>Градостроительный кодекс Российской Федерации;</p> <p>Земельный кодекс Российской Федерации;</p> <p>Государственная программа «Развитие водохозяйственного комплекса Российской Федерации в 2012-2020 годах»;</p> <p>Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 г. № 1225-р «Экологическая доктрина Российской Федерации»;</p> <p>Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий»;</p> <p>Государственная программа эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации;</p> <p>Национальный проект «Жилье и городская среда»;</p> <p>Федеральный закон от 17.11.1995 г. № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации»;</p> <p>Федеральная целевая программа «Жилище» на 2015-2020 годы;</p> <p>Федеральная целевая программа «Чистая вода» на 2011-2017 годы;</p>

Тип института	Организация, определяющая функционирование института на территории	Нормативные правовые документы, определяющие институт
		<p>Ведомственная целевая программа «Поддержка модернизации коммунальной и инженерной инфраструктуры субъектов Российской Федерации (муниципальных образований)»;</p> <p>Комплексная государственная программа Российской Федерации «Строительство»</p>
Производственный	<p>Министерство промышленности и торговли РФ,</p> <p>Министерство сельского хозяйства РФ,</p> <p>Министерство финансов РФ,</p> <p>Министерство экономического развития РФ,</p> <p>Министерство науки и высшего образования РФ</p>	<p>Государственная программа Российской Федерации «Развитие авиационной промышленности»;</p> <p>Государственная программа Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»;</p> <p>Государственная программа Российской Федерации «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности»;</p> <p>Государственная программа Российской Федерации «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности»;</p> <p>Государственная программа Российской Федерации «Развитие судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений»;</p> <p>Государственная программа Российской Федерации «Развитие оборонно-промышленного комплекса»;</p> <p>Национальный проект «Международная кооперация и экспорт»;</p> <p>Национальный проект «Беспилотные авиационные системы»;</p> <p>Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий»;</p> <p>Государственная программа эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации;</p> <p>Госпрограмма развития сельского хозяйства;</p> <p>Развитие рыбохозяйственного комплекса;</p> <p>Федеральный закон от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»;</p> <p>Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»;</p>

Тип института	Организация, определяющая функционирование института на территории	Нормативные правовые документы, определяющие институт
		<p>Постановление Правительства РФ от 22.06.2015 г. № 614 «Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (многородов)»;</p> <p>Федеральный Закон от 03.08.2018 г. № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края»;</p> <p>Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»;</p> <p>Национальный проект «Производительность труда»;</p> <p>Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»;</p> <p>Государственная программа Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»;</p> <p>Государственная программа Российской Федерации «Развитие атомного энергопромышленного комплекса» – в части федеральной целевой программы «Обеспечение ядерной и радиационной безопасности на 2016 - 2020 годы и на период до 2030 года»;</p> <p>Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество»;</p> <p>Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия;</p> <p>Государственная программа Российской Федерации «Развитие внешнеэкономической деятельности»;</p> <p>Федеральная научно-техническая программа развития генетических технологий на 2019 – 2030 годы;</p> <p>Федеральная научно-техническая программа развития синхротронных и нейтронных исследований и исследовательской инфраструктуры на период до 2030 года и дальнейшую перспективу</p>

Тип института	Организация, определяющая функционирование института на территории	Нормативные правовые документы, определяющие институт
Инфраструктурный	Министерство транспорта РФ, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, Министерство энергетики РФ	Национальный проект «Безопасные качественные дороги», Национальный проект «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры»; Государственная программа Российской Федерации «Развитие транспортной системы»; Ведомственная целевая программа Министерства транспорта Российской Федерации «Цифровая платформа транспортного комплекса Российской Федерации»; Государственная программа «Информационное общество»; Государственная программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий»; Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда»; Национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации»; Федеральный проект «Чистая энергетика»; Федеральный проект «Электроавтомобиль и водородный автомобиль»; Федеральный проект «Реализация программ местного развития и обеспечения занятости для шахтерских городов и поселков (реструктуризация угольной промышленности)»; Федеральный проект «Гарантированное обеспечение доступной электроэнергией»; Федеральный проект «Гарантированное обеспечение транспорта нефти, нефтепродуктов, газа и газового конденсата»; Ведомственный проект «Цифровая энергетика»

Примечание – Составлено автором.

Таким образом, пространственное развитие региона зависит от того, какие элементы характеризуют каждый из пяти институтов пространственного развития – демографический, инвестиционный, производственный, инфраструктурный и градостроительный. Формальные составляющие данных институтов формируются на нескольких уровнях: федеральном, региональном и местном.

При этом местный уровень образуется не только муниципальными органами власти, но и деятельностью предпринимателей данной территории. Например, реализация коммерческих проектов в инфраструктуре (крупный бизнес) или сельском хозяйстве (малый или средний бизнес) будет способствовать размещению новых производительных сил в регионе, что повлечет изменения в пространственной организации территории.

Три института пространственного развития – демографический, инвестиционный и производственный – характеризуются наличием неформальных составляющих. Неформальные составляющие определяются культурными нормами (национальной или организационной культурой) и исторически сложившимся опытом ведения домашнего хозяйства или осуществления хозяйственной деятельности (традиции и обычай населения и бизнеса).

Элементы всех пяти институтов пространственного развития в определенной степени влияют друг на друга и находятся во взаимодействии. Взаимозависимость и взаимное влияние институтов может вызывать инерционные эффекты пространственного развития территории, обусловленные действием одного института и вовлекшие в данный процесс другие. Например, изменения в градостроительной политике способны повлиять на демографические процессы, инвестиционный интерес и, как следствие, на реализацию коммерческих проектов в производстве.

Выводы по третьей главе:

1. На основе исследования формальных институтов пространственного развития различных государств и их объединений были выделены пять уровней пространственного планирования – основные (макро-, мезо-, микро-) и обеспечивающие (глобальный, международный). Предложенная методика анализа уровней пространственного планирования включает систему основных и дополнительных критериев оценки институциональной обеспеченности и позволяет применять компаративистский подход для анализа уровней

пространственного планирования как по вертикали (макро-, мезо-, микроуровень), так и по горизонтали (между регионами или муниципальными образованиями).

2. Рассмотрение институциональных составляющих позволило выделить пять типов институтов пространственного развития: демографический, инвестиционный, градостроительный, производственный и инфраструктурный. Была определены формальные и неформальные элементы выделенных институтов, их взаимосвязь и влияние на пространственное развитие региона.

ГЛАВА 4. РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ ВОЛЖСКОГО МАКРОРЕГИОНА

4.1. Методика оценки влияния действующих институтов на пространственное развитие регионов¹

Традиционно в отношении территорий различного уровня (национального, регионального, муниципального) применяется социально-экономический анализ, содержащий оценку тенденций в изменении различных показателей, характеризующих социальные и экономические процессы. Результаты подобного анализа составляют основу формирования стратегий развития территорий и находят отражение в программных документах, в которых не всегда полностью учитывается состояние всех сфер деятельности на территории.

Региональная экономика и экономика пространственного развития как научные направления имеют продолжительный период своего существования. Современные глобальные и национальные процессы нуждаются в разработке новых инструментов исследования². Анализ работ российских и зарубежных

¹ При работе над данным разделом диссертации использованы следующие публикации автора, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Проскурнова К.Ю. Инструменты оценки пространственного развития регионов // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2024. Т. 21, № 1. С. 121-138; Leontieva L.S., Proskurnova K.Yu. Assessment of Spatial Development of the Volga Regions // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 99. Пр. 106-114.

² Меньщикова В.И. Управление устойчивым развитием региона с учетом типологизации локальных пространственных образований // Глобальные проблемы модернизации национальной экономики: Материалы IX Международной научно-практической конференции, Тамбов, 13 апреля 2020 года / отв. ред. А.А. Бурмистрова и др. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2020. С. 94-97; Резепин А.В. Оценка связанности и развития пространственных экономических систем // Стратегирование регионального развития в новых экономических реалиях: Материалы Всероссийского экономического онлайн-форума с международным участием, приуроченного к празднованию 55-летия Липецкого филиала Финуниверситета, Липецк, 16–17 декабря 2020 года / под общ. ред. О.Ю. Смысловой. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 186-191.

авторов позволяет прийти к выводу, что в настоящее время большинство методик оценки пространственного развития региона носят статичный характер и анализируют пространственные характеристики как результаты предыдущих периодов. В рамках данного исследования пространственное развитие региона рассматривается как процесс. Для выявления разницы между существующими и предлагаемым методиками оценки рассмотрим существующие статичные подходы.

В отечественной науке А.Г. Гранбергом была сформулирована идея трех групп параметров оценки качества экономического пространства территории: плотность, размещение, связанность. Данные параметры вошли в основу других принципов анализа экономического пространства регионов, оценки пространственной структуры, пространственной организации и пространственного развития. Авторы, использующие и развивающие предложенный подход, вкладывают в каждую из трех предложенных групп свои особые показатели и вводят коэффициенты. Так, для оценки экономического пространства региона А.А. Мирохина предлагает индикаторы пространственного развития: централизация, сужение, разорванность (фрагментация) и открытость (контактность)¹. Данные индикаторы рассчитываются на основе:

- показателей инфраструктуры;
- результатов деятельности хозяйствующих субъектов;
- объемов реализуемых товаров и услуг;
- численного состава населенных пунктов и др.

При этом автор оценивает и классифицирует регионы исходя из их пространственной организации (максимально пространственно организованный, высоко пространственно организованный, пространственно устойчивый, пространственно не устойчивый, пространственно неорганизованный). В основе характеристики типологических групп лежат рентабельность производства, удаленность рынков сбыта от производства, развитость транспортной

---

¹ Мирохина А.А. Мониторинг аномалий в развитии экономического пространства: предпосылки, концепция, инструментарий // Kant. 2018. № 4 (29). С. 324-329.

инфраструктуры и уровень социально-экономического развития¹. На наш взгляд, данный подход не связан с оценкой пространственного развития, а позволяет анализировать уровень пространственной организации территории в конкретный момент времени, при этом не отражается динамика изменения состояния – например, нельзя определить, регион типа «пространственно устойчивый» перешел от категории «пространственно не устойчивый» (положительная динамика) или от «высоко пространственно организованный» (отрицательная динамика).

В подходе, предложенном А.В. Суворовой, анализ пространственного развития территории (региона, муниципального образования) основывается на оценке четырех групп показателей, характеризующих размещение объектов в экономическом пространстве территории: насыщенность пространства (плотность населения, объем произведенной продукции на единицу площади и т.д.), степень равномерности распределения объектов в пространстве (коэффициент Джини для определения степени дифференциации развития отдельных элементов пространства), поляризованность пространства (коэффициент и индекс агломеративности, коэффициент развитости населения агломерации, темпы развития агломерации) и связанность отдельных составляющих пространства (коэффициенты пространственной автокорреляции – насколько сходные значения по рассматриваемому показателю у близко расположенных объектов)². Стоит заметить, что оба представленных подхода позволяют проанализировать пространственную организацию (пространственную структуру) территории, а не пространственное развитие. Выбранные показатели не позволяют оценить, какие тенденции происходят в пространстве региона (муниципального образования, страны).

---

¹ Мирохина А.А. Организационно-экономические инструменты пространственно-равномерного регионального развития: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Мирохина Алла Александровна. Кисловодск, 2012. 26 с.

² Суворова А.В. Особенности оценки пространственных факторов развития экономики региона // Российские регионы в фокусе перемен: Сборник докладов XIV Международной конференции, Екатеринбург, 14–16 ноября 2019 года. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2020. С. 608-610.

Коллектив авторов (Я.Ю. Бондарева, М.Ю. Михайличенко, Н.С. Борзенкова, Н.Ю. Выродов), исследуя сбалансированное пространственное развитие, предлагают оценивать пространственную поляризацию, т.е. уровень пространственного развития региона, как показатель наличия или отсутствия баланса в развитии территорий¹.

Группа исследователей (А.Г. Шеломенцев, А.В. Уханова, Е.В. Смирнникова и Л.В. Воронина) сформировала систему индикаторов для анализа пространственного развития регионов, дополнив стандартные социально-экономические показатели еще тремя группами – экономическая освоенность (ВРП в расчете на 1 км² территории), транспортная освоенность (плотность железнодорожных путей общего пользования, плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием) и заселенность территории (плотность населения)². Предложенный подход предполагает оценку с учетом концепции устойчивого развития на основе ESG-показателей. Однако, как и в предыдущих подходах, авторы оценивают пространственное развитие региона в конкретный момент времени, не учитывая состояние пространства территории в предыдущий период и наличие изменений.

Предложенная Ю.А. Даниловым методика осуществления прогнозирования и планирования пространственного развития, на первый взгляд, не имеет ничего общего с оценкой пространственного развития территории³. Но из пяти блоков представленных показателей только один относится к пространственному развитию (сравнительный анализ территорий – показатели территориальной дифференциации (производительности труда, уровня бедности, уровня доходов,

¹ Бондарева Я.Ю., Михайличенко М.Ю., Борзенкова Н.С., Выродов Н.Ю. Методические подходы к оценке сбалансированного пространственного развития регионов // Региональная экономика: теория и практика. 2024. Т. 22, № 7 (526). С. 1225-1249.

² Шеломенцев А.Г., Уханова А.В., Смирнникова Е.В., Воронина Л.В. Оценка пространственного развития регионов Арктической зоны Российской Федерации // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2018. № 4 (56). С. 13. URL: <https://eee-region.ru/article/5613/> (дата обращения: 15.07.2023).

³ Danilov Yu. Spatial Development Indicators, Used in the Framework of the «New Economic Geography» and How They Can Be Used in the Strategic Planning of Spatial Development of the Russian Federation // Moscow State University, Faculty of Economics Working Papers. 2016. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=30411&p=attachment> (дата обращения: 19.06.2023).

культурных элементов и т.п.), индексы региональной депрессивности, доля благополучных («передовых») регионов).

Сложность и многоаспектность пространственного развития территории определили разнонаправленные векторы анализа пространственного развития, предложенные российскими и зарубежными авторами. По предложению Н.Т. Аврамчиковой, в оценку необходимо включать качество экономического пространства ресурсно ориентированного региона¹. Ее метод содержит три группы показателей: агломерирование и плотность размещения ресурсов (показатели природно-ресурсного потенциала, урбанизации и экономической плотности населения, экономической плотности предприятий, плотности путей сообщения, плотности объема ВРП, бюджетного потенциала), магистрализация, связность и размещение (показатели развития транспортной инфраструктуры, развития информационной инфраструктуры, равномерности размещения (вариации) населения на территории региона, равномерности размещения (вариации) предприятий и отраслей на территории региона) и технологическое состояние отраслей экономики (показатели наличия отраслей высоких технологических укладов, трансформации технологического состояния экономики, научно-инновационного и инвестиционного потенциала, показатели инновационного трансфера и распространения инноваций, показатели стратегических и законотворческих инициатив)². На наш взгляд, данные показатели применимы к оценке пространства не только ресурсно ориентированных регионов, но и для оценки любых территорий ввиду отсутствия узкой привязки показателей и экономического пространства к природным ресурсам (их наличию или отсутствию) и учета наличия в регионе ресурсов различных типов.

---

¹ Аврамчикова Н.Т. Теоретические аспекты оценки качества экономического пространства // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 35. С. 2-13; Аврамчикова Н.Т., Рожнов И.П., Монгуш С.П., Захарова Л.Н. Концептуальная основа пространственного социально-экономического развития взаимодействующих регионов (на примере регионов Сибирского федерального округа) // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 1, № 2. С. 55-67.

² Аврамчикова Н.Т., Чувашова М.Н. Инструменты оценки качества экономического пространства ресурсно ориентированного региона // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 28 (403). С. 29-39.

Оценке инвестиционной составляющей эффективности пространственного развития посвящено исследование М.М. Чернышова: выделено четыре пространственных уровня и сгруппированы инвестиции в различные объекты (показатели) в зависимости от типа пространства – географическое, экономическое, социальное, информационное, инновационно-технологическое¹. На наш взгляд, представленная автором интегральная оценка развития территории отражает вклад инвестиций в социально-экономическое развитие, но не позволяет проанализировать пространственное развитие регионов.

Зарубежные исследователи в своих работах оценивают не пространственное развитие территорий, а влияние различных факторов на пространственное планирование или пространственную структуру². Более того, в основном работы направлены на исследование пространственной системы метрополий (агломераций) или сельских территорий, но не регионов или государств в целом. Так, в своей работе H. Dadashpoor и N. Malekzadeh анализируют, какие движущие факторы формируют пространственную структуру метрополий – ограничения роста внутреннего ядра, недостатки, культурная эволюция и развитие, землепользование, система местного и регионального планирования, политика доступного жилья, планировщики и ответственные за принятие решений, административная фрагментация и интеграция, государственное регулирование, давление групп интересов, близость к природным ресурсам, экономия и дезэкономия на агломерации, близость к транспортным объектам, близость к главному городу (столице), административная реструктуризация³. Но, как и у многих, в данной работе приводится только степень зависимости пространственной структуры от действий того или иного фактора, но не оцениваются изменения в пространственной структуре (положительные или

¹ Чернышов М.М. Интегральная оценка инвестиционной составляющей эффективности пространственного развития макрорегионов Российской Федерации // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 10 (132). С. 101-114.

² Faxon H.O., Goldstein J.E., Fisher M.R., Hunt G. Territorializing spatial data: Controlling land through One Map projects in Indonesia and Myanmar // Political Geography. 2022. Vol. 98 (102651). Pp.1-11.

³ Dadashpoor H., Malekzadeh N. Driving factors of formation, development, and change of spatial structure in metropolitan areas: A systematic review // Journal of Urban Management. 2020. Vol. 9, No. 3. Pp. 286-297.

отрицательные) под влиянием движущих факторов как в совокупности, так и по отдельности.

В своем исследовании S. Tasnim, F. Mahbub, G. Biswas и D.M.E. Haque анализируют изменения в окружающей среде городских территорий на основе использования нескольких пространственных индексов – ISA (площадь водонепроницаемой поверхности), VF (доля растительности), BAR (коэффициент площади биотопа) и NAUCI (нормализованный сводный индекс городской территории)¹. Последний индекс рассчитывается на основе показателей наличия на территории растительности, водных объектов и застройки. Использованная авторами методика позволяет оценить только часть характеристик пространства определенной территории (в данном исследовании анализировались четыре крупных города Бангладеш). На ее основе возможно проследить изменения в динамике, но нельзя выявить характеристики изменений в пространстве и, соответственно, сделать вывод о тенденциях пространственного поступательного развития или пространственной деградации.

В рассмотренных выше работах авторами исследуются или отдельные характеристики (составляющие) пространства региона (территории), или пространственная структура в определенный момент времени. Представленные подходы к оценке допускают учет изменений состояния пространства или пространственной структуры в прошлом, но не отражают те тенденции, которые происходят в пространстве (пространственной структуре) – развитие, стагнация или деградация. Вышеуказанными авторами на основе предложенных методик проводится сравнительный анализ пространственного развития регионов. Это, на наш взгляд, не позволяет оценивать процессы пространственного развития, так как констатирует степень развитости пространства региона. Данная условность возникает вследствие разных природно-климатических условий, разнообразия ресурсной базы, степени освоенности территорий и т.д. По этим основаниям оценку процессов изменения пространства

---

¹ Tasnim S., Mahbub F., Biswas G., Haque D.M.E. Spatial indices and SDG indicator-based urban environmental change detection of the major cities in Bangladesh // Journal of Urban Management. 2022. Vol. 11, No. 4. P. 519-529.

региона и проведение сравнительного анализа целесообразнее осуществлять по тем трендам, по которым происходит изменение пространства (как экономического, так и географического). При оценке уровня пространственного развития территории автор предлагает использовать показатели не в статике, а в динамике, что дополняет и развивает разрозненные показатели, представленные в методиках других отечественных исследователей.

Анализ подходов авторов к оценке пространства территории (пространственной структуры, пространственной организации, пространственного развития и т.д.) показал, что исследователи к группировке используемых показателей применяют систему, предложенную А.Г. Гранбергом – плотность, размещение и связанность. Мы также будем использовать данный подход к группировке показателей, но выделим две группы: интенсивности и связанности.

К группе показателей интенсивности использования пространства отнесены плотность населения, доля городского населения; плотность железнодорожных путей и автомобильных дорог с твердым покрытием; а во вторую группу включены численность населения, площадь территории, численность занятых, протяженность внутренних водных путей, индекс физического объема инвестиций в основной капитал, инвестиции в основной капитал на душу населения, средний темп роста индекса физического объема ВРП (интервал – 5 лет), средний темп роста индекса физического объема ВРП на душу населения (интервал – 5 лет), перевозки грузов автомобильным транспортом организаций всех видов деятельности и отправление грузов железнодорожным транспортом общего пользования (таблица 4.1).

Как было указано выше, в данном исследовании проводится анализ пространственного развития регионов (городов, муниципальных образований, макрорегионов, стран и т.п.) как процесса, поэтому выбранные показатели рассматриваются в динамике. Учитывая, что пространственные деформации имеют, как правило, долгосрочный период¹, поэтому и периоды их преодоления

---

¹ Шаталова О.М., Касаткина Е.В. Социально-экономическое неравенство регионов РФ: вопросы измерения и долгосрочная ретроспективная оценка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 4. С. 74-87; Урунов А.А., Морозова И.М. Методология оценки качества экономического пространства региона // Регионология. 2024. Т. 32, № 1 (126). С. 48-70.

Таблица 4.1 – Группы показателей оценки пространственного развития территории

<i>Группы показателей оценки пространственного развития территории</i>	
<i>Показатели интенсивности использования пространства</i>	<i>Показатели связанности элементов пространства</i>
плотность населения	численность населения
доля городского населения	площадь территории
плотность железнодорожных путей	численность занятых
плотность автомобильных дорог с твердым покрытием	протяженность внутренних водных путей индекс физического объема инвестиций в основной капитал инвестиции в основной капитал на душу населения средний темп роста индекса физического объема ВРП (интервал – 5 лет) средний темп роста индекса физического объема ВРП на душу населения (интервал – 5 лет) перевозки грузов автомобильным транспортом организаций всех видов деятельности отправление грузов железнодорожным транспортом общего пользования
Примечание – Разработано автором на основе: Мирохина А.А. Мониторинг аномалий в развитии экономического пространства: предпосылки, концепция, инструментарий // Kant. 2018. № 4 (29). С. 324-329; Суворова А.В. Особенности оценки пространственных факторов развития экономики региона // Российские регионы в фокусе перемен: Сборник докладов XIV Международной конференции, Екатеринбург, 14–16 ноября 2019 года. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2020. С. 608-610; Шеломенцев А.Г., Уханова А.В., Смиреникова Е.В., Воронина Л.В. Оценка пространственного развития регионов Арктической зоны Российской Федерации // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2018. № 4 (56). С. 13. URL: https://eee-region.ru/article/5613/ (дата обращения: 15.07.2023); Danilov Yu. Spatial Development Indicators, Used in the Framework of the «New Economic Geography» and How They Can Be Used in the Strategic Planning of Spatial Development of the Russian Federation // Moscow State University, Faculty of Economics Working Papers. 2016. URL: https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=30411&p=attachment (дата обращения: 19.06.2023); Аврамчикова Н.Т., Чувашова М.Н. Инструменты оценки качества экономического пространства ресурсно ориентированного региона // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 28 (403). С. 29-39; Чернышов М.М. Интегральная оценка инвестиционной составляющей эффективности пространственного развития макрорегионов Российской Федерации // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 10 (132). С. 101-114. См.: Проскурнова К.Ю. Инструменты оценки пространственного развития регионов // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2024. Т. 21, № 1. С. 121-138; Leontieva L.S., Proskurnova K.Yu. Assessment of Spatial Development of the Volga Regions // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 99. Рп. 106-114.	

тоже требуют долгосрочных стратегических изменений. Именно поэтому в представленном исследовании используется подход анализа изменений указанного набора показателей в периодах 15 и 30 лет.

Для исключения влияния инфляционного фактора из оценки пространственного развития на изменение валового регионального продукта, отражающего экономические процессы на территории, использованы значения темпов роста индекса физического объема как в целом, так и на душу населения. Аналогичного показателя для инвестиций в основной капитал в статистической базе данных нет, поэтому расчеты будут произведены в двух вариантах – с данными показателями (инвестиции в основной капитал и инвестиции в основной капитал на душу населения) и без них. В случае показателей, связанных с перевозкой грузов, использованы только два, имеющих отношение к наиболее распространенным видам транспорта (транспортировки грузов), – автомобильный и железнодорожный транспорт. На транспортировку грузов внутренними водными путями в Российской Федерации приходится менее 1% от всего объема грузооборота¹, поэтому данный показатель не учитывается. Нераспространенность перевозки грузов воздушными линиями в России и сосредоточенность авиационного вида транспорта только в наиболее крупных субъектах Российской Федерации (по численности населения, объему экономической и производственной деятельности, удаленности от основных железнодорожных путей и автомобильных магистралей) также не позволяет включить данный показатель в расчет. В систему показателей не включен объем перекачки ресурсов по трубопроводному транспорту по причине того, что сеть нефте- и газопроводов не только размещена в регионах, в которых ведется добыча, но и проходит по территориям, расположенным между местом добычи и потребителями.

Более того, ограниченность статистических данных по регионам и муниципальным образованиям обуславливает необходимость формирования модели оценки, применимой к территориям разного уровня – муниципального, регионального, национального – с использованием группы показателей, позволяющих сравнивать результаты анализа как на одном уровне (по горизонтали), так и между уровнями (по вертикали).

---

¹ Обзор отрасли грузоперевозок в России, 2020 год / О. Архангельская, П. Галова, С. Трофимов, В. Махачев. М.: ООО «Эрнст энд Янг – оценка и консультационные услуги», 2021. 51 с.

В основе анализа пространственного развития лежит оценка цепных темпов роста выбранных показателей, при этом в рамках выбранных ретроспективных периодов в 15 и 30 лет шаг оценки темпов роста показателей определен в 5 лет (4.1):

$$Tr_{\text{ц}} = \frac{y_i}{y_{i-1}}, \quad (4.1)$$

где $Tr_{\text{ц}}$ – темп роста показателя;

y_i – значение показателя в период i ;

y_{i-1} – значение показателя в период, предшествующий i .

Оценка пространственного развития территории производится исходя из средних темпов роста каждого выбранного показателя (4.2):

$$\overline{Tr_p} = \sqrt[n-1]{\prod Tr_{\text{ц}i}}, \quad (4.2)$$

где $\overline{Tr_p}$ – средний темп роста показателя пространственного развития;

$Tr_{\text{ц}i}$ – значение темпа роста показателя пространственного развития в период i .

Совокупный средний темп роста всех показателей пространственного развития, лежащий в основе анализа пространственного развития, рассчитывается по формуле (4.3):

$$\overline{Tr_{\text{пр}}} = \sqrt[n-1]{\prod \overline{Tr_i}}, \quad (4.3)$$

где $\overline{Tr_{\text{пр}}}$ – средний темп роста всех показателей пространственного развития;

$\overline{Tr_i}$ – значение среднего темпа роста i показателя пространственного развития.

Использование показателей цепных темпов роста и среднего темпа роста (4.1–4.3) допускает изменение интервала расчета и количества используемых показателей. Так, $Tr_{\text{ц}}$ может рассчитываться для периода 1, 3, 5, 10 и более лет. Так же и показатель $\overline{Tr_p}$ может анализироваться в период различной продолжительности – 15, 30, 50 и более лет. Все показатели, объединенные в $\overline{Tr_{\text{пр}}}$, должны относиться к одному периоду и использоваться с одним интервалом. Выбор длины шага зависит от продолжительности ретроспективного периода, для которого проводится исследование.

Результаты проведенного анализа, отражающие изменения в пространственном развитии территории, могут быть использованы всеми

заинтересованными сторонами: органами государственного и муниципального управления, хозяйствующими субъектами, общественными организациями и ассоциациями, населением. Первая группа может использовать результаты анализа, учитывая и обращая внимание как на все показатели в совокупности, так и уделяя внимание наиболее проблемным. В случае ухудшения показателей группы интенсивности в политику региональных или муниципальных властей должны вноситься корректировки, направленные на улучшение данных показателей. Показатель плотности населения непосредственно связан с численностью населения территории и входит в демографическую политику региона (муниципального образования), которая предполагает стимулирование рождаемости (как в рамках государственной политики, так и принятие собственных мер), увеличение привлекательности данной территории для молодежи и людей трудоспособного возраста, рост иммиграции граждан трудоспособного возраста с требуемой квалификацией. Численность и плотность населения как показатели непосредственно связаны с существующей и планируемой социальной инфраструктурой и жилищной застройкой. Изменение значения такого показателя как плотность железнодорожных путей зависит не только от политики региональных властей, но и от стратегии развития железнодорожной компании, отвечающей за обслуживание и функционирование железной дороги. Например, в России это ОАО «РЖД» и его дочерние компании. В отношении показателя плотности автомобильных дорог (с твердым покрытием) региональные органы управления действуют в рамках региональных государственных программ по развитию транспортной сети или в рамках национальных программ (например, национальный проект «Безопасные качественные дороги» и входящие в него федеральные проекты). Во второй группе показателей объем перевозки грузов автомобильным транспортом и отправления грузов железнодорожным транспортом связан не только с показателями плотности железнодорожных путей и автомобильных дорог из первой группы, но и характеризуется наличием и пропускной способностью узловых точек на магистралях данного вида транспорта – логистические центры, вокзалы и т.п.

В случае железнодорожных узловых точек пространственное развитие предполагает взаимодействие региональных властей, железнодорожной компании и операторов других видов транспорта в части развития транспортной системы территории, в том числе расширения пропускной возможности транспортных узлов по всем видам транспорта. Во втором случае – логистических центров автомобильного грузового транспорта и т.п. – дальнейшему пространственному развитию будет способствовать не только развитие автомобильной сети дорог, но и интеграция различных транспортных систем в единую сеть, способствующую снижению издержек транспортировки грузов, перевозимых различными видами транспорта, требующей смены транспорта в зависимости от целей и направлений перевозки. Протяженность внутренних водных путей находится в ведении органов исполнительной власти, к которым в Российской Федерации относятся Минтранс России и Росморречфлот. Развитие внутренних водных путей и увеличение объема грузо- и пассажиропотока предусмотрено национальным проектом «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры». Пять показателей из второй группы (численность занятых, объем инвестиций в основной капитал в целом и на душу населения, средние темпы роста ВРП и ВРП на душу населения) зависят от мероприятий, связанных с экономической деятельностью, осуществляющейся на территории, и предполагают реализацию не только федеральных программ, но и региональных и муниципальных.

Вторая группа пользователей – хозяйствующие субъекты, организации и ассоциации – в отношении показателей группы интенсивности действует в качестве заказчика или инициатора. Потребность в наращивании объемов транспортировки грузов (автомобильным и железнодорожным транспортом) будет формировать запрос к органам государственного управления в обеспечении строительства или расширения существующих автомобильных и железнодорожных магистралей. В зависимости от специализации деятельности показатель плотности населения для хозяйствующих субъектов может играть разную роль – потенциал высокого спроса на предоставляемые товары и услуги, достаточного количества трудовых ресурсов требуемой квалификации и т.д.,

что непосредственно связано с показателем второй группы, на который могут повлиять действия фирм – численность занятых. Показатели второй группы (кроме численности населения, площади территории, протяженности внутренних водных путей) в полной мере зависят от стратегий и планов, выбираемых хозяйствующими субъектами региона, при этом на данные стратегии и планы влияют как социально-экономическая и инвестиционная политика, проводимая региональными и федеральными властями, так и ситуация, складывающаяся на рынках (спрос на производимые продукцию и услуги, затраты на приобретаемые ресурсы и т.д.)¹ и во внешних регионах (например, появление более привлекательных для размещения территорий, таких как территории опережающего социально-экономического развития, особые экономические зоны).

Если говорить о третьей группе потенциальных потребителей данной информации, то для населения важными являются косвенные значения рассмотренных показателей – повышение плотности населения предполагает строительство объектов социальной инфраструктуры, плотность железнодорожных и автомобильных магистралей отражает доступность различных точек в пространстве региона, тенденция к увеличению занятости, росту инвестиций и ВРП повышает привлекательность данной территории, т.к. демонстрирует рост благосостояния жителей региона.

Предлагаемый подход к оценке уровня пространственного развития территории (государства, макрорегиона, региона, муниципального образования) ориентирован на выявление тенденций изменения процессов, происходящих в пространстве выбранной территории и характеризующих ее пространство. Представленный в исследовании подход предполагает анализ показателей в средне- и долгосрочной ретроспективе для оценки тех управленческих решений, которые принимались органами власти, и определения направлений дальнейшего

---

¹ Проскурнова К.Ю., Кириллова А.И. Внешние эффекты антироссийских санкций // Коммуникация - Общество - Человек: Сборник научных трудов I Национальной научно-практической конференции научно-педагогических и практических работников с международным участием / под ред. Т.Б. Колышкиной, И.В. Шустиной. Ярославль: ПКФ «СОЮЗ-ПРЕСС», 2022. С. 195-201.

развития пространства региона. Интегральный показатель может быть разложен для выявления факторов, оказывающих наибольшее влияние на пространственное развитие территории.

Предложенный показатель основан на статистических данных, которые собираются и публикуются в отношении территорий различного уровня – муниципальных образований, регионов, государства, поэтому показатель может быть использован для исследования пространственного развития как территории местного уровня, так и федерального. При этом в связи с унификацией использованных данных возможно проведение сравнительного анализа пространственного развития как территорий одного уровня, так и разных, например, сравнение интенсивности пространственного развития региона и государства. Преимуществом предложенного метода является невключение данных природных ресурсов, расположенных на территории, а учет их использования и отражение в ВРП региона (ВВП на уровне государства). Данный метод позволяет оценить, каким образом пространство используется, а не его потенциал.

В качестве объектов исследования диспропорций пространственного развития были выбраны субъекты Российской Федерации, расположенные на реке Волга – Тверская, Ярославская, Костромская, Ивановская, Нижегородская, Ульяновская, Самарская, Саратовская, Волгоградская, Астраханская области и Республики Марий Эл, Татарстан, Чувашская. В данной выборке регионов, по территории которых протекает р. Волга, отсутствуют Московская область и Республика Калмыкия по причине небольшого отрезка реки (около 9 и 12 км соответственно), расположенного в этих регионах, что позволяет в указанных двух субъектах Российской Федерации не относить Волгу к важному элементу пространственной структуры, оказывающему значительное влияние на развитие территории. Расположение 13 выбранных регионов на р. Волге характеризует наличие основной водной транспортной артерии (в том числе судоходной части), которая исторически использовалась не только для торговли и сельскохозяйственной деятельности, но и в XX веке стала важным ресурсом

по обеспечению электроэнергией как хозяйствующих субъектов, так и домохозяйств в Европейской части страны (реализация плана ГОЭЛРО), а в дальнейшем и туристско-рекреационным объектом. Волга является важной составляющей пространственного развития и связующим элементом выбранных регионов.

В таблице 4.2 представлены средние темпы роста 14 показателей 13 регионов, входящих в состав Волжского макрорегиона, по двум периодам – 15 и 30 лет. Выбранный шаг в 5 лет обусловлен тем, что анализ показателей в данный интервал позволяет сгладить кратковременные флюктуации и воздействие временных внешних факторов и выявить тенденции, характерные для длительного периода. Началом периода выбран 1990 год, так как он предшествует этапу значительных политических и экономических изменений в России.

Данные статистических показателей седьмого пятилетнего интервала в момент проведения исследования (2021-2025 гг.) представлены не в полном объеме, поэтому завершающим годом выбран 2020 г.

Анализ пространственного развития выбранных 13 Волжских регионов не предполагает оценку реализации федерального проекта «Оздоровление Волги», входящего в национальный проект «Экология», так как мероприятия данного проекта, в первую очередь, ориентированы на улучшение экологического состояния реки Волга за счет сокращения объема загрязненных сточных вод и на восстановление водных объектов Нижней Волги (экологический аспект). Помимо выбранных 13 регионов данный проект также реализуется в Вологодской, Московской областях и г. Москве, на территории которых расположены предприятия, деятельность которых приводит к загрязнению вод, попадающих по системе каналов и водохранилищ в русло р. Волга.

В связи с высокими темпами инфляции в 1990-е годы в России расчет среднего темпа роста показателей пространственного развития регионов проводился в двух вариантах. Во втором случае были исключены показатели индекса физического объема инвестиций в основной капитал и инвестиций

Таблица 4.2 – Данные расчета средних темпов роста показателей в 1990-2020 гг. и 2005-2020 гг. 13 Волжских регионов

Субъект РФ	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	$\overline{T_p}_{\text{пр}},$ 14 инд.	$\overline{T_p}_{\text{пр}},$ 12 инд.
1990-2020 гг.																
Тверская область	0,9457	1,0133	1,0000	0,9457	0,9446	1,0028	1,1828	0,9891	0,9544	2,5811	1,0343	1,0481	0,7190	0,6607	1,0188	0,9418
Ярославская область	0,9683	1,0000	1,0000	0,9684	0,9548	0,9882	1,2109	1,0050	0,9574	2,6081	1,0545	1,0515	0,6968	0,8562	1,0453	0,9696
Костромская область	0,9532	1,0111	1,0000	0,9532	0,9342	1,0000	1,1735	0,9808	0,9422	2,5373	1,0288	1,0370	0,6091	0,8472	1,0204	0,9461
Ивановская область	0,9490	0,9986	0,9825	0,9659	0,9372	1,0313	1,1703	0,9171	0,9718	2,9369	1,0154	1,0219	0,5592	0,7079	1,0069	0,9165
Нижегородская область	0,9674	1,0064	1,0053	0,9624	0,9692	0,9820	1,2392	1,0051	0,9915	3,0510	1,0475	1,0494	0,6412	0,7886	1,0496	0,9575
Республика Марий Эл	0,9795	1,0172	1,0000	0,9795	0,9627	0,9412	1,1985	1,0119	0,9748	2,8285	1,0426	1,0737	0,6358	0,9671	1,0562	0,9728
Чувашская Республика	0,9815	1,0168	1,0000	0,9815	0,9734	0,9966	1,2452	1,0938	0,9660	2,5163	1,0242	1,0348	0,6112	0,6988	1,0276	0,9525
Республика Татарстан	1,0133	1,0095	1,0000	1,0132	1,0056	0,9909	1,2617	1,0161	0,9955	2,9604	1,0555	1,0549	0,7429	0,9595	1,0908	1,0045
Ульяновская область	0,9729	1,0111	1,0000	0,9729	0,9513	0,9917	1,1729	0,9346	0,9757	2,9172	1,0355	1,0544	0,6098	0,8012	1,0318	0,9436
Самарская область	0,9965	0,9976	1,0000	0,9965	0,9890	0,9977	1,2472	0,9890	0,9936	2,5128	1,0286	1,0172	0,6475	0,8902	1,0469	0,9714
Саратовская область	0,9787	1,0040	1,0000	0,9786	0,9506	0,9948	1,1528	0,9339	0,9855	2,9013	1,0639	1,0686	0,5510	0,8753	1,0335	0,9450
Волгоградская область	0,9899	1,0040	1,0000	0,9900	0,9695	1,0000	1,1979	0,9971	1,0140	2,6330	1,0274	1,0148	0,5689	0,8816	1,0364	0,9540
Астраханская область	1,0017	0,9961	1,0000	1,0017	0,9825	0,9924	1,1023	0,9886	1,0000	3,1483	1,0845	1,0896	0,5436	1,1809	1,0742	0,9805

Субъект РФ	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	$\bar{T}_{\text{пр}, 14}$	$\bar{T}_{\text{пр}, 12}$
2005-2020 гг.																
Тверская область	0,9346	1,0160	1,0000	0,9347	0,9720	1,0000	1,1302	1,3608	1,0210	2,1567	1,0409	1,0481	1,0661	0,8434	1,0844	1,0243
Ярославская область	0,9624	1,0048	1,0000	0,9624	0,9547	1,0019	1,1707	1,1819	1,0541	2,3101	1,0558	1,0515	0,8730	0,9351	1,0800	1,0100
Костромская область	0,9403	1,0300	1,0000	0,9404	0,9442	1,0030	1,1447	1,7708	1,0054	1,8918	1,0295	1,0370	0,6534	1,0143	1,0680	1,0195
Ивановская область	0,9416	0,9970	1,0000	0,9987	0,9710	1,0106	1,2831	1,3463	1,1008	2,9527	1,0229	1,0219	0,6363	0,8298	1,0839	0,9882
Нижегородская область	0,9593	1,0078	1,0000	0,9593	0,9886	1,0000	1,2122	1,0893	1,1050	3,0438	1,0516	1,0494	0,7524	1,1027	1,1065	1,0094
Республика Марий Эл	0,9703	1,0205	1,0000	0,9703	0,9773	0,9039	1,1741	1,1046	1,1241	2,8634	1,0633	1,0737	0,6831	1,4010	1,1097	1,0169
Чувашская Республика	0,9700	1,0174	1,0000	0,9700	0,9732	1,0195	1,2172	1,1733	1,0492	2,2660	1,0414	1,0348	0,6637	0,9565	1,0628	0,9932
Республика Татарстан	1,0099	1,0149	1,0000	1,0098	1,0423	1,0000	1,3513	1,0720	1,0733	2,3612	1,0674	1,0549	0,8839	1,1720	1,1249	1,0561
Ульяновская область	0,9516	1,0134	1,0000	0,9516	0,9662	0,9912	1,2683	1,0000	1,1148	2,8164	1,0439	1,0544	0,7233	1,0426	1,0855	0,9929
Самарская область	0,9885	0,9970	1,0000	0,9885	1,0145	0,9974	1,3472	1,1365	1,0820	2,3202	1,0312	1,0172	0,7946	1,0719	1,0983	1,0276
Саратовская область	0,9632	1,0107	1,0000	0,9632	0,9711	0,9956	1,1919	1,0000	1,0819	2,4048	1,0662	1,0686	0,6998	1,1733	1,0772	1,0010
Волгоградская область	0,9689	1,0109	1,0000	0,9690	0,9849	1,0023	1,2488	1,1530	1,1040	2,6276	1,0339	1,0148	0,7573	1,0370	1,0942	1,0097
Астраханская область	0,9978	0,9942	1,0000	0,9979	1,0141	0,9974	1,1142	1,0953	1,0539	2,0842	1,0785	1,0896	0,7193	1,2467	1,0833	1,0233

Примечания: для расчета взят средний 5-летний темп роста; 1 – численности населения; 2 – доли городского населения; 3 – площади территории; 4 – плотности населения; 5 – численности занятых; 6 – плотности железнодорожных путей; 7 – плотности автомобильных дорог; 8 – протяженности внутренних водных путей; 9 – индекса физического объема инвестиций в основной капитал; 10 – инвестиций в основной капитал на душу населения; 11 – среднего темпа роста индекса физического объема ВРП 5 лет; 12 – среднего темпа роста индекса физического объема ВРП на душу населения 5 лет; 13 – перевозок грузов автомобильным транспортом организаций всех видов деятельности; 14 – отправления грузов железнодорожным транспортом общего пользования. Составлено автором.

в основной капитал на душу населения. В связи с тем, что период расчета охватывает 30 лет (1990-2020 гг.), в течение которых наблюдались экономические кризисы, негативно сказавшиеся на пространственном развитии территорий и являвшиеся внешним фактором, не зависящим от принятия решений органами регионального управления, в анализ вводится допустимый предел отклонения в 1%, который характеризует отсутствие пространственных изменений в рассматриваемый период времени.

В таблице 4.3 представлены данные расчета среднего темпа роста выбранных показателей, характеризующих пространственное развитие регионов в 1990-2020 гг.

Таблица 4.3 – Средний темп роста всех показателей пространственного развития регионов в 1990-2020 гг.

Субъект РФ	$\overline{Tr_{pr}}$, по 14 показателям	$\overline{Tr_{pr}}$, по 12 показателям (без индекса физического объема инвестиций в основной капитал и инвестиций в основной капитал на душу населения)
Тверская область	1,0188	0,941812
Ярославская область	1,0453	0,969630
Костромская область	1,0204	0,946138
Ивановская область	1,0069	0,916493
Нижегородская область	1,0496	0,957547
Республика Марий Эл	1,0562	0,972781
Чувашская Республика	1,0276	0,952538
Республика Татарстан	1,0908	1,004520
Ульяновская область	1,0318	0,943576
Самарская область	1,0469	0,971433
Саратовская область	1,0335	0,945010
Волгоградская область	1,0364	0,954014
Астраханская область	1,0742	0,980536

Примечание – Рассчитано автором на основе таблицы 4.2.

Наибольшие темпы пространственного развития в данный период времени наблюдаются в Республике Татарстан, Астраханской области и Республике Марий Эл (средний темп роста 1,09, 1,07 и 1,05 соответственно), при этом Республика Татарстан демонстрирует положительное значение среднего темпа роста показателей пространственного развития даже без учета данных объема инвестиций (1,004). Худшее значение по показателям пространственного развития

у Ивановской области: 1,0069 – совокупный средний темп роста, и 0,91 – средний темп роста показателей без учета объема инвестиций.

Стоит отметить, что значительное снижение перевозок грузов автомобильным и железнодорожным транспортом является основным фактором, негативно сказавшимся на среднем темпе роста всех показателей и на пространственном развитии области.

Объемы перевозок автомобильным и железнодорожным транспортом в целом по всем рассмотренным регионам имеют отрицательную тенденцию в период 1990-2020 гг. Только показатель отправления грузов железнодорожным транспортом в Астраханской области в 2020 г. превысил значения базового 1990 г., по остальным регионам данный показатель и перевозка грузов автомобильным транспортом в 2020 г. – по объему значительно меньше значений 1990 г., несмотря на развитие логистической сети, восстановление промышленности и торговли.

Если анализировать данные среднесрочного периода 2005-2020 гг. (таблица 4.4), то в лидерах роста показателей пространственного развития остаются Республика Татарстан (1,124), Республика Майй Эл (1,109), и к ним присоединяется Нижегородская область (1,106). Наименьшие темпы роста всей совокупности 14 показателей – у Чувашской Республики (1,062), Костромской области (1,068) и Саратовской области (1,077). При этом стоит отметить, что исключение из расчетов среднего темпа роста значений объема инвестиций меняет лидеров и отстающих в пространственном развитии своих территорий. Республика Татарстан продолжает сохранять лидерство и по среднему темпу роста 12 показателей (1,056), следом идут Самарская (1,027), Тверская (1,024) и Астраханская области (1,023). Отсутствие роста наблюдается в Ивановской области (0,988), Чувашской Республике (0,993) и Ульяновской области (0,992). Негативное влияние на средний темп роста по всей группе показателей оказали изменение численности населения (сокращение численности), снижение плотности населения, уменьшение числа занятых и объема перевозок автомобильным транспортом.

Таблица 4.4 – Средний темп роста всех показателей пространственного развития регионов в 2005-2020 гг.

Субъект РФ	$\overline{T_p}_{pp}$, по 14 показателям	$\overline{T_p}_{pp}$, по 12 показателям (без индекса физического объема инвестиций в основной капитал и инвестиций в основной капитал на душу населения)
Тверская область	1,0844	1,024273
Ярославская область	1,0800	1,010043
Костромская область	1,0680	1,019542
Ивановская область	1,0839	0,988166
Нижегородская область	1,1065	1,009394
Республика Марий Эл	1,1097	1,016935
Чувашская Республика	1,0628	0,993230
Республика Татарстан	1,1249	1,056089
Ульяновская область	1,0855	0,992949
Самарская область	1,0983	1,027556
Саратовская область	1,0772	1,000975
Волгоградская область	1,0942	1,009663
Астраханская область	1,0833	1,023246
Примечание – Рассчитано автором на основе таблицы 4.2.		

Таким образом, региональные органы управления при проведении политики пространственного развития территорий могут использовать данный подход для выявления факторов, негативно влияющих на пространственное развитие, сдерживающих его и не дающих более полно использовать пространство региона. Тенденция сокращения численности населения наблюдается и на национальном уровне, и на уровне представленных регионов. Именно поэтому при реализации государственной политики, направленной на повышение рождаемости, необходимо ее дифференцировать по территориям регионов со значительным сокращением населения. При дифференциированном подходе предлагается использование дополнительных мер, предполагающих создание привлекательных условий для проживания для трудоспособной группы населения, которая будет способствовать не только повышению уровня занятости населения, но и увеличению рождаемости (привлечение в регионы женщин fertильного возраста). Другим фактором, негативно влияющим на оценку уровня пространственного развития регионов, является состояние системы перевозок грузов автомобильным и железнодорожным транспортом. Выявленная тенденция

характеризует ее негативное воздействие на развитие производства и торговли и на межрегиональные обмены. В таком случае увеличению грузопотока будет способствовать создание логистических центров и транспортных узлов, например, перенаправление потоков грузов с одного вида транспорта на другой.

4.2. Выявление институциональных ловушек пространственного развития регионов¹

Формирование и изменение норм институтов, определяющих региональное развитие, предполагает как положительные, так и отрицательные тенденции. Систематизация формальных институтов позволяет установить степень эффективности для различных акторов, действия которых связаны с их использованием. Особым феноменом сохранения неэффективных формальных норм становятся так называемые институциональные ловушки. Данный термин был предложен В.М. Полтеровичем, который определял их как «неэффективные устойчивые институты, или нормы поведения»². Подобная трактовка позволяет рассматривать существование феномена институциональных ловушек в рамках как формальных, так и неформальных институтов, что связывает институциональные ловушки с формированием институциональной структуры и макроэкономическим управлением. По нашему мнению, данный подход распространяется на все национальные экономики, поскольку в любой макроэкономической системе можно выделить неэффективные институциональные нормы, формальные и неформальные институты подвержены изменениям – эволюции, которая происходит из-за влияния как внутренних, так и внешних факторов. Однако

---

¹ При работе над данным разделом диссертации использована следующая публикация автора, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Проскурнова К.Ю. Специфика институциональных ловушек пространственного развития на региональном уровне // Проблемы современной экономики. 2024. № 3 (91). С. 106-111.

² Полтерович В.М. Институциональные ловушки – результат неверной стратегии реформ // Экономическая наука современной России. 1998. № 5. С. 22-28.

В.М. Полтерович утверждает, что институциональные ловушки не характерны для стран с сформированной институциональной структурой. Примером, подтверждающим нашу позицию, могут быть действия крупных компаний из стран с развитой экономикой, которые после введения санкций продолжают осуществлять экономическую деятельность как с российскими партнерами, так и на территории Российской Федерации, применяя инструменты, не подпадающие под санкционные нормы. Подобное экономическое поведение определялось либо влиянием решений правительства зарубежных стран по ограничению или свертыванию хозяйственной деятельности национальных и транснациональных субъектов на территории России, либо стремлением этих же хозяйствующих субъектов сохранить свое присутствие на российском рынке.

В среде российских экономистов не существует единого подхода к использованию понятия институциональных ловушек по отношению как к национальной, так и к региональной экономике. Что касается регионального уровня, то в работах таких отечественных авторов, как Е.Р. Орлова, Н.Е. Булетова, Е.А. Остапенко и Р.В. Фомин, рассматриваются отдельные признаки¹. Также это демонстрирует дискуссия по поводу возможности применения понятия «институциональная ловушка» при проведении исследований различных уровней и разграничения с другими терминами – lock-in (эффект «блокировки»), path dependence (эффект колеи), дисфункция института и др.² Следует согласиться с Е.В. Балацким, что данный термин описывает особенности функционирования различных институтов на макро-, мезо-, микроуровнях и в конкретных

---

¹ Орлова Е.Р., Булетова Н.Е. Институциональные ловушки и провокации в системе государственного и муниципального стратегического планирования: причины и последствия для экономики // Аудит и финансовый анализ. 2016. № 6. С. 356-362; Остапенко Е.А. Институциональная ловушка экономического развития региона в условиях обострения пространственной конкуренции // Вопросы региональной экономики. 2018. № 4 (37). С. 69-76; Фомин Р.В. Институциональная ловушка модернизации региональной социально-экономической политики Южного федерального округа в условиях цифровизации экономики // Современная экономика: проблемы и решения. 2020. № 3 (123). С. 186-196.

² Верников А.В. «Институциональная ловушка»: научный термин или красивая метафора? // Журнал институциональных исследований. 2020. Т. 12, № 2. С. 25-37; Балацкий Е.В. «Институциональная ловушка»: научный термин и красивая метафора // Журнал институциональных исследований. 2020. Т. 12, № 3. С. 24-41.

экономических ситуациях и необходимости принятия решений для преодоления формируемой этими институтами неэффективности. Е.В. Балацкий обращает внимание на проблемы применения понятия институциональных ловушек и возможной путаницы с дисфункцией института. Учитывая, что В.М. Полтерович сформировал теорию институциональных ловушек во второй половине 1990-х гг., когда в рамках резкого перехода от советской плановой экономики к стихийным рыночным процессам проявились особенности экономических отношений, связанные с одновременным сосуществованием двух типов реальных институтов – эффективных и неэффективных, первоначально институциональные ловушки рассматривались как результат некорректно разработанных реформ всей экономической системы государства, проявившейся в неучете конфликта существовавших и внедрявшихся институтов¹. В дальнейшем данный подход с позиции реформы как источника возникновения институциональных ловушек применялся отечественными институционалистами к анализу изменений в сфере высшего образования², государственных закупок³ и др.

Определенные акценты возникновения институциональных ловушек можно найти в исследованиях, связанных с изменениями в системе стратегического и территориального планирования. Е.В. Романов к системообразующим в сфере высшего образования и науки относит ловушку стратегического планирования, которая проявляется в неэффективных нормах, определяющих неправильные направления развития науки и образования, к которым, например, отнесена методика оценки эффективности деятельности вузов⁴. Для сравнения, британский ученый Т. Каминер выявляет существование «ловушки настоящего», анализируя градостроительную политику европейских государств: при сокращении

¹ Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35, № 2. С. 3-40.

² Балацкий Е.В. Институциональные конфликты в сфере высшего образования // Экономика образования. 2007. № 3. С. 79-89.

³ Вольчик В.В. Институциональные ловушки и оппортунистическое поведение в процессе размещения государственных заказов // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. 2011. Т. 1, № 39. С. 17-26.

⁴ Романов Е.В. Институциональные ловушки в научно-образовательной сфере: природа и механизм ликвидации // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 9. С. 107-147.

полномочий местных и государственных органов в области территориального планирования снижается эффективность жилой застройки, что происходит вследствие отказа от территориальных планов развития в пользу градостроительных норм¹.

У зарубежных исследователей термин «ловушка», в том числе и институциональная, встречается не только в работах Т. Каминера, но и других авторов. Исследование L. Lebel, J.B. Manuta и P. Garden посвящено определению пяти типов институциональных ловушек, преодоление которых снизит уязвимость различных социальных групп от наводнений в Таиланде. Авторы, основываясь на трактовке В.М. Полтеровича, определяют институциональные ловушки как «устойчивые институты, которые могут подорвать долгосрочные возможности обществ справляться с меняющимися сценариями наводнений, возникающими в результате изменения климата, и адаптироваться к ним»². В работах A. Diemer, S. Iammarino, A. Rodríguez-Pose и M. Storper, а вслед за ними и İ.T. Çınar исследуют региональные ловушки развития, которые определяются как состояние региона, неспособного сохранить свою динамику экономического роста с точки зрения доходов, производительности и занятости, при этом отстающего от своих национальных и европейских показателей роста по этим же параметрам³. К данной категории отнесены регионы со средним уровнем доходов, которые по темпам экономического роста отстают от регионов с низким и высоким уровнем доходов. Предложенную региональную ловушку развития можно отнести к институциональным. Группа исследователей A. Diemer анализировала темпы развития регионов стран с развитой экономикой. Это позволило предположить, что причиной возникновения данной институциональной ловушки является государственная политика в целом, а не реформы как таковые. Понятие

¹ Каминер Т. В ловушке настоящего: планирование, архитектура и время постмодерна // Антиномии. 2022. Т. 22, № 3. С. 119-135.

² Lebel L. Manuta J.B., Garden P. Institutional traps and vulnerability to changes in climate and flood regimes in Thailand // Regional Environmental Change. 2011. Vol. 11. Pp. 45-58.

³ Diemer A., Iammarino S., Rodríguez-Pose A., Storper M. The Regional Development Trap in Europe // Economic Geography. 2022. Vol. 98, No. 5. Pp. 487-509; Çınar İ.T. Regional development trap and economic complexity in Turkey: Evidence from provincial data // Regional Science Policy & Practice. 2023. Vol. 15, No. 9. Pp. 2224-2252.

институциональных ловушек как категории анализа расширения ЕС за счет включения новых государств с невысоким уровнем доходов использовано немецкими авторами L. Glawe и H. Wagner при проведении исследования процессов конвергенции и дивергенции институтов стран-участниц ЕС¹.

Таким образом, выявление институциональных ловушек пространственного развития регионов в данном исследовании будет осуществляться с применением подхода В.М. Полтеровича, основанного на анализе последствий реформирования постсоветской экономической системы, что включает анализ следующих составляющих: факторов, влияющих на формирование норм, трансакционных и трансформационных издержек, устойчивости норм поведения (эффекты координации, обучения, сопряжения и культурная инерция), эффективности нормы.

Факторы, влияющие на формирование норм. На основе сформулированной выше методологии исследования факторов формирования институциональных ловушек проведем системный анализ каждой группы. Прежде всего, для систематизации факторов, влияющих на формирование норм, необходимо конкретизировать определение институтов пространственного развития региона. В представленном исследовании под институтами понимаются условия реализации действий субъектами (региональными властями, региональными сообществами, научными организациями) по отношению к различным уровням объектов (самых регионов, социальных групп, особых территорий, хозяйствующих субъектов и т.д.). Для выявления институциональных ловушек необходим анализ формальных институтов пространственного развития, т.е. совокупности нормативных правовых документов, которые составляют документационную и правовую основу пространственного развития территорий (регионов, муниципальных образований, межсубъектных территорий и т.д.) в Российской

---

¹ Glawe L., Wagner H. Convergence, divergence, or multiple steady states? New evidence on the institutional development within the European Union // Journal of Comparative Economics. 2021. Vol. 49, No. 3. Pp. 860-884.

Федерации. Субъектами действий в данном случае выступают органы государственного управления субъектов Российской Федерации.

Используя вышеуказанную методологию, выделим три группы факторов, влияющих на формирование региональных норм: фундаментальные, организационные и социетальные. Анализ нормообразующих факторов проведем по выборке шести регионов (см. п. 2.3): Магаданской и Ярославской областей, Забайкальского, Краснодарского, Приморского и Хабаровского краев. Таким образом, четыре региона – из Дальневосточного федерального округа (Магаданская область, Забайкальский, Приморский и Хабаровский края), один – из Центрального (Ярославская область), и один – из Южного (Краснодарский край). Данная выборка обусловлена тем, что в схемы территориального планирования этих субъектов Российской Федерации включены сформированные концепции по пространственному развитию, организации или планированию. Несмотря на то, что непосредственно концепции пространственного развития представлены только тремя регионами – Ярославской областью, Забайкальским и Хабаровским краями, в анализ будут включены и другие три региона – Магаданская область с концепцией пространственной организации и Краснодарский и Приморский края с концепцией пространственного планирования, т.к. обе концепции отражают направления пространственного развития данных регионов¹.

К фундаментальным факторам каждого региона можно отнести его географическое положение и удаленность относительного федерального центра (столицы), основных рынков ресурсов и рынков сбыта, транспортных магистралей и узлов. Организационные факторы – это совокупность нормативно-правовых документов и решений президента и федерального правительства, регламентирующие деятельность региональных властей в сфере стратегического планирования и пространственного развития субъектов Российской Федерации и макрорегионов. К социетальным факторам мы можем отнести наличие подразделений, отвечающих за разработку, мониторинг и контроль программных

---

¹ Проскурнова К.Ю. Вопросы пространственного развития российских регионов // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 92. С. 116-128.

документов и мероприятий, направленных на пространственное развитие региона, совокупность взаимодействия с органами государственного управления соседних регионов по вопросам пространственного развития как самих субъектов, так и трансграничных или удаленных территорий (таблица 4.5).

Таблица 4.5 – Факторы, формирующие институты пространственного развития регионов

Субъект РФ	Факторы		
	фундаментальные	организационные	социетальные
Ярославская область	<ul style="list-style-type: none"> – близость к федеральному центру; – наличие транспортных маршрутов, в т.ч. транспортных узлов; – высокий уровень конкуренции с соседними регионами по привлечению инвесторов, производителей, покупателей, трудовых ресурсов 	<ul style="list-style-type: none"> – Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»; – Кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ «Градостроительный кодекс Российской Федерации»; 	<ul style="list-style-type: none"> – Министерство экономического развития Ярославской области; – Министерство строительства Ярославской области
Краснодарский край	<ul style="list-style-type: none"> – относительная близость к федеральному центру; – по территории проходят логистические маршруты, наличие крупных транспортных узлов (морские порты); – благоприятные природно-климатические условия 	<ul style="list-style-type: none"> – Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»; – Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года»; 	<ul style="list-style-type: none"> – Министерство экономики Краснодарского края; – Департамент по архитектуре и градостроительству Краснодарского края; – Министерство транспорта и дорожного хозяйства Краснодарского края
Забайкальский край	<ul style="list-style-type: none"> – достаточная удаленность от федеральной столицы, финансовых центров, основных рынков ресурсов и рынков сбыта; – по территории проходят 	<ul style="list-style-type: none"> – Распоряжение Правительства Российской Федерации от 	<ul style="list-style-type: none"> – Министерство по социальному, экономическому, инфраструктурному, пространственному планированию и развитию Забайкальского края;

Субъект РФ	Факторы		
	фундаментальные	организационные	социетальные
	логистические маршруты из азиатского и тихоокеанского регионов	13.02.2019 № 207-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года»;	– Министерство строительства, дорожного хозяйства и транспорта Забайкальского края
Приморский край	– отдаленность от федеральной столицы, финансовых центров, основных рынков ресурсов и рынков сбыта готовой продукции; – по территории проходят логистические маршруты из азиатского и тихоокеанского регионов, наличие крупного морского порта	– Территориально-пространственное планирование. Ключевой инструмент развития и эффективного управления с уделением особого внимания странам с переходной экономикой / Доклад Европейской экономической комиссии ООН	– Министерство экономического развития Приморского края; – Министерство строительства Приморского края; – Министерство транспорта и дорожного хозяйства Приморского края
Хабаровский край	– отдаленность от федеральной столицы, финансовых центров, основных рынков ресурсов и рынков сбыта готовой продукции; – по территории проходят логистические маршруты из азиатского и тихоокеанского регионов, наличие морского порта		– Министерство экономического развития Хабаровского края; – Министерство строительства Хабаровского края
Магаданская область	– отдаленность от федеральной столицы, финансовых центров, от транспортных маршрутов Европа-Азия, основных рынков ресурсов и рынков сбыта готовой продукции; – наличие крупного морского порта		– Министерство экономического развития, инвестиционной политики и инноваций Магаданской области; – Департамент архитектуры и градостроительства Магаданской области; – Министерство дорожного хозяйства и транспорта Магаданской области

Примечание – Составлено автором.

По фундаментальным факторам наблюдается максимальное различие в шести выбранных регионах. Несмотря на то, что Ярославская область ближе всего расположена к федеральному центру, на привлечение инвестиций, обеспечивающих ее развитие, в том числе пространственное, сильное влияние оказывает высокий уровень конкуренции среди регионов, входящих в состав Центрального федерального округа. К преимуществам можно отнести выгодное расположение на транспортных маршрутах – водных, железнодорожных и автомобильных. Краснодарский край по сравнению с оставшимися четырьмя регионами находится относительно близко к столице, при этом является регионом-лидером в своем федеральном округе, привлекателен по природно-климатическим условиям, обладает логистической инфраструктурой и выходом к морским путям. Морские порты также есть в Магаданской области, Приморском и Хабаровском краях, но удаленность от федерального центра имеет двойственное влияние на пространственное развитие. С одной стороны, через Забайкальский, Приморский и Хабаровский края проходят транспортные маршруты из Азиатского и Тихоокеанского регионов в Европейский и Атлантический, что позволяет регионам развивать логистическую инфраструктуру, с другой – национальные финансовые центры расположены в европейской части страны, что сказывается и на обороте финансовых ресурсов в регионах, на особенностях проведения финансовых операций из-за разницы во времени. Удаленность от федерального центра и европейской части страны также сказывается на возможности привлечения трудовых ресурсов.

Организационные факторы у всех шести регионов едины. К ним можно отнести действующее законодательство, регламентирующее стратегическое планирование¹, территориальное и пространственное планирование² и др.

---

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

² Градостроительный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов»; Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р: документ утратил силу. Доступ из государственной

На основе федерального законодательства регионами разрабатываются стратегии социально-экономического развития и схемы территориального планирования, которые включают в себя планы, мероприятия или концепции по пространственному развитию территорий.

Третья группа факторов – социетальных – представлена различными подразделениями региональных органов исполнительной власти. Профильное министерство, название которого содержит «пространственный» аспект, есть только у Забайкальского края – Министерство по социальному, экономическому, инфраструктурному, пространственному планированию и развитию Забайкальского края. У остальных регионов направление пространственного развития реализуется подразделениями, связанными с обеспечением социально-экономического развития и градостроительной политикой.

Формальные институты пространственного развития у всех исследуемых регионов едины, т.к. базируются на действующем законодательстве страны, расхождения можно наблюдать только по фундаментальным факторам нормообразования. Специфика данных факторов отражена в концепциях пространственного развития (организации, планирования), представленных в схемах территориального планирования регионов.

Трансакционные и трансформационные издержки. К трансакционным издержкам в текущем анализе институтов пространственного развития, по нашему мнению, следует отнести издержки, связанные с разработкой и принятием двух основных документов, связанных с пространственным развитием регионов: стратегии социально-экономического развития и схемы территориального планирования. Каждый субъект федерации самостоятельно отвечает за разработку, принятие, контроль реализации и внесение изменений в данные документы. Основные положения стратегии социально-экономического развития и схемы

системы правовой информации «Официальный интернет-портал правовой информации»; Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. Доступ из государственной системы правовой информации «Официальный интернет-портал правовой информации».

территориального планирования регламентированы федеральным законодательством. Однако «наполнение» данных документов у регионов отличается. Согласно используемой теории институциональных ловушек, трансформационные издержки связаны с отказом от действующей нормы и переходом к другой. Поскольку разработка документов, связанных с пространственным развитием территорий, осуществляется по инициативе региональных органов исполнительной власти, невозможно говорить о трансформационных издержках, а только об увеличении трансакционных издержек.

Устойчивость норм поведения. Из 85 проанализированных регионов (см. п. 2.3) только у шести содержались проработанные концепции пространственного развития (организации, планирования) в схемах территориального планирования (СТП). В отдельных СТП делалась ссылка к моделям пространственной организации, но они не были представлены в деталях развития пространства субъектов Российской Федерации и не содержали плана мероприятий или направлений развития. Согласованность политики пространственного развития региона, отраженная в СТП и стратегии социально-экономического развития, отсутствует только у Ярославской области из выбранных для анализа шести регионов. В стратегиях социально-экономического развития Магаданской области, Краснодарского и Приморского краев представлены направления пространственного развития. При этом у Краснодарского и Приморского краев разработаны детальные варианты развития отдельных районов и территорий данных субъектов федерации, определены мероприятия и этапы их реализации. В стратегиях Магаданской области, Забайкальского и Хабаровского краев отражены отрасли специализации территорий и требуемая для их развития инфраструктура.

Анализ стратегий социально-экономического развития и схем территориального планирования Краснодарского и Приморского краев в части концепции пространственного развития каждого субъекта Российской Федерации показал, что документы не дублируют друг друга, а дополняют и уточняют.

По сравнению с предыдущими, в последние версии стратегий данных двух регионов были включены разделы о направлениях пространственного развития с указанием целей, подходов, мероприятий. В стратегии от 2009 г. Хабаровского края и стратегии Магаданской области от 2010 г. были определены приоритеты пространственного развития регионов. А в стратегии Забайкальского края 2013 г. содержался раздел о территориально-пространственном планировании края.

Стоит отметить, что стратегии указанных регионов, кроме Ярославской области, были приняты в период 2018-2023 гг. Стратегия социально-экономического развития Ярославской области в первоначальной версии была принята в 2014 г. и имела срок реализации до 2025 г., но в декабре 2021 г. была продлена до 2030 г. с внесением отдельных изменений. Недостатком данной версии, помимо несогласованности с СТП, является отсутствие анализа полного социально-экономического развития региона в 2012-2020 гг. Представленные в стратегии статические данные по разделам различаются по своим периодам и не отражают текущее состояние региона. Несмотря на то, что в 2014 г. существовал проект стратегии пространственного развития Ярославской области, который не был принят, но в дальнейшем нашел отражение в СТП региона, стратегия социально-экономического развития не содержит ни целей, ни мероприятий по пространственному развитию территории региона.

С начала 2000-х годов наиболее стабильными по пребыванию на посту и при смене глав регионов были Магаданская область, Краснодарский и Приморский края. Основным документом, определяющим пространственную организацию региона и ее дальнейшее развитие, можно назвать схему территориального планирования. Основным документом, определяющим цели и направления развития региона, является стратегия социально-экономического развития субъекта федерации. У пяти из шести анализируемых документов (стратегий социально-экономического развития и СТП) в части, касающейся пространственного развития, прослеживается согласованность в установлении целей, направлений и подходов в реализации. При этом аспекты пространственного развития регионов есть не только в последних версиях стратегий,

но и в предыдущих. Только у Ярославской области, несмотря на наличие разработанной концепции пространственного развития в СТП и ее предыдущего варианта в Концепции социально-экономического развития, отсутствует согласованность с действующей стратегией социально-экономического развития. Более того, актуализированная версия стратегии социально-экономического развития Ярославской области от 2014 г. не содержит элементов, связанных с пространственным развитием региона. Это может быть связано с относительно частой сменой губернатора области, начиная с 2007 года.

Эффективность нормы. Эффективность нормы рассмотрим не с точки зрения ее распространения и длительности применения, а с позиции динамики изменения группы показателей. Оценка пространственного развития выбранных шести регионов для определения эффективности действия нормы была проведена по авторской методике (см. п. 4.1). Анализ показателей проводился по данным Росстата за период 2018-2022 гг. (период принятия новых стратегий социально-экономического развития у пяти регионов, в предыдущих версиях которых были отражены подходы к пространственному развитию территорий) (таблица 4.6).

Таблица 4.6 – Средний темп роста всех показателей пространственного развития за период 2018-2022 гг.

Субъект РФ	Значение среднего темпа роста показателей пространственного развития (по 14 показателям)
Забайкальский край	1,0498
Краснодарский край	1,0243
Магаданская область	1,0549 (1,0652 – по 12 показателям)
Приморский край	1,0623
Хабаровский край	1,0221
Ярославская область	0,9976

Примечания: в Магаданской области отсутствуют железнодорожные пути, поэтому дополнительно приведен расчет среднего темпа роста по 12 показателям. При расчете по 14 показателям данные по темпам роста показателей «Плотность железнодорожных путей общего пользования» и «Отправление грузов железнодорожным транспортом общего пользования» приравнивались к 1. Рассчитано автором на основе приложений Б, В.

Несмотря на то, что у всех шести регионов уже более 10 лет есть документы, содержащие направления, подходы, мероприятия и др. по пространственному развитию, положительная динамика наблюдается только у тех пяти регионов, у которых стратегии социально-экономического развития и схемы

территориального развития согласованы между собой по вопросам пространственного развития территорий. У Ярославской области – выгодное географическое положение, наличие разнообразной производственной базы, но отсутствие политики пространственного развития в стратегии социально-экономического развития и несогласованность стратегии с СТП и Концепцией социально-экономического развития по вопросам пространственного развития привели к отрицательному значению среднего темпа роста.

Институциональной ловушкой в данном случае становится следование норме разработки и принятия документов (стратегия социально-экономического развития и схема территориального планирования), но не согласование их между собой по важным направлениям развития региона. Несмотря на проработанность концепции пространственного развития региона, представленной в схеме территориального планирования Ярославской области, а ранее в Концепции социального экономического развития и проекте стратегии пространственного развития Ярославской области, показатели пространственного развития региона в своей совокупности не демонстрируют темпов прироста в период 2018-2022 гг.

Несмотря на неиспользование в своем исследовании понятия институциональной ловушки, В.А. Крюков и В.Е. Селиверстов отмечают, что действующие документы стратегического планирования пространственного развития лишь формально выполняют свою роль, но не обеспечивают пространственное развитие других регионов Российской Федерации¹. Проведенный автором анализ существования институциональных ловушек пространственного развития Магаданской и Ярославской областей, Забайкальского, Краснодарского, Приморского и Хабаровского краев развивает и подтверждает выводы о высокой значимости преодоления институциональных ловушек пространственного развития для снятия преодоления пространственных диспропорций.

---

¹ Крюков В.А., Селиверстов В.Е. Стратегическое планирование пространственного развития России и ее макрорегионов: в плену старых иллюзий // Российский экономический журнал. 2022. № 5. С. 22-40.

Таким образом, в результате проведенного исследования было определено, что пространственное развитие субъектов федерации зависит от согласованности основных региональных документов развития в части пространственного планирования. Регионы, у которых представленные в схеме территориального планирования концепции пространственного развития (организации, планирования) нашли свое отражение и в стратегиях социально-экономического развития, демонстрируют более высокие темпы пространственного развития, чем те, в которых стратегия социально-экономического развития и схема территориального планирования в части пространственного развития не согласованы. Рассогласованность основных стратегических документов региона формирует условия для возникновения институциональной ловушки пространственного развития территории, проявляющейся в формальном следовании нормам (разработка и принятие документов) без фактической реализации мероприятий и достижения запланированных целей.

4.3. Методика оценки совокупного потенциала региона с учетом корректирующего коэффициента пространственного развития¹

Управление территорией (муниципальным образованием, регионом, страной) связано с совершенствованием институциональных основ функционирования, которые направлены на повышение благосостояния как территории в целом, так и хозяйствующих субъектов и населения.

Разработка и реализация стратегии развития региона сопряжена с оценкой возможностей данной территории. Именно совокупность возможностей территории определяет ее потенциал. В работах отечественных исследователей

---

¹ При работе над данным разделом диссертации использована следующая публикация автора, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Проскурнова К.Ю. Оценка потенциала региона с учетом корректирующего коэффициента пространственного развития // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024. № 6. С. 53-62.

понятие потенциала (в данном случае рассматриваются публикации по экономике и управлению) встречается достаточно часто в отношении объектов как на микро-, так и на мезо- и макроуровнях. В представленном исследовании акцент сделан на мезоуровень – на потенциал регионов (территорий). Несмотря на распространенность использования понятия потенциала, определение самого термина дают лишь некоторые авторы.

Так, И.П. Данилов, В.В. Никитин и А.Г. Краснов определяют потенциал как переход от возможностей использования всех видов ресурсов региона к их фактическому применению, т.е. не условное вовлечение в производственный процесс (деятельность всех субъектов), а реальное применение всех ресурсов¹. Е.С. Душкина и Е.В. Ерохина применяют схожий подход в определении научно-технологического потенциала, который представляет собой совокупность организационных, финансовых, трудовых, информационных и материально-технических ресурсов, используемых в научно-исследовательской деятельности и внедрении ее результатов в производство².

А.И. Бостанова связывает уровень потенциала региона с выбранными методами управления экономикой территории и социально-экономическими отношениями, сам экономический потенциал региона определяется на основе уже достигнутых показателей экономической деятельности: величины национального богатства, объема произведенного конечного продукта, национального дохода, стоимости основных фондов, что отражает не возможности, а результаты³.

С возможностями связывают потенциал региона и Х.Р. Муфтахутдинова с М.Н. Гориновым, при этом делается упор на оптимальность использования имеющихся у территории ресурсов⁴. Если у А.Б. Грачева возможности как

¹ Данилов И.П., Никитин В.В., Краснов А.Г. Методика оценки и анализа социально-экономического потенциала региона // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 382-390.

² Душкина Е.С., Ерохина Е.В. Способы развития научно-технологического потенциала Калужского региона // Управленческий учет. 2022. № 12-3. С. 708-713.

³ Бостанова А.И. Методы оценки социально-экономического потенциала региона // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2012. № 6 (42). С. 11-19.

⁴ Муфтахутдинова Х.Р., Горинов М.Н. Экономический потенциал региона: социально-экономическая сущность и модель оценки // Вестник Ижевского государственного технического университета. 2007. № 4 (36). С. 30-36.

потенциал определяют направления развития, то у Х.Р. Муфтахутдиновой и М.Н. Горинова возможности (потенциал) становятся инструментом повышения эффективности использования ресурсов. Российский экономист О.С. Сухарев рассматривает потенциал как возможность экономической системы развиваться не только с точки зрения наличия различных ресурсов, но и учитывает накопленные знания, технологическую систему и социальные институты¹. Ссылаясь на его труды, исследователи Н.Е. Данилова, А.В. Полянин и Ю.П. Соболева определяют потенциал как совокупность способствующих развитию региона факторов и совокупность ресурсов, способствующих достижению социально-экономических целей, стоящих перед конкретной территорией². Аналогично определяет потенциал региона З.Г. Зиновьев, связывая возможность социально-экономической системы обеспечивать инновационные процессы территории³.

По мнению О.С. Русиновой, потенциал территории определяется совокупностью факторов, которые лежат в основе функционирования территориальной социально-экономической системы и обеспечивают ее развитие⁴. А.Б. Грачев в потенциал муниципального образования включает возможности природного и социального характера, которые создают условия для развития или стагнации территории⁵.

Существует группа исследований, связанных с определением способности хозяйствующих субъектов территории обеспечивать достаточный выпуск товаров и услуг. По мнению Г.П. Литвинцевой и А.Е. Лисицына, потенциал региона

¹ Сухарев О.С. Развитие социально-экономического потенциала России: теория и практика // Экономика региона. 2016. Т. 12, № 1. С. 315-321.

² Данилова Н.Е., Полянин А.В., Соболева Ю.П. Модель оценки социально-экономического потенциала региона на основе концепции оценки человеческого развития // Регион: системы, экономика, управление. 2018. № 3 (42). С. 19-32.

³ Зиновьев А.Г. Оценка социально-экономического потенциала региона // Экономика и социум. 2014. № 2-2 (11). С. 171-175.

⁴ Русинова О.С. Оценка эффективности использования ресурсного потенциала социально-экономического развития сельских территорий аграрного региона // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2011. № 3. С. 48-52.

⁵ Грачев А.Б. Социально-экономический потенциал муниципальных образований и методика его определения // Региональные исследования. 2008. № 4 (19). С. 11-15.

отражает возможности имеющихся ресурсов максимизировать объем производимой продукции¹. Аналогичную позицию излагает Н.Ю. Сорокина, определяя потенциал территории как способность отраслей региона производить продукцию (услуги, работы)². Определение потенциала территории как способности экономики региона создавать условия для осуществления экономической деятельности предлагают М.В. Любимова, В.П. Нестеров и В.С. Дмитриева³. Аналогичный подход используют А.С. Михеева и Н.Б. Лубсанова, определяя потенциал как способность территории осуществлять производственно-экономическую деятельность с целью удовлетворения запросов населения⁴. Исследуя подходы к определению понятия, Г.А. Резник и Н.А. Коробкова связывают потенциал региона с возможностью ресурсов, внешней и внутренней среды обеспечивать устойчивое экономическое развитие территории и повышение благосостояния населения⁵.

Проведенная систематизация выявила не только различия в понимании авторами сущности потенциала региона, но и многообразие подходов к его классификации. Ж.Ж. Есжанова, М.А. Каликов и Т.Е. Абдыкадыр при анализе экономического потенциала в его состав включили инновационный, трудовой, промышленный, инвестиционный, социальный и экологический потенциалы⁶. Схожий подход предложил Н.В. Ворошилов, но уже к оценке социально-экономического потенциала территории, рассчитывая совокупность природно-ресурсного, производственного, трудового, финансового, социально-

¹ Литвинцева Г.П., Лисицын А.Е. Оценка социально-экономического потенциала регионов Сибирского федерального округа // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 114-121.

² Сорокина Н.Ю. Сущность социально-экономического потенциала региона // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2010. № 1-1. С. 75-83.

³ Любимова М.В., Нестеров В.П., Дмитриева В.С. Проблемы оценки социально-экономического потенциала региона // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 4. С. 13-24.

⁴ Михеева А.С., Лубсанова Н.Б. Методические подходы к оценке потенциала регионов зоны влияния экономического коридора Китай - Монголия - Россия // Фундаментальные исследования. 2019. № 11. С. 111-115.

⁵ Резник Г.А., Коробкова Н.А. Управление развитием социально-экономическим потенциалом территории // Экономика и социум. 2017. № 3 (34). С. 1128-1132.

⁶ Yeszhanova Zh.Zh., Kalikov M.A., Abdykadyr T.Y. Economic Potential of Kazakhstan's Regions: Methodology, Comparative Analysis and Rating Assessment // Экономика: стратегия и практика. 2023. Vol. 18, No. 2. Pp. 187-203.

демографического и социально-инфраструктурного потенциалов¹. Интегральная оценка уровня экономического потенциала региона у Х.Р. Муфтахутдиновой и М.Н. Горинова состоит из показателей природного, трудового и материального потенциалов².

Группа исследователей – И.П. Данилов, В.В. Никитин и А.Г. Краснов – предложила оценивать социально-экономический потенциал территории не только по состоянию на конкретный момент времени, но и учитывая динамику изменения состояния – потенциал саморазвития, определяемый на основе значений экономического роста и роста уровня жизни населения. При этом сам социально-экономический потенциал рассчитывается по показателям трудового, инфраструктурного, финансового, производственного, институционального, инновационного, потребительского, природно-ресурсного и туристического потенциалов³.

Анализ многообразия подходов к определению сущности и структуры потенциала региона и его оценки показал, что авторы по-разному трактуют содержание потенциала территории. По нашему мнению, потенциал региона представляет собой возможность данной территории обеспечивать максимально допустимый объем производства товаров и услуг с привлечением всех имеющихся видов ресурсов. На основе синтеза проанализированных позиций авторский подход к структуре совокупного потенциала региона представляется как система взаимосвязанных потенциалов – экономического, демографического, трудового, инфраструктурного, экологического. При этом каждый вид потенциала оценивается с помощью специфических статистических показателей. Будучи сведенными в единую систему специфические показатели одних потенциалов отражают состояние других.

---

¹ Ворошилов Н.В. К вопросу об оценке социально-экономического потенциала сельских территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 1. С. 91-109.

² Муфтахутдинова Х.Р., Горинов М.Н. Экономический потенциал региона: социально-экономическая сущность и модель оценки // Вестник Ижевского государственного технического университета. 2007. № 4 (36). С. 30-36.

³ Данилов И.П., Никитин В.В., Краснов А.Г. Методика оценки и анализа социально-экономического потенциала региона // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 382-390.

Таблица 4.7 – Показатели оценки совокупного потенциала региона

Потенциал	Показатель оценки
Демографический	Коэффициент демографической нагрузки – моложе трудоспособного возраста
	Темп прироста численности населения
	Коэффициент естественного прироста населения
	Коэффициент миграционного прироста населения
	Ожидаемая продолжительность жизни
Трудовой	Уровень занятости
	Уровень безработицы
	Коэффициент Джини
	Доля населения с доходами ниже границы бедности / величины прожиточного минимума
	Прирост реальных денежных доходов населения
	Удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату услуг ЖКХ
Инфраструктурный	Валовый коэффициент охвата дошкольным образованием
	Численность студентов государственных и муниципальных профессиональных образовательных организаций, обучающихся по программам подготовки специалистов
	Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры на 10 000 человек
	Численность населения на 1 больничную койку
	Численность населения на 1 врача
	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на 1 жителя
	Численность зрителей театров на 1 000 человек населения
	Число посещений музеев на 1 000 человек населения
	Число ДТП на 100 000 человек населения
	Число подключенных абонентских устройств мобильной связи на 1 000 человек населения
Экологический	Доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в общем количестве отходящих загрязняющих веществ от стационарных источников
	Текущие (эксплуатационные) затраты на охрану окружающей среды, включая оплату услуг природоохранного назначения
Экономический	Индекс физического объема ВРП
	Индекс физического объема инвестиций в основной капитал
	Степень износа основных фондов
	Удельный вес убыточных организаций
	Индексы физического объема оборота розничной торговли
	Индексы физического объема платных услуг населению
	Индексы потребительских цен
	Индексы цен на первичном рынке жилья
	Индексы цен на вторичном рынке жилья
	Число собственных легковых автомобилей на 1 000 человек
Примечание – Разработано автором на основе: Yeszhanova Zh.Zh., Kalikov M.A., Abdykadyr T.Y. Economic Potential of Kazakhstan's Regions: Methodology, Comparative Analysis and Rating Assessment // Экономика: стратегия и практика. 2023. Vol. 18, No. 2. Pp. 187-203; Ворошилов Н.В. К вопросу об оценке социально-экономического потенциала сельских территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 1. С. 91-109; Муфтахутдинова Х.Р., Горинов М.Н. Экономический потенциал региона: социально-экономическая сущность и модель оценки // Вестник Ижевского	

государственного технического университета. 2007. № 4 (36). С. 30-36; Данилов И.П., Никитин В.В., Краснов А.Г. Методика оценки и анализа социально-экономического потенциала региона // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 382-390; Любимова М.В., Нестеров В.П., Дмитриева В.С. Проблемы оценки социально-экономического потенциала региона // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 4. С. 13-24; Сорокина Н.Ю. Сущность социально-экономического потенциала региона // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2010. № 1-1. С. 75-83; Баранова И.В. Адаптация подхода к оценке производственного потенциала для целей оценки социального потенциала региона // Экономика и предпринимательство. 2019. № 8 (109). С. 306-309; Гаджиалиева Л. Оценка социально-экономического потенциала региона на основе рейтингового подхода // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2011. № 1. С. 231-238; Березнев С.В., Шевелева О.Б., Начева М.К. Системный подход к оценке инвестиционного потенциала региона // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – Т. 7, № 48 (141). – С. 7-19. См.: Проскурнова К.Ю. Оценка потенциала региона с учетом корректирующего коэффициента пространственного развития // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024. № 6. С. 53-62.

Для расчета совокупного потенциала использован подход расчета экономического потенциала, представленный в докладе «Региональный индекс экономического развития и ранжирование субъектов Российской Федерации» Института экономики РАН¹. С учетом того, что представленные в таблице 4.7 показатели имеют различные единицы измерения, аналогично подходу Института экономики РАН была проведена стандартизация с использованием евклидовой нормы векторов. Совокупный потенциал представляет собой сумму представленных потенциалов (4.4):

$$Pot_{reg} = Pot_{dem} + Pot_{lab} + Pot_{infr} + Pot_{ecol} + Pot_{econ}, \quad (4.4)$$

где Pot_{reg} – совокупный потенциал региона;

Pot_{dem} – демографический потенциал;

Pot_{lab} – трудовой потенциал;

Pot_{infr} – инфраструктурный потенциал;

Pot_{ecol} – экологический потенциал;

Pot_{econ} – экономический потенциал.

---

¹ Региональный индекс экономического развития и ранжирование субъектов Российской Федерации / Н.А. Бураков и др.; под ред. Е.М. Бухвальда и А.Я. Рубинштейна. М.: Институт экономики РАН, 2019. 72 с.

Для расчета каждого потенциала использовались весовые коэффициенты.

Формула расчета потенциалов каждой группы (4.5):

$$Pot_n = \sum k_i P_i, \quad (4.5)$$

где k_i – весовой коэффициент показателя потенциала;

P_i – показатель потенциала.

В таблице 4.8 приведены значения весовых коэффициентов показателей.

В группах демографического, инфраструктурного, экологического и экономического потенциалов показатели установлены с равными весовыми коэффициентами. Равное распределение значений весовых коэффициентов внутри каждой группы, по мнению автора, снизит субъективность оценки и позволит учесть влияние каждого фактора на соответствующий потенциал региона.

Таблица 4.8 – Значения весовых коэффициентов показателей потенциалов

Потенциал	Показатель оценки	Весовой коэффициент
Демографический	Коэффициент демографической нагрузки – моложе трудоспособного возраста	0,2
	Темп прироста численности населения	0,2
	Коэффициент естественного прироста населения	0,2
	Коэффициент миграционного прироста населения	0,2
	Ожидаемая продолжительность жизни	0,2
Трудовой	Уровень занятости	0,16
	Уровень безработицы**	0,16
	Коэффициент Джини**	0,16
	Доля населения с доходами ниже границы бедности / величины прожиточного минимума**	0,18
	Прирост реальных денежных доходов населения	0,18
	Удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату услуг ЖКХ	0,16
Инфраструктурный	Валовый коэффициент охвата дошкольным образованием	0,1
	Численность студентов государственных и муниципальных профессиональных образовательных организаций, обучающихся по программам подготовки специалистов	0,1
	Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры на 10 000 человек	0,1
	Численность населения на 1 больничную койку	0,1
	Численность населения на 1 врача	0,1
	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на 1 жителя	0,1
	Численность зрителей театров на 1 000 человек населения	0,1
	Число посещений музеев на 1 000 человек населения	0,1
	Число ДТП на 100 000 человек населения	0,1
	Число подключенных абонентских устройств мобильной связи на 1 000 человек населения	0,1

Потенциал	Показатель оценки	Весовой коэффициент
Экологический	Доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в общем количестве отходящих загрязняющих веществ от стационарных источников	0,5
	Текущие (эксплуатационные) затраты на охрану окружающей среды, включая оплату услуг природоохранного назначения	0,5
Экономический	Индекс физического объема ВРП	0,1
	Индекс физического объема инвестиций в основной капитал	0,1
	Степень износа основных фондов**	0,1
	Удельный вес убыточных организаций**	0,1
	Индексы физического объема оборота розничной торговли	0,1
	Индексы физического объема платных услуг населению	0,1
	Индексы потребительских цен**	0,1
	Индексы цен на первичном рынке жилья	0,1
	Индексы цен на вторичном рынке жилья	0,1
	Число собственных легковых автомобилей на 1 000 человек	0,1
** – показатели с отрицательным влиянием на потенциал региона		
Примечание – Составлено на основе предложенных автором показателей (таблица 4.7) и соответствующих весовых коэффициентов.		

В группе демографического потенциала перечисленные факторы характеризуются сильной взаимосвязью и при одинаковых тенденциях к изменению соответствующих статистических показателей способны как усиливать соответствующий потенциал, так и сокращать его. Например, положительные значения коэффициента естественного прироста могут увеличивать значения коэффициента демографической нагрузки (за счет повышения численности населения моложе трудоспособного возраста) и темпов прироста численности населения. Показатель «ожидалася продолжительность жизни» отражает состояние здоровья населения и системы здравоохранения региона в текущий период, что связано с темпами прироста численности населения и коэффициентом естественного прироста населения. Указанные факторы не только способны усиливать влияние на демографический потенциал, но и компенсировать негативные тенденции внутри группы. Увеличение миграционного притока в регион способно нивелировать влияние сокращения рождаемости. Сильная зависимость данных факторов и их способность компенсировать отрицательное влияние друг друга обосновало авторское

распределение весовых коэффициентов в равных значениях в группе демографического потенциала.

Неравномерное распределение весовых коэффициентов определено только в группе трудового потенциала. По нашему мнению, большее влияние на значение потенциала развития региона оказывают два показателя: изменение реальных доходов населения и доля населения, доходы которых ниже прожиточного минимума или границы бедности. От величины данных показателей зависит объем потребления товаров и услуг и их структура, возможность формировать накопления и инвестировать их, в том числе в свое образование, что влияет на интеллектуальный капитал региона.

В группе инфраструктурного потенциала равное распределение значений весовых коэффициентов обусловлено тем, что представленные показатели отражают доступность разных сфер жизни в регионе – образования, здравоохранения, культуры, мест проживания и коммуникаций.

Отмеченные в группе экологического потенциала показатели оценки отражают вклад хозяйствующих субъектов и органов государственного и муниципального управления в сохранение и улучшение состояния окружающей среды.

На экономический потенциал оказывают влияние факторы как производственной, так и потребительской сферы. Производство товаров и услуг зависит от степени износа основных фондов и объема инвестиций. Возможности населения по приобретению товаров длительного пользования или недвижимости зависят от эффективности региональной экономики, которая отражает объемы производства, спрос на региональную продукцию и услуги, результативность деятельности предприятий и т.п.

В таблице 4.9 представлены результаты проведенных расчетов совокупного потенциала региона и его составляющих. Вследствие выбранных ретроспективных периодов и 5-летнего шага для анализа коэффициента пространственного развития (п. 4.1) оценка составляющих и совокупного потенциала субъектов Волжского макрорегиона будет произведена по состоянию на 2020 год.

Таблица 4.9 – Результаты оценки потенциалов региона по данным 2020 г.

Субъект РФ	Потенциал					
	демографи-ческий	трудо-вой	инфраструк-турный	экологи-ческий	экономи-ческий	совокуп-ный
Ивановская область	-0,0371	-0,0288	0,1871	0,1813	0,0859	0,3883
Костромская область	-0,0163	-0,0413	0,2012	0,2763	0,0824	0,5022
Тверская область	-0,0059	-0,0162	0,2075	0,2284	0,0804	0,4941
Ярославская область	-0,0443	-0,0325	0,2100	0,2126	0,0798	0,4257
Республика Марий Эл	0,0103	-0,0109	0,1979	0,2605	0,0852	0,5430
Республика Татарстан	0,1063	-0,0144	0,2041	0,2582	0,0772	0,6315
Чувашская Республика	-0,0607	-0,0098	0,1838	0,2188	0,0760	0,4081
Нижегородская область	-0,0012	-0,0259	0,1963	0,2534	0,0875	0,5100
Самарская область	-0,0208	-0,0265	0,1984	0,2788	0,0804	0,5102
Саратовская область	0,0047	-0,0135	0,1951	0,2522	0,0804	0,5188
Ульяновская область	-0,0209	-0,0164	0,1927	0,2450	0,0805	0,4808
Астраханская область	-0,0869	-0,0344	0,1930	0,2283	0,0751	0,3751
Волгоградская область	0,0331	-0,0264	0,2008	0,2662	0,0828	0,5566

Примечание – Рассчитано автором на основе: Регионы России. Социально-экономические показатели / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 12.08.2024).

Отрицательные значения демографического потенциала – у девяти регионов ввиду отрицательных значений 3 из 4 показателей. В 2020 г. темп прироста населения был только в Республике Татарстан, коэффициент естественного прироста населения был меньше 0 во всех 13 регионах, а положительное значение коэффициента миграционного прироста наблюдалось у Республики Татарстан, Самарской, Саратовской и Волгоградской областей.

В группе трудового потенциала три показателя имеют негативное воздействие на величину потенциала региона – уровень безработицы, коэффициент Джини и доля населения с доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума), т.к. чем выше значение данных показателей, тем сильнее социальная напряженность в обществе, а также отражают неблагоприятные тенденции по повышению уровня квалификации и развитию трудовых навыков (безработица, неравномерное распределение доходов). В ходе проведения расчетов помимо указанных трех показателей в 2020 г. наблюдался отрицательный темп прироста реальных денежных доходов населения. Только в Чувашской Республике и Саратовской области данный показатель имел положительные значения.

В группе экономического потенциала негативное влияние оказывают степень износа основных фондов, удельный вес убыточных организаций и индексы потребительских цен.

Помимо имеющихся ресурсов, на совокупный потенциал региона влияет динамика пространственного развития территории. В таблице 4.10 представлены результаты расчета совокупного потенциала регионов с учетом корректировки на коэффициент пространственного развития. Величина коэффициента пространственного развития отражает тенденции изменения пространственной структуры и ее влияние на результаты хозяйственной деятельности субъектов. Расчет воздействия пространственного развития территории на ее совокупный потенциал с учетом разных временных периодов обусловлен влиянием различных исторических процессов на развитие регионов. Интервалы анализируемых периодов зависят от специфики проводимых исследований.

Таблица 4.10 – Совокупный потенциал региона (Pot_{reg}) и коэффициент пространственного развития ($\overline{Tp_{пр}}$)

Субъект РФ	2005–2020 гг.				1990–2020 гг.			
	$\overline{Tp_{пр}}$ 14 инд.	Pot_{reg} с $\overline{Tp_{пр}}$ 14	$\overline{Tp_{пр}}$ 12 инд.	Pot_{reg} с $\overline{Tp_{пр}}$ 12	$\overline{Tp_{пр}}$ 14 инд.	Pot_{reg} с $\overline{Tp_{пр}}$ 14	$\overline{Tp_{пр}}$ 12 инд.	Pot_{reg} с $\overline{Tp_{пр}}$ 12
Ивановская область	1,0839	0,4209	0,9882	0,3837	1,0069	0,3910	0,9165	0,3559
Костромская область	1,0680	0,5364	1,0195	0,5121	1,0204	0,5125	0,9461	0,4752
Тверская область	1,0844	0,5358	1,0243	0,5061	1,0188	0,5034	0,9418	0,4654
Ярославская область	1,0800	0,4597	1,0100	0,4299	1,0453	0,4449	0,9696	0,4127
Республика Марий Эл	1,1097	0,6025	1,0169	0,5522	1,0562	0,5735	0,9728	0,5282
Республика Татарстан	1,1249	0,7103	1,0561	0,6669	1,0908	0,6888	1,0045	0,6343
Чувашская Республика	1,0628	0,4337	0,9932	0,4053	1,0276	0,4193	0,9525	0,3887
Нижегородская область	1,1065	0,5644	1,0094	0,5148	1,0496	0,5353	0,9575	0,4884
Самарская область	1,0983	0,5604	1,0276	0,5243	1,0469	0,5341	0,9714	0,4956
Саратовская область	1,0772	0,5589	1,0010	0,5193	1,0335	0,5362	0,9450	0,4903
Ульяновская область	1,0855	0,5219	0,9929	0,4774	1,0318	0,4961	0,9436	0,4537
Астраханская область	1,0833	0,4063	1,0232	0,3838	1,0742	0,4029	0,9805	0,3678
Волгоградская область	1,0942	0,6090	1,0097	0,5620	1,0364	0,5768	0,9540	0,5310

Примечания – Рассчитано автором на основе: таблица 4.2; Регионы России. Социально-экономические показатели / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 12.08.2024).

Расчет совокупного потенциала был проведен по состоянию на 2020 г. и с учетом влияния тенденций пространственного развития регионов в 15-летний период 2005-2020 гг. и 30-летний период 1990-2020 гг., оцененных с применением коэффициента пространственного развития. Особенность инфляционных процессов в российской экономике 1990-х годов обусловила расчет двух видов коэффициентов – по всем показателям методики (14 индикаторов) и без учета инвестиционных показателей (12 индикаторов). Коэффициент пространственного развития по 14 показателям в каждый период времени у всех регионов имеет значение больше 1, поэтому данный вид коэффициента позволяет говорить о повышении совокупного потенциала региона за счет влияния пространственного развития территории в предыдущие 15 и 30 лет. Максимальные значения совокупного потенциала региона (0,5-1,0), скорректированного на величину коэффициента пространственного развития, мы можем видеть у Республики Татарстан, Волгоградской области, Республики Марий Эл, Саратовской, Самарской, Нижегородской, Костромской и Тверской областей в оба анализируемых периода. К данной группе можно отнести Ульяновскую область, но только при оценке короткого 15-летнего периода 2005-2020 гг.

Исключение из расчета коэффициента пространственного развития индикаторов, в большей степени подверженных влиянию инфляционных процессов, изменило результаты оценки потенциалов регионов. К группе с максимальными значениями оценки совокупного потенциала региона (0,5-1,0), скорректированными на коэффициент пространственного развития в долгосрочный период, уже можно отнести только три субъекта федерации: Республика Татарстан, Волгоградская область, Республика Марий Эл. При этом у 12 из 13 регионов оценка совокупного потенциала, учитывающего влияние пространственного развития, снижена, т.к. величина коэффициента меньше 1,0. В более короткий 15-летний период негативное влияние тенденций пространственного развития проявляется в меньшей степени только у трех регионов: Ивановской, Ульяновской областей и Чувашской Республики. Максимальные значения оценки совокупного потенциала в интервале 0,5-1,0 уже

характерны для восьми регионов: Республики Татарстан, Волгоградской области, Республики Марий Эл, Самарской, Саратовской, Нижегородской, Костромской и Тверской областей. Позитивные тенденции пространственного развития Республики Татарстан, по сравнению с другими регионами выборки, мультилицируют ее потенциал в большей степени, делают территорию более привлекательной для различных экономических агентов.

При разработке и реализации политики развития своих территорий регионам следует учитывать влияние пространственного развития, достигнутого в определенный момент, на их потенциал. Выбор временного отрезка расчета коэффициента пространственного развития зависит от долгосрочности разрабатываемой политики развития региона. Чем более продолжительный период будет охватывать региональная политика развития, тем больший ретроспективный период необходимо учитывать для расчета коэффициента пространственного развития. Это обусловлено положительным и отрицательным влиянием различных исторических событий на социально-экономические отношения, происходящие внутри субъекта федерации.

Выводы по четвертой главе:

1. На основе анализа подходов к оценке пространственной организации региона (государства, муниципального образования) разработана авторская методика оценки влияния действующих институтов на пространственное развитие территории (на макро-, мезо-, микроуровне), которая базируется на расчете авторского коэффициента пространственного развития. Предлагаемая автором методика направлена на анализ долгосрочных трендов пространственного развития субъектов Волжского макрорегиона в ретроспективный период (15 и 30 лет), отражающих динамику существенных изменений и причин возникающих региональных диспропорций. Данная методика позволяет определять приоритетные направления пространственного развития, корректировать долгосрочную политику социально-экономического развития территории (федерального, регионального, муниципального уровней) и выявлять факторы, ограничивающие использование пространственного ресурса территорий.

2. Для выявления институциональных ловушек пространственного развития ряда регионов автором дополнен и трансформирован применительно к региональному уровню подход В.М. Полтеровича, что позволило определить необходимость согласования основных региональных документов – стратегии социально-экономического развития и схемы территориального планирования – при их разработке и принятии для обеспечения пространственного развития субъекта Российской Федерации и исключения возможности возникновения институциональных ловушек, которые будут сдерживать пространственное развитие территории. Отсутствие согласованности вызывает институциональную ловушку, отражающую номинальное выполнение органами исполнительной власти регионов своих функций, не обеспечивающих фактическое выполнение целей стратегического (пространственного) развития территорий.

3. Разработана методика оценки совокупного потенциала региона, в структуру которого включены демографический, трудовой, инфраструктурный, экологический, экономический потенциал и величина которого скорректирована на значение коэффициента пространственного развития. Представленная методика позволяет проанализировать влияние процессов пространственного развития в предыдущий период времени на текущее состояние потенциала региона. Целью данной оценки является выявление тех сфер, которые требуют реализации дополнительных мер для обеспечения стабильного развития территории и преодоления региональных диспропорций субъектов Волжского макрорегиона. По мнению автора, разработка и реализация действий, нивелирующих негативные тенденции пространственного развития, позволит повысить потенциал региона.

ГЛАВА 5. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНСТИТУТОВ

ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДИСПРОПОРЦИЙ ВОЛЖСКОГО МАКРОРЕГИОНА

5.1. Типологизация регионов по критерию пространственного развития¹

Регионы как внутринациональные образования характеризуются большим многообразием. Степень многообразия в разных странах зависит от многих географических, климатических, историко-социальных, этнонациональных, религиозных и других факторов. Правительства практически большинства стран стремятся осуществлять не только национальную, но и региональную экономическую политику. Однако единая и стандартизированная политика развития регионов невозможна в странах со значительной дифференциацией территориальных образований. Органы управления территорий должны учитывать специфические особенности и разрабатывать политику, отражающую данные особенности региона. Определение типа региона по различным критериям, с одной стороны, позволяет максимально полно отразить специфические признаки территории в стратегических и программных документах, с другой – сформировать практику, развивающую и использующую опыт регионов со схожими признаками.

Для имплементации и развития методологического подхода к типологизации необходимо рассмотреть уже применяемые критерии². Разграничение подходов,

¹ При работе над данным разделом диссертации использована следующая публикация автора, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Леонтьева Л.С., Проскурнова К.Ю. Учет типа пространственного развития региона при формировании социально-экономической политики // Экономика устойчивого развития. 2024. № 3 (59). С. 102-106.

² Анимица П.Е., Новикова Н.В., Ходус В.В. Типология как метод исследования социально-экономического развития регионов // Известия Уральского государственного экономического университета. 2009. № 1 (23). С. 52-59; Старикова Т.В. Развитие типологии регионов в системе стратегического планирования // Экономика промышленности. 2017. Т. 10, № 2. С. 172-178; Niknazar P., Bourgault M. Theories for classification vs. classification as theory: Implications of

связанных с типологией и классификацией, проводится в соответствии с критериальными принципами: качественные критерии лежат в основе типологии, количественные – классификации¹. Можно согласиться с М.А. Гурьевой, которая, сравнивая понятия «типовизация» и «классификация», отмечает, что типология предполагает группировку объектов по каким-либо критериям, а классификация – структурирование множества объектов по определенным признакам на подмножества². Таким образом, мы можем применить типологизацию и классификацию при исследовании характеристик регионов: отнесение региона по определенному признаку к конкретной группе – типология, структурирование групп регионов с различными признаками – классификация.

На основе сравнительного анализа ранее рассчитанных коэффициентов пространственного развития и совокупных потенциалов 13 российских регионов, расположенных на р. Волга, предложены группы регионов по типу коэффициента пространственного развития и уровню совокупного потенциала, учитывающего пространственное развитие территории в предыдущий период времени. Помимо сравнительного анализа, при разработке представленной типологии использованы методы группировки, систематизации, графический метод.

В отечественных исследованиях присутствует многообразие типологизации регионов по различным критериям. Ниже представлены наиболее распространенные признаки и типы регионов (таблица 5.1).

---

classification and typology for the development of project management theories // International Journal of Project Management. 2017. Vol. 35, No. 2. Pp. 191-203.

¹ Русинова О.С., Русинов А.Г. Теоретико-методологические подходы к типологии регионов // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. 2016. № 4 (40). С. 95-104; Садыков Д.Р. Типология институциональных факторов, оказывающих влияние на развитие экономики северных регионов // Московский экономический журнал. 2024. Т. 9, № 5. С. 705-726.; Hjørland B., Nissen Pedersen K. A substantive theory of classification for information retrieval // Journal of Documentation. 2005. Vol. 61, No. 5. Pp. 582-597.

² Гурьева М.А., Симарова И.С. Основные подходы к типологизации регионов // Перспективы науки. 2017. № 9 (96). С. 33-50.

Таблица 5.1 – Типология регионов

№	Признак	Типы регионов
1	Масштаб охвата	<ul style="list-style-type: none"> – микрорегион (административно-территориальная единица или ее часть); – мезорегион (совокупность административно-территориальных единиц государства); – макрорегион (часть территории страны, выделенная по общим экономико-географическим признакам); – трансграничный регион (район, в который входят территории нескольких государств, имеющих общее географическое положение и тесные экономические связи); – транснациональный (общие социально-культурные признаки); – международный регион (территория, включающая несколько государств, обладающих общими природно-климатическими, географическими признаками и экономическими связями между собой)
2	Основной признак классификации	<ul style="list-style-type: none"> – экономический; – этнографический; – культурный; – конфессиональный; – природно-климатический
3	Тип индустриального развития	<ul style="list-style-type: none"> – традиционный; – индустриальный; – старопромышленный; – неоиндустриальный
4	Отраслевая специализация	<ul style="list-style-type: none"> – сельскохозяйственный; – добывающий; – промышленный; – сервисоориентированный
5	Экономическое состояние	<ul style="list-style-type: none"> – развитые; – экстенсивно-развивающиеся; – интенсивно-развивающиеся; – депрессивные; – отсталые; – кризисные
6	Критерий саморазвития	<ul style="list-style-type: none"> – саморазвивающиеся; – развивающиеся; – финансово устойчивые; – слаборазвитые
7	Потенциал	<ul style="list-style-type: none"> – продвинутые; – удаленные, с экстремальными погодными условиями; – консервативные; – перспективные
8	Цели региональной политики	<ul style="list-style-type: none"> – локомотив; – опорный; – полюс роста; – точка роста; – с неопределенными перспективами; – проблемный; – особого внимания

№	Признак	Типы регионов
9	Сложившаяся социально-экономическая ситуация	<ul style="list-style-type: none"> – с относительно благополучной социально-экономической ситуацией; – с удовлетворительной социально-экономической ситуацией; – с неустойчивой социально-экономической ситуацией; – депрессивные (критические)
10	Тип бюджетной устойчивости	<ul style="list-style-type: none"> – абсолютно устойчивые; – устойчивые; – нормально устойчивые; – относительно устойчивые; – неустойчивые положительным; – абсолютно неустойчивые
11	Местоположение	<ul style="list-style-type: none"> – внутренний; – приграничный

Примечание – Составлено автором на основе: Максимова И.В. Типология регионов и ее использование в региональном планировании // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 31 (166). С.16-20; Захарчук Е.А. Пасынков А.Ф., Некрасов А.А. Классификация регионов РФ по критериям саморазвития // Экономика региона. 2011. № 3 (27). С. 54-63; Региональная политика государства: содержание и реализация / АО «Эксперт РА». URL: http://www.raexpert.ru/conference/2005/reg_policy/; Гурьева М.А., Симарова И.С. Основные подходы к типологизации регионов // Перспективы науки. 2017. № 9 (96). С. 33-50; Грэзина М.А., Колчина О.А., Шевченко И.К. Типология регионов как информационно-аналитический инструментарий совершенствования межбюджетных отношений в условиях территориальной дифференциации // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 4 (20). С. 122-130. См.: Леонтьева Л.С., Прокурнова К.Ю. Учет типа пространственного развития региона при формировании социально-экономической политики // Экономика устойчивого развития. 2024. № 3 (59). С. 102-106.

Ряд типологий содержит схожие типы регионов, но отличается по критериям. Обзор исследований, посвященных типологии и классификации регионов, показал, что показатели пространственного развития в существующих типологиях регионов отсутствуют. Восполнением данной научной лакуны является проведенный автором расчет коэффициентов пространственного развития для 13 Волжских регионов (см. п. 4.1 и п. 4.3), что позволяет осуществить типологию на его основе. Для краткосрочного и среднесрочного периодов оптимальным является расчет базового коэффициента, включающего в себя 14 показателей. Если расчет проводится для длительного периода времени (более 20 лет), то для исключения влияния инфляционных процессов может использоваться коэффициент пространственного развития, состоящий из 12 показателей (таблица 5.2).

Таблица 5.2 – Значения коэффициентов пространственного развития Волжских регионов

Субъект РФ	1990-2020 гг.		2005-2020 гг.	
	$\bar{T}_{\text{пр}}$, по 14 показателям	$\bar{T}_{\text{пр}}$, по 12 показателям	$\bar{T}_{\text{пр}}$, по 14 показателям	$\bar{T}_{\text{пр}}$, по 12 показателям
Тверская область	1,0188	0,941812	1,0844	1,024273
Ярославская область	1,0453	0,969630	1,0800	1,010043
Костромская область	1,0204	0,946138	1,0680	1,019542
Ивановская область	1,0069	0,916493	1,0839	0,988166
Нижегородская область	1,0496	0,957547	1,1065	1,009394
Республика Марий Эл	1,0562	0,972781	1,1097	1,016935
Чувашская Республика	1,0276	0,952538	1,0628	0,993230
Республика Татарстан	1,0908	1,004520	1,1249	1,056089
Ульяновская область	1,0318	0,943576	1,0855	0,992949
Самарская область	1,0469	0,971433	1,0983	1,027556
Саратовская область	1,0335	0,945010	1,0772	1,000975
Волгоградская область	1,0364	0,954014	1,0942	1,009663
Астраханская область	1,0742	0,980536	1,0833	1,023246

Примечание – Рассчитано автором на основе таблицы 4.2.

Исходя из полученных результатов, по критерию значения коэффициента пространственного развития предлагаем выделять следующие типы регионов (таблица 5.3). Значения коэффициента пространственного развития субъектов Волжского макрорегиона, полученные расчетно-эмпирическим путем, обосновали подход к шкалированию значений коэффициента для определения типа региона, используя разный интервал для шага.

Таблица 5.3 – Типы регионов по критерию пространственного развития

Тип региона	Характеристика	Значение коэффициента пространственного развития
Деградирующий	все или значительная часть показателей пространственного развития в течение продолжительного периода времени демонстрируют отрицательную динамику	менее 0,75
Стагнирующий	до половины показателей в течение длительного периода показывают снижение, основная часть показателей находится на стабильном уровне	0,75-0,98
Стабильный	продолжительный период отрицательная динамика одних показателей компенсируется положительной динамикой других; в целом, не наблюдается ухудшение состояния региона	0,98-1,02

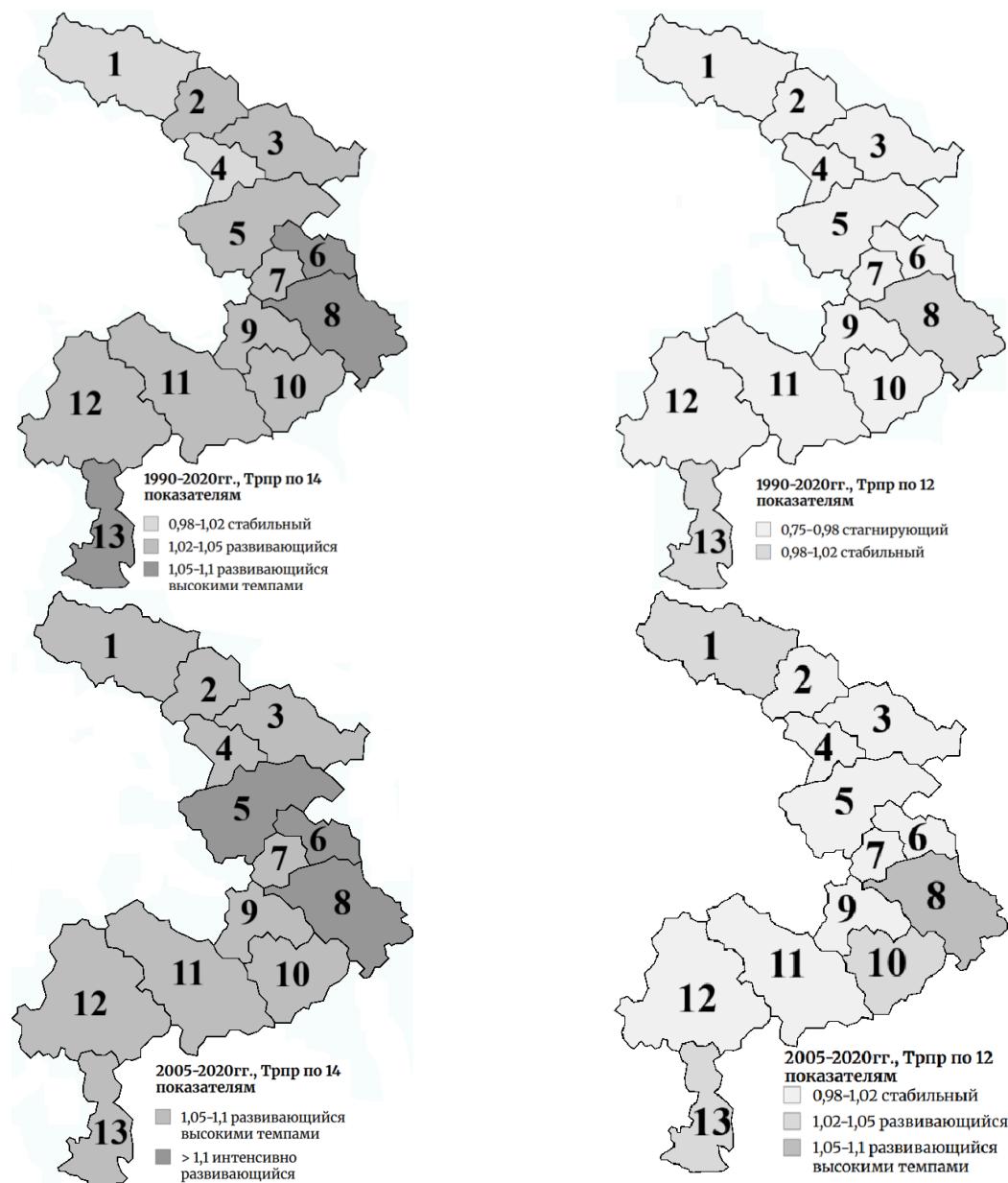
Тип региона	Характеристика	Значение коэффициента пространственного развития
Развивающийся	в течение длительного периода отрицательная динамика может наблюдаться у нескольких показателей, для большинства характерны незначительные темпы роста	1,02-1,05
Развивающийся высокими темпами	в целом, все показатели демонстрируют стабильный рост в течение длительного периода; в отдельные временные отрезки некоторые показатели могут характеризоваться снижением	1,05-1,1
Интенсивно развивающийся	продолжительный период времени для большей части показателей характерен стабильный рост	больше 1,1
Примечание – Разработано автором.		

Использование коэффициента пространственного развития для определения совокупного потенциала (таблица 4.10) позволяет выделить следующие типы регионов (таблица 5.4). Для определения типа региона по уровню совокупного потенциала с учетом коэффициента пространственного развития предложена четырехуровневая шкала диапазона значений от наименее возможного (0) до максимального (1) с шагом 0,25.

Таблица 5.4 – Типы регионов по уровню совокупного потенциала с учетом коэффициента пространственного развития

Тип региона	Характеристика	Уровень совокупного потенциала
С низким уровнем потенциала	низкий уровень демографического, трудового, инфраструктурного, экологического и экономического потенциалов, отсутствие пространственного развития продолжительный период времени	менее 0,25
С потенциалом ниже среднего уровня	для отдельных видов потенциала характерен невысокий уровень, невысокие темпы пространственного развития региона	0,25-0,5
С потенциалом выше среднего уровня	на высокий уровень всех или большинства видов потенциалов накладывается отсутствие пространственного развития продолжительный период времени или невысокий уровень большинства видов потенциалов мультилицируется высокими темпами пространственного развития	0,5-0,75
С высоким уровнем потенциала	высокий уровень всех составляющих совокупного потенциала региона мультилицируется высокими темпами пространственного развития	0,75-1,0
Примечание – Разработано автором.		

Проведенная типологизация 13 Волжских регионов по коэффициенту пространственного развития дала разрозненные результаты по каждому периоду – 15 и 30 лет (рисунок 5.1).

Примечания: 1 – Тверская область, 2 – Ярославская область, 3 – Костромская область, 4 – Ивановская область, 5 – Нижегородская область; 6 – Республика Марий Эл, 7 – Чувашская Республика, 8 – Республика Татарстан, 9 – Ульяновская область, 10 – Самарская область, 11 – Саратовская область, 12 – Волгоградская область, 13 – Астраханская область.

Составлено автором.

Рисунок 5.1 – Типологизация Волжских регионов по коэффициенту пространственного развития

Типологизация по базовому коэффициенту (по 14 показателям) для 30-летнего периода позволила выделить три типа регионов: стабильные

(Тверская и Ивановская области), развивающиеся (Ярославская, Костромская, Нижегородская, Ульяновская, Самарская, Саратовская, Волгоградская области и Чувашская Республика) и развивающиеся высокими темпами (Астраханская область, Республики Марий Эл и Татарстан). Но высокий уровень инфляции в 1990-е годы «завысила» данные расчетов коэффициента пространственного развития, поэтому в типологии, базирующейся на сокращенном коэффициенте (по 12 показателям), выделены регионы только двух типов – стагнирующие и стабильные.

За последние 15 лет расчетного периода коэффициент пространственного развития демонстрирует более высокие темпы. Типологизация по базовому коэффициенту в период 2005-2020 гг. позволяет выделить группы регионов по двум типам – развивающиеся высокими темпами и интенсивно развивающиеся. При этом сокращение временного периода исследования показывает переход региона с одного типа на уровень выше. Аналогичная ситуация наблюдается и в типологизации по сокращенному коэффициенту. В данном случае 13 Волжских регионов по коэффициенту пространственного развития (по 12 показателям) 2005-2020 гг. распределены по трем типам – стабильные, развивающиеся и развивающиеся высокими темпами.

Типологизация исследуемых Волжских регионов по уровню совокупного потенциала с учетом коэффициента пространственного развития стабильно демонстрирует группы только двух типов (см. таблицу 5.4) – регионы с потенциалом ниже среднего уровня и регионы с потенциалом выше среднего уровня (рисунок 5.2). Изменение значений регионов (по показателям пространственного развития и оценки потенциала) только перераспределяет субъекты федерации между данными двумя группами.

В основе расчета коэффициента пространственного развития лежат статистические показатели регионов, которые отражают разные процессы использования пространства территорий. С учетом того, что расчет коэффициента проводится по данным за длительный период времени, средние темпы роста этих показателей отражают ситуацию, складывавшуюся в регионах, и действия органов исполнительной власти субъектов для их преодоления. Поэтому при разработке

Примечания: 1 – Тверская область, 2 – Ярославская область, 3 – Костромская область, 4 – Ивановская область, 5 – Нижегородская область; 6 – Республика Марий Эл, 7 – Чувашская Республика, 8 – Республика Татарстан, 9 – Ульяновская область, 10 – Самарская область, 11 – Саратовская область, 12 – Волгоградская область, 13 – Астраханская область.

Составлено автором.

Рисунок 5.2 – Типологизация Волжских регионов по уровню совокупного потенциала с учетом коэффициента пространственного развития

мероприятий, обеспечивающих социально-экономическое развитие, в текущий момент необходимо рассчитывать коэффициент пространственного развития, чтобы определить тенденции, характеризовавшие использование пространства региона в предыдущий период времени, и их влияние на совокупный потенциал региона.

Данные тенденции могут носить как положительный характер, например, у Республики Татарстан значения коэффициента пространственного развития и уровня совокупного потенциала по каждому расчетному периоду максимальны по сравнению с другими исследуемыми регионами. За период 1990-2020 гг. у Республики Татарстан 10 из 14 показателей имели средний темп роста больше 1, за период 2005-2020 гг. средний темп роста уже 13 из 14 показателей превышал 1, что демонстрирует интенсификацию усилий региональных органов власти республики по повышению привлекательности региона для жизни и ведения деятельности.

Ивановская область продемонстрировала худшее значение коэффициента пространственного развития по данным 1990-2020 гг. и предпоследнее место в период 2005-2020 гг. В первом случае только у пяти показателей средние темпы роста имели значение выше 1 (из которых два показателя имели высокие темпы роста только из-за значительного обесценивания национальной валюты) и 8 из 14 показателей демонстрировали средние темпы роста выше 1 в период 2005-2020 гг.

Представленные типологии построены на основе расчетов коэффициента пространственного развития и уровня совокупного потенциала региона на основе статистических показателей. Разные значения коэффициента и совокупного потенциала территорий и, как следствие, разных типов регионов отражают дисбаланс процессов пространственного и социально-экономического развития (рисунок 5.3).

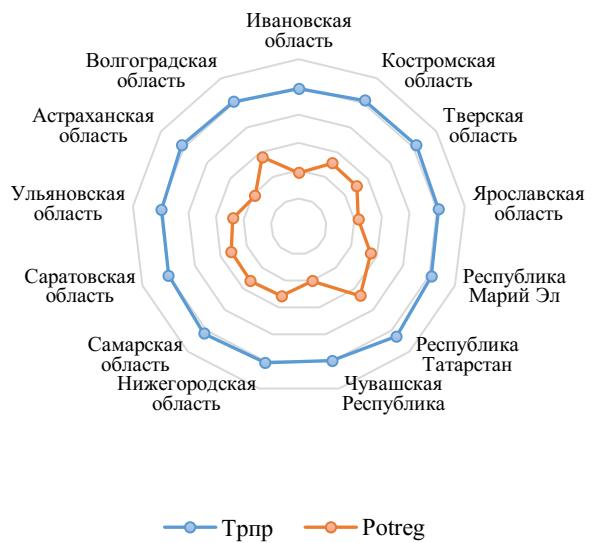
Органы исполнительной власти каждого субъекта федерации должны учитывать специфику пространственного развития территории при разработке стратегий и региональных программ, направленных на социально-экономическое развитие, с целью интенсификации использования пространства своих территорий, стимулирования пространственного развития и повышения потенциала региона.

Таким образом, в результате проведенного исследования предложены две типологии регионов, отражающие характеристики территорий в зависимости от значения коэффициента пространственного развития и уровня совокупного

2005-2020 гг., по 14 показателям

2005-2020 гг., по 12 показателям

1990-2020 гг., по 14 показателям

1990-2020 гг., по 12 показателям

Примечание – Составлено автором на основе данных таблицы 4.10.

Рисунок 5.3 – Диспропорции пространственного развития и совокупных потенциалов Волжских регионов

потенциала с учетом пространственного развития региона в предыдущий период времени. Анализ результатов проведенных расчетов коэффициента пространственного развития позволил распределить регионы по разным типам. Региональные органы власти должны учитывать тенденции пространственного развития своих территорий при формировании социально-экономической политики.

5.2. Разработка базового набора институтов пространственного развития регионов¹

Полноценное развитие регионов предполагает развитие их если не всех, то большинства направлений – экономического, социального, технологического, пространственного, инновационного и др. Е.М. Бухвальд и А.В. Виленский акцентировали внимание на согласовании применения и функционирования инструментов и институтов развития, реализующих федеральную политику регионального развития². Важным является согласование применяемых инструментов и институтов развития не только на федеральном уровне, но и на региональном – не только для обеспечения устойчивого развития субъектов Российской Федерации, но и для сглаживания межрегиональных диспропорций развития³. В новой Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года⁴ произошла смена целевого ориентира с сокращения межрегиональных диспропорций в уровне и качестве жизни, экономического роста, технологического развития на реализацию национальных целей. Включение целевых показателей в Национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года⁵ не направлено непосредственно на решение вопроса

¹ При работе над данным разделом диссертации использована следующая публикация автора, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Проскурнова К.Ю. Направления формирования минимального набора институтов пространственного развития регионов // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. № 2. С. 84-101.

² Бухвальд Е.М., Виленский А.В. Институты развития в стратегическом планировании пространственной структуры российской экономики // Региональная экономика. Юг России. 2017. № 1 (15). С.77-86.

³ Широв А.А., Кузнецова О.В., Михеева Н.Н., Узяков М.Н. Роль пространственного развития при достижении национальных целей Российской экономики // Проблемы прогнозирования. 2025. № 4 (211). С. 11-23.

⁴ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. Доступ из государственной системы правовой информации «Официальный интернет-портал правовой информации».

⁵ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309. Доступ из государственной системы правовой информации «Официальный интернет-портал правовой информации».

межрегиональных диспропорций развития, но предусматривает требование ко всем уровням власти обеспечить достижение ключевых значений развития как в экономической, технологической, производственной, экологической сфере, сфере цифровизации, так и качества жизни населения и развития личности. Часть целевых показателей предусматривает межрегиональное взаимодействие по их достижению, например, сокращение сброса неочищенных сточных вод или сохранение биологического разнообразия.

На федеральном уровне пространственное развитие страны и регионов, в первую очередь, определяется Стратегией пространственного развития Российской Федерации, Национальными целями развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, национальными проектами, стратегиями развития макрорегионов (например, Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года), секторов экономики и отраслей. Реализация данных документов предполагает взаимодействие различных министерств и ведомств как на федеральном уровне (по горизонтали), так и с региональными правительствами (по вертикали).

На региональном уровне пространственное развитие как направление деятельности не является обязательным. Основным документом, связанным с пространственным развитием территорий, является схема территориального планирования субъекта Российской Федерации (СТП). Несмотря на то, что структура СТП регламентирована Градостроительным кодексом РФ, наполнение данного документа имеет значительные отличия (см. п. 2.3), в том числе в использовании пространственных составляющих. Из 85 проанализированных регионов только у шести имеются концепции пространственного развития. Ярославская область единственная из группы Волжских регионов обладает концепцией пространственного развития. Но основным недостатком в реализации данной концепции Ярославской области является ее несогласованность со стратегией социально-экономического развития (ССЭР) региона, которая в первоначальном виде была принята в 2014 году

и в дальнейшем в нее вносились изменения и дополнения, но она не была переработана с учетом произошедших изменений в geopolитической и геоэкономической обстановке.

Проведенный теоретический и методологический анализ существующих проблем согласованности в наборе институтов пространственного развития выявил, что существует большое количество несогласованных действий по формированию институтов пространственного развития. Поэтому для решения практической задачи необходимо определить тот базовый набор институтов, которые гармонизируют пространственное развитие регионов и обеспечивают синергический эффект взаимодействия различных территорий, на что обращают внимание В.А. Крюков и Е.А. Коломак¹.

К основным недостаткам существующего базового набора институтов пространственного развития регионов можно отнести отсутствие регламента формирования нормативной основы и несогласованность в документах как в самих субъектах Российской Федерации, так и в межсубъектном взаимодействии. СТП как документ должна содержать планируемое размещение основных объектов регионального значения в сфере транспорта, здравоохранения, образования, физической культуры и спорта, предупреждения чрезвычайных ситуаций и энергетики, но не отражает направления развития территории региона. Развитие региона определяется стратегией социально-экономического развития. Согласимся с А.И. Татаркиным, что одним из важных инструментов институтов пространственного развития является программно-проектный подход, позволяющий решать конкретные задачи в заданный период времени², и который применяется при достижении целей ССЭР.

---

¹ Крюков В.А., Коломак Е.А. Пространственное развитие России: основные проблемы и подходы к их преодолению // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 227, № 1. С. 92-114; Крюков В.А., Коломак Е.А. Пространственный маневр на Восток: факты, барьеры, решения // Научные труды Вольного экономического общества России. 2025. Т. 252, № 2. С. 30-50.

² Татаркин А.И. Формирование региональных институтов пространственного развития Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 6 (24). С. 42-59.

ФЗ-172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹ предусматривает, что стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации должна разрабатываться на долгосрочный период (ст. 3) не менее 6 лет. Регионы не всегда разрабатывают стратегию как новый документ, а вносят корректизы в действующую, при этом внутри документа возникает несогласованность между разделами в части представленных данных. Примером этому служит стратегия социально-экономического развития Ярославской области. В п. 4.2 рассмотрены институциональные ловушки пространственного развития, отражающие расхождения в базовых документах развития региона. Подобные недостатки стратегического планирования на региональном и муниципальном уровне в Российской Федерации в своем исследовании отметили А.С. Новоселов и Т.В. Волянская². Авторы предлагают вариант модернизации институциональной системы развития регионов, который предусматривает совершенствование системы региональных и муниципальных планово-прогнозных и нормативных документов. Последнее может способствовать более полноценной реализации политики пространственного развития не только самих регионов и муниципальных образований, но и макрорегионов и государства.

Пространственное развитие заявлено в стратегиях социально-экономического развития 11 из 13 выбранных Волжских регионов. Также в аналогичных стратегиях (на период до 2020 года), но уже федеральных округов, только у Приволжского федерального округа были определены направления пространственного развития всего макрорегиона. Полнценно проработанные концепции представлены в стратегиях Нижегородской области и Республики Татарстан. В стратегиях остальных регионов или продублированы элементы Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года (например, Самарская область) или обозначена необходимость развития городских и сельских территорий, а также транспортной инфраструктуры.

---

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

² Новоселов А.С., Волянская Т.В. Проблемы модернизации стратегического планирования и управления экономикой региона в контексте глобальных изменений // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2024. № 4 (80). URL: <https://eee-region.ru/article/8012/>.

Таблица 5.5 – Разделы пространственного развития территорий в Стратегиях социально-экономического развития Волжских регионов

Регион	Период	Концепция / модель / направления пространственного развития
Центральный федеральный округ	2020	–
Приволжский федеральный округ	2020	3. Основное направление пространственного развития Приволжского федерального округа
Южный федеральный округ	2020	–
Ивановская область	2030	6.11. Пространственное развитие Ивановской области. Формирование агломераций и территорий развития
Костромская область	2035	Глава 22. Пространственное развитие
Тверская область	2030	–
Ярославская область	2030	–
Республика Марий Эл	2030	3.10 Пространственное развитие Республики Марий Эл
Республика Татарстан	2030	3.2. Концепция пространственного развития: Волго-Камский метрополис 3.2.1. Современное состояние и тенденции пространственного развития Перспективы пространственного развития 3.2.2. Цели и задачи пространственного развития 3.2.3. Меры пространственного развития 3.2.3.8. Институциональные меры в сфере пространственного развития Сочетание социально-экономического и территориального планирования В целях экономии ресурсов и повышения степени согласованности документов социально-экономического и территориального планирования, определяющих пространственное развитие, целесообразно соблюдать определенную последовательность разработки стратегических документов
Чувашская Республика	2035	Цель 5. Формирование конкурентоспособного региона на основе сбалансированного пространственного развития территорий
Нижегородская область	2035	3.3. Пространственное развитие и природные ресурсы 3.3.1. Концепция пространственного развития территорий
Самарская область	2030	4. Совершенствование территориально-пространственного развития области Рис. 102. Схема территориально-пространственного развития Самарской области
Саратовская область	2030	Приложение N 7 к Стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года Основные типы пространственного развития территории области
Ульяновская область	2030	1.2.3. Неравномерное пространственное развитие Ульяновской области 4.4. Стратегический приоритет «Сбалансированное пространственное развитие Ульяновской области»

Регион	Период	Концепция / модель / направления пространственного развития
Астраханская область	2035	4. Проектная инициатива «Пространственное развитие Астраханской области»
Волгоградская область	2030	7. Основные направления пространственного развития Волгоградской области

Примечание – Составлено автором на основе: Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Центрального федерального округа на период до 2020 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2011 г. № 1540-р; Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Приволжского федерального округа : распоряжение Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 165-р; Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2011 г. № 1538-р; Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ивановской области до 2030 года : постановление Правительства Ивановской области от 27 апреля 2021 г. № 220-п; Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Костромской области на период до 2035 года : распоряжение Администрации Костромской области от 12 июля 2021 г. № 165-ра; О Стратегии социально-экономического развития Тверской области на период до 2030 года : распоряжение Правительства Тверской области от 24 сентября 2013 г. № 475-рп; Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ярославской области до 2030 года : постановление Правительства Ярославской области от 6 марта 2014 г. №1 88-п; Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года : постановление Правительства Нижегородской области от 21 декабря 2018 г. № 889; О Стратегии социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года : постановление Правительства Самарской области от 12 июля 2017 г. № 441; Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года : постановление Правительства Саратовской области от 30 июня 2016 г. № 321-П; Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ульяновской области до 2030 года : постановление Правительства Ульяновской области от 13 июля 2015 г. № 16/319-П; О Стратегии социально-экономического развития Астраханской области на период до 2035 года : постановление Правительства Астраханской области от 30 ноября 2023 г. № 712-П; О Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2030 года : закон Волгоградской области от 28 декабря 2021 г. № 134-ОД; Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Марий Эл на период до 2030 года : постановление Правительства Республики Марий Эл от 17 января 2018 г. № 12; Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года : закон Республики Татарстан от 17 июня 2015 г. № 40-ЗРТ; О Стратегии социально-экономического развития Чувашской Республики до 2035 года : закон Чувашской Республики от 26 ноября 2020 г. № 102. Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

Проведенная систематизация институциональных норм, связанных с пространственным развитием регионов, носит несистемный и разрозненный характер, определяет отдельные направления регионального развития в качестве норм или региональных проектных инициатив.

Пространственное развитие предполагает синергическое развитие системы размещения объектов всех сфер региона – производственной, социальной, инфраструктурной, научно-исследовательской, инновационной и т.д. Для пространственного развития территории необходимо обеспечить согласованность

документов по направлениям и особенностям пространственного развития региона.

Стратегия социально-экономического развития (ССЭР) содержит основные критерии и показатели, характеризующие развитие региона, схема территориального планирования отражает распределение объектов по территории региона как природных, так и производственных, социальных, инфраструктурных. Включение концепции пространственного развития (модели пространственной организации) территории в СТП и критериев оценки пространственного развития в стратегию социально-экономического развития позволит скоординировать реализацию намеченных мероприятий и достижение поставленных целей в сфере пространственного развития территории. Исследуя федеральный уровень институциональных основ пространственного развития российских регионов, Н.Ю. Сорокина и Л.Н. Чайникова отметили необходимость согласованной реализации целей основных государственных документов, направленных на пространственное развитие¹.

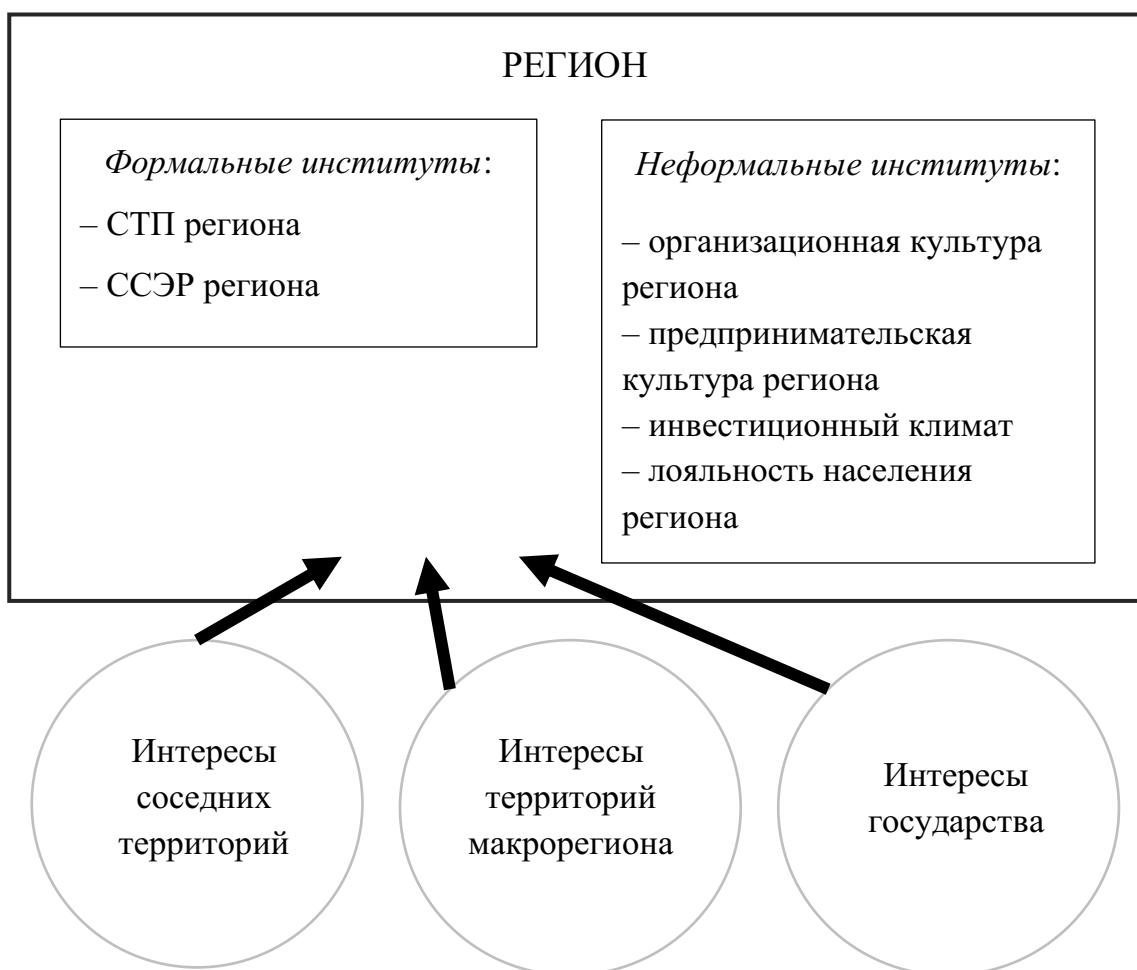
Согласование СТП и стратегии региона должно предусматривать аналогичные действия в отношении документов муниципальных образований данного субъекта Российской Федерации. При этом распределение природных объектов, производительных сил, объектов инфраструктуры, социальной и жилищной сферы по территории муниципального образования должно учитывать распределение подобных объектов по территории соседних муниципальных образований и всего региона в целом. Подобное согласование распределения всех объектов по муниципальным образованиям региона в документах данных территорий позволит обеспечить синергический эффект от реализации политики пространственного развития всего региона.

Для усиления данного эффекта при формировании концепции пространственного развития региона необходимо учитывать интересы

---

¹ Сорокина Н.Ю., Чайникова Л.Н. Роль институтов развития в реализации целей государственных программ направления «Сбалансированное региональное развитие» и Стратегии пространственного развития Российской Федерации // Региональная экономика. Юг России. 2022. Т. 10, № 2. С. 4-14.

пространственного развития соседних территорий (как регионов в целом, так и их отдельных муниципальных образований) и территорий, входящих в макрорегион (рисунок 5.4). В данном случае под макрорегионом мы можем понимать федеральный округ, экономический район или географический район, в котором субъекты Российской Федерации тесно взаимосвязаны. Примером последнего как раз и является рассматриваемая группа Волжских регионов, которые относятся к трем различным федеральным округам – Центральному (4 субъекта РФ), Приволжскому (7 субъектов РФ) и Южному (2 субъекта РФ); к трем экономическим районам – Центральному (4 субъекта РФ), Поволжскому (6 субъектов РФ), Волго-Вятскому (3 субъекта РФ); при этом для всех 13 регионов единственным географическим объектом является река Волга.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 5.4 – Институты пространственного развития региона

Обеспечение реализации положений Стратегии пространственного развития Российской Федерации О.Н. Валентик также связывает с необходимостью взаимодействия не только межрегионального, но и межуровневого – федерального, регионального, муниципального¹. Проблему отсутствия концепции связи между регионами ни как конкурентов, ни как партнеров в системе регионального планирования отмечает С.П. Монгуш². Эффективность пространственного развития взаимодействующих регионов С.П. Монгуш связывает с преодолением инфраструктурных ограничений, устранением территориальных диспропорций развития не только между регионами, но и внутри, а также реализацией совместных научно-исследовательских и инновационных проектов. Тенденции изменения региональных диспропорций в долгосрочный период, в том числе в условиях влияния экономических кризисов, и роль пространственного развития городов как инструмента преодоления региональных диспропорций раскрывают в своих исследованиях И.А. Антипин и Е.А. Шишкина³. Важным становится учитывать влияние не только внутренних причин, но и внешних шоков, усиливающих пространственные диспропорции развития регионов⁴.

У трех регионов представлены концепции пространственного развития, при этом только у Нижегородской области отражена необходимость кооперации с соседними территориями по развитию производственных возможностей. Концепции Ярославской области и Республики Татарстан ориентированы на развитие агломераций внутри регионов и предусматривают взаимодействие с соседними регионами по развитию транспортной инфраструктуры. Тем не менее

¹ Валентик О.Н. Новые институты политики пространственного регулирования в Российской Федерации // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 28. С. 114-121.

² Монгуш С.П. Пространственное социально-экономическое развитие взаимодействующих регионов (на примере регионов Сибирского федерального округа) // Региональная экономика: теория и практика. 2020. Т. 18, № 7 (478). С. 1266-1285.

³ Антипин И.А., Шишкина Е.А. Стратегическое управление диспропорциями социально-экономического и пространственного развития регионов России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 247, № 3. С. 179-201; Антипин И.А., Шишкина Е.А. Пространственная неоднородность развития городов в контексте формирования экономического благополучия территорий // Проблемы развития территории. 2025. Т. 29, № 5. С. 142-158.

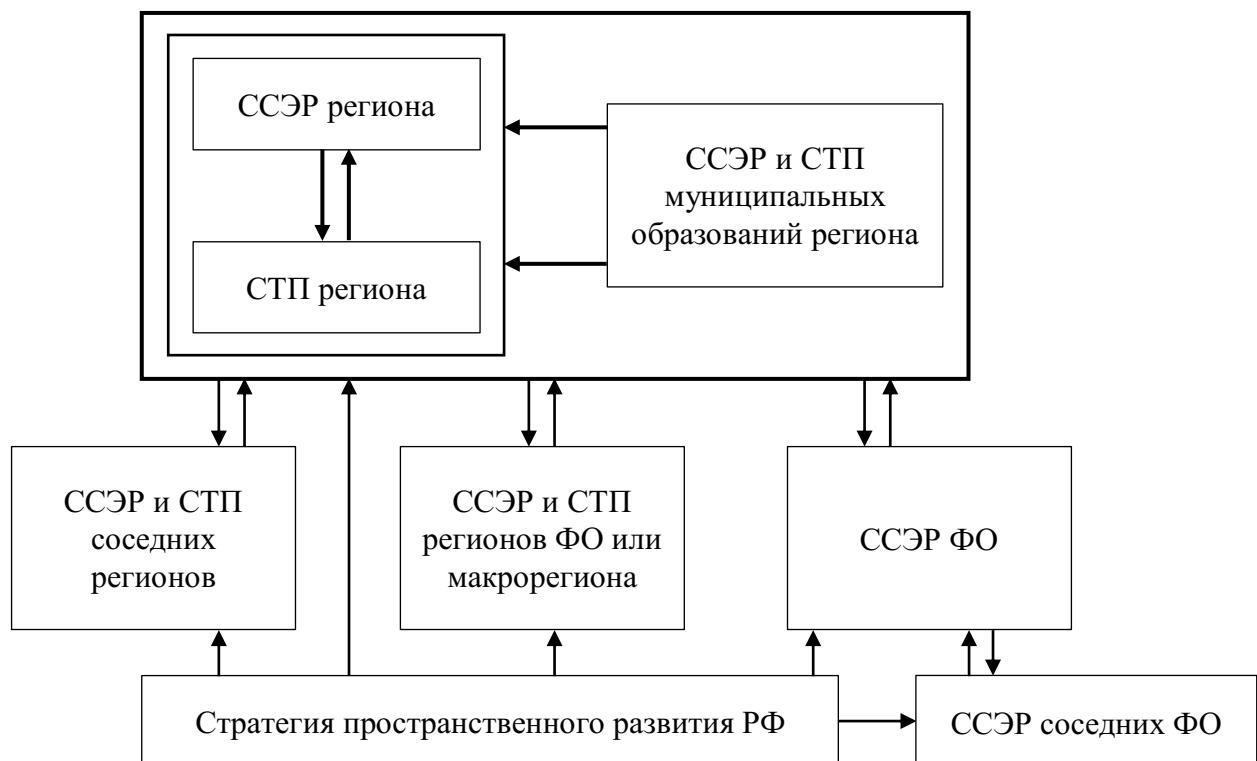
⁴ Михеева Н.Н. Адаптация пространственной структуры российской экономики к внешним шокам // Проблемы прогнозирования. 2023. № 6 (201). С. 207-219.

все три концепции представлены только в одном из региональных документов, формирующих институт пространственного развития, и не отражены в другом (у Нижегородской области и Республики Татарстан – в ССЭР, у Ярославской области – в СТП). Пространственное развитие связано не только с совершенствованием транспортной и селитебной инфраструктуры, но и с развитием системы размещения производительных сил региона, т.е. с формированием условий для развития производственной сферы. Как полагают И.Н. Молчанов и Н.П. Молчанова, потребности развития территорий следует рассматривать на уровне макрорегиона, т.к. более приемлемой таксономической единицей пространственной системы Российской Федерации является федеральный округ, а не субъект Российской Федерации¹. Здесь мы не можем в полной мере согласиться, потому что, как отметили И.Н. Молчанов и Н.П. Молчанова, именно субъекты Российской Федерации, а не макрорегионы, обладают всеми атрибутами власти и управления, поэтому у регионов есть достаточно полномочий и инструментов реализации мероприятий пространственного развития территорий. В таком случае экономический район или федеральный округ могут выступать связующим звеном между непосредственно не соседствующими регионами.

Формальный институт пространственного развития региона в основном представлен двумя документами: стратегией социально-экономического развития и схемой территориального планирования, которые должны взаимодополнять друг друга в части условий и целей пространственного развития по сферам жизни территории (в том числе производственной), согласовывать ССЭР и СТП муниципальных образований как основных составляющих элементов территории региона, учитывать интересы соседних субъектов Российской Федерации и интересы субъектов Российской Федерации, входящих в макрорегион, для формирования синергического эффекта развития и для исключения негативного влияния на функционирование своих территорий (рисунок 5.5).

---

¹ Молчанов И.Н., Молчанова Н.П. Стратегическое планирование и пространственное развитие России: проблемы, институты // Экономика. Налоги. Право. 2023. № 16 (6). С. 60-67.

Примечания: ССЭР – стратегия социально-экономического развития; СТП – схема территориального планирования; ФО – федеральный округ. Составлено автором.

Рисунок 5.5 – Механизм взаимодействия формальных институтов пространственного развития регионов

Важность выстраивания системы межрегионального взаимодействия для обеспечения пространственного развития территорий и повышения эффективности функционирования институтов пространственного развития субъектов Российской Федерации в своем исследовании отметили Е.В. Базуева и Ю.В. Дубровская¹. При реализации политики пространственного развития территорий Р.Ф. Гатауллин и Э.Р. Чувашаева, помимо совершенствования институтов межрегионального и межмуниципального взаимодействия, предлагают применять проектный подход в решении вопросов пространственного развития и обеспечивать взаимную выгоду для всех задействованных территорий².

Представленные на рисунке 5.4 неформальные институты в большей степени зависят от предыдущей траектории развития, но способны усиливать или ослаблять

¹ Базуева Е.В., Дубровская Ю.В. Обоснование причин неэффективности системы институтов пространственного развития РФ в контексте параметров качества // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2021. Т. 16, № 2. С. 150-167.

² Гатауллин Р.Ф., Чувашаева Э.Р. Тенденции, противоречия и закономерности функционирования институтов межрегионального и межмуниципального сотрудничества // Вестник университета. 2024. № 12. С. 50-57.

эффект действия формального института на пространственное развитие территории. Организационная культура региона, предпринимательская культура и лояльность населения отражают заинтересованность местных участников в реализации мероприятий, связанных с развитием территории¹. Инвестиционный климат показывает способность привлекать в регион новых участников для развития местного производства – обновления существующей производственной базы или освоения новых направлений как по отраслям, так и по территориям размещения.

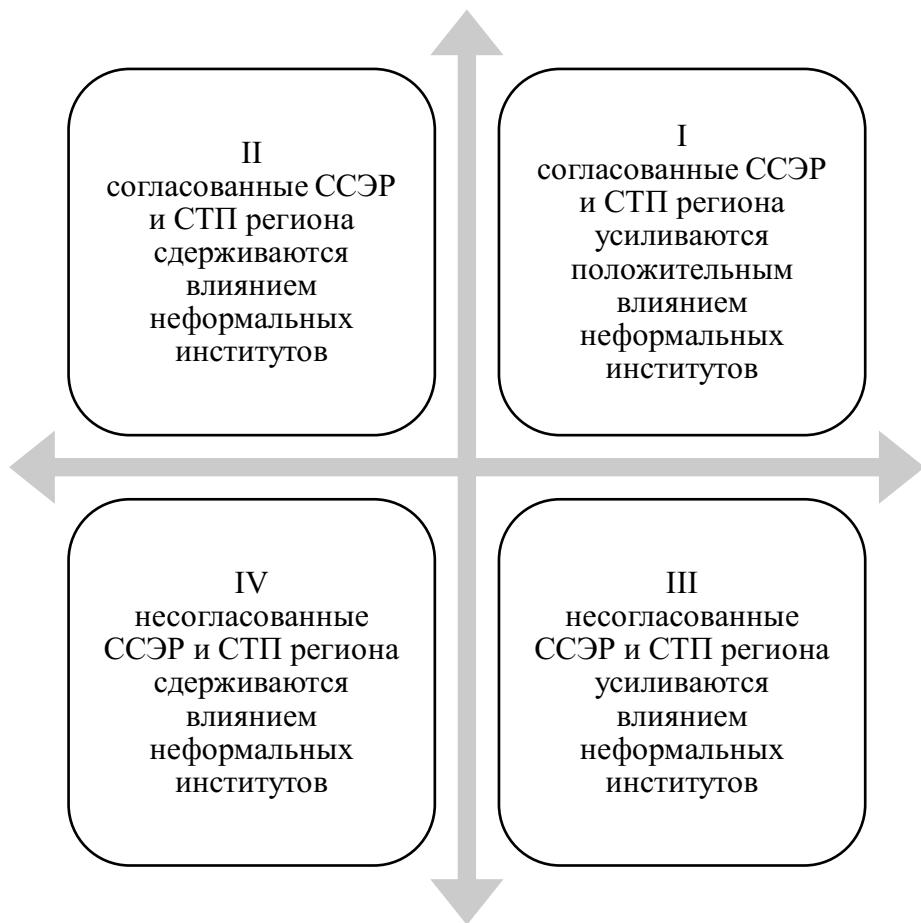
Пространственную трансформацию Нижегородской области в крупнейшую городскую агломерацию Волжско-Камского бассейна С.А. Виноградова, О.С. Рыбкина, С.В. Устинкин и А.А. Фоменков связывают не только с развитием инфраструктуры, объединившей группу населенных пунктов региона, но и с процессами переориентации имиджа Нижнего Новгорода с «город промышленности» на «город для людей». В своем исследовании авторы проанализировали, как использование таких инструментов регионального развития, как геокультурный брэндинг и территориальный маркетинг, позволило властям Нижегородской области изменить восприятие региона не только жителями и хозяйствующими субъектами данной территории, но и другими. Изменение имиджа Нижегородской области также сопровождается изменениями неформальных институтов пространственного развития, например улучшением инвестиционного климата региона. А получение статуса самого комфортного города России для проживания в рейтинге 2021 г. положительно сказывается на лояльности местного населения².

Анализ стратегий социально-экономического развития и схем территориального планирования группы Волжских регионов показал несогласованность основных элементов формальных институтов пространственного развития. Сдерживающее или стимулирующее влияние

¹ Леонтьева Л.С. Организационная культура: региональный аспект : монография / Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС» (Институт); Институт государственного и муниципального управления МУБиНТ. М., 2004. 240 с.

² Виноградова С.А., Рыбкина О.С., Устинкин С.В., Фоменков А.А. Пространственное развитие территорий: практические аспекты реализации имиджевых ресурсов крупнейшей агломерации / // Власть. 2022. Т. 30, № 4. С. 75-83.

неформальных институтов на пространственное развитие требует дополнительной оценки органами государственного управления данных регионов при проведении мероприятий по согласованию стратегий социально-экономического развития со схемами территориального планирования, т.е. переход из квадрантов III-IV в квадрант I (рисунок 5.6). В части формальных институтов пространственного развития региональным органам управления следует согласовать части СТП и ССЭР, касающиеся пространственного развития, и интересы других заинтересованных сторон, например, соседних территорий.

Примечание – Составлено автором на основе: Проскурнова К.Ю. Сильные и слабые институты: организационная культура // Финансовая экономика. 2019. № 9. С. 179-181.

Рисунок 5.6 – Матрица взаимодействия формальных и неформальных институтов пространственного развития региона

Таким образом, в настоящее время еще не сформировано единого подхода к определению базового набора институтов пространственного развития ни на федеральном, ни на региональном уровнях. Тем не менее существует потребность в формировании базового набора данных институтов для обеспечения достижения целей пространственного развития всего государства и его

территорий. Российская Федерация по площади является крупнейшим государством, поэтому достижение целей пространственного развития страны зависит от деятельности региональных органов власти, реализующих программы и мероприятия пространственного развития в субъектах Российской Федерации.

Несмотря на отсутствие на региональном уровне стратегий пространственного развития, субъекты федерации обладают достаточными возможностями по формированию институциональных основ пространственного развития своих территорий, используя такие плановые документы, как схема территориального планирования и стратегия социально-экономического развития. Но главным препятствием становится «размытость» данных документов как в аналитико-прогнозной части (пример Ярославской области), так и в несогласованности целевых ориентиров между СТП и ССЭР.

Важными становятся согласование целей и условий пространственного развития, отраженных в схеме территориального планирования и стратегии социально-экономического развития, разработка концепции (модели) пространственного развития и включение ее в СТП с указанием основных положений в региональной стратегии. Общая концепция пространственного развития региона должна содержать приоритеты пространственного развития каждого муниципального образования, входящего в субъект Российской Федерации, которые должны быть представлены в аналогичных документах на муниципальном уровне. С учетом муниципальных диспропорций развития, характерных для субъектов Российской Федерации, региональная концепция пространственного развития будет способствовать развитию межмуниципального сотрудничества и преодолению муниципальных диспропорций.

Институты пространственного развития региона также должны учитывать интересы соседних территорий, что может выражаться как в реализации совместных проектов, например, развитии общей инфраструктуры, так и в учете влияния используемых на территории региона инструментов пространственного развития на возможности пространственного или социально-экономического развития соседних субъектов Российской Федерации. Для обеспечения

эффективности мероприятий пространственного развития следует более широко внедрять практику межрегионального сотрудничества не только соседних территорий, но и с субъектами Российской Федерации, входящими в один макрорегион.

Таким образом, на основе авторского определения формальных и неформальных институтов составлен каркас институциональных механизмов, которые направлены на укрепление взаимодействия между регионами в рамках одного Волжского макрорегиона. Подобный авторский подход направлен на формирование базовых оснований для разработки конкретных институциональных механизмов, обеспечивающих пространственное развитие территории, предполагающее преодоление существующих и предупреждение будущих дисбалансов.

5.3. Инструменты взаимодействия институтов пространственного развития для преодоления региональных диспропорций

Анализ пространственного развития Волжских регионов позволил классифицировать их по величине коэффициента пространственного развития и по уровню совокупного потенциала с учетом данного коэффициента. Разрыв в значениях коэффициента и оценке совокупного потенциала отражает диспропорции в пространственном развитии регионов, которые необходимо сокращать за счет повышения показателей в «проседающих» составляющих.

Пространственное развитие региона должно обеспечивать повышение его потенциала. Несмотря на то, что различные институты предполагают взаимодействие регионов внутри федеральных округов, мы предлагаем расширить взаимодействие по обеспечению пространственного развития территорий не только внутри административно-территориальных образований на мезо- и макроуровне, но и с учетом географических и исторических аспектов. Волга является не только водным транспортным объектом, но также уникальным

экологическим и энергетическим объектом. Экологический фактор связан с биосферой, а энергетический – с каскадом ГЭС, действующим на реке. Регионам необходимо учитывать особенности и интересы друг друга для обеспечения собственного развития и ненанесения ущерба взаимосвязанным территориям. Примером необходимости согласования своих действий и намерений может служить энергетическая сфера, когда несогласованность действий ГЭС по разным регионам при спуске вод приводила к подтоплению территорий выше по течению р. Волга и нанесению материального ущерба муниципальным образованиям, хозяйствующим субъектам и населению.

Наибольший разрыв в значениях совокупного потенциала региона и коэффициента пространственного развития – у Республики Татарстан и Ивановской области, кроме значений периода 2005-2020 гг. $\overline{Tr_{pr}}$ по 14 индикаторам Костромской области и Pot_{reg} с $\overline{Tr_{pr}}$ 14 Астраханской области. Несмотря на невысокий уровень совокупного потенциала, Астраханская область не занимает последнее место в группе анализируемых регионов, т.к. обладает коэффициентом пространственного развития, характеризующим тип региона как развивающийся высокими темпами (оба рассматриваемых периода с коэффициентом по 14 индикаторам), развивающийся (коэффициент по 12 индикаторам в период 2005-2020 гг.) и стабильный (коэффициент по 12 индикаторам в период 1990-2020 гг.) (таблица 5.6).

Регионом-лидером по обоим критериям является Республика Татарстан, у которой высокий потенциал и наблюдаются положительные значения темпов роста по всем показателям коэффициента пространственного развития.

Взаимодействие между регионами должно обеспечивать не только сокращение в диспропорции пространственного развития территорий, но и положительную динамику, связанную с изменением оценочных критериев, как то повышение потенциала каждого региона, в том числе лидирующих, и увеличение коэффициента пространственного развития и его составляющих. Проведенные автором расчеты показывают, что сокращение существующих диспропорций возможно за счет повышения темпов роста отстающих регионов за счет укрепления социально-экономического взаимодействия с лидирующими.

Таблица 5.6 – Совокупный потенциал региона (Pot_{reg}) и коэффициент пространственного развития ($\overline{Tr}_{pr}$)

Субъект РФ	2005-2020 гг.				1990-2020 гг.			
	$\overline{Tr}_{pr}$, 14 инд.	Pot_{reg} с $\overline{Tr}_{pr} 14$	$\overline{Tr}_{pr}$, 12 инд.	Pot_{reg} с $\overline{Tr}_{pr} 12$	$\overline{Tr}_{pr}$, 14 инд.	Pot_{reg} с $\overline{Tr}_{pr} 14$	$\overline{Tr}_{pr}$, 12 инд.	Pot_{reg} с $\overline{Tr}_{pr} 12$
Ивановская область	1,0839	0,4209	0,9882	0,3837	1,0069	0,3910	0,9165	0,3559
Костромская область	1,0680	0,5364	1,0195	0,5121	1,0204	0,5125	0,9461	0,4752
Тверская область	1,0844	0,5358	1,0243	0,5061	1,0188	0,5034	0,9418	0,4654
Ярославская область	1,0800	0,4597	1,0100	0,4299	1,0453	0,4449	0,9696	0,4127
Республика Марий Эл	1,1097	0,6025	1,0169	0,5522	1,0562	0,5735	0,9728	0,5282
Республика Татарстан	1,1249	0,7103	1,0561	0,6669	1,0908	0,6888	1,0045	0,6343
Чувашская Республика	1,0628	0,4337	0,9932	0,4053	1,0276	0,4193	0,9525	0,3887
Нижегородская область	1,1065	0,5644	1,0094	0,5148	1,0496	0,5353	0,9575	0,4884
Самарская область	1,0983	0,5604	1,0276	0,5243	1,0469	0,5341	0,9714	0,4956
Саратовская область	1,0772	0,5589	1,0010	0,5193	1,0335	0,5362	0,9450	0,4903
Ульяновская область	1,0855	0,5219	0,9929	0,4774	1,0318	0,4961	0,9436	0,4537
Астраханская область	1,0833	0,4063	1,0232	0,3838	1,0742	0,4029	0,9805	0,3678
Волгоградская область	1,0942	0,6090	1,0097	0,5620	1,0364	0,5768	0,9540	0,5310
Примечание – Составлено автором на основе данных таблицы 4.10.								

Таблица 5.7 – Типы регионов по критерию пространственного развития и по уровню совокупного потенциала с учетом коэффициента пространственного развития

Критерий пространственного развития		Уровень совокупного потенциала с учетом коэффициента пространственного развития	
Значение коэффициента	Тип региона	Уровень потенциала	Тип региона
менее 0,75	деградирующий	менее 0,25	с низким уровнем потенциала
0,75-0,98	стагнирующий	0,25-0,5	с потенциалом ниже среднего уровня
0,98-1,02	стабильный	0,5-0,75	с потенциалом выше среднего уровня
1,02-1,05	развивающийся	0,75-1,0	с высоким уровнем потенциала
1,05-1,1	развивающийся высокими темпами		
более 1,1	интенсивно развивающийся		
Примечание – Составлено автором с использованием таблиц 5.3, 5.4.			

Наименьший вклад в совокупном значении потенциала регионов пришелся на демографический, трудовой и экономический. При этом трудовой потенциал зависит от демографического (в первую очередь, численность населения и рождаемость) и экономического (инвестиции в основной капитал и, как следствие, занятость населения). Негативное влияние на величину коэффициента пространственного развития оказали отрицательные темпы прироста численности населения (в том числе плотности населения) и перевозка грузов автомобильным и железнодорожным транспортом. Последние два критерия напрямую зависят от объемов производства внутри региона и развитости транспортной и логистической инфраструктуры.

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года¹ и Комплексном плане модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года² (национальный проект) основными направлениями обозначены транспортные потоки «Восток–Запад», «Север–Юг», национальные и региональные экономические центры, которые должны обеспечить развитие всего государства за счет обновления транспортной системы и увеличения грузопотока, субъектам Российской Федерации следует уделять внимание тем маршрутам и видам инфраструктуры, которые будут способствовать развитию экономики региона. Изменения в geopolитической и геоэкономической обстановке привели к повышению приоритета транспортного направления «Север–Юг», что нашло отражение в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года³.

---

¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р: документ утратил силу. Доступ из государственной системы правовой информации «Официальный интернет-портал правовой информации».

² О комплексном плане модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2018 г. № 2101-р. Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

³ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. Доступ из государственной системы правовой информации «Официальный интернет-портал правовой информации».

Несмотря на то, что неравномерное пространственное развитие является естественным процессом¹, преодоление региональных диспропорций предполагает большее вовлечение институтов пространственного развития в решение данной проблемы. На рисунке 5.7 представлены этапы участия институтов пространственного развития в обеспечении условия развития региона.

Примечания: ПРР – пространственное развитие региона; ССЭР – стратегия социально-экономического развития; СТП – схема территориального планирования. Составлено автором.

Рисунок 5.7 – Алгоритм развития институтов пространственного развития региона

На первом этапе региональные органы исполнительной власти самостоятельно или, выступая заказчиком, привлекают специализированные организации к осуществлению анализа пространственного развития региона и его потенциала. Ретроспективный анализ территории должен охватывать длительный период для выявления тех изменений, которые становятся характерными для

¹ Коломак Е.А. Пространственное развитие Новосибирской области // Пространственная экономика. 2024. Т. 20, № 4. С. 8-26.

пространственного развития данного региона. На данном этапе необходимо определить темпы роста показателей, отражающих пространственное развитие, с целью выявления того, к какому типу относится регион (см. таблицы 5.3, 5.4).

В результате анализа всех составляющих пространственного развития и совокупного потенциала региона должны быть выявлены негативные тенденции изменения показателей, определены те элементы, которые в большей степени сдерживают развитие региона, а также нереализованные возможности использования потенциала территории. Преодоление негативной динамики в данных направлениях и реализация потенциальных возможностей должны учитываться при разработке новой модели пространственного развития территории или внесении изменений и дополнений в уже существующую, что осуществляется на третьем этапе.

При разработке модели пространственного развития предлагается учитывать интересы соседних или входящих в макрорегион субъектов федерации. Принятие во внимание интересов может осуществляться или через совместную реализацию проектов и программ, например создание межрегионального кластера, включающего в себя производственные, научно-исследовательские и другие организации тех субъектов федерации, интересы которых учитываются в разрабатываемой модели, или развитие межрегиональной транспортной инфраструктуры (автомобильные или железнодорожные магистрали); или оценивать влияние на соседние регионы (выявление негативного воздействие) проектов и программ, реализуемых данным субъектом федерации в целях пространственного развития. В случае разработки совместных программ и проектов привлеченные регионы должны внести изменения в свои документы пространственного развития для более полного учета реализуемых мероприятий, направленных на пространственное развитие территорий.

Разработанная модель пространственного развития на следующем этапе должна быть отражена в стратегии социально-экономического развития и схеме территориального планирования региона. В стратегии должны быть отражены направления, цели и критерии пространственного развития, а схема

территориального планирования должна непосредственно содержать потенциальное распределение объектов различных категорий, размещение которых должно способствовать пространственному развитию региона. Т.е. схема размещения объектов в СТП будет визуальным отображением модели пространственного развития региона.

Помимо модели пространственного развития, должны быть определены мероприятия, в том числе действующие государственные программы (федеральные и региональные) и проекты (национальные, федеральные, региональные и частные), реализация которых также будет способствовать пространственному развитию. Те мероприятия, которые не отражены в уже принятых государственных программах и проектах всех уровней, необходимо реализовать посредством разработки и принятия региональных программ и проектов.

На последнем этапе осуществляется реализация запланированных мероприятий, государственных программ и проектов, которые должны способствовать обеспечению пространственного развития, стимулированию ускоренного роста тех сфер, в которых наблюдались негативные тенденции и проблемы, и преодолению региональных диспропорций, особенно если субъект федерации характеризуется относительно низким потенциалом с учетом корректирующего коэффициента пространственного развития. Мониторинг выполняемых мероприятий, программ и проектов должен определить наличие положительного эффекта от их реализации и отразить необходимость внесения корректировок или в мероприятия, или в модель пространственного развития региона. Помимо мониторинга мероприятий, программ и проектов, реализуемых в данном регионе, должен осуществляться мониторинг внешней среды – как макроэкономических изменений, в т.ч. геоэкономических и geopolитических, так и изменений в субъектах федерации, связанных с данным регионом.

Проведенный анализ Волжских регионов выявил, что Астраханская, Ивановская, Ярославская области и Чувашская Республика характеризуются наименьшими значениями совокупного потенциала региона (рисунок 5.3),

у Ивановской области также минимальный коэффициент пространственного развития (кроме $\overline{T_{pr}}$ по 14 индикаторам в период 2005-2020 гг.). Астраханская область попадает в группу регионов с максимальными значениями коэффициента пространственного развития по обоим ретроспективным периодам.

Наименьшие отрицательные значения демографического потенциала у всех указанных четырех регионов (таблица 5.8). Минимальные значения трудового потенциала у Астраханской и Ярославской областей, инфраструктурного – у Ивановской области и Чувашской Республики, экологического – у Ивановской, Ярославской областей, Чувашской Республики, а экономического – у Астраханской области и Чувашской Республики.

Таблица 5.8 – Результаты оценки потенциалов региона по данным 2020 г.

Субъект РФ	Потенциал					
	демографи-ческий	трудо-вой	инфраструкту-рный	экологи-ческий	экономи-ческий	совокуп-ный
Ивановская область	-0,0371	-0,0288	0,1871	0,1813	0,0859	0,3883
Ярославская область	-0,0443	-0,0325	0,2100	0,2126	0,0798	0,4257
Чувашская Республика	-0,0607	-0,0098	0,1838	0,2188	0,0760	0,4081
Астраханская область	-0,0869	-0,0344	0,1930	0,2283	0,0751	0,3751

Примечание – Составлено автором на основе таблицы 4.9.

У Ивановской области наименьшее значение пространственного коэффициента (по 12 показателям) в оба периода 1990-2020 гг. и 2005-2020 гг., что обусловлено отрицательными темпами роста численности населения, доли городского населения, площади территории (в период 1990-2020 гг., т.к. в 1994 г. один муниципальный район перешел в состав Нижегородской области), плотности населения, численности занятых, протяженности внутренних водных путей, перевозок грузов автомобильным транспортом организаций всех видов деятельности и отправления грузов железнодорожным транспортом общего пользования (таблица 5.9). Несмотря на отрицательные темпы естественного прироста численности населения, в Астраханской области в 1990-2010 гг. наблюдалась положительная динамика миграционного прироста населения,

что отразилось на значении средних темпов роста численности населения в структуре коэффициента пространственного развития. Но отрицательные значения темпов естественного и миграционного прироста населения стали одним из негативных факторов при расчете демографического потенциала региона. В целом, снижающий эффект при расчете коэффициента пространственного развития Астраханской области оказали темпы роста численности занятых (1990-2020 гг.), протяженности внутренних водных путей (1990-2020 гг.) и перевозок автомобильным транспортом (оба периода). У Ярославской области и Чувашской Республики схожие негативные составляющие в коэффициенте пространственного развития – темпы роста численности населения, плотности населения, численности занятых, плотности железнодорожных путей (1990-2020 гг. у Ярославской области), индекса физического объема инвестиций (1990-2020 гг.), перевозок грузов автомобильным и железнодорожным транспортом.

Таблица 5.9 – Данные расчета средних темпов роста показателей в 1990-2020 гг. и 2005-2020 гг.

Субъект РФ	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1990-2020 гг.										
Ивановская область	0,9490	0,9986	0,9825	0,9659	0,9372	1,0313	0,9171	0,9718	0,5592	0,7079
Ярославская область	0,9683	1,0000	1,0000	0,9684	0,9548	0,9882	1,0050	0,9574	0,6968	0,8562
Чувашская Республика	0,9815	1,0168	1,0000	0,9815	0,9734	0,9966	1,0938	0,9660	0,6112	0,6988
Астраханская область	1,0017	0,9961	1,0000	1,0017	0,9825	0,9924	0,9886	1,0000	0,5436	1,1809
2005-2020 гг.										
Ивановская область	0,9416	0,9970	1,0000	0,9987	0,9710	1,0106	1,3463	1,1008	0,6363	0,8298
Ярославская область	0,9624	1,0048	1,0000	0,9624	0,9547	1,0019	1,1819	1,0541	0,8730	0,9351
Чувашская Республика	0,9700	1,0174	1,0000	0,9700	0,9732	1,0195	1,1733	1,0492	0,6637	0,9565
Астраханская область	0,9978	0,9942	1,0000	0,9979	1,0141	0,9974	1,0953	1,0539	0,7193	1,2467

В каждом регионе отправка грузов железнодорожным и автомобильным транспортом зависит от объемов производства внутри региона, направляемого на внешние рынки (за пределы данной территории) и от развитости транспортной и логистической инфраструктуры (таблица 5.10).

Таблица 5.10 – Основные элементы транспортной инфраструктуры Астраханской, Ивановской, Ярославской областей и Чувашской Республики

Субъект РФ	Виды транспорта			
	воздушный	водный	автомобильный	железнодорожный
Ивановская область	1 аэропорт	1 речной порт	федеральные автомобильные дороги – 119,0 км; автомобильные дороги регионального или муниципального значения – 3 499,1 км; автомобильные дороги местного значения – 8 045,0 км	участки Северной железной дороги
Ярославская область	1 аэропорт	3 речных порта	федеральные автомобильные дороги – 428,6 км; автомобильные дороги регионального или муниципального значения – 6 152,1 км; автомобильные дороги местного значения – 11 973,9 км	участки Октябрьской железной дороги, Северной железной дороги
Чувашская Республика	1 аэропорт	1 речной порт	федеральные автомобильные дороги – 307,7 км; автомобильные дороги регионального или муниципального значения – 1 556,8 км; автомобильные дороги местного значения – 10 837,2 км	участки Горьковской железной дороги
Астраханская область	1 аэропорт	1 речной, 2 морских порта	федеральные автомобильные дороги – 581,1 км; автомобильные дороги регионального или муниципального значения – 2 199,8 км; автомобильные дороги местного значения – 4 258,2 км	участки Приволжской железной дороги

Примечание – Составлено автором на основе: Транспорт России / Министерство транспорта Российской Федерации. URL: https://mintrans.gov.ru/transport_of_russian/

Все рассматриваемые регионы ориентированы на наращивание промышленного производства, что отражено в политике развития индустриальных парков, технопарков и кластеров по основным отраслям специализации (таблица 5.11). Кластеры Ивановской и Ярославской областей находятся на начальном этапе, а в Чувашской Республике действуют продолжительный период времени.

Таблица 5.11 – Действующие и создаваемые промышленные площадки регионов (по состоянию на декабрь 2024 г.)

Субъект РФ	Индустриальные парки	Технопарки	Кластеры	Таможенные посты
Ивановская область	4		2	
Ярославская область	4	1	4	1
Чувашская Республика	3	5	4	
Астраханская область	1 (ОЭЗ)	1		1

Примечания: ОЭЗ – особая экономическая зона. Составлено автором на основе: Атлас промышленности / Государственная информационная система промышленности. URL: <https://gisip.gov.ru/gisip/>.

В таблице 5.12 представлены разработанные автором направления преодоления пространственных диспропорций по четырем Волжским регионам, имеющим наименьшие значения коэффициента пространственного развития и уровня совокупного потенциала территории, скорректированного на коэффициент пространственного развития. Для конкретизации каждого этапа осуществления действий автором используются коды проблем и причин недостаточности пространственного развития территорий, присвоенные на рисунке 1.2 (глава 1).

Положительный опыт функционирования особой экономической зоны (ОЭЗ), связанной с морским портом, стал причиной разработки проекта новой ОЭЗ Астраханской области. Наличие таможенных постов в Астраханской и Ярославской областях стимулирует развитие в данных регионах транспортных узлов и внешнеэкономической деятельности не только данных областей, но и сопряженных регионов.

Таблица 5.12 – Этапы развития институтов пространственного развития Астраханской, Ивановской, Ярославской областей и Чувашской Республики для преодоления региональных диспропорций

Этап	Ивановская область	Ярославская область	Чувашская Республика	Астраханская область
Анализ пространственного развития	Ретроспективный анализ показателей пространственного развития территории в долгосрочный период (демографические, производственные, инфраструктурные, инвестиционные, транспортные показатели), определение слабых и сильных сторон, выявление негативных факторов, сдерживающих пространственное развитие (1ПИнстХ, 2ПЭУХ)			
Моделирование пространственного развития региона	<p>разработка модели пространственного развития (организации) области с отражением текущего и планируемого расселенческого и экономического каркасов, транспортной сети (1ПИнстХ, 2ПЭУХ)</p> <p>– согласование с Владимирской, Костромской, Нижегородской и Ярославской областями развития автомобильных дорог повышенной пропускной способности и развития альтернативного транспортного маршрута Север-Юг (1ПИнфрХ, 2ПИнфрХ); – согласование с ОАО «РЖД» увеличения пропускной способности железнодорожных путей для развития</p>	<p>дополнение существующей модели транспортной сетью и транспортными узлами межрегионального характера (1ПИнстХ)</p> <p>– согласование с Вологодской, Ивановской, Костромской, Московской областями развития автомобильных дорог повышенной пропускной способности (1ПИнфрХ, 2ПИнфрХ); – согласование с ОАО «РЖД» строительства скоростных железнодорожных магистралей (1ПИнфрХ, 1ПЭУХ); - формирование транспортного узла с перегрузочной</p>	<p>разработка модели пространственного развития (организации) области с отражением текущего и планируемого расселенческого и экономического каркасов, транспортной сети (1ПИнстХ, 2ПЭУХ)</p> <p>– согласование с Республикой Марий Эл развития автомобильных дорог повышенной пропускной способности (1ПИнфрХ, 2ПИнфрХ); – формирование транспортного узла с перегрузочной инфраструктурой для речного (Чебоксары), автомобильного (Чебоксары) и железнодорожного (Канаш) транспорта в рамках направлений Север-</p>	<p>разработка модели пространственного развития (организации) области с отражением текущего и планируемого расселенческого и экономического каркасов, транспортной сети (1ПИнстХ, 2ПЭУХ)</p> <p>– согласование с Волгоградской областью, Республиками Дагестан, Калмыкия развития инфраструктуры автомобильных дорог для грузового транспорта, учитывающей особенности природно-климатических условий в летний и зимний периоды (1ПИнфрХ, 2ПИнфрХ); – формирование транспортного узла с перегрузочной инфраструктурой для морского, автомобильного</p>

Этап	Ивановская область	Ярославская область	Чувашская Республика	Астраханская область
	альтернативного грузового маршрута на Дальний Восток (1ППХ, 1ПИнфрХ, 1ПЭУХ); – совместное с Владимирской, Костромской, Московской, Ярославской областями развитие инфраструктуры туристического маршрута «Золотое кольцо» (2ПИнфрХ)	инфраструктурой для автомобильного, железнодорожного и речного транспорта в рамках направлений Север-Юг и Запад-Восток (3ППХ, 1ПЭУХ); – совместное с Владимирской, Ивановской, Костромской, Московской областями развитие инфраструктуры туристического маршрута «Золотое кольцо» (2ПИнфрХ)	Юг и Запад-Восток (3ППХ, 1ПЭУХ); – совместное с Республиками Марий Эл и Татарстан развитие инфраструктуры туристического маршрута «Великий Волжский путь» (2ПИнфрХ)	и железнодорожного транспорта в рамках направления Север-Юг (1ППХ, 3ППХ, 1ПЭУХ)
		взаимодействие с АО «Судостроительный завод «Вымпел» и ПАО «Ярославский судостроительный завод» по развитию речного пассажирского и грузового транспорта (1ПЭУХ)		взаимодействие с АО «Судостроительный завод «Лотос» по развитию речного и морского грузового транспорта (1ПЭУХ)
		создание комплексного транспортного узла Лютово (железнодорожная грузовая станция) – Туношна (создание грузового терминала в действующем аэропорту) – Ярославль (создание грузового терминала в действующем речном порту) (1ПЭУХ)		расширение грузового терминала железнодорожного транспорта (1ПЭУХ)

Этап	Ивановская область	Ярославская область	Чувашская Республика	Астраханская область
	развитие льняного производства в сельскохозяйственной отрасли для обеспечения текстильного кластера (2ПИнфРХ, 2ПИнфРХ)	взаимодействие с Ивановской областью по развитию льняного производства в сельскохозяйственной отрасли для обеспечения текстильного кластера (2ПИнфРХ, 2ПИнфРХ)		
	развитие социальной инфраструктуры малых населенных пунктов, не входящих в региональную агломерацию (3ПИнсТХ, 1ПИнфРХ, 3ПИнфРХ)	развитие социальной инфраструктуры малых населенных пунктов, не входящих в региональную агломерацию (3ПИнсТХ, 1ПИнфРХ, 3ПИнфРХ)	развитие социальной инфраструктуры малых населенных пунктов, не входящих в региональную агломерацию (3ПИнсТХ, 1ПИнфРХ, 3ПИнфРХ)	развитие социальной инфраструктуры малых населенных пунктов, не входящих в региональную агломерацию (3ПИнсТХ, 1ПИнфРХ, 3ПИнфРХ)
Моделирование пространственного развития в ССЭР и СТП	– включение модели пространственного развития в структуру СТП (1ПИнсТХ, 2ПЭУХ); – отражение планируемых объектов размещения в модели пространственного развития (2ПЭУХ); – включение целей и задач пространственного развития в ССЭР региона, соответствующих модели пространственного развития региона (1ПИнсТХ, 2ПЭУХ); – составление СТП и ССЭР в одном временном интервале на основе данных прогноза	– внесение изменений в существующую модель пространственного развития в структуре СТП (1ПИнсТХ, 2ПЭУХ); – отражение планируемых объектов размещения в модели пространственного развития (2ПЭУХ); – включение целей и задач пространственного развития в ССЭР региона, соответствующих модели пространственного развития региона (1ПИнсТХ, 2ПЭУХ); – составление СТП и ССЭР в одном временном интервале на основе данных прогноза	– включение модели пространственного развития в структуру СТП (1ПИнсТХ, 2ПЭУХ); – отражение планируемых объектов размещения в модели пространственного развития (2ПЭУХ); – включение целей и задач пространственного развития в ССЭР региона, соответствующих модели пространственного развития региона (1ПИнсТХ, 2ПЭУХ); – составление СТП и ССЭР в одном временном интервале на основе данных прогноза	– включение модели пространственного развития в структуру СТП (1ПИнсТХ, 2ПЭУХ); – отражение планируемых объектов размещения в модели пространственного развития (2ПЭУХ); – включение целей и задач пространственного развития в ССЭР региона, соответствующих модели пространственного развития региона (1ПИнсТХ, 2ПЭУХ); – составление СТП и ССЭР в одном временном интервале на основе данных прогноза

Этап	Ивановская область	Ярославская область	Чувашская Республика	Астраханская область
	социально-экономического развития одного периода (1ПИнстХ, 2ПЭУХ)	данных прогноза социально-экономического развития одного периода (1ПИнстХ, 2ПЭУХ)	социально-экономического развития одного периода (1ПИнстХ, 2ПЭУХ)	социально-экономического развития одного периода (1ПИнстХ, 2ПЭУХ)
Сопоставление государственных программ, национальных, федеральных, региональных проектов	Соотнесение реализуемых в регионе государственных программ и региональных проектов с целями и задачами пространственного развития региона (1ПИнстХ, 2ПЭУХ)			
Мониторинг достижения целей и выполнения задач пространственного развития	Мониторинг реализуемых в регионе мероприятий, направленных на пространственное развитие, контроль полноты и сроков выполнения (1ПИнстХ, 2ПЭУХ)			
Примечания: ППХ – причины природного (естественного) характера, ПИнфрХ – причины инфраструктурного характера, ПИнстХ – причины институционального характера, ПЭУХ – причины экономико-управленческого характера. Разработано автором с использованием рисунка 1.2.				

Астраханская область имеет выгодное положение на направлении «Север–Юг» в Каспийском бассейне, поэтому грузовые потоки из Азиатского региона через Астраханский транспортный узел могут направляться в Азово–Черноморский бассейн или вверх по Волге. Ярославская область находится на пересечении двух направлений «Север–Юг» и «Запад–Восток», поэтому Ярославский транспортный узел может стать перевалочным для грузовых потоков данных маршрутов, ориентированных на морские порты Мурманска, Архангельска, Санкт–Петербурга (автомобильный и железнодорожный транспорт) или Астрахани (речной транспорт). Взаимодействие Чувашской Республики с соседними регионами по созданию транспортного узла будет способствовать формированию еще одного перераспределительного транспортного центра на Средней Волге, который находится на направлении «Запад–Восток» по автомобильным и железнодорожным маршрутам и на направлении «Север–Юг» по речному маршруту.

Совместное развитие субъектами межрегиональных туристических маршрутов позволит увеличить поток въезжающих туристов, не снижая конкурентоспособность и привлекательность регионов, включенных в данные маршруты – маршрут «Золотое кольцо» для Ивановской, Костромской, Ярославской областей совместно с Владимирской и Московской областями и маршрут «Великий Волжский путь» для Республики Марий Эл, Республики Татарстан и Чувашской Республики.

Развитие транспортных маршрутов, узлов и туристической инфраструктуры направлено на увеличение грузо- и пассажиропотоков и занятости населения. Проблема снижения численности населения, в том числе за счет миграционного оттока, решается в рамках национальных проектов «Демография» (2019–2024 гг.), «Семья», «Продолжительная и активная жизнь», «Кадры» и «Молодежь России» (2025–2030 гг.). В Стратегии пространственного развития на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года так же, как и в предыдущей стратегии, ориентир делается на развитии агломераций и опорных населенных пунктов, но регионам необходимо развивать социальную инфраструктуру и привлекать инвестиции в малые

населенные пункты, расположенные в стороне от агломераций или опорных населенных пунктов, с целью предотвращения миграционного оттока и повышения привлекательности проживания в них для трудоспособного населения, в том числе молодежи.

Таким образом, отражение в модели пространственного развития регионов новых характеристик индустриальных объектов, транспортной инфраструктуры, привлечение заинтересованных регионов к совместному развитию транспортной сети будет способствовать преодолению негативных тенденций в пространственном развитии, налаживанию долгосрочных связей, способствующих повышению деловой активности и, как следствие, занятости и благосостояния населения.

Выводы по пятой главе:

1. В результате проведенного исследования было осуществлено стратегическое позиционирование субъектов Российской Федерации, входящих в Волжский макрорегион, базирующееся на двойной типологии регионов по коэффициенту пространственного развития и по уровню совокупного потенциала территорий, скорректированного на коэффициент пространственного развития, что позволило выявить факторы, сдерживающие пространственное развитие территорий и стимулирующие усиление региональных диспропорций.

2. Для обеспечения пространственного развития территории и преодоления региональных диспропорций требуется согласование основных составляющих базового набора институтов пространственного развития – стратегии социально-экономического развития и схемы территориального планирования субъекта Российской Федерации. Важным является согласование не только данных двух документов на уровне региона, но и на уровне муниципальных образований, входящих в данный субъект Российской Федерации (по горизонтали и по вертикали), а также учет интересов соседних территорий (регионов в целом и муниципальных образований в частности) и регионов, входящих в макрорегион (федеральный округ или географический район).

3. Разработанный алгоритм развития институтов пространственного развития входит в состав инструментария взаимодействия институтов пространственного развития для преодоления региональных диспропорций субъектов Волжского макрорегиона, стимулирования развития тех сфер, для которых были характерны негативные тенденции в ретроспективный период. Механизм взаимодействия формальных институтов пространственного развития субъектов Волжского макрорегиона направлен на расширение взаимодействия территорий в рамках межрегиональной кооперации и достижение синергического эффекта пространственного развития всех задействованных территорий. Разработаны этапы развития институтов пространственного развития субъектов Российской Федерации, входящих в Волжский макрорегион.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Раскрытие процессов пространственного развития в ретроспективный долгосрочный период позволяет выявить сферы, оказывающие сдерживающее воздействие, для формирования концепции пространственного развития региона в целях повышения его потенциала. Анализ понятия «пространство» дает возможность говорить об отсутствии у него границ, поэтому пространственное развитие одного региона будет оказывать влияние на функционирование других, что вызывает необходимость согласования действий субъектами федерации для формирования синергического эффекта и сглаживания диспропорций развития.

В работе был поставлен и решен ряд задач теоретико-методологического, методического и практического уровней, связанных с разработкой инструментов взаимодействия институтов пространственного развития как внутри субъекта федерации, так и в межрегиональной согласованности действий для усиления эффекта от реализации мер, направленных на пространственное развитие территории, и преодоления региональных диспропорций развития.

Проведенная систематизация теоретико-методологических аспектов пространственной организации территорий позволила обоснованно провести группировку материальных, нематериальных и институциональных факторов, определяющих размещение производительных сил; выделить процессный и результатный подход анализа влияния материальных, нематериальных и институциональных факторов на пространственную организацию территории; рассматривать институциональные факторы как особую составляющую пространственного ресурса, оказывающего воздействие на региональное развитие.

Решение поставленных в исследовании задач теоретико-методологического уровня позволило обосновать разграничение категорий «территория» и «пространство», раскрыв содержание территории как совокупности объектов, расположенных на ее поверхности и в пределах определенных границ, а пространства как совокупности объектов, субъектов и существующих институтов, определяющих систему отношений, действующих в акватории,

аэротории, надземной и подземной сферах и не сдерживаемых границами. Подобное разграничение применения указанных категорий дает возможность рассматривать пространство как отдельный ресурс или среду развития региона, снижает терминологическую несогласованность в нормативных документах пространственного развития регионов.

Анализ формальных институтов пространственного развития регионов, основу которых формируют стратегии социально-экономического развития и схемы территориального планирования, выявил ограниченность их функциональной полноты, что проявляется в частичном выполнении данными институтами ключевых функций (организующей, ограничительной, координирующей, информационной, регулирующей, распределительной, стимулирующей), и потребность совершенствования региональных институциональных систем.

Проведенный комплексный анализ схем территориального планирования и генеральных планов 85 субъектов Российской Федерации отразил фрагментарность использования инструментов пространственного развития в документах территориального планирования регионов, представление показателей социально-экономического развития как индикаторов пространственного развития территорий. В результате исследования документов территориального планирования осуществлена классификация терминологической базы, состоящей из экономико-пространственных категорий, с использованием группы аналитических подходов – процессного, документального, системного, структурного, целевого, ситуативного, подхода состояния и др. Выявленные концептуальные разрывы в документах территориального планирования российских регионов обосновали требования к регламентации их содержания и структуры с учетом пространственного аспекта.

В рамках решения методических задач проведено исследование подходов к планированию развития государств, регионов, муниципальных образований, обосновавшее необходимость разграничения территориального и пространственного планирования и включения территориального планирования

в состав пространственного планирования. Разработанная система основных и дополнительных критериев институциональной обеспеченности легла в основу методики анализа уровней пространственного планирования. Предлагаемая методика позволяет сопоставлять институциональную обеспеченность уровней пространственного планирования как по вертикали (макро – мезо – микро), так и по горизонтали (например, между регионами или между муниципальными образованиями).

Предложена методика оценки долгосрочных трендов пространственного развития региона, в основе которой лежит анализ пространственного развития территорий как процесса, а не достигнутого состояния. В основе методики – авторский коэффициент пространственного развития, рассчитываемый на основе двух групп индикаторов: интенсивности использования пространства и связанности элементов пространства. Представленные расчеты авторского коэффициента пространственного развития для 13 субъектов Волжского макрорегиона по 15- и 30-летним периодам выявили факторы, сдерживающие использование пространственного потенциала указанных регионов.

Включение авторского коэффициента пространственного развития в разработанную методику оценки совокупного потенциала региона, содержащую демографический, трудовой, инфраструктурный, экологический и экономический потенциалы как структурные элементы, определяет влияние пространственных тенденций в ретроспективный период на возникновение региональных диспропорций пространственного развития, что практически было реализовано на примере 13 регионов Волжского макрорегиона.

В рамках решения практических задач проведено стратегическое позиционирование субъектов Волжского макрорегиона с использованием типологизации по двум критериям: коэффициенту пространственного развития и уровню совокупного потенциала региона, скорректированного на авторский коэффициент пространственного развития. В результате проведенной типологизации выбранной группы субъектов были выявлены региональные диспропорции пространственного

развития и направления их преодоления на основе применения институтов пространственного развития как инструментария.

В состав предлагаемого инструментария преодоления региональных диспропорций включены базовый набор институтов пространственного развития, алгоритм их развития и механизм взаимодействия формальных институтов пространственного развития регионов на основе межрегиональной кооперации. Функционирование базового набора институтов предполагает согласование схемы территориального планирования и стратегии социально-экономического развития в части подходов к пространственному развитию конкретного региона, а также учет интересов других заинтересованных сторон, к которым отнесены соседние территории (регионы и муниципальные образования) и субъекты Российской Федерации, входящие в тот же макрорегион или географический район. Межрегиональная кооперация по определению направлений и мер пространственного развития территориальных образований должна обеспечить синергический эффект пространственного развития всех вовлеченных заинтересованных сторон. Для выбранных субъектов Российской Федерации, входящих в Волжский макрорегион, предложены мероприятия по развитию институтов пространственного развития регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: [федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
2. Земельный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: [федер. закон Рос. Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
3. О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края [Электронный ресурс]: [федер. закон Рос. Федерации от 3 августа 2018 г. № 291-ФЗ]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
4. О стратегическом планировании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: [федер. закон Рос. Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
5. О территориях опережающего развития в Российской Федерации [Электронный ресурс]: [федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
6. Об архитектурной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс]: [федер. закон Рос. Федерации от 17 ноября 1995 г. № 169-ФЗ]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

7. Об особых экономических зонах в Российской Федерации [Электронный ресурс]: [федер. закон Рос. Федерации от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
8. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации [Электронный ресурс]: [федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
9. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс]: [указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309]. – Доступ из государственной системы правовой информации «Официальный интернет-портал правовой информации».
10. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года [Электронный ресурс]: [указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
11. Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: [указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13]. – Доступ из государственной системы правовой информации «Официальный интернет-портал правовой информации».
12. Паспорт национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» [Электронный ресурс]: [протокол заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по

стратегическому развитию и национальным проектам от 24 декабря 2018 г. № 15]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Паспорт национального проекта «Демография» [Электронный ресурс]: [протокол заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24 декабря 2018 г. № 16]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Паспорт национального проекта «Жилье и городская среда» [Электронный ресурс]: [протокол заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24 декабря 2018 г. № 16]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Паспорт национального проекта «Здравоохранение» [Электронный ресурс]: [протокол заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24 декабря 2018 г. № 16]. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
16. Паспорт национального проекта «Культура» [Электронный ресурс]: [протокол заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24 декабря 2018 г. № 16]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [Электронный ресурс]: [протокол заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24 декабря 2018 г. № 16]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]: [протокол заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Паспорт национального проекта «Образование» [Электронный ресурс]: [протокол заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24 декабря 2018 г. № 16]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
20. Паспорт национального проекта «Экология» [Электронный ресурс]: [протокол заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24 декабря 2018 г. № 16: документ утратил силу]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
21. Паспорт национального проекта (программы) «Международная кооперация и экспорт» [Электронный ресурс]: [протокол заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24 декабря 2018 г. № 16]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
22. Паспорт национального проекта (программы) «Производительность труда и поддержка занятости» [Электронный ресурс]: [протокол заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24 декабря 2018 г. № 16]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
23. О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и

продовольствия [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 14 июля 2012 г. № 717]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

24. О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 14 мая 2021 г. № 731]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
25. О специальных инвестиционных контрактах для отдельных отраслей промышленности [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 708]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
26. О федеральной целевой программе «Жилище» на 2015 - 2020 годы [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1050]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
27. О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах» [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 3 октября 2013 г. № 864]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
28. О федеральной целевой программе «Развитие водохозяйственного комплекса Российской Федерации в 2012-2020 годах» [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 19 апреля 2012 г.

№ 350]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

29. О федеральной целевой программе «Чистая вода» на 2011-2017 годы [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2010 г. № 1092]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
30. Об особенностях создания территорий опережающего развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 22 июня 2015 г. № 614]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
31. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 363]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
32. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
33. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая

2019 г. № 696]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

34. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие авиационной промышленности» [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 303]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
35. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие атомного энергопромышленного комплекса» [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 2 июня 2014 г. № 506-12]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
36. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1640]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
37. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры» [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 317]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
38. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие оборонно-промышленного комплекса» [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 16 мая 2016 г. № 425-8]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
39. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» [Электронный ресурс]: [постановление

Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1642]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

40. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 328]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
41. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие рыбохозяйственного комплекса» [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 314]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
42. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений» [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 304]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
43. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие транспортной системы» [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2017 г. № 1596]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
44. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности» [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской

Федерации от 15 апреля 2014 г. № 305]. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

45. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2021 г. № 1661]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
46. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения» [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 298]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
47. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 296]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
48. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 316]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
49. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие внешнеэкономической деятельности» [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 330: документ утратил силу]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

50. Об утверждении комплексной государственной программы Российской Федерации «Строительство» [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2022 г. № 1730]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
51. Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019-2030 годы [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 22 апреля 2019 г. № 479]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
52. Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития синхротронных и нейтронных исследований и исследовательской инфраструктуры на период до 2030 года и дальнейшую перспективу [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 287]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
53. Об утверждении федеральной целевой программы «Обеспечение ядерной и радиационной безопасности на 2016–2020 годы и на период до 2035 года» [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 19 ноября 2015 г. № 1248]. – Режим доступа: <https://фцп-ярб.рф>
54. Паспорт федеральной целевой программы «Национальная система химической и биологической безопасности Российской Федерации (2015 - 2020 годы)» [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 300]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

55. О государственной программе «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий» [Электронный ресурс]: [распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 марта 2006 г. № 328-п]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
56. О государственной программе Российской Федерации «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности на 2013-2025 годы» [Электронный ресурс]: [распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 декабря 2012 г. № 2396-п: документ утратил силу]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
57. О комплексном плане модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года [Электронный ресурс]: [распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2018 г. № 2101-п]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
58. Об одобрении Экологической доктрины Российской Федерации [Электронный ресурс]: [распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. № 1225-п]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
59. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: [распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-п]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
60. Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023 - 2030 годы [Электронный ресурс]: [распоряжение Правительства

Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 4356-р]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

61. Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года [Электронный ресурс]: [распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2016 г. № 164-р]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
62. Об утверждении Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации и плана-графика подготовки проектов федеральных законов по реализации Стратегии развития пенсионной системы Российской Федерации [Электронный ресурс]: [распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2012 г. № 2524-р]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
63. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года [Электронный ресурс]: [распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р]. – Доступ из государственной системы правовой информации «Официальный интернет-портал правовой информации».
64. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: [распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р: документ утратил силу]. – Доступ из государственной системы правовой информации «Официальный интернет-портал правовой информации».
65. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Центрального федерального округа на период до 2020 года [Электронный ресурс]: [распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 сентября

2011 г. № 1540-р]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

66. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Приволжского федерального округа [Электронный ресурс]: [распоряжение Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 165-р]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
67. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года [Электронный ресурс]: [распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2011 г. № 1538-р]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
68. Паспорт национального проекта «Беспилотные авиационные системы» [Электронный ресурс]: [Министерство промышленности и торговли Российской Федерации от 26 декабря 2023 г.]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
69. Паспорт ведомственной целевой программы «Поддержка модернизации коммунальной и инженерной инфраструктуры субъектов Российской Федерации (муниципальных образований)» [Электронный ресурс]: [приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 9 сентября 2019 г. № 16-п/05]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
70. Ведомственная целевая программа Министерства транспорта Российской Федерации «Цифровая платформа транспортного комплекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] / Министерство транспорта Российской Федерации. – Режим доступа: <https://www.mintrans.gov.ru/activities/gos-progs/11/documents>.

71. О Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2030 года [Электронный ресурс]: [закон Волгоградской области от 28 декабря 2021 г. № 134-ОД]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
72. О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года [Электронный ресурс]: [закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 г. № 3930-КЗ]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
73. О Стратегии социально-экономического развития Чувашской Республики до 2035 года [Электронный ресурс]: [закон Чувашской Республики от 26 ноября 2020 г. № 102]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
74. О стратегическом планировании в Ярославской области [Электронный ресурс]: [закон Ярославской области от 4 мая 2018 г. № 17-з]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
75. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года [Электронный ресурс]: [закон Республики Татарстан от 17 июня 2015 г. № 40-ЗРТ]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
76. О стратегии социального и экономического развития Магаданской области на период до 2025 года [Электронный ресурс]: [закон Магаданской области от 11 марта 2010 г. № 1241-ОЗ: документ утратил силу]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
77. О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 года [Электронный ресурс]: [закон Краснодарского края от 29 апреля

2008 г. № 1465-КЗ: документ утратил силу]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

78. О Стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2025 года [Электронный ресурс]: [закон Приморского края от 20 октября 2008 г. № 324-КЗ: документ утратил силу]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
79. Об утверждении Концепции социально-экономического развития Ярославской области до 2025 года [Электронный ресурс]: [указ Губернатора Ярославской области от 27 февраля 2013 г. № 110]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
80. О прогнозе социально-экономического развития Ярославской области на долгосрочный период 2022 - 2033 годов [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Ярославской области от 9 ноября 2021 г. № 776-п]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
81. О Стратегии социально-экономического развития Астраханской области на период до 2035 года [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Астраханской области от 30 ноября 2023 г. № 712-П]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
82. О Стратегии социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Самарской области от 12 июля 2017 г. № 441]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

83. Об утверждении Положения о стратегическом планировании в исполнительных органах Ярославской области [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Ярославской области от 9 февраля 2012 г. № 87-п]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
84. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Забайкальского края до 2035 года [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Забайкальского края от 2 июня 2023 г. № 272]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
85. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ивановской области до 2030 года [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Ивановской области от 27 апреля 2021 г. № 220-п]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
86. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Магаданской области на период до 2030 года [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Магаданской области от 5 марта 2020 г. № 146-пп]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
87. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Нижегородской области от 21 декабря 2018 г. № 889]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
88. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2030 года [Электронный ресурс]: [постановление

Администрации Приморского края от 28 декабря 2018 г. № 668-па]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

89. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Марий Эл на период до 2030 года [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Республики Марий Эл от 17 января 2018 г. № 12]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
90. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Саратовской области от 30 июня 2016 г. № 321-П]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
91. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ульяновской области до 2030 года [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Ульяновской области от 13 июля 2015 г. № 16/319-П]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
92. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Хабаровского края от 13 июня 2018 г. № 215-пр]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
93. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ярославской области до 2030 года [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Ярославской области от 6 марта 2014 г. № 188-п]. – Доступ из

справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

94. О стратегии социального и экономического развития Хабаровского края на период до 2025 года [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Хабаровского края от 13 января 2009 г. № 1-пр: документ утратил силу]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
95. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Забайкальского края на период до 2030 года [Электронный ресурс]: [постановление Правительства Забайкальского края от 26 декабря 2013 г. № 586: документ утратил силу]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
96. О Стратегии социально-экономического развития Тверской области на период до 2030 года [Электронный ресурс]: [распоряжение Правительства Тверской области от 24 сентября 2013 г. № 475-рп]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
97. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Костромской области на период до 2035 года [Электронный ресурс]: [распоряжение Администрации Костромской области от 12 июля 2021 г. № 165-ра]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».
98. О Стратегическом плане развития Екатеринбурга [Электронный ресурс]: [решение Екатеринбургской Городской Думы от 10 июня 2003 г. № 40/6]. – Доступ из справ.-правовой системы «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов».

99. Территориально-пространственное планирование. Ключевой инструмент развития и эффективного управления с уделением особого внимания странам с переходной экономикой [Электронный ресурс] // Доклад Европейской экономической комиссии ООН. – Женева : Организация Объединенных Наций, 2008. – 57 с. – Режим доступа: https://unece.org/DAM/hlm/documents/Publications/spatial_planning.r.pdf.
100. Абрамов, Р. А. Роль институционального фактора в формировании региональных инновационных систем в России / Р. А. Абрамов // Экономическое развитие России. – 2024. – Т. 31, № 1. – С. 17-23.
101. Аврамчикова, Н. Т. Инструменты оценки качества экономического пространства ресурсно ориентированного региона / Н. Т. Аврамчикова, М. Н. Чувашова // Региональная экономика: теория и практика. – 2015. – № 28 (403). – С. 29-39.
102. Аврамчикова, Н. Т. Концептуальная основа пространственного социально-экономического развития взаимодействующих регионов (на примере регионов Сибирского федерального округа) / Н. Т. Аврамчикова, И. П. Рожнов, С. П. Монгуш, Л. Н. Захарова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2020. – Т. 1, № 2. – С. 55-67.
103. Аврамчикова, Н. Т. Теоретические аспекты оценки качества экономического пространства / Н. Т. Аврамчикова // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 35. – С. 2-13.
104. Александров, И. Г. Экономическое районирование России / И. Г. Александров ; Госплан. – М. : Тип. III Интернационала, 1921. – 15 с.
105. Анимица, Е. Г. Эволюция научных взглядов на теорию размещения производительных сил / Е. Г. Анимица, П. Е. Анимица, О. Ю. Денисова // Экономика региона. – 2014. – № 2 (38). – С. 21-32.

106. Анимица, П. Е. Типология как метод исследования социально-экономического развития регионов / П. Е. Анимица, Н. В. Новикова, В. В. Ходус // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2009. – № 1 (23). – С. 52-59.
107. Антипин, И. А. Пространственная неоднородность развития городов в контексте формирования экономического благополучия территорий / И. А. Антипин, Е. А. Шишкина // Проблемы развития территории. – 2025. – Т. 29, № 5. – С. 142-158.
108. Антипин, И. А. Стратегическое управление диспропорциями социально-экономического и пространственного развития регионов России / И. А. Антипин, Е. А. Шишкина // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2024. – Т. 247, № 3. – С. 179-201.
109. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Собрание сочинений в 4-х тт. – Т. 1. – М. : Мысль, 1975. – 549 с.
110. Арутюнян, Г. Г. Конституционное право : А-Я : энцикл. словарь / Г. Г. Арутюнян, М. В. Баглай. – М. : Норма, 2006. – (Словари для юристов-профессионалов).
111. Атаманская, Е. И. Определение понятия «пространство» в современной лингвистике / Е. И. Атаманская // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2019. – № 45. – С. 109-111.
112. Атлас промышленности [Электронный ресурс] / Государственная информационная система промышленности. – Режим доступа: <https://gisip.gov.ru/gisip/>.
113. Аузан, А. А. Провалы механизмов координации: институциональный подход / А. А. Аузан // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2025. – № 1 (66). – С. 261–272.

114. Базуева, Е. В. Обоснование причин неэффективности системы институтов пространственного развития РФ в контексте параметров качества / Е. В. Базуева, Ю. В. Дубровская // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». – 2021. – Т. 16, № 2. – С. 150-167.
115. Бакланов, П. Я. Пространственное развитие региона: основные принципы и подходы к анализу и оценкам / П. Я. Бакланов // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2017. – № 6. – С. 4-12.
116. Балацкий, Е. В. «Институциональная ловушка»: научный термин и красивая метафора / Е. В. Балацкий // Журнал институциональных исследований. – 2020. – Т. 12, № 3. – С. 24-41.
117. Балацкий, Е. В. Институциональные конфликты в сфере высшего образования / Е. В. Балацкий // Экономика образования. – 2007. – № 3. – С. 79-89.
118. Баранова, И. В. Адаптация подхода к оценке производственного потенциала для целей оценки социального потенциала региона / И. В. Баранова // Экономика и предпринимательство. – 2019. – № 8 (109). – С. 306-309.
119. Баяндин, А. В. Понятия пространства и времени в теории квантовой гравитации / А. В. Баяндин // European Science. – 2016. – № 3 (13). – С. 6-15.
120. Белозеров, В. Л. Оценка влияния состояния транспортно-логистической инфраструктуры региона на экономическое развитие Ленинградской области / В. Л. Белозеров, Е. А. Королева, М. А. Шагалова // Транспортное дело России. – 2018. – № 6. – С. 98-102.
121. Белякова, Е. В. Транспортная инфраструктура как основа пространственного развития региона / Е. В. Белякова, О. Е. Подвербных, Е. В. Щербенко // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 12 (137). – С. 609-614.

122. Белякович, Е. В. О понятии территории государства / Е. В. Белякович // Сибирский юридический вестник. – 2006. – № 2 (29). – С. 3-10.
123. Березнев, С. В. Системный подход к оценке инвестиционного потенциала региона / С. В. Березнев, О. Б. Шевелева, М. К. Начева // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – Т. 7, № 48 (141). – С. 7-19.
124. Бодрийяр, Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства / Ж. Бодрийяр ; пер. с франц. А. Качалова. – М. : Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. – 348 с.
125. Бодрийяр, Ж. Фатальные стратегии / Ж. Бодрийяр ; пер. с франц. А. Качалова ; под науч. ред. текста к.ф.н. Д. Дамте. – М. : РИПОЛ классик, 2017. – 288 с.
126. Бондарева, Я. Ю. Методические подходы к оценке сбалансированного пространственного развития регионов / Я. Ю. Бондарева, М. Ю. Михайличенко, Н. С. Борзенкова, Н. Ю. Выродов // Региональная экономика: теория и практика. – 2024. – Т. 22, № 7 (526). – С. 1225-1249.
127. Бостанова, А. И. Методы оценки социально-экономического потенциала региона / А. И. Бостанова // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2012. – № 6 (42). – С. 11-19.
128. Боулз, С. Микроэкономика. Поведение, институты и эволюция / С. Боулз ; пер. с англ. К.А. Букина, А.В. Демидовой, Д.С. Карабекян, А.В. Карпова, Н.В. Шиловой. – М. : Изд-во «Дело» АНХ, 2010. – 576 с.
129. Бурханова, Ф. Б. Семейные ценности населения Башкортостана на фоне других регионов / Ф. Б. Бурханова // Социологическая наука и социальная практика. – 2021. – Т. 9, № 2 (34). – С. 115-130.
130. Бухвальд, Е. М. Институты развития в стратегическом планировании пространственной структуры российской экономики / Е. М. Бухвальд, А. В. Виленский // Региональная экономика. Юг России. – 2017. – № 1 (15). – С. 77-86.

131. Бухвальд, Е. М. Правовое регулирование стратегического пространственного и территориального планирования / Е. М. Бухвальд // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 131-143.
132. Бухвальд, Е. М. Управление пространственным развитием российской экономики: цели и инструменты / Е. М. Бухвальд // Управленец. – 2020. – Т. 11, № 6. – С. 2-14.
133. Валентик, О. Н. Новые институты политики пространственного регулирования в Российской Федерации / О. Н. Валентик // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 28. – С. 114-121.
134. Веблен, Т. Теория праздного класса / пер. с англ. ; под общ. ред. В. В. Мотылева. – М. : Издательство Прогресс, 1984. – 367 с.
135. Вернадский, В. И. Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1988. – 520 с.
136. Верников, А. В. «Институциональная ловушка»: научный термин или красивая метафора? / А. В. Верников // Журнал институциональных исследований. – 2020. – Т. 12, № 2. – С. 25-37.
137. Вертинская, Т. С. Размещение производительных сил как инструмент экономической интеграции регионов / Т. С. Вертинская // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2016. – № 4. – С. 110-118.
138. Виноградова, С. А. Пространственное развитие территорий: практические аспекты реализации имиджевых ресурсов крупнейшей агломерации / С. А. Виноградова, О. С. Рыбкина, С. В. Устинкин, А. А. Фоменков // Власть. – 2022. – Т. 30, № 4. – С. 75-83.
139. Волк, И. В. Право, время и пространство: теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Волк Ирина Владимировна. – М., 2004. – 198 с.
140. Вольчик, В. В. Институциональные ловушки и оппортунистическое поведение в процессе размещения государственных заказов / В. В. Вольчик //

Научные труды Донецкого национального технического университета.
Серия: экономическая. – 2011. – Т. 1, № 39. – С. 17-26.

141. Ворова, Е. А. Институциональная роль саморегулируемых организаций в развитии региональной экономики / Е. А. Ворова, К. Ю. Проскурнова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 4. – С. 21-28.
142. Ворова, Е. А. Специфика региональных институтов предпринимательства / Е. А. Ворова, К. Ю. Проскурнова // Новая парадигма развития менеджмента: гипотезы, концепции, практики / под ред. В. В. Великороссова, С. А. Филина, А. М. Карякина [и др.]. – Т. 3. – М. : Русайнс, 2019. – С. 58-63.
143. Воронов, А. С. Направления трансформации региональной инновационной системы территорий / А. С. Воронов // Государственное управление. Электронный вестник. – 2022. – № 92. – С. 101-115.
144. Ворошилов, Н. В. К вопросу об оценке социально-экономического потенциала сельских территорий / Н. В. Ворошилов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 91-109.
145. Гаджиалиева, Л. Оценка социально-экономического потенциала региона на основе рейтингового подхода / Л. Гаджиалиева // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. – 2011. – № 1. – С. 231-238.
146. Гареев, И. Ф. Развитие логистических хабов как фактор создания инновационной транспортной инфраструктуры / И. Ф. Гареев, А. Ф. Латыпов // Экономика строительства и жилищно-коммунального хозяйства. – 2024. – № 3 (8). – С. 53-61.
147. Гатауллин, Р. Ф. Тенденции, противоречия и закономерности функционирования институтов межрегионального и межмуниципального сотрудничества / Р. Ф. Гатауллин, Э. Р. Чувашаева // Вестник университета. – 2024. – № 12. – С. 50-57.

148. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Часть 2. Философия природы. Т. 1 / пер. В. П. Чижова. – М. : Типография Грачева и Ко, 1868. – 448 с.
149. Генне, В. В. Проблемы совершенствования методологии пространственного развития / В. В. Генне // Балтийский экономический журнал. – 2011. – № 1 (5). – С. 121-128.
150. География: словарь терминов и понятий. – Вологда : ВоГТУ, 2008. – 30 с.
151. Гнято, Р. Географическое разнообразие в рамках концепции устойчивого развития и практики пространственного планирования / Р. Гнято, О. Гнято, С. Станоевич, С. Гнято // Вестник АРГО. – 2017. – № 6. – С. 74-82.
152. Государственное и муниципальное управление. Вопросы теории и практики : монография / А. С. Воронов, М. В. Кудина, Г. Л. Купряшин [и др.]; под ред. А. С. Воронова, М. В. Кудиной. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2024. – 192 с.
153. Гранберг, А. Г. Моделирование пространственного развития национальной и мировой экономики: эволюция подходов / А. Г. Гранберг // Регион: Экономика и Социология. – 2007. – № 1. – С. 87-107.
154. Грачев, А. Б. Социально-экономический потенциал муниципальных образований и методика его определения / А. Б. Грачев // Региональные исследования. – 2008. – № 4 (19). – С. 11-15.
155. Грэзина, М. А. Типология регионов как информационно-аналитический инструментарий совершенствования межбюджетных отношений в условиях территориальной дифференциации / М. А. Грэзина, О. А. Колчина, И. К. Шевченко // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 4 (20). – С. 122-130.
156. Грибанов, Р. И. Региональная политика по развитию международных инвестиционных проектов в Приморском крае: условия, перспективы,

инструменты / Р. И. Грибанов, Е. В. Красова, В. В. Врублевский // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2022. – № 1 (60). – С. 120-133.

157. Гуменюк, И. С. О соотношении понятий пространственное, стратегическое и территориальное планирование в Российской Федерации в контексте развития региона Калининградского / Вислинского залива / И. С. Гуменюк // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. – 2016. – № 1. – С. 37-44.
158. Гурьева, М. А. Основные подходы к типологизации регионов / М. А. Гурьева, И. С. Симарова // Перспективы науки. – 2017. – № 9 (96). – С. 33-50.
159. Данилов, И. П. Методика оценки и анализа социально-экономического потенциала региона / И. П. Данилов, В. В. Никитин, А. Г. Краснов // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 4. – С. 382-390.
160. Данилова, Н. Е. Модель оценки социально-экономического потенциала региона на основе концепции оценки человеческого развития / Н. Е. Данилова, А. В. Полянин, Ю. П. Соболева // Регион: системы, экономика, управление. – 2018. – № 3 (42). – С. 19-32.
161. Декарт, Р. Сочинения в 2 т. : Пер. с лат. и франц. Т. I / сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. – М. : Мысль, 1989. – 654 с.
162. Демичев, Д. М. Экономическое пространство и правовое пространство: этимология понятий / Д. М. Демичев // Актуальные вопросы развития правовой информатизации в условиях формирования информационного общества : Сборник научных статей / под общ. ред. Е. И. Коваленко. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2017. – С. 350-354.
163. Джабраилов, У. А. Пространства и территории в geopolитической реальности / У. А. Джабраилов // Власть. – 2009. – № 10. – С. 141-144.

164. Дроздов, Н. Д. Институциональная экономика / Н. Д. Дроздов. – Тверь : Тверь гос. ун-т, 2006. – 156 с.
165. Дружинин, А. Г. Учет «фактора моря» в федеральном регулировании пространственного развития России: постсоветский опыт и современные приоритеты / А. Г. Дружинин, О. В. Кузнецова // Балтийский регион. – 2022. – Т. 14, № 4. – С. 4-19.
166. Душкина, Е. С. Способы развития научно-технологического потенциала Калужского региона / Е. С. Душкина, Е. В. Ерохина // Управленческий учет. – 2022. – № 12-3. – С. 708-713.
167. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс] / Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации – Режим доступа: <https://fedstat.ru/>.
168. Елсуков, М. Ю. Инвестиционный климат и инвестиционная привлекательность макрорегионов России / М. Ю. Елсуков, А. В. Маевский, Е. Ф. Чеберко // Управленческое консультирование. – 2019. – № 12 (132). – С. 70-89.
169. Ермолов, А. Организация полевого хозяйства. I. Системы полеводства / А. Ермолов. – СПб. : Издание А.Ф. Девриена, 1879. – 192 с.
170. Жеребин, В. М. Социальное пространство и социальная идентификация респондента / В. М. Жеребин // Народонаселение. – 2015. – № 3 (69). – С. 105-116.
171. Захарчук, Е. А. Классификация регионов РФ по критериям саморазвития / Е. А. Захарчук, А. Ф. Пасынков, А. А. Некрасов // Экономика региона. – 2011. – № 3 (27). – С. 54-63.

172. Зевин, Л. З. Роль инфраструктуры в модернизации регионального пространства / Л. З. Зевин // Россия и новые государства Евразии. – 2013. – № 2 (19). – С. 5-16.
173. Зимина, Н. С. Социокультурные особенности и проблемы развития регионального пространства Забайкальского края / Н. С. Зимина // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2013. – № 2-2. – С. 249-257.
174. Зинков, Е. Г. Термин «пространство» в теории права / Е. Г. Зинков // Общество и право. – 2011. – № 4 (36). – С. 13-19.
175. Зиновьев, А. Г. Оценка социально-экономического потенциала региона / А. Г. Зиновьев // Экономика и социум. – 2014. – № 2-2 (11). – С. 171-175.
176. Зобова, Л. Л. Территория и пространство: близнецы или двойняшки? / Л. Л. Зобова // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 33. – С. 6-12.
177. Как логистические хабы расширят грузооборот между РФ и Китаем? [Электронный ресурс] // Транслом. – Режим доступа: <https://translom.ru/news/kak-logisticheskie-khabы-rasshiryat-gruzooborot-mezhdu-rf-i-kitaem#>.
178. Каминер, Т. В ловушке настоящего: планирование, архитектура и время постмодерна / Т. Каминер // Антиномии. – 2022. – Т. 22, № 3. – С. 119-135.
179. Кант, И. Сочинения. В 8-ми т. – Т. 3. – М. : Чоро, 1994. – 741 с.
180. Кирдина, С. Г. Теория институциональных матриц (пример российского институционализма) / С. Г. Кирдина // Постсоветский институционализм / под ред. проф. Р. М. Нуриева и В. В. Дементьева. – Донецк : Каштан, 2005. – С. 91-92.
181. Киселева, Н. Н. Территориально-производственные комплексы как форма пространственной организации производства: эволюция и перспективы развития / Н. Н. Киселева, А. А. Орлянская, К. В. Бавина, Н. В. Боровикова //

Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2016. – № 4 (48). – С. 150-160.

182. Клейнер, Г. Б. Институты: определение, признаки и направления исследования / Г. Б. Клейнер // Управление. – 2016. – Т. 4, № 3. – С. 5-11.
183. Кожиева, Ф. А. Региональное развитие в контексте теории полюсов роста / Ф. А. Кожиева // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 11-3. – С. 574-578.
184. Колбовский, Е. Ю. Стратегическое пространственное планирование как инструмент регионального развития / Е. Ю. Колбовский // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – Т. 3, № 3. – С. 110-115.
185. Колесов, Р. В. Бюджетно-инвестиционная модель экономического роста регионов России / Р. В. Колесов, К. Ю. Проскурнова // Финансовый бизнес. – 2017. – № 3 (188). – С. 3-7.
186. Колесов, Р. В. Методические подходы к оценке достижения национальных целей и выполнения стратегических задач применительно к деятельности субъекта Российской Федерации / Р. В. Колесов, К. Ю. Проскурнова, К. А. Комарова // Экономика и управление: теория и практика : Сборник трудов национальной научно-практической конференции научно-педагогических и практических работников Ярославского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации / кол. авторов; под ред. В. А. Кваси, Р. В. Колесова, А. В. Юрченко. – Ярославль : Канцлер, 2018. – С. 317-324.
187. Колесов, Р. В. Совершенствование системы управления региональными финансами в целях обеспечения устойчивого роста экономики регионов России / Р. В. Колесов, К. Ю. Проскурнова, А. Ю. Тарасова // Финансовая экономика. – 2019. – № 11. – С. 457-460.

188. Коломак, Е. А. Пространственная структура и факторы экономического развития азиатской России / Е. А. Коломак, А. И. Шерубнева // Регион: Экономика и Социология. – 2023. – № 1 (117). – С. 82-110.
189. Коломак, Е. А. Пространственное развитие Новосибирской области / Е. А. Коломак // Пространственная экономика. – 2024. – Т. 20, № 4. – С. 8-26.
190. Колосовский, Н. Н. Основы экономического районирования / Н. Н. Колосовский. – М. : Госполитиздат, 1958. – 200 с.
191. Колоткин, М. Н. Территория и пространство в условиях глобализирующегося мира / М. Н. Колоткин // Интерэкско Гео-Сибирь. – 2015. – Т. 6, № 2. – С. 8-12.
192. Кочетков, А. В. Анализ понятия «пространство» в общей теории относительности / А. В. Кочетков, П. В. Федотов // Пространство и Время. – 2012. – № 4 (10). – С. 42-49.
193. Красовская, О. В. Использование географических информационных систем в пространственном планировании и управлении территориями / О. В. Красовская, С. В. Скатерщиков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. Геология. География. – 2005. – № 3. – С. 127-131.
194. Кржижановский, Г. М. К 35-летию плана ГОЭЛРО / План электрификации РСФСР. Доклад VIII Съезду Советов Государственной Комиссии по Электрификации России. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1955. – 660 с.
195. Круглякова, В. М. Взаимосвязь пространственного развития Российской Федерации, территориального планирования и процесса оценки стоимости недвижимости / В. М. Круглякова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – № 11 (278). – С. 8-13.
196. Крюков, В. А. Пространственное развитие России: основные проблемы и подходы к их преодолению / В. А. Крюков, Е. А. Коломак // Научные труды

Вольного экономического общества России. – 2021. – Т. 227, № 1. – С. 92-114.

197. Крюков, В. А. Пространственный маневр на Восток: факты, барьеры, решения / В. А. Крюков, Е. А. Коломак // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2025. – Т. 252, № 2. – С. 30-50.
198. Крюков, В. А. Стратегическое планирование пространственного развития России и ее макрорегионов: в плену старых иллюзий / В. А. Крюков, В. Е. Селиверстов // Российский экономический журнал. – 2022. – № 5. – С. 22-40.
199. Кувалин, Д. Б. Пространственное развитие России в новых геополитических условиях / Д. Б. Кувалин // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2023. – № 1 (72). – С. 87-94.
200. Кузнецов, С. В. Влияние внутренней среды социально-экономических систем на реструктуризацию и пространственное развитие экономики / С. В. Кузнецов, Ю. В. Якишин // Экономика и управление. – 2021. – Т. 27, № 1 (183). – С. 4-11.
201. Лапаев, Д. Н. Многопроекционная оценка устойчивости регионов Сибирского федерального округа / Д. Н. Лапаев, О. Н. Лапаева, Я. С. Поташник // Развитие и безопасность. – 2024. – № 2 (22). – С. 90-99.
202. Лапидус, Л. В. Минимальная цифровая корзина российских регионов для трансформации промышленности / Л. В. Лапидус, Л. С. Леонтьева, А. О. Гостилович // Государственное управление. Электронный вестник. – 2019. – № 77. – С. 212-228.
203. Лебединская, Г. А. О месте стратегии пространственного развития в системе территориального планирования Российской Федерации / Г. А. Лебединская // Academia. Архитектура и строительство. – 2018. – № 1. – С. 59-66.

204. Леонтьева, Л. С. Организационная культура: региональный аспект : монография / Л. С. Леонтьева; Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС» (Институт); Институт государственного и муниципального управления МУБиНТ. – М., 2004. – 240 с.
205. Леонтьева, Л. С. Пространство и территория: направления государственной политики развития / Л. С. Леонтьева, К. Ю. Проскурнова // Проблемы теории и практики управления. – 2021. – № 10. – С. 25-37.
206. Леонтьева, Л. С. Управление пространственным инновациями : монография / Л. С. Леонтьева, А. И. Конотопов, А. Б. Ильин. – М. : Изд-во МИИГАиК, 2016. – 141 с.
207. Леонтьева, Л. С. Учет типа пространственного развития региона при формировании социально-экономической политики / Л. С. Леонтьева, К. Ю. Проскурнова // Экономика устойчивого развития. – 2024. – № 3 (59). – С. 102-106.
208. Лёш, А. Пространственная организация хозяйства : пер. с нем. / А. Лёш; под ред. ак. А. Г. Гранберга. – М. : Наука, 2007. – 663 с.
209. Лис, А. Г. Проблемы развития и размещения производительных сил Белоруссии / А. Г. Лис. – М. : Мысль, 1972. – 276 с.
210. Литвинцева, Г. П. Оценка социально-экономического потенциала регионов Сибирского федерального округа / Г. П. Литвинцева, А. Е. Лисицин // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2018. – № 2. – С. 114-121.
211. Лукашук, И. И. Действие международного договора во времени и пространстве / И. И. Лукашук // Журнал российского права. – 2005. – № 4 (100). – С. 108-117.

212. Любимова, М. В. Проблемы оценки социально-экономического потенциала региона / М. В. Любимова, В. П. Нестеров, В. С. Дмитриева // Региональная экономика: теория и практика. – 2007. – № 4. – С. 13-24.
213. Максимова, И. В. Типология регионов и ее использование в региональном планировании / И. В. Максимова // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 31 (166). – С. 16-21.
214. Маркварт, Э. Система опорных населенных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты / Э. Маркварт, Н. Н. Киселева, Д. П. Соснин // Власть. – 2022. – Т. 30, № 2. – С. 95-111.
215. Маслова, В. А. Коммуникативное пространство как важнейшая категория современной лингвистики и лингвокультурологии / В. А. Маслова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 17-23.
216. Меньщикова, В. И. Управление устойчивым развитием региона с учетом типологизации локальных пространственных образований / В. И. Меньщикова // Глобальные проблемы модернизации национальной экономики : Материалы IX Международной научно-практической конференции, Тамбов, 13 апреля 2020 года / отв. ред. А. А. Бурмистрова [и др.]. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2020. – С. 94-97.
217. Методика определения эффективности специализации и комплексного развития хозяйства союзных республик и экономических районов СССР. Проект / Авторы исходного варианта В. В. Кистанов, В. Л. Гербов, Ф. Д. Курников, А. С. Эпштейн ; Руководитель А. Б. Марголин. – М. : СОПС при Госплане СССР, 1967.
218. Методология исследования пространственной организации промышленности / Н. Н. Киселева, А. А. Орлянская, К. В. Бавина,

- В. А. Савченко. – Пятигорск : Рекламно-информационное агентство на Кавказских минеральных водах, 2016. – 91 с.
219. Мирохина, А. А. Мониторинг аномалий в развитии экономического пространства: предпосылки, концепция, инструментарий / А. А. Мирохина // Kant. – 2018. – № 4 (29). – С. 324-329.
220. Мирохина, А. А. Организационно-экономические инструменты пространственно-равномерного регионального развития : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Мирохина Алла Александровна. – Кисловодск, 2012. – 26 с.
221. Михеева, А. С. Методические подходы к оценке потенциала регионов зоны влияния экономического коридора Китай - Монголия - Россия / А. С. Михеева, Н. Б. Лубсанова // Фундаментальные исследования. – 2019. – № 11. – С. 111-115.
222. Михеева, Н. Н. Адаптация пространственной структуры российской экономики к внешним шокам / Н. Н. Михеева // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 6 (201). – С. 207-219.
223. Молчанов, И. Н. Стратегическое планирование и пространственное развитие России: проблемы, институты / И. Н. Молчанов, Н. П. Молчанова // Экономика. Налоги. Право. – 2023. – № 16 (6). – С. 60-67.
224. Монгуш, С. П. Пространственное социально-экономическое развитие взаимодействующих регионов (на примере регионов Сибирского федерального округа) / С. П. Монгуш // Региональная экономика: теория и практика. – 2020. – Т. 18, № 7 (478). – С. 1266-1285.
225. Муфтахутдинова, Х. Р. Экономический потенциал региона: социально-экономическая сущность и модель оценки / Х. Р. Муфтахутдинова, М. Н. Горинов // Вестник Ижевского государственного технического университета. – 2007. – № 4 (36). – С. 30-36.

226. Некрасов, Н. Н. Проблемы размещения производительных сил СССР / Н. Н. Некрасов // Вопросы экономики. – 1978. – № 11. – С. 3-12.
227. Некрасов, С. И. Территориальное пространство, правовое пространство, культурно-религиозное пространство: пределы несовпадения и взаимодействия / С. И. Некрасов // Государство и право. – 2012. – № 1. – С. 23-32.
228. Нельсон, Р. Р. Эволюционная теория экономических изменений / Р. Р. Нельсон, С. Дж. Уинтер ; пер. с англ. – М. : Дело, 2002. – 536 с.
229. Никулкина, И. В. Демографическое развитие арктических регионов России в контексте концепции резильентности / И. В. Никулкина, Е. В. Романова // Народонаселение. – 2024. – Т. 27, № 1. – С. 123-135.
230. Новоселов, А. С. Проблемы модернизации стратегического планирования и управления экономикой региона в контексте глобальных изменений [Электронный ресурс] / А. С. Новоселов, Т. В. Волянская // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2024. – № 4 (80). – Режим доступа: <https://eee-region.ru/article/8012/>.
231. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : Св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц : [В 2 т.] / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000.
232. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко ; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. – М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
233. Носонов, А. М. Формирование инновационных территориальных кластеров в регионах России / А. М. Носонов // Регионология. – 2023. – Т. 31, № 3 (124). – С. 498-513.

234. Обзор отрасли грузоперевозок в России, 2020 год / О. Архангельская, П. Галова, С. Трофимов, В. Махачев. – М. : ООО «Эрнст энд Янг – оценка и консультационные услуги», 2021. – 51 с.
235. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М. : Азбуковник, 1999. – 939 с.
236. Орлова, Е. Р. Институциональные ловушки и провокации в системе государственного и муниципального стратегического планирования: причины и последствия для экономики / Е. Р. Орлова, Н. Е. Булетова // Аудит и финансовый анализ. – 2016. – № 6. – С. 356-362.
237. Орлова, Л. Н. Инфраструктура саморегулируемых организаций в строительстве как предпринимательский кластер / Л. Н. Орлова, Е. А. Ворова // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. – 2012. – № 6-2. – С. 49-52.
238. Остапенко, Е. А. Институциональная ловушка экономического развития региона в условиях обострения пространственной конкуренции / Е. А. Остапенко // Вопросы региональной экономики. – 2018. – № 4 (37). – С. 69-76.
239. Павлов, С. Ю. Государственная территория: понятие и сущность / С. Ю. Павлов // Вестник Башкирского университета. – 2008. – Т. 13, № 3. – С. 604-607.
240. Пахалов, А. М. Региональный инвестиционный стандарт как институциональный инструмент улучшения инвестиционного климата в регионах России / А. М. Пахалов // Регион: Экономика и Социология. – 2019. – № 2 (102). – С. 246-269.

241. Петров, Н. М. Экспорт электроэнергии из России в Китай / Н. М. Петров // Российский внешнеэкономический вестник. – 2024. – № 3. – С. 102-112.
242. Петрова, Ю. А. Оценка общественной эффективности инвестиционных проектов с учетом мультипликативных эффектов / Ю. А. Петрова // Интернет-журнал Науковедение. – 2016. – Т. 8, № 2 (33). – С. 66.
243. Полтерович, В. М. Институциональные ловушки – результат неверной стратегии реформ / В. М. Полтерович // Экономическая наука современной России. – 1998. – № 5. – С. 22-28.
244. Полтерович, В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы / В. М. Полтерович // Экономика и математические методы. – 1999. – Т. 35, № 2. – С. 3-40.
245. Промышленность России: Стат.сб. / Госкомстат России. – М., 1998. – 444 с.
246. Промышленность России: Стат.сб. / Госкомстат России. – М., 2000. – 462 с.
247. Проскурнова, К. Ю. Внешние эффекты антироссийских санкций / К. Ю. Проскурнова, А. И. Кириллова // Коммуникация - Общество - Человек : Сборник научных трудов I Национальной научно-практической конференции научно-педагогических и практических работников с международным участием / под ред. Т. Б. Колышкиной, И. В. Шустиной. – Ярославль : ПКФ «СОЮЗ-ПРЕСС», 2022. – С. 195-201.
248. Проскурнова, К. Ю. Вопросы пространственного развития российских регионов / К. Ю. Проскурнова // Государственное управление. Электронный вестник. – 2022. – № 92. – С. 116-128.
249. Проскурнова, К. Ю. Институты пространственного развития / К. Ю. Проскурнова // Финансовая экономика. – 2019. – № 12. – С. 605-608.
250. Проскурнова, К. Ю. Институциональные основы регионального развития : монография / К. Ю. Проскурнова. – Ярославль : ПКФ «СОЮЗ-ПРЕСС», 2019. – 74 с.

251. Прокурнова, К. Ю. Институциональные основы регионального развития : монография / К. Ю. Прокурнова. – 2-е издание. – Ярославль : Финансовый университет при Правительстве РФ, 2024. – 86 с.
252. Прокурнова, К. Ю. Институциональные проблемы развития региона / К. Ю. Прокурнова // Социально-экономические процессы развития региональной экономики России в условиях перехода к информационному обществу: коллективная монография / Ю. Н. Акимова [и др.]; под общ. ред. Г. А. Родиной [и др.]. – Ярославль : Канцлер, 2014. – С. 15-20.
253. Прокурнова, К. Ю. Институциональный аспект изменения организационной культуры / К. Ю. Прокурнова, Л. С. Леонтьева // Государственное управление. Электронный вестник. – 2018. – № 70. – С. 264-273.
254. Прокурнова, К. Ю. Инструменты оценки пространственного развития регионов / К. Ю. Прокурнова // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2024. – Т. 21, № 1. – С. 121-138.
255. Прокурнова, К. Ю. Направления формирования минимального набора институтов пространственного развития регионов / К. Ю. Прокурнова // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2025. – № 2. – С. 84-101.
256. Прокурнова, К. Ю. Оценка потенциала региона с учетом корректирующего коэффициента пространственного развития / К. Ю. Прокурнова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 6. – С. 53-62.
257. Прокурнова, К. Ю. Пространственное планирование vs территориальное планирование – проблематика содержания видов регионального планирования / К. Ю. Прокурнова // Региональная экономика: теория и практика. – 2021. – Т. 19, № 10 (493). – С. 1897-1913.
258. Прокурнова, К. Ю. Региональная организационная культура предпринимательских структур / К. Ю. Прокурнова // Модель менеджмента

для экономики, основанной на знаниях : сборник статей V Международной научно-практической конференции / гл. ред. Л. А. Данченок. – М. : МЭСИ, 2013. – С. 150-153.

259. Проскурнова, К. Ю. Сильные и слабые институты: организационная культура / К. Ю. Проскурнова // Финансовая экономика. – 2019. – № 9. – С. 179-181.
260. Проскурнова, К. Ю. Специфика институциональных ловушек пространственного развития на региональном уровне / К. Ю. Проскурнова // Проблемы современной экономики. – 2024. – № 3 (91). – С. 106-111.
261. Проскурнова, К. Ю. Сравнительный анализ подходов к оценке доли теневого сектора экономики нескольких стран / К. Ю. Проскурнова // Сборник научных статей научно-педагогических и практических работников / под ред. В. А. Неклюдова, О. В. Карташевой. – Ярославль : Канцлер, 2016. – С. 196-199.
262. Проскурнова, К. Ю. Сравнительный анализ формальных институтов пространственного развития территорий / К. Ю. Проскурнова // Коммуникация - Общество - Человек : Сборник научных трудов I Национальной научно-практической конференции научно-педагогических и практических работников с международным участием / под ред. Т. Б. Колышкиной, И. В. Шустиной. – Ярославль : ПКФ «СОЮЗ-ПРЕСС», 2022. – С. 215-221.
263. Проскурнова, К. Ю. Типологизация институтов пространственного развития регионов / К. Ю. Проскурнова // Проблемы теории и практики управления. – 2025. – № 3. – С. 204-219.
264. Проскурнова, К. Ю. Эволюция взглядов на факторы пространственного размещения производительных сил: от материальных факторов к институтам

/ К. Ю. Проскурнова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 5. – С. 64-71.

265. Прохорова, М. Л. Действие международного уголовного права в пространстве / М. Л. Прохорова, А. К. Князькина, Е. В. Сильченко // Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № 8. – С. 43-52.
266. Раев, Ю. В. Методологический подход к формированию модели «сквозного» пространственного планирования / Ю. В. Раев // Academia. Архитектура и строительство. – 2025. – № 2. – С. 111-118.
267. Региональная политика государства: содержание и реализация [Электронный ресурс] / АО «Эксперт РА». – Режим доступа: http://www.raexpert.ru/conference/2005/reg_policy/.
268. Региональный индекс экономического развития и ранжирование субъектов Российской Федерации / Н. А. Бураков [и др.]; под ред. Е. М. Бухвальда и А. Я. Рубинштейна. – М. : Институт экономики РАН, 2019. – 72 с.
269. Регионы России: Информ.-стат.сб. В 2 т. Т. 1 / Госкомстат России. – М., 1997. – 666 с.
270. Регионы России: Информ.-стат.сб. В 2 т. Т. 2 / Госкомстат России. – М., 1997. – 648 с.
271. Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т. 1 / Госкомстат России. – М., 1999. – 532 с.
272. Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т. 2 / Госкомстат России. – М., 1999. – 861 с.
273. Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т. 2 / Госкомстат России. – М., 2001. – 827 с.
274. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>. – Загл. с экрана.
275. Резепин, А. В. Оценка связности и развития пространственных экономических систем / А. В. Резепин // Стратегирование регионального развития в новых экономических реалиях : Материалы Всероссийского

экономического онлайн-форума с международным участием, приуроченного к празднованию 55-летия Липецкого филиала Финуниверситета, Липецк, 16–17 декабря 2020 года / под общ. ред. О. Ю. Смысловой. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2021. – С. 186-191.

276. Резник, Г. А. Управление развитием социально-экономическим потенциалом территории / Г. А. Резник, Н. А. Коробкова // Экономика и социум. – 2017. – № 3 (34). – С. 1128-1132.
277. Родригес, Х. М. М. Понятия «пространство» и «территория» в географии Латинской Америки / Х. М. М. Родригес, Ю. С. Гринфельдт // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2018. – № 7. – С. 84-92.
278. Рожина, Е. А. Этническое разнообразие и экономическая диверсификация: анализ регионов России / Е. А. Рожина, Р. И. Васильева // Народонаселение. – 2024. – Т. 27, № 1. – С. 82-94.
279. Рожковская, Е. А. Региональные диспропорции и риски пространственного развития в Республике Беларусь / Е. А. Рожковская // Белорусский экономический журнал. – 2021. – № 4 (97). – С. 55-71.
280. Розин, В. М. Понятие «пространство» и его эволюция (от естествознания к гуманитарным социальным наукам) / В. М. Розин // Мир психологии. – 2012. – № 4 (72). – С. 18-29.
281. Романов, Е. В. Институциональные ловушки в научно-образовательной сфере: природа и механизм ликвидации / Е. В. Романов // Образование и наука. – 2020. – Т. 22, № 9. – С. 107-147.
282. Романова, О. А. Преференциальные территории в технологическом и пространственном развитии России / О. А. Романова, Г. Ф. Галиуллина // AlterEconomics. – 2024. – Т. 21, № 4. – С. 658-676.

283. Романова, Т. Пошли по регионам: за счет чего росли гиганты интернет-коммерции в 2023 году [Электронный ресурс] // Сетевое издание «forbes.ru».
– Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/503332-posli-po-regionam-za-scet-cego-rosli-giganty-internet-kommercii-v-2023-godu>.
284. Русинова, О. С. Оценка эффективности использования ресурсного потенциала социально-экономического развития сельских территорий аграрного региона / О. С. Русинова // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2011. – № 3. – С. 48-52.
285. Русинова, О. С. Теоретико-методологические подходы к типологии регионов / О. С. Русинова, А. Г. Русинов // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. – 2016. – № 4 (40). – С. 95-104.
286. Рыбаковский, О. Л. К вопросу о стратегии демографического развития и концепции демографической политики России / О. Л. Рыбаковский, О. А. Таюнова, Н. И. Кожевникова // Наука. Культура. Общество. – 2018. – № 2-3. – С. 57-65.
287. Рябцева, А. Ю. Рациональное использование городских земель на основе градостроительных признаков в границах зон с особыми условиями использования территорий / А. Ю. Рябцева, Н. М. Затолокина, Т. Г. Калачук // Вектор ГеоНаук. – 2021. – Т. 4, № 4. – С. 20-33.
288. Савельев, Ю. В. Научные основы пространственного планирования и кластерной политики в туризме (опыт Республики Карелия) / Ю. В. Савельев, О. В. Толстогузов // Вестник Национальной академии туризма. – 2009. – № 4 (12). – С. 19-23.
289. Садыков, Д. Р. Типология институциональных факторов, оказывающих влияние на развитие экономики северных регионов / Д. Р. Садыков // Московский экономический журнал. – 2024. – Т. 9, № 5. – С. 705-726.

290. Сайпидинов, Д. О правовом понятии территории государства / Д. Сайпидинов // Наука без границ. – 2018. – № 5 (22). – С. 142-145.
291. Селигмен, Б. Основные течения современной экономической мысли / пер. с англ.; под общ. ред. А. М. Румянцева. – М. : Издательство «Прогресс», 1968. – 600 с.
292. Сидорова, Е. Н. Роль институтов развития в наращивании инвестиционных ресурсов старопромышленных территорий / Е. Н. Сидорова, А. В. Трынов // Известия Уральского государственного горного университета. – 2019. – № 1 (53). – С. 162-170.
293. Симонова, Л. М. Пространственное стратегирование России / Л. М. Симонова, И. А. Ефремова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2016. – Т. 2, № 4. – С. 161-174.
294. Слинкова, О. К. Понятие «территория» в контексте маркетинга территорий / О. К. Слинкова, И. Д. Маркова // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 1 (78). – С. 1012-1016.
295. Словарь Академии Российской. Часть III. От З. до М. – СПб. : Императорская Академия Наук, 1792. – 1388 стб., [761] с.
296. Словарь Академии Российской. Часть V. От Р. до Т. – СПб. : Императорская Академия Наук, 1794. – 1084 стб., [602] с.
297. Солодилова, Н. З. Повышение доверия к институтам частного инвестирования при использовании цифровых технологий / Н. З. Солодилова, Р. И. Маликов, Е. М. Зинатуллин // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2022. – № 1 (39). – С. 7-16.
298. Сорокина, Н. Ю. Роль институтов развития в реализации целей государственных программ направления «Сбалансированное региональное

развитие» и Стратегии пространственного развития Российской Федерации / Н. Ю. Сорокина, Л. Н. Чайникова // Региональная экономика. Юг России. – 2022. – Т. 10, № 2. – С. 4-14.

299. Сорокина, Н. Ю. Сущность социально-экономического потенциала региона / Н. Ю. Сорокина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2010. – № 1-1. – С. 75-83.
300. Социальное положение и уровень жизни населения России: Стат.сб. / Госкомстат России. – М., 1998. – 440 с.
301. Спирина, Ю. В. Трансграничное пространственное планирование в Балтийском регионе / Ю. В. Спирина // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2009. – № 1. – С. 92-96.
302. Старикова, Т. В. Развитие типологии регионов в системе стратегического планирования / Т. В. Старикова // Экономика промышленности. – 2017. – Т. 10, № 2. – С. 172-178.
303. Степашин, В. М. Действие уголовного закона в пространстве / В. М. Степашин, О. Н. Бибик // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2009. – № 1 (18). – С. 72-79.
304. Суворова, А. В. Особенности оценки пространственных факторов развития экономики региона / А. В. Суворова // Российские регионы в фокусе перемен : Сборник докладов XIV Международной конференции, Екатеринбург, 14–16 ноября 2019 года. – Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2020. – С. 608-610.
305. Суворова, А. В. Экономическое пространство: содержание и концептуальные свойства / А. В. Суворова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 11-3 (69). – С. 115-119.

306. Сухарев, О. С. Развитие социально-экономического потенциала России: теория и практика / О. С. Сухарев // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, № 1. – С. 315-321.
307. Схемы территориального планирования субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] / Федеральная государственная информационная система территориального планирования. – Режим доступа: <https://fgistp.economy.gov.ru/>.
308. Тамбовцев, В. Л. О разнообразии форм описания институтов / В. Л. Тамбовцев // Общественные науки и современность. – 2004. – № 2. – С. 107-118.
309. Татаркин, А. И. Формирование региональных институтов пространственного развития Российской Федерации / А. И. Татаркин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 6 (24). – С. 42-59.
310. Толковый онлайн-словарь русского языка Даля В. И. [Электронный ресурс] // Онлайн-словари русского языка. – Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/dal/>
311. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.
312. Транспорт и связь в России: Стат.сб. / Госкомстат России. – М., 2001. – 222 с.
313. Транспорт России [Электронный ресурс] / Министерство транспорта Российской Федерации. – Режим доступа: https://mintrans.gov.ru/transport_of_russian/.
314. Тюменцев, В. А. Проблемы планирования пространственной организации развития территорий / В. А. Тюменцев // Сборник научных трудов Ангарского государственного технического университета. – 2008. – Т. 1, № 1. – С. 218-222.

315. Тюнен, И. Г. Изолированное государство / пер. Е. А. Торнеус ; под ред. проф. А. А. Рыбникова. – М.: Издательство «Экономическая жизнь», 1926. – 326 с.
316. Урунов, А. А. Методология оценки качества экономического пространства региона / А. А. Урунов, И. М. Морозова // Регионология. – 2024. – Т. 32, № 1 (126). – С. 48-70.
317. Ухабин, В. В. Выявление границ высотности новой застройки в историческом центре крупного города / В. В. Ухабин, Н. В. Соколова // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2023. – Т. 25, № 1. – С. 50-65.
318. Фабрично-заводская промышленность и торговля России / под ред. Д.И. Менделеева. – СПб. : Типографии В.С. Балашева и Ко и В.Ф. Демакова, 1893. – 750 с.
319. Факторы ускорения роста региональной экономики в условиях современных вызовов : монография / А. Е. Веденеев, М. О. Ермоленко, А. П. Каравес [и др.] ; отв. ред. Е. Г. Патрушева, А. В. Райхлина. – Ярославль : Финансовый университет при Правительстве РФ, 2024. – 192 с.
320. Филатова, Н. Г. Как институты финансовой поддержки предпринимательства влияют на инвестиционный потенциал регионов / Н. Г. Филатова // ЭКО. – 2021. – № 5 (563). – С. 96-117.
321. Фомин, Р. В. Институциональная ловушка модернизации региональной социально-экономической политики Южного федерального округа в условиях цифровизации экономики / Р. В. Фомин // Современная экономика: проблемы и решения. – 2020. – № 3 (123). – С. 186-196.
322. Фролов, Д. П. Будущее стратегий территориального развития: анализ современных методологий / Д. П. Фролов, И. А. Соловьева // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – № 10 (433). – С. 28-45.

323. Фролов, Д. П. Институты и трансакционные издержки: преодоление квазикоузианской традиции / Д. П. Фролов // *Journal of Economic Regulation*. – 2011. – Т. 2, № 4. – С. 5-23.
324. Хмелева, Г. А. Пространственные особенности обеспеченности транспортной инфраструктурой в контексте глобальной конкурентоспособности российских регионов / Г. А. Хмелева, Н. И. Скреблов // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2025. – № 3 (245). – С. 121–137.
325. Ходжсон, Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории / пер. с англ. – М. : Дело, 2003. – 464 с.
326. Холявко, С. И. Шведская модель пространственного планирования: функции, проблемы и решения / С. И. Холявко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – № 7. – С. 159-168.
327. Цели в области устойчивого развития ООН [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>.
328. Цыренов, А. Р. Механизм государственного воздействия на формирование институциональной среды экономики региона / А. Р. Цыренов, В. Е. Сактоев, Е. Д. Цыренова ; Министерство образования Российской Федерации, Восточно-Сибирский государственный технологический университет. – Улан-Удэ : Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2004. – 229 с.
329. Череповская, Н. А. Кластерный подход как инструмент стратегического пространственного развития России / Н. А. Череповская // Проблемы теории и практики управления. – 2024. – № 9. – С. 18-28.

330. Чернышов, М. М. Интегральная оценка инвестиционной составляющей эффективности пространственного развития макрорегионов Российской Федерации / М. М. Чернышов // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2021. – № 10 (132). – С. 101-114.
331. Чистобаев, А. И. Опыт пространственного планирования в Европейском союзе и возможности его использования в России / А. И. Чистобаев, С. И. Федулова // Балтийский регион. – 2018. – Т. 10, № 2. – С. 86-99.
332. Чистобаев, А. И. Пространственное планирование в России: состояние, проблемы, задачи географов / А. И. Чистобаев // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2013. – № 2. – С. 15-24.
333. Шаститко, А. Е. Мезоинституты для цифровых экосистем / А. Е. Шаститко, А. А. Курдин, И. Н. Филиппова // Вопросы экономики. – 2023. – № 2. – С. 61-82.
334. Шаталова, О. М. Социально-экономическое неравенство регионов РФ: вопросы измерения и долгосрочная ретроспективная оценка / О. М. Шаталова, Е. В. Касаткина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 74-87.
335. Шеломенцев, А. Г. Оценка пространственного развития регионов Арктической зоны Российской Федерации [Электронный ресурс] / А. Г. Шеломенцев, А. В. Уханова, Е. В. Смиреникова, Л. В. Воронина // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2018. – № 4 (56). – Режим доступа: <https://eee-region.ru/article/5613/>.
336. Широв, А. А. Роль пространственного развития при достижении национальных целей Российской экономики / А. А. Широв, О. В. Кузнецова, Н. Н. Михеева, М. Н. Узяков // Проблемы прогнозирования. – 2025. – № 4(211). – С. 11-23.

337. Эйлер, Л. Основы динамики точки. – Москва-Ленинград : Объединенное научно-техническое издательство НКТП СССР, 1938. – 499 с.
338. Эмиров, Р. М. Содержание и смысл понятий «территория» и «геополитическое пространство» / Р. М. Эмиров // Геополитический журнал. – 2015. – № 4 (11). – С. 24-29.
339. Юшкова, Н. Г. Планирование пространственного развития региона: идеология и технология / Н. Г. Юшкова // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура. – 2010. – № 20 (39). – С. 164-171.
340. Antunes Junior, W. F. Why is it so difficult to promote territorial development through public policies? The obstacles faced by a Brazilian experience / W. F. Antunes Junior, R. S. Borsatto, V. F. de Souza-Esquerdo // World Development Perspectives. – 2021. – Vol. 24. – Pp. 1-11.
341. Bavnbæk, K. F. Navigating spatial justice: Exploring municipal planners' logics in differentiated village planning / K. F. Bavnbæk, A. A. Thuesen // Journal of Rural Studies. – 2025. – Vol. 114. – Pp. 1-10.
342. Berisha, E. The invisible hand of the EU: Europeanisation of spatial planning in two non-EU countries / E. Berisha, G. Cotella, A. Solly // Regional Science Policy & Practice. – 2025. – Vol. 17, No. 3. – Pp. 1-11.
343. Blair, N. Delivering Cross-Border Spatial Planning: Proposals for the Island of Ireland / N. Blair, A. Adair, B. Bartley, J. Berry, C. Creamer, J. Driscoll, S. McGreal, F. Vigier // The Town Planning Review. – 2007. – Vol. 78, No. 4. – Pp. 485-509.
344. Boddy, M. The demise of strategic planning? The impact of the abolition of Regional Spatial Strategy in a growth region / M. Boddy, H. Hickman // The Town Planning Review. – 2013. – Vol. 84, No. 6. – Pp. 743-768.

345. Caparros-Midwood, D. Optimised spatial planning to meet long term urban sustainability objectives / D. Caparros-Midwood, S. Barr, R. Dawson // Computers, Environment and Urban Systems. – 2015. – Vol. 54. – Pp. 154-164.
346. Christaller, W. Central places in Southern Germany / transl. by C. W. Baskin. – Englewood Cliffs, N.J. : Prentice-Hall, 1966. – 230 p.
347. Çınar, İ. T. Regional development trap and economic complexity in Turkey: Evidence from provincial data / I. T. Çınar // Regional Science Policy & Practice. – 2023. – Vol. 15, No. 9. – Pp. 2224-2252.
348. COMPASS – Comparative Analysis of Territorial Governance and Spatial Planning Systems in Europe. Applied Research 2016-2018: Final Report / V. Nadin, A. M. Fernandez Maldonado, W. Zonneveld, D. Stead, M. Dabrowski, K. Piskorek et al. – Luxembourg : ESPON & TU Delft, 2018. – 94 p.
349. Dadashpoor, H. Driving factors of formation, development, and change of spatial structure in metropolitan areas: A systematic review / H. Dadashpoor, N. Malekzadeh // Journal of Urban Management. – 2020. – Vol. 9, No. 3. – Pp. 286-297.
350. Danilov, Yu. Spatial Development Indicators, Used in the Framework of the «New Economic Geography» and How They Can Be Used in the Strategic Planning of Spatial Development of the Russian Federation [Электронный ресурс] / Yu. Danilov // Moscow State University, Faculty of Economics Working Papers. – 2016. – Режим доступа: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=30411&p=attachment>.
351. Diemer, A. The Regional Development Trap in Europe / A. Diemer, S. Iammarino, A. Rodríguez-Pose, M. Storper // Economic Geography. – 2022. – Vol. 98, No. 5. – Pp. 487-509.

352. Dombi, M. Types of planning systems and effects on construction material volumes: An explanatory analysis in Europe / M. Dombi // Land Use Policy. – 2021. – Vol. 109 (105682). – Pp. 1-9.
353. European Spatial Planning Observation Network – ESPON [Электронный ресурс] / European Grouping on Territorial Cooperation. – Режим доступа: <https://www.espon.eu/>
354. Faxon, H. O. Territorializing spatial data: Controlling land through One Map projects in Indonesia and Myanmar / H. O. Faxon, J. E. Goldstein, M. R. Fisher, G. Hunt // Political Geography. – 2022. – Vol. 98 (102651). – Pp. 1-11.
355. Friedmann, J. Regional Planning and Nation-Building: An Agenda for International Research / J. Friedmann // Economic Development and Cultural Change. – 1967. – Vol. 16, No. 1. – Pp. 119-129.
356. Friedmann, J. Regional Planning in Post-Industrial Society: Some Policy Considerations / J. Friedmann // Journal of Farm Economics. – 1963. – Vol. 45, No. 5. – Pp. 1073-1079.
357. Galeano-Barrera, C. J. Theoretical model of territorial agro-industrial development through multi-focus research analytics / C. J. Galeano-Barrera, E. M. Mendoza-García, A. D. Martínez-Amariz, E. Romero-Riaño // Journal of Rural Studies. – 2022. – Vol. 94. – Pp. 295-304.
358. Giersch, H. Aspects of growth, structural change, and employment: A Schumpeterian perspective / H. Giersch // Kiel Working Paper. – 1979. – No. 89. – Pp. 1-39.
359. Glasgow City Development Plan [Электронный ресурс] / Glasgow City Council. – Режим доступа: <https://www.glasgow.gov.uk/index.aspx?articleid=16186>.
360. Glawe, L. Convergence, divergence, or multiple steady states? New evidence on the institutional development within the European Union / L. Glawe, H. Wagner // Journal of Comparative Economics. – 2021. – Vol. 49, No. 3. – Pp. 860-884.

361. Grădinaru, S. R. Impact of national policies on patterns of built-up development: an assessment over three decades / S. R. Grădinaru, P. Fan, C. I. Ioja, M. R. Niță, B. Suditu, A. M. Hersperger // Land Use Policy. – 2020. – Vol. 94 (104510). – Pp. 1-11.
362. Hall, R. E. Why do some countries produce so much output per worker than others? / R. E. Hall, Ch. I. Jones // Quarterly journal of economics. – 1999. – Vol. 114. – P. 83-116.
363. He, Z. Closer to causality: How effective is spatial planning in governing built-up land expansion in Fujian Province, China? / Z. He, C. Zhao, C. Fürst, A. M. Hersperger // Land Use Policy. – 2021. – Vol. 108 (105562). – Pp. 1-11.
364. Hjørland, B. A substantive theory of classification for information retrieval / B. Hjørland, K. Nissen Pedersen // Journal of Documentation. – 2005. – Vol. 61, No. 5. – Pp. 582-597.
365. Hong, E. Entrepreneurship across time and space: empirical evidence from Korea. / E. Hong, I. H. Lee, L. Sun, R. Harrison // Small Business Economics. – 2015. – Vol. 44, No. 3. – Pp. 705-719.
366. Institution – Glossary for New Institutional Economics [Электронный ресурс] / The Ronald Coase Institute. – Режим доступа: <https://www.coase.org/nieglossary.htm#Institutions>.
367. International Encyclopedia of Human Geography. Vol. 13 / ed. by A. Kobayashi. – 2nd ed. – Elsevier, 2019.
368. Junger, L. Mitigating the levee effect – Spatial planning approaches to address residual risk / L. Junger, W. Seher // Progress in Disaster Science. – 2024. – Vol. 23. – Pp. 1-10.
369. Juschten, M. Challenge accepted – identifying barriers and facilitating climate change adaptation in spatial development across planning boundaries, sectors and

planning levels / M. Juschten, F. Reinwald, A. Jiricka-Pürrer // Environmental Science & Policy. – 2025. – Vol. 171. – Pp. 1-14.

370. Kashef, M. Balancing ecosystem services for environmental sustainability: An integrated assessment method in region 4 of Iran's spatial plan / M. Kashef, H. Esmaeilzadeh, N. M. Dinan, S. M. M. Sadeghi, M. V. Marcu // Environmental and Sustainability Indicators. – 2025. – Vol. 26. – Pp. 1-11.
371. Kohl, J. G. Der Verkehr und die Ansiedelung der Menschen in ihrer Abhängigkeit von der Gestaltung der Erdoberfläche / J. G. Kohl. – 2nd ed. – Leipzig : Arnoldische Buchhandlung, 1950. – 600 p.
372. Kooij, H.-J. Integrating spatial planning and energy policy in The Netherlands: challenges and lessons for societal energy transitions / H.-J. Kooij, M. Gerritsen, K. Van Assche // Environmental Innovation and Societal Transitions. – 2025. – Vol. 57. – Pp. 1-12.
373. Kwaliteit in meervoud; conceptualisering en operationalisering van ruimtelijke kwaliteit voor meervoudig ruimtegebruik / P. Hooimeijer, H. J. J. Kroon, J. Luttkik. – Habiforum, 2001. – 104 p.
374. Lasuén, J. R. On growth poles / J. R. Lasuén // Urban Studies. – 1969. – Vol. 6, No. 2. – Pp. 137-161.
375. Lau, M. Sectoral integration and meta-governance: lessons beyond the 'spatial planning' agenda in England / M. Lau // The Town Planning Review. – 2014. – Vol. 85, No. 5. – Pp. 617-637.
376. Launhardt, W. Mathematical Principles of Economics / transl. by H. Schmidt ; ed. by J. Creedy. – Aldershot : Edward Elgar, 1993. – 192 p.
377. Lebel, L. Institutional traps and vulnerability to changes in climate and flood regimes in Thailand / L. Lebel, J.B. Manuta, P. Garden // Regional Environmental Change. – 2011. – Vol. 11. – Pp. 45-58.

378. Lennon, M. Delivering ecosystems services via spatial planning: reviewing the possibilities and implications of a green infrastructure approach / M. Lennon, M. Scott // The Town Planning Review. – 2014. – Vol. 85, No. 5. – Pp. 563-587.
379. Leontieva, L. S. Assessment of Spatial Development of the Volga Regions / L. S. Leontieva, K. Yu. Proskurnova // Государственное управление. Электронный вестник. – 2023. – № 99. – Pp. 106-114.
380. Leontieva, L. S. Spatial Planning Levels for Territory Development / L. S. Leontieva, K. Yu. Proskurnova // Государственное управление. Электронный вестник. – 2022. – № 94. – Pp. 108-120.
381. Leontieva, L. S. The Influence of Netocratic Processes on the Development of Economic Institutions / L. S. Leontieva, K. Yu. Proskurnova // Reimagining Socioeconomic Development of Russia: New Directions, Theory, and Practice / ed. by M. L. Alpidovskaya, L. A. Karaseva, E. G. Popkova. – Charlotte, NC : Information Age Publishing, 2023. – Pp. 469-481.
382. Li, Zh. Study of the territory of the Arctic and its changes / Zh. Li, Y. Liu, H. Wang // Russian, East European & Central Asian Studies. – 2019. – Vol. 06. – Pp. 77–90, 149–150.
383. Liu, Y. Territory spatial planning and national governance system in China / Y. Liu, Y. Zhou // Land Use Policy. – 2021. – Vol. 102. – Pp. 1-9.
384. Maignant, G. Statistical, Mapping and Digital Approaches in Healthcare / G. Maignant, P. Staccini. – ISTE Press - Elsevier, 2018. – 157 p.
385. Matthaei, E. The Rurban Concept Spatial Planning Beyond Boundaries. The Case of the GIZ Land Use Planning and Management Project in India. – Bonn : Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) GmbH, 2018. – 17 p.
386. Mazaherylaghab, H. Green infrastructure planning and balanced territorial development: Insights from Milan Rural Metropolis / H. Mazaherylaghab // Journal of Environmental Management. – 2025. – Vol. 390. – Pp. 1-13.

387. Monama, S. A. South African spatial planning fragmentation: repealing the apartheid planning imprint / S. A. Monama, N. J. Mokoele, K. D. Mokgotho // International Journal of Entrepreneurship. – 2022. – Vol. 26, Spec. Iss. 1. – Pp. 1-11.
388. Morandell, T. The planning of urban–rural linkages: An automated content analysis of spatial plans adopted by European intermediate cities / T. Morandell, M. Wicki, D. Kaufmann // Landscape and Urban Planning. – 2025. – Vol. 255. – Pp. 1-12.
389. National Development Plan [Электронный ресурс] / The Presidency Republic of South Africa. – Режим доступа: https://www.nationalplanningcommission.org.za/National_Development_Plan.
390. National Spatial Development Concept of Poland until 2030 [Электронный ресурс] / United Nations Environment Programme. – Режим доступа: <https://leap.unep.org/en/countries/pl/national-legislation/national-spatial-development-concept-2030-nsdc-2030>.
391. National spatial development framework, Republic of South Africa [Электронный ресурс] / South African Government. Official Information and Services. – Режим доступа: <https://www.gov.za/documents/national-spatial-development-framework-draft-30-apr-2019-0000>.
392. Navotas Comprehensive Land Use Plan [Электронный ресурс] / Navotas City Hall. – Режим доступа: <https://www.navotas.gov.ph/OurGovernment/Clup>.
393. Niknazar, P. Theories for classification vs. classification as theory: Implications of classification and typology for the development of project management theories / P. Niknazar, M. Bourgault // International Journal of Project Management. – 2017. – Vol. 35, No. 2. – Pp. 191-203.
394. North, D. C. Economic Performance Through Time, Nobel prize lecture, December 19, 1993 [Электронный ресурс] // The Nobel Prize. – Режим доступа: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1993/north/lecture/>.

395. Oliveira, E. Governance arrangements, funding mechanisms and power configurations in current practices of strategic spatial plan implementation / E. Oliveira, A. M. Hersperger // Land Use Policy. – 2018. – Vol. 76. – Pp. 623–633.
396. Palma, O. M. Integration of indigenous people into sustainable development through the territorial analysis of their potential: The case of the Lenca people in Honduras / O. M. Palma, J. M. Díaz-Puente // Land Use Policy. – 2024. – Vol. 137. – Pp.1-13.
397. Parsons, T. The Motivation of Economic Activities / T. Parsons // Canadian Journal of Economics and Political Science. – 1940. – No. 6. – Pp. 187-202.
398. Perroux, F. L. L’Economie du XX siècle / F. L. Perroux. – P.U.F., 1961. – 814 p.
399. Petersson-Forsberg, L. Swedish spatial planning: A blunt instrument for the protection of outdoor recreation / L. Petersson-Forsberg // Journal of Outdoor Recreation and Tourism. – 2014. – Vol. 5-6. – Pp. 37-47.
400. Porter, M. E. The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction / M. E. Porter. – N.Y. : The Free Press, 1990, Palgrave Tenth Edition, 1998. – 855 p.
401. Pottier, P. Axes de communication et développement économique / P. Pottier // Revue économique. – 1963. – Vol. 14, No. 1. – Pp. 58-132.
402. Proskurnova, K. Yu. Spatial Development Institutions of the Russian Arctic Zone / K. Yu. Proskurnova, V. S. Osipov // The Handbook of the Arctic. A Broad and Comprehensive Overview / ed. by E. V. Pak, A. I. Krivtsov, N. S. Zagrebelskaya. – Singapore : Palgrave Macmillan, 2022. – Pp. 1081-1092.
403. Proskurnova, K. Yu. The continuity problems of regional administration institutions / K. Yu. Proskurnova // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 2. – Pp. 60-66.
404. Ran, J. Integrating spatial planning and flood risk management: A new conceptual framework for the spatially integrated policy infrastructure / J. Ran, Z. Nedovic-

Budic // Computers, Environment and Urban Systems. – 2016. – Vol. 57. – Pp. 68-79.

405. Rocco, R. Characterization of Spatial Planning in Brazil: The Right to the City in Theory and Practice / R. Rocco, L. Royer, F. M. Gonçalves // Planning Practice & Research. – 2019. – Vol. 34, No. 4. – Pp. 419-437.
406. Sapena, M. Estimating quality of life dimensions from urban spatial pattern metrics / M. Sapena, M. Wurm, H. Taubenböck, D. Tuia, L.A. Ruiz // Computers, Environment and Urban Systems. – 2021. – Vol. 85 (101549). – Pp. 1-11.
407. Scott, A. J. Disintegrated development at the rural–urban fringe: Re-connecting spatial planning theory and practice / A. J. Scott, C. Carter, M. R. Reed, P. Larkham, D. Adams, N. Morton [et al.] // Progress in Planning. – 2013. – Vol. 83. – Pp.1–52.
408. Searle, J. R. The Construction of Social Reality / J. R. Searle. – New York : Free Press, 1995. – 241 p.
409. Shaffer, J. D. Institutions, Behavior and Economic Performance; Comments on Institutional Analysis / J. D. Shaffer // Staff Paper 95-52, Department of Agricultural Economics. – Michigan State University, 1995.
410. Simplified Spatial Development Guidelines [Электронный ресурс] / National Treasury Republic of South Africa. – Режим доступа: <http://ndp.treasury.gov.za/about%20NDP/Spatial%20Planning%20Practice/Spatial%20Development%20Frameworks/Simplified%20Spatial%20Development%20Guidelines.pdf>.
411. Slave, A. R. Evaluating trends in the consideration of urban green spaces in strategic spatial planning: Insights from Romania / A. R. Slave, A. M. Popa, D. A. Onose, B. A. Esmail, C. Albert, C. A. Hossu, I.-C. Ioja, S. R. Gradinaru // Landscape and Urban Planning. – 2025. – Vol. 263. – Pp. 1-14.
412. Spatial Development Framework 2040: City of Johannesburg Metropolitan Municipality [Электронный ресурс] / The United Nations Human Settlements

Programme. – Режим доступа: <https://unhabitat.org/spatial-development-framework-2040-city-of-johannesburg-metropolitan-municipality>.

413. Spatial Development Strategy of the Republic of Croatia ESPON [Электронный ресурс] / Ministry of Physical Planning, Construction and State Assets Republic of Croatia. – Режим доступа: <https://mpgi.gov.hr/about-the-ministry-139/scope-of-the-ministry/physical-planning-143/spatial-development-strategy-of-the-republic-of-croatia/11686>.
414. Spatial Planning and Land Use Management Act [Электронный ресурс] / South African Government. Official Information and Services. – Режим доступа: <https://www.gov.za/documents/spatial-planning-and-land-use-management-act>.
415. Takeda, Sh. The Process of Change in the Definition of “Spatial Quality” in Spatial Planning in the Netherlands / Sh. Takeda // The 15th International Landscape Architectural Symposium of Japan, China, and Korea. Section 3. Conference Paper. – Tokyo, 2016. – Pp. 330-335.
416. Tasnim, S. Spatial indices and SDG indicator-based urban environmental change detection of the major cities in Bangladesh / S. Tasnim, F. Mahbub, G. Biswas, D. M. E. Haque // Journal of Urban Management. – 2022. – Vol. 11, No. 4. – P. 519-529.
417. Taylor, N. What is this thing called spatial planning? An analysis of the British government's view / N. Taylor // The Town Planning Review. – 2010. – Vol. 81, No. 2. – Pp. 193-208.
418. The Canberra Spatial Plan [Электронный ресурс] / ACT Planning and Land Authority. – Режим доступа: <https://www.aer.gov.au/documents/act-planning-and-land-authority-canberra-spatial-plan-march-2004-appendix-604>.
419. The Integrated Urban Development Framework [Электронный ресурс] / Cooperative Governance Traditional Affairs Republic of South Africa. – Режим

доступа: <https://www.cogta.gov.za/index.php/docs/integrated-urban-development-documents/>.

420. The London Plan 2021 [Электронный ресурс] / The Mayor, the London Assembly and the Greater London Authority. – Режим доступа: <https://www.london.gov.uk/programmes-strategies/planning/london-plan/the-london-plan-2021-table-contents>.
421. The Malawi Secondary Cities Plan (MSCP) [Электронный ресурс] / The National Planning Commission of Malawi. – Режим доступа: <https://npc.mw/2022/07/malawi-secondary-cities-plan/>.
422. Trygg, K. Strategic spatial planning in the implementation of mobility hubs / K. Trygg, I. Grundel // Journal of Urban Mobility. – 2025. – Vol. 7. – Pp. 1-10.
423. Vallecillo, S. Spatial alternatives for Green Infrastructure planning across the EU: An ecosystem service perspective / S. Vallecillo, C. Polce, A. Barbosa, C. P. Castillo, I. Vandecasteele, G. M. Rusch, J. Maes // Landscape and Urban Planning. – 2018. – Vol. 174. – Pp. 41-54.
424. Vision for the Eastern Cape 2030: provincial development plan [Электронный ресурс] / Province of the Eastern Cape Republic of South Africa. – Режим доступа: www.ecprov.gov.za.
425. Weber, A. Ueber den Standort der Industrien. Teil I. Reine Theorie des Standorts, mit einem mathematischen Anhang / A. Weber, G. Pick. – Tübingen : J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1922. – 246 p.
426. Wei, C. Assessing progress towards sustainable development goals for Chinese urban land use: A new cloud model approach / C. Wei, J. Meng, L. Zhu, Z. Han // Journal of Environmental Management. – 2023. – Vol. 326. – Pp. 1-12.
427. Xiong, J. Will China's territorial spatial planning policies enhance land use sustainability? An integrated assessment under global environmental change / J. Xiong, W. Yue, H. Xia, T. Wang, Y. Liu, B. C. Pijanowski // Resources, Environment and Sustainability. – 2025. – Vol. 21. – Pp. 1-12.

428. Yeszhanova, Zh. Zh. Economic Potential of Kazakhstan's Regions: Methodology, Comparative Analysis and Rating Assessment / Zh. Zh. Yeszhanova, M. A. Kalikov, T. Y. Abdykadyr // Экономика: стратегия и практика. – 2023. – Vol. 18, No. 2. – Pp. 187-203.
429. Zhu, J. “Three-Plan Integration”: Exploring the Order and Regulation Capacity of Spatial Planning / J. Zhu, M. Deng, A. Pan // China City Planning Review. – 2015. – Vol. 24, No. 4. – Pp. 31-40.

Приложение А

**Результаты расчета средних темпов роста показателей по 5-летним периодам
в 1990-2020 годы (1990 г. – базовый) для Волжских регионов**

Таблица А.1 – Результаты расчета средних темпов роста показателей по 5-летним периодам в 1990-2020 годы (1990 г. – базовый) для Волжских регионов

Субъект РФ	Показатель					
	1995	2000	2005	2010	2015	2020
<i>Плотность населения</i>						
Тверская область	0,9732	0,9517	0,9280	0,9536	0,9630	0,9584
Ярославская область	0,9870	0,9679	0,9457	0,9625	0,9935	0,9858
Костромская область	0,9865	0,9591	0,9344	0,9459	0,9723	0,9678
Ивановская область	1,0629	0,7942	1,1157	0,9562	0,9711	0,9615
Нижегородская область	0,9615	0,9725	0,9504	0,9649	0,9830	0,9794
Республика Марий Эл	1,0056	0,9815	0,9657	0,9736	0,9830	0,9884
Чувашская Республика	1,0062	0,9917	0,9676	0,9727	0,9860	0,9836
Республика Татарстан	1,0267	1,0101	0,9943	1,0043	1,0186	1,0123
Ульяновская область	1,0437	0,9692	0,9489	0,9610	0,9700	0,9741
Самарская область	1,0199	0,9972	0,9798	0,9987	0,9975	0,9897
Саратовская область	1,0135	0,9911	0,9653	0,9690	0,9832	0,9716
Волгоградская область	1,0375	1,0075	0,9699	0,9843	0,9784	0,9740
Астраханская область	1,0167	0,9981	0,9942	1,0049	1,0097	0,9851
<i>Доля городского населения</i>						
Тверская область	1,0049	1,0134	1,0107	1,0147	1,0101	1,0124
Ярославская область	0,9880	0,9978	1,0108	1,0092	0,9961	0,9983
Костромская область	0,9653	1,0015	1,0230	1,0219	1,0243	1,0206
Ивановская область	0,9989	1,0030	0,9753	1,0051	1,0051	1,0058
Нижегородская область	1,0030	1,0057	1,0037	1,0079	1,0077	1,0039
Республика Марий Эл	1,0187	1,0059	0,9954	1,0027	1,0353	1,0285
Чувашская Республика	1,0231	1,0089	1,0110	0,9571	1,0421	1,0443
Республика Татарстан	0,9982	1,0048	1,0118	1,0097	1,0144	1,0087
Ульяновская область	1,0086	1,0066	1,0003	1,0060	1,0155	1,0183
Самарская область	0,9954	1,0019	0,9950	1,0004	1,0020	0,9935
Саратовская область	0,9957	0,9925	1,0063	1,0095	1,0108	1,0055
Волгоградская область	0,9817	1,0059	1,0067	1,0058	1,0103	1,0099
Астраханская область	0,9959	1,0022	0,9948	0,9874	0,9979	1,0026

Субъект РФ	Показатель					
	1995	2000	2005	2010	2015	2020
<i>Плотность железнодорожных путей общего пользования</i>						
Тверская область	1,0000	1,0142	0,9953	1,0000	1,0000	1,0047
Ярославская область	1,0000	0,9372	1,0112	1,0000	0,9945	1,0000
Костромская область	1,0093	0,9815	1,0000	1,0094	1,0000	1,0000
Ивановская область	1,0942	1,0331	1,0321	1,0000	1,0000	1,0000
Нижегородская область	0,9422	0,9693	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000
Республика Марий Эл	1,0000	1,0000	0,8864	0,8333	1,0000	1,0000
Чувашская Республика	1,0000	0,9274	1,0000	1,0000	1,0599	1,0000
Республика Татарстан	1,0000	0,9556	0,9922	0,9844	1,0238	1,0000
Ульяновская область	1,0000	0,9846	1,0000	0,9844	0,9894	1,0000
Самарская область	1,0000	0,9961	0,9884	1,0078	0,9961	1,0000
Саратовская область	1,0000	0,9871	0,9913	1,0000	1,0044	0,9912
Волгоградская область	1,0000	0,9930	1,0070	1,0000	1,0000	1,0000
Астраханская область	1,0000	0,9699	0,9535	1,0000	1,0407	1,0000
<i>Плотность автомобильных дорог с твердым покрытием</i>						
Тверская область	1,4685	1,0920	1,0056	1,0279	1,3478	1,0363
Ярославская область	1,5849	1,0238	0,9942	1,1287	1,3731	1,0415
Костромская область	1,3226	1,1220	0,6739	1,4839	1,4457	1,0376
Ивановская область	1,0000	1,0390	1,0500	1,2917	1,5346	1,0150
Нижегородская область	1,3495	1,2158	1,0414	1,1136	1,4796	1,0379
Республика Марий Эл	1,4396	1,0611	1,0144	1,0922	1,3636	1,0714
Чувашская Республика	1,1361	1,4611	1,0615	1,2278	1,2893	1,0732
Республика Татарстан	1,0704	1,2105	1,0815	1,6281	1,3056	1,0733
Ульяновская область	1,0526	1,0333	1,0484	1,2692	1,4364	1,0675
Самарская область	1,1081	1,1138	1,0438	1,6294	1,3047	1,1020
Саратовская область	1,1071	1,0860	1,0198	1,1068	1,5702	0,9553
Волгоградская область	1,1833	1,0704	1,0395	1,3797	1,2936	1,0496
Астраханская область	1,0980	1,0714	0,9000	1,2593	1,2941	0,9432

Субъект РФ	Показатель					
	1995	2000	2005	2010	2015	2020
<i>Численность занятых</i>						
Тверская область	0,8382	0,9768	1,0176	0,9674	0,9922	0,9405
Ярославская область	0,8605	1,0597	0,9782	0,9277	1,0397	0,9222
Костромская область	0,8574	0,9861	1,0033	0,9656	0,9162	0,9484
Ивановская область	0,7701	1,0253	1,0029	0,9662	1,0061	0,9391
Нижегородская область	0,9138	0,9687	0,9882	0,9694	1,0290	0,9801
Республика Марий Эл	0,8799	1,0065	1,0614	0,9754	1,0121	0,8909
Чувашская Республика	0,8935	1,0609	0,9458	1,0343	1,0607	0,8884
Республика Татарстан	0,8904	1,0201	1,0196	1,0827	1,0426	0,9838
Ульяновская область	0,8847	0,9763	1,0134	0,9572	1,0098	0,9208
Самарская область	0,9202	0,9846	1,0747	1,0053	1,0262	0,9419
Саратовская область	0,8555	0,9910	1,0041	1,0659	0,9334	0,9168
Волгоградская область	0,9100	0,9849	1,0203	0,9911	0,9953	0,9494
Астраханская область	0,8640	1,0162	0,9840	1,1027	1,0157	0,9461
<i>Протяженность внутренних водных судоходных путей (обслуживаемые службами)</i>						
Тверская область	0,4321	0,8693	2,5858	0,9816	1,0000	0,9927
Ярославская область	0,7326	0,8478	1,6571	1,0049	0,9951	0,9963
Костромская область	0,2294	0,7124	5,5528	1,0000	1,0000	1,0000
Ивановская область	0,5090	0,5221	2,9068	0,9096	1,0000	0,9231
Нижегородская область	0,8696	0,9125	1,1571	1,0922	1,0000	1,0228
Республика Марий Эл	0,7490	1,0508	1,3865	0,9721	1,0000	1,0000
Чувашская Республика	0,9154	1,0588	1,6032	1,0074	1,0000	1,0000
Республика Татарстан	0,9559	0,9196	1,2261	1,0048	1,0000	1,0000
Ульяновская область	0,6980	1,0218	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000
Самарская область	0,7231	0,8914	1,4637	1,0000	1,0029	1,0000
Саратовская область	0,8011	0,8870	1,0000	1,0000	1,0000	1,0000
Волгоградская область	0,8070	0,7970	1,5297	1,0013	1,0000	1,0007
Астраханская область	0,7975	0,9011	1,3810	0,9521	1,0000	0,9993

Субъект РФ	Показатель					
	1995	2000	2005	2010	2015	2020
<i>Индекс физического объема инвестиций в основной капитал</i>						
Тверская область	0,7604	0,9785	1,0274	1,193	0,9036	0,9611
Ярославская область	0,7190	0,9551	1,3016	0,9881	0,9228	0,9869
Костромская область	0,6832	1,0695	1,1241	0,8866	1,0671	0,9555
Ивановская область	0,7157	0,9076	1,3085	1,0889	0,8665	1,0805
Нижегородская область	0,7871	0,9022	1,1839	1,1546	0,9503	1,0387
Республика Марий Эл	0,7175	0,8637	1,2548	1,1545	1,0769	0,9105
Чувашская Республика	0,8200	0,8880	1,2061	1,0796	0,9528	0,9311
Республика Татарстан	0,7594	1,0413	1,1234	1,0748	1,0647	0,9617
Ульяновская область	0,6776	0,9419	1,1876	1,1684	1,0495	0,9515
Самарская область	0,7952	0,9613	1,0982	1,1210	1,0901	0,9440
Саратовская область	0,7159	1,0251	1,1505	1,0506	1,0668	0,9822
Волгоградская область	0,8565	0,9300	1,2259	1,0251	1,1593	0,9237
Астраханская область	0,7483	1,1414	1,0200	1,1301	1,0865	0,9346
<i>Инвестиции в основной капитал на душу населения</i>						
Тверская область		4,4241	2,6845	3,6338	0,9216	1,1158
Ярославская область		3,7532	5,5462	1,7633	1,0466	1,2044
Костромская область		6,1221	3,2621	1,1302	1,8573	0,9887
Ивановская область		2,8900	6,2739	2,5885	0,8836	1,7940
Нижегородская область		3,0729	4,4193	3,0762	1,2433	1,6683
Республика Марий Эл		2,7263	4,6880	2,9647	1,8367	0,9197
Чувашская Республика		3,4457	4,0779	2,2469	1,3245	0,9588
Республика Татарстан		5,8349	3,1359	2,3472	1,8392	0,9724
Ульяновская область		3,2420	3,7044	3,3920	1,7029	1,0440
Самарская область		3,1922	2,9588	2,3030	1,9667	0,9319
Саратовская область		5,0949	3,1108	2,0390	1,7768	1,2339
Волгоградская область		2,6493	3,8285	1,8616	2,6116	0,9747
Астраханская область		10,8510	1,7509	2,7497	1,8729	1,0040

Субъект РФ	Показатель					
	1995	2000	2005	2010	2015	2020
<i>Индекс физического объема ВРП</i>						
Тверская область		1,0147	1,0595	1,0491	1,0122	1,0026
Ярославская область		1,0507	1,0798	1,0302	1,0411	1,0161
Костромская область		1,0270	1,0423	1,0308	1,0230	0,9926
Ивановская область		0,9931	1,0527	1,0331	0,9816	1,0027
Нижегородская область		1,0351	1,07538	1,0337	1,0296	1,0161
Республика Марий Эл		0,9829	1,0556	1,0764	1,0673	0,9912
Чувашская Республика		0,9741	1,0682	1,0238	1,0203	1,0122
Республика Татарстан		1,0208	1,0823	1,0685	1,0391	1,0120
Ульяновская область		1,0107	1,0486	1,0442	1,0269	1,0117
Самарская область		1,0208	1,0648	1,0102	1,0345	0,9853
Саратовская область		1,0570	1,0811	1,0546	1,0432	1,0190
Волгоградская область		1,0080	1,0892	1,0093	1,0141	0,9915
Астраханская область		1,1028	1,0585	1,0362	1,0855	1,0535
<i>Индекс физического объема ВРП на душу населения</i>						
Тверская область				1,0614	1,0214	1,0134
Ярославская область				1,0393	1,0421	1,0210
Костромская область				1,0445	1,0293	1,0004
Ивановская область				1,0437	0,9883	1,0125
Нижегородская область				1,0421	1,0336	1,0223
Республика Марий Эл				1,0832	1,0713	0,9935
Чувашская Республика				1,0301	1,0235	1,0157
Республика Татарстан				1,0672	1,0341	1,0085
Ульяновская область				1,0547	1,0344	1,0190
Самарская область				1,0107	1,0350	0,9891
Саратовская область				1,0621	1,0467	1,0271
Волгоградская область				1,0128	1,0201	0,9967
Астраханская область				1,0347	1,0830	1,0597

Субъект РФ	Показатель					
	1995	2000	2005	2010	2015	2020
<i>Перевозки грузов автомобильным транспортом организаций всех видов деятельности</i>						
Тверская область	0,395	0,401447	0,725225	1,329193	1,17757	1,06746
Ярославская область	0,53163	0,464491	0,96281	0,682403	1,415094	0,715556
Костромская область	0,43226	0,695522	0,609442	0,422535	0,8	1,354167
Ивановская область	0,22526	0,942197	0,803681	0,412214	0,944444	0,823529
Нижегородская область	0,43251	0,588367	0,745247	0,704082	1,57971	0,513761
Республика Марий Эл	0,30394	1,072539	0,560386	0,413793	1,604167	0,857143
Чувашская Республика	0,44623	0,65374	0,720339	0,441176	1,48	0,621622
Республика Татарстан	0,6648	0,492797	1,015121	0,777557	0,863346	1,013314
Ульяновская область	0,54418	0,409594	0,671171	1,100671	0,731707	0,7
Самарская область	0,40933	0,554028	1,379433	0,772494	0,675541	0,697044
Саратовская область	0,28925	0,512337	0,883853	0,560897	0,862857	0,801325
Волгоградская область	0,333	0,41203	0,828467	0,660793	1,193333	0,664804
Астраханская область	0,25668	0,49711	0,906977	0,641026	0,98	0,653061
<i>Отправление грузов железнодорожным транспортом общего пользования</i>						
Тверская область	0,31469	0,666667	0,766667	0,826087	0,736842	1,285714
Ярославская область	0,52091	1,080292	1,067568	0,879747	0,94964	0,916667
Костромская область	0,38182	1,095238	1,086957	0,8	0,8	1,5
Ивановская область	0,26667	1,166667	0,928571	0,769231	1,2	0,666667
Нижегородская область	0,42377	0,536585	2,056818	1,077348	0,794872	0,76129
Республика Марий Эл	0,46154	0,666667	2,5	1,6	0,9375	0,733333
Чувашская Республика	0,28571	0,666667	1,625	0,769231	0,7	1
Республика Татарстан	0,44444	1,136364	1,09	0,917431	1,55	1,03871
Ульяновская область	0,35922	0,810811	1,066667	1,09375	0,942857	1,030303
Самарская область	0,48205	0,941489	1,361582	0,892116	1,097674	0,923729
Саратовская область	0,263	1,209302	1,413462	0,965986	0,84507	1,4
Волгоградская область	0,43986	1,085938	1,460432	0,793103	1,062112	0,906433
Астраханская область	0,8642	1,371429	1,072917	2,407767	0,677419	1,107143
Примечание – Данные для расчета средних темпов роста взяты из:						
1.	Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) / Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: https://fedstat.ru/					
2.	Промышленность России: Стат.сб. / Госкомстата России. М., 1998. 444 с.					
3.	Промышленность России: Стат.сб. / Госкомстата России. М., 2000. 462 с.					
4.	Регионы России: Информ.-стат.сб. В 2 т. Т. 1 / Госкомстата России. М., 1997. 666 с.					
5.	Регионы России: Информ.-стат.сб. В 2 т. Т. 2 / Госкомстата России. М., 1997. 648 с.					
6.	Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204					
7.	Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т. 1 / Госкомстата России. М., 1999. 532 с.					
8.	Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т. 2 / Госкомстата России. М., 1999. 861 с.					
9.	Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т. 2 / Госкомстата России. М., 2001. 827 с.					
10.	Социальное положение и уровень жизни населения России: Стат.сб. / Госкомстата России. М., 1998. 440 с.					
11.	Транспорт и связь в России: Стат.сб. / Госкомстата России. М., 2001. 222 с.					

Приложение Б

**Результаты расчета средних темпов роста показателей 5-летнего периода
в 2018-2022 годы (2018 г. – базовый)**

Таблица Б.1 – Результаты расчета средних темпов роста показателей 5-летнего периода в 2018-2022 годы (2018 г. – базовый)

Субъект РФ	Показатель				
	2019	2020	2021	2022	Средний темп роста за 5 лет
	Ежегодный темп роста				
<i>Численность населения</i>					
Магаданская область	0,990708	0,99062	0,989803	0,988227	0,986475
Ярославская область	0,993407	0,98875	0,986903	0,990794	0,986637
Забайкальский край	0,990339	0,989855	0,986006	0,991904	0,986056
Краснодарский край	1,007004	1,003711	1,00282	0,997822	1,00378
Приморский край	0,995441	0,989615	0,991228	0,988164	0,988162
Хабаровский край	0,995215	0,988324	0,998224	0,99327	0,991678
<i>Доля городского населения</i>					
Магаданская область	1,001038	1	1	1,001037	1,000692
Ярославская область	0,998773	0,997543	0,998768	0,998767	0,997951
Забайкальский край	1,00438	1,001453	1,005806	1,002886	1,004843
Краснодарский край	1,003571	1,007117	1,007067	1,001754	1,006505
Приморский край	1,002564	1,001279	1,002554	0,998726	1,001706
Хабаровский край	1,001203	1,001202	1,002401	1	1,001602
<i>Площадь территории</i>					
Магаданская область	1	1	1	1	1
Ярославская область	1	1	1	1	1
Забайкальский край	1	1	1	1	1
Краснодарский край	1	1	1	1	1
Приморский край	1	1	1	1	1
Хабаровский край	1	1	1	1	1
<i>Плотность населения</i>					
Магаданская область	0,990708	0,99062	0,989803	0,988227	0,986475
Ярославская область	0,993407	0,98875	0,986903	0,990794	0,986637
Забайкальский край	0,990339	0,989855	0,986006	0,991904	0,986056
Краснодарский край	1,007004	1,003711	1,00282	0,997822	1,00378
Приморский край	0,995441	0,989615	0,991228	0,988164	0,988162
Хабаровский край	0,995215	0,988324	0,998224	0,99327	0,991678

Субъект РФ	Показатель				
	2019	2020	2021	2022	Средний темп роста за 5 лет
	Ежегодный темп роста				
	<i>Численность занятых</i>				
Магаданская область	0,9869	0,982301	1,015766	0,961197	0,981841
Ярославская область	0,976213	0,983701	1,023431	0,9861	0,989606
Забайкальский край	0,979872	0,988855	1,009503	0,977014	0,985001
Краснодарский край	1,00776	0,994587	1,036028	1,013281	1,017108
Приморский край	0,966838	0,984981	1,012436	0,991562	0,985121
Хабаровский край	0,965308	0,998053	1,011853	0,993179	0,989285
	<i>Плотность железнодорожных путей</i>				
Магаданская область					
Ярославская область	1	1	1	1	1
Забайкальский край	1	1	1	1	1
Краснодарский край	1,017123	1	1	1	1,005675
Приморский край	1	1	1	1	1
Хабаровский край	1	1	1	1	1
	<i>Плотность автомобильных дорог</i>				
Магаданская область	1,008869	0,99618	1,000345	0,990365	0,998557
Ярославская область	1,011447	1,001889	1,021678	1,008878	1,014624
Забайкальский край	0,994194	1,008178	1,01093	0,998997	1,004071
Краснодарский край	1,016423	1,013316	0,997837	0,984643	1,003967
Приморский край	1,013413	1,012137	1,000972	1,003029	1,009842
Хабаровский край	1,016278	1,021465	0,980785	1,012023	1,010028
	<i>Протяженность внутренних водных путей</i>				
Магаданская область	1	1	1	1	1
Ярославская область	1	1	1	1	1
Забайкальский край	1	1	1	1	1
Краснодарский край	1	1	1	1	1
Приморский край	1	0,978166	1	1	0,992668
Хабаровский край	1	1,001772	1	1	1,00059
	<i>Индекс физического объема инвестиций в основной капитал</i>				
Магаданская область	0,715429	1,144416	1,593327	1,192223	1,158611
Ярославская область	1,077967	1,018835	1,201763	0,984156	1,091098
Забайкальский край	1,068557	1,319159	1,28784	1,114465	1,264759
Краснодарский край	0,926877	1,084963	1,077907	1,236515	1,10257
Приморский край	1,260138	1,259947	1,104136	1,294069	1,313964
Хабаровский край	1,240087	1,365593	1,012354	1,074561	1,225873
	<i>Инвестиции в основной капитал на душу населения</i>				
Магаданская область	0,725453	1,153434	1,607038	1,221253	1,179808
Ярославская область	1,083226	1,026269	1,214421	1,012267	1,109724
Забайкальский край	1,07515	1,326836	1,297808	1,172626	1,294848
Краснодарский край	0,920981	1,081555	1,076776	1,206799	1,089816
Приморский край	1,265831	1,26825	1,113831	1,321927	1,332097
Хабаровский край	1,246038	1,376208	1,018839	1,084257	1,237326

Субъект РФ	Показатель				
	2019	2020	2021	2022	Средний темп роста за 5 лет
	Ежегодный темп роста				
	<i>Средний темп роста индекса физического объема ВРП</i>				
Магаданская область	1,022352	0,998099	1,010476	0,869934	0,964411
Ярославская область	0,969961	0,996004	1,055165	0,922053	0,979559
Забайкальский край	1,012859	1,020508	1,008612	0,920304	0,986295
Краснодарский край	0,993069	0,979063	1,100815	1	1,022904
Приморский край	1,031434	0,938095	1,088325	0,95709	1,002613
Хабаровский край	0,978389	1,008032	1,036853	0,932757	0,984367
	<i>Средний темп роста индекса физического объема ВРП на душу населения</i>				
Магаданская область	1,021053	0,991565	1,012287	0,871148	0,962916
Ярославская область	0,971042	0,998012	1,058765	0,92286	0,981981
Забайкальский край	1,012783	1,020388	1,011418	0,92286	0,988059
Краснодарский край	0,994018	0,981946	1,103166	1,000926	1,025278
Приморский край	1,030303	0,941176	1,090726	0,95841	1,004541
Хабаровский край	0,979452	1,010989	1,034585	0,931232	0,984429
	<i>Перевозки грузов автомобильным транспортом организаций всех видов деятельности</i>				
Магаданская область	1,314729	2,606431	0,894228	1,4737	1,6529
Ярославская область	1,167316	0,864312	1,087442	0,611936	0,875636
Забайкальский край	0,444136	2,249944	1,075935	1,244782	1,102019
Краснодарский край	1,044279	0,940133	1,084582	1,125691	1,062255
Приморский край	1,077937	0,879186	1,132525	1,25027	1,102999
Хабаровский край	0,895742	0,913546	1,150575	0,816567	0,916094
	<i>Отправление грузов железнодорожным транспортом общего пользования</i>				
Магаданская область					
Ярославская область	0,969697	0,945313	1,057851	0,953125	0,974082
Забайкальский край	1,173228	1,026846	1,026144	1,095541	1,10639
Краснодарский край	0,966258	0,838095	1,151515	1,009868	0,980182
Приморский край	1,043796	1,006993	1,298611	1,165775	1,167469
Хабаровский край	1	0,968037	1,103774	0,940171	1,00152

Примечания:

В Магаданской области отсутствуют железнодорожные пути. При расчете по 14 показателям данные по темпам роста показателей «Плотность железнодорожных путей общего пользования» и «Отправление грузов железнодорожным транспортом общего пользования» приравнивались к 1.

Данные для расчета средних темпов роста взяты из:

1. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) / Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://fedstat.ru/>
2. Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

Приложение В

**Результаты расчета средних темпов роста показателей и коэффициента пространственного развития
Магаданской, Ярославской областей, Забайкальского, Краснодарского, Приморского и Хабаровского краев
в 2018-2022 годы**

Таблица В.1 – Результаты расчета средних темпов роста показателей и коэффициента пространственного развития Магаданской, Ярославской областей, Забайкальского, Краснодарского, Приморского и Хабаровского краев в 2018-2022 гг.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	$\overline{\text{Tp}}_{\text{пр}},$ 14 инд.	$\overline{\text{Tp}}_{\text{пр}},$ 12 инд.
Магаданская область	0,9865	1,0007	1	0,9865	0,9818	1	0,9986	1	1,1586	1,1798	0,9644	0,9629	1,6529	1	1,0549	1,0652
Ярославская область	0,9866	0,9980	1	0,9866	0,9896	1	1,0146	1	1,0911	1,1097	0,9796	0,9820	0,8756	0,9741	0,9976	
Забайкальский край	0,9861	1,0048	1	0,9861	0,9850	1	1,0041	1	1,2648	1,2948	0,9863	0,9881	1,10202	1,1064	1,0498	
Краснодарский край	1,0038	1,0065	1	1,0038	1,0171	1,0057	1,0040	1	1,1026	1,0898	1,0229	1,0253	1,0623	0,9802	1,0243	
Приморский край	0,9882	1,0017	1	0,9882	0,9851	1	1,0098	0,9927	1,3140	1,3321	1,0026	1,0045	1,1030	1,1675	1,0623	
Хабаровский край	0,9917	1,0016	1	0,9917	0,9893	1	1,0100	1,0006	1,2259	1,2373	0,9844	0,9844	0,9161	1,0015	1,0221	

Примечания: 1 – численности населения; 2 – доли городского населения; 3 – площади территории; 4 – плотности населения; 5 – численности занятых; 6 – плотности железнодорожных путей; 7 – плотности автомобильных дорог; 8 – протяженности внутренних водных путей; 9 – индекса физического объема инвестиций в основной капитал; 10 – инвестиций в основной капитал на душу населения; 11 – среднего темпа роста индекса физического объема ВРП; 12 – среднего темпа роста индекса физического объема ВРП на душу населения; 13 – перевозок грузов автомобильным транспортом организаций всех видов деятельности; 14 – отправления грузов железнодорожным транспортом общего пользования.

Данные для расчета средних темпов роста взяты из Приложения Б.